

ЖУРНАЛ ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

СИБИРЬ

379/2 2.2020

Литературно-художественный и культурно-просветительский
журнал писателей Восточной Сибири

Учредитель — Иркутское региональное отделение
Общероссийской общественной организации
«Союз писателей России»

Журнал выходит при финансовой помощи
Министерства культуры и архивов Иркутской области
Основан в 1930 году. Выходит 6 раз в год

Содержание

Слово

Выступление И.В. Сталина по поводу окончания Великой Отечественной войны. 9 мая 1945 г.	3
Выступление И.В. Сталина на приеме в Кремле в честь командующих войсками Красной Армии. 24 мая 1945 г.	5

Хрестоматия

115 лет со дня рождения Леонид Мартынов. Возвращались солдаты с войны. Стихи	6
100 лет со дня рождения Федор Абрамов. В сентябре 1941 года. Рассказ	10
95 лет со дня рождения Евгений Носов. Красное вино Победы. Рассказ	16

Поэзия

Иркутские поэты-фронтовики о Великой Отечественной войне:	
В. Алексеев, Ю. Левитанский, И. Луговской, И. Молчанов-Сибирский, Л. Огневский, А. Ольхон, К. Седых, М. Сергеев, Д. Цветков	36
Послевоенные иркутские поэты о Великой Отечественной войне:	
Ю. Аксаментов, Б. Архипкин, Е. Варламов, Г. Гайда, А. Горбунов, В. Забелло, В. Козлов, И. Козлов, А. Никифоров, В. Скиф, А. Сокольников, Т. Суровцева, Л. Сухаревская, М. Трофимов, В. Уруков	68
К 75-летию со дня рождения	
Георгий Кольцов. У могилы неизвестного солдата	96
К 85-летию русского поэта	
Василий Казанцев. Пора счастливая была	115

Проза

Валентин Распутин. Имена. Рассказ	65
Алексей Зверев. Свеча. Рассказ из повествования «Раны»	91
Дмитрий Сергеев. Через войну. Рассказ из воспоминаний	108
Михаил Просекин. Горячий пепел. Рассказ из повествования	120

Сквозьжизнь истории

Александр Голованов, маршал авиации. О наших полководцах	126
Владимир Бушин. Навет на Великую Победу.	
<i>Акция «Вторая мировая» и «правдюки» о войне</i>	135
Сергей Алексеев. Георгий Константинович Жуков	158
Александр Голованов, журналист. Сибиряки в битве под Москвой и в Сталинграде....	166
Борис Костин, Александр Маргелов. Подвиг генерала Маргелова	190
Иркутская хроника военных лет. Составитель В. Ходий	193

Публицистика

Русский народ в Победе над фашизмом.	
<i>Суждения западных правителей и политиков</i>	203
Вадим, митрополит Ярославский и Ростовский. Сердцевина русской Победы	207
Елена Чубенко. Дети войны и вдовы. <i>Рассказ-быль</i>	213
Андрей Медведев. Если бы мне пришлось выступать в Бундестаге... ..	216

Критика

<i>85-летие поэта В.И. Казанцева</i>	
Геннадий Иванов. Поэт радости Василий Казанцев	218
<i>К 75-летию со дня рождения поэта Георгия Кольцова</i>	
Владимир Скиф. Рожденный в сорок пятом, «я вернусь когда-нибудь домой...»	224
Валентина Иванова. Глазами птицы.	
<i>О книге Юрия Баранова «Над островами дней»</i>	228
Максим Орлов. Подвижники. <i>О жене и дочери Леонида Мартынова</i>	232

Радоница

Василий Козлов. Иркутские писатели-фронтовики	235
Георгий Баль. Мне о войне рассказывал отец	249

Вернисаж

Анна Потапова. Священная война. <i>Произведения живописи периода Великой</i>	
<i>Отечественной войны в собрании Иркутского областного художественного музея</i>	
<i>имени В.П. Сукачева</i>	259

Сумочка к рюкзку

Степан Правдурубский. В мозгу услышав чей-то глас... ..	264
Владимир Скиф. На четырех ногах дубленка	265

События

Главный редактор **А.Г. БАЙБОРОДИН**

Директор редакции **Ю.И. БАРАНОВ**

Заведующий отделом поэзии **В.П. СКИФ**

Заведующий отделом прозы, ответственный секретарь **С.В. ЗУБАКОВА**

СОВЕТ ЖУРНАЛА

Г.В. Аксаментов, А.А. Антипин, А.С. Гурулёв, В.К. Забелло, В.В. Козлов,
И.И. Козлов, А.К. Лаптев, М.П. Попова, Л.А. Сулейманова, В.Н. Хайрюзов

Редакция знакомится с письмами читателей, не вступая в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются, кроме особо оговоренных случаев. Редакция оставляет за собой право принятые к печати рукописи редактировать и корректировать. Произведения более пяти авторских листов к рассмотрению не принимаются. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с мнением редакции.

Оформление обложки Г.Г. Гордиевских. Комп. верстка А.Л. Гордиевских. Корректор Н.О. Шильникова.

**Журнал зарегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций по Иркутской области.**

Свидетельство о регистрации СМИ от 13.12.2012 г. ПИ № ТУ38-00600

Адрес редакции: 664025, г. Иркутск, ул. Степана Разина, 40. Адрес учредителя: 664025, г. Иркутск, ул. Степана Разина, 40.

Телефон редакции: 8-914-92-75-720. Электронный адрес редакции: sve-t-lana@mail.ru

Подписано в печать 04.04.2020 г. Выход в свет: 18.04.2020 г. Формат 70х108/16.

Усл-печ. л. 21. Тираж 1300. Цена свободная.

Издательство: ИП Лаптев А.К. Адрес: 664047, ул. Трудовая, 55-51. Тел. 8 (3952) 23-38-45.

Отпечатано в типографии: ООО «Репроцентр+», г. Иркутск, ул. Сергеева, 3/1. Тел. 8 (3952) 540-940.

Р/сч. № 40702810818350032559 к/с 30101810900000000607 Банк получателя Байкальский банк ПАО Сбербанк

БИК 042520607 ИНН/ КПП 3827061245/382701001

Выступление И.В. Сталина по поводу окончания Великой Отечественной войны. 9 мая 1945 г.

Товарищи! Соотечественники и соотечественницы!

Наступил великий день победы над Германией. Фашистская Германия, поставленная на колени Красной Армией и войсками наших союзников, признала себя побеждённой и объявила безоговорочную капитуляцию.

7 мая был подписан в городе Реймсе предварительный протокол капитуляции. 8 мая представители немецкого главнокомандования в присутствии представителей Верховного Командования союзных войск и Верховного Главнокомандования советских войск подписали в Берлине окончательный акт капитуляции, исполнение которого началось с 24 часов 8 мая.

Зная волчью повадку немецких захватчиков, считающих договоры и соглашения пустой бумажкой, мы не имеем основания верить им на слово. Однако сегодня с утра

немецкие войска во исполнение акта капитуляции стали в массовом порядке складывать оружие и сдаваться в плен нашим войскам. Это уже не пустая бумажка. Это — действительная капитуляция вооружённых сил Германии. Правда, одна группа немецких войск в районе Чехословакии всё ещё уклоняется от капитуляции. Но я надеюсь, что Красной Армии удастся привести её в чувство.

Теперь мы можем с полным основанием заявить, что наступил исторический день окончательного разгрома Германии, день великой победы нашего народа над германским империализмом.

Великие жертвы, принесённые нами во имя свободы и независимости нашей Родины, неисчислимые лишения и страдания, пережитые нашим народом в ходе войны, напряжённый труд в тылу и на фронте, отданный на алтарь отечества, — не прошли даром и увенчались полной победой над врагом. Вековая борьба славянских народов за своё существование и свою независимость окончилась победой над немецкими захватчиками и немецкой тиранией.

Отныне над Европой будет развеиваться великое знамя свободы народов и мира между народами.

Три года назад Гитлер всенародно заявил, что в его задачи входит расчленение Советского Союза и отрыв от него Кавказа, Украины, Белоруссии, Прибалтики и других областей. Он прямо заявил: «Мы уничтожим Россию, чтобы она больше никогда не смогла подняться». Это было три года назад. Но сумасбродным идеям Гитлера не суждено было сбыться, — ход войны развеял их в прах. На деле получилось нечто прямо противоположное тому, о чём бредили гитлеровцы. Германия разбита наголову. Германские войска капитулируют. Советский Союз торжествует победу, хотя он и не собирается ни расчленять, ни уничтожать Германию.

Товарищи! Великая Отечественная война завершилась нашей полной победой. Период войны в Европе кончился. Начался период мирного развития.

С победой вас, мои дорогие соотечественники и соотечественницы!

СЛАВА НАШЕЙ ГЕРОИЧЕСКОЙ КРАСНОЙ АРМИИ, ОТСТОЯВШЕЙ НЕЗАВИСИМОСТЬ НАШЕЙ РОДИНЫ И ЗАВОЕВАВШЕЙ ПОБЕДУ НАД ВРАГОМ!

СЛАВА НАШЕМУ ВЕЛИКОМУ НАРОДУ, НАРОДУ-ПОБЕДИТЕЛЮ!

ВЕЧНАЯ СЛАВА ГЕРОЯМ, ПАВШИМ В БОЯХ С ВРАГОМ И ОТДАВШИМ СВОЮ ЖИЗНЬ ЗА СВОБОДУ И СЧАСТЬЕ НАШЕГО НАРОДА!

Выступление И.В. Сталина на приеме в Кремле в честь командующих войсками Красной Армии. 24 мая 1945 г.

«Товарищи, разрешите мне поднять еще один, последний тост.

Я хотел бы поднять тост за здоровье нашего Советского народа и, прежде всего, русского народа (Бурные продолжительные аплодисменты, крики „ура“).

Я пью, прежде всего, за здоровье русского народа потому, что он является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза.

Я поднимаю тост за здоровье русского народа потому, что он заслужил в этой войне общее признание, как руководящей силы Советского Союза среди всех народов нашей страны.

Я поднимаю тост за здоровье русского народа не только потому, что он — руководящий народ, но и потому, что у него имеется ясный ум, стойкий характер и терпение.

У нашего правительства было немало ошибок, были у нас моменты отчаянного положения в 1941-1942 годах, когда наша армия отступала, покидала родные нам села и города Украины, Белоруссии, Молдавии, Ленинградской области, Прибалтики, Карело-Финской республики, покидала, потому что не было другого выхода. Иной народ мог бы сказать Правительству: вы не оправдали наших ожиданий, уходите прочь, мы поставим другое правительство, которое заключит мир с Германией и обеспечит нам покой. Но русский народ не пошел на это, ибо он верил в правильность политики своего Правительства и пошел на жертвы, чтобы обеспечить разгром Германии. И это доверие русского народа Советскому правительству оказалась той решающей силой, которая обеспечила историческую победу над врагом человечества, — над фашизмом.

Спасибо ему, русскому народу, за это доверие!

За здоровье русского народа! (Бурные, долго не смолкающие аплодисменты)».

Эресто.матия

115 лет со дня рождения

ЛЕОНИД МАРТЫНОВ

Возвращались солдаты с войны

Стихи

МАРТЫНОВ Леонид Николаевич родился 9 (22) мая 1905 года в Омске в семье гидротехника путей сообщения Николая Ивановича Мартынова и дочери военного инженера-кантониста, учительницы Марии Григорьевны Збарской. Дебютировал в печати в 1921 году заметками в омских газетах «Сигнал», «Гудок», «Рабочий путь». Первые стихотворения были напечатаны в сборнике «Футуристы», изданном в походной типографии агитпарохода «III Интернационал». Входил в футуристическую литературно-художественную группу «Червонная тройка» (1921–1922), куда входили также В. Уфимцев, В.Я. Шебалин и Н.А. Мамонтов. Став в 1924 году разъездным корреспондентом газеты «Советская Сибирь» (Новониколаевск), Мартынов объездил всю Западную Сибирь и Казахстан. Участвовал в геологических экспедициях. В 1927 году редактор «Звезды» Н.С. Тихонов напечатал стихотворение «Корреспондент» — первая публикация за пределами Сибири. В 1930 году в Москве вышла первая книга Мартынова — очерки о Прииртышье, Алтае и Казахстане «Грубый корм, или Осеннее путешествие по Иртышу» (Москва, «Федерация», 1930). В 1932 году сдал в редакцию «Молодой гвардии» книгу «новелл о любви и ненависти в годы начала социалистической перестройки», которую так и не напечатали и которая считается ныне пропавшей. В 1932 году был арестован по обвинению в контрреволюционной пропаганде и осуждён по делу так называемой «Сибирской бригады» по статье 58/10 УК РСФСР к высылке на три года в Северный край. (Реабилитирован прокуратурой СССР 17 апреля 1989 года посмертно). Административную ссылку провёл в Вологде, где жил с 1932 по 1935 год. Работал в местной газете «Красный Север», где и встретился с будущей женой, Ниной Поповой. После ссылки они вдвоём вернулись в Омск.

В 1939 году к Мартынову пришла литературная известность: вышла книга «Стихи и поэмы» (Омск, 1939). Поэмы с исторической сибирской тематикой заметил и оценил К.М. Симонов в рецензии «Три поэмы» («Литературная газета», июль 1939). На следующий год вышли исторический очерк об Омске «Крепость на Оми» и книги «Поэмы» (вышли одновременно в Москве и Омске).

В 1942 году благодаря хлопотам писателя А. Калинин был принят в СП СССР. В 1943 году К.М. Симонов предложил своё место фронтового корреспондента в «Красной Звезде». Мартынов вернулся в Омск «за вещами», но был тут же призван в армию, в Омское пехотное училище. По состоянию здоровья был освобождён от военной службы, и служил как литератор — писал историю училища.

Сборник «Лукоморье», «зарезанный» А.А. Фадеевым, усилиями нового председателя Союза писателей СССР Н.С. Тихонова вышел в 1945 году. В феврале 1946 года Л.Н. Мартынов переехал в Москву. В декабре 1946 года в «Литературной газете» вышла разгромная статья В.М. Инбер о книге стихов «Эрцинский лес» (Омск, 1946). После резкой критики и «проработки» в Москве, Омске и Новосибирске тираж книги был уничтожен, и доступ к печати закрылся на девять лет. Всё это время поэт писал «в стол» и зарабатывал переводами. За переводческую деятельность награждён правительством Венгрии орденами «Серебряный Крест» (1949), «Золотая Звезда» (1964) и «Серебряная Звезда» (1970).

Первая книга после вынужденного простоя вышла в 1955 году — книга «Стихи» была «первым поэтическим бестселлером» после войны, сразу стала редкостью; в 1957 году она была переиздана. После этого Мартынова стали печатать так часто, что Ахматова по этому поводу с неудовольствием заметила, что «поэту вредно часто печататься».

В августе 1979 года умерла жена Нина, а 21 июня 1980 года — и сам поэт. Похоронен в Москве на Востряковском кладбище (участок 19). Незадолго до смерти заключил брак с Галиной Алексеевной Суховой (3 апреля 1925, Москва — 22 января 2016, Москва). Г.А. Сухова-Мартынова посвятила себя работе с архивами поэта и изданию новых книг, и до последнего дня занималась архивом мужа.

Народ-победитель

Возвращались солдаты с войны.
По железным дорогам страны
День и ночь поезда их везли.
Гимнастерки их были в пыли
И от пота еще солонны
В эти дни бесконечной весны.

Возвращались солдаты с войны.
И прошли по Москве, точно сны,—
Были жарки они и хмельны,
Были парки цветами полны.
В Зоопарке трубили слоны,—
Возвращались солдаты с войны!

Возвращались домой старики
И совсем молодые отцы —
Москвичи, ленинградцы, донцы...
Возвращались сибиряки!

Возвращались сибиряки —
И охотники, и рыбаки,
И водители сложных машин,
И властители мирных долин,—
Возвращался народ-исполин...

1945

Летописец

Где книги наши?

Я отвечу:

— Они во мгле библиотек.

Но с тихой вкрадчивою речью

Подходит этот человек:

— Идемте!

— А куда зовете? Вы кто?

— Я сельский букинист.

Я дам вам книгу в переплете

Из серебра, где каждый лист

То ал, то бел, то желт, то розов,

То дымчат, как полдневный зной,

То ледянист, как от морозов...

Идемте! Следуйте за мной!

— Но почему в пустую ригу

Меня вы молча завели?

— Терпенье! Золотую книгу

Я выдам вам из-под земли!

Какие-то берет он колья,

Какой-то шест, вернее — цеп,

И отмыкает вход в подполье,

Напоминающее склеп.

Здесь веники, и расстегай,

И душегреи, и пимы,

Но вот и статуя нагая

Выглядывает из тьмы.

— Вот, разбирайтесь!..—

Тишь, прохлада.

Со щами кислыми ушат...

О да! Здесь нечто вроде склада,

И в этом складе — прямо клад!

Да, это мудрость! Но источник

Сей мудрости необъясним:

Я вижу — Даниил Заточник

И Ванька-ключник рядом с ним...
Здесь книги есть для разных вкусов
На полке этой и на той:
Для коневодов — князь Урусов,
Для сердцеведов — граф Толстой.
Волюмы, рукописи, свитки...
Чего-чего тут только нет!
Через оконце жидкий, жидкий,
Трепещущий ложится свет.
Но вот та книга в переплете,
Он о которой говорил.
Действительно, вся в позолоте,
В пыльце, как с бабочкиных крыл.
Читать я начинаю тотчас,
С рисунков не спуская глаз,
Внимательно, сосредоточась...
Прошли минуты или час?
Нет! Дни огромней, чем комбайны,

Плывут оттуда, издали,
Где открывается бескрайный
Простор родной моей земли,
Где полдни азиатски жарки,
Полыни шелест прян и сух,
А на лугах, в цвету боярки,
Поярки пляшут и доярки,
Когда в дуду дудит пастух.
— Вы продаете эту книгу? —
Я говорю...

Но где же он?
Его уж нет.
Пустую ригу
Я обхожу со всех сторон.
На дворике светло и чисто.
Порхают бабочки в саду...
Вы не встречали букиниста?
Я где теперь его найду?!

* * *

Одни стихи
Приходят за другими,
И кажется,
Одни других не хуже:
Иные появляются нагими.
Другие — сразу же во всеоружье...
Одни стихи — высокие, как тополь,—
Внушают сразу мысль об исполинах,
Другие — осыпаются, как опаль,
Сорвавшаяся с веток тополиных.
Одни стихи — как будто лось с рогами, —
Ах, удалось! — встают во всем величье,
Другие зашуршали под ногами
Охотника, вспугнувшего добычу.
И хорошо:
Лось жив-здоров, пасется,
И ничего дурного не стряется!

Земля

Одно
Волнение
Уляжется —
Другое сразу же готовится,
А мир еще прекрасней кажется;
Еще желаннее становится

Земля,
Укатанная гладкими
Посадочными площадками,
Увешанная виадуками,
Источенная водостоками,
Набитая золой и туками,
Насквозь пронизанная токами...
А там, вдали,—
Вчера пустынная,
Земля целинная, былинная,
Забытая и вновь открытая,
Степными ливнями омытая,
Нигде как будто не кончается...
Над ней
Заря с зарей встречается.
Вот этим месяц май и славится
И соловьями славословится.
Земля, великая красавица,
Еще прекраснее становится!

Костёр

Чего только не копится
В карманах пиджака
За целые века...
А лето, печь не топится...
Бедя не велика,
Бедя не велика.
И я за Перепелкино,
Туда за Перепалкино,
За Елкино, за Палкино,
За Колкино-Иголкино
Помчусь в сосновый бор
И разведу костер.
И выверну карманы я,
И выброшу в костер,
Все бречное, обманное —
Обрывки, клочья, сор.
И сам тут ринусь в пламень я,
Но смерти не хочу,
А попросту ногами я
Весь пепел растопчу.
Пусть вьется он и кружится,
Пока не сгинет с глаз.
Вот только б удосужиться,
Собратся как-то раз.

ФЕДОР АБРАМОВ

В сентябре 1941 года

РАССКАЗ

Разговор зашел о войне... Моего приятеля попросили рассказать историю его ранения...

— Руку я потерял совсем глупо. Под действием нелепого, минутного филантропизма. Меня беспрестанно мучит это ребячество, этот глупейший романтический поступок. Если бы еще знать, что та, ради кого я это сделал, была жива! Но ужасно, что я ничего о ней не знаю. Впрочем, вступления излишни. Одно скажу: руку свою я не положил на алтарь нашей победы.

Это было в сентябре 1941 года под Ленинградом. Я тогда командовал взводом. Бойцы у меня были ленинградские студенты. Дрались яростно и смело. В последних числах сентября наш полк был разбит. Помню последний день: бой шел в районе одной реки. Мы уже несколько дней держали оборону. Зеленые цепи немцев, как лава, беспрерывно набегали на нас. 14 атак в день! Все кругом заволокло дымом. Сзади нас горели деревни и леса. Посмотришь туда — стая рыжих зверей

АБРАМОВ Фёдор Александрович (1920–1983), писатель. Родился 29 февраля 1920 г. в деревне Веркола Архангельской области в многодетной крестьянской семье. В 1938 г., окончив сельскую школу, поступил на филологический факультет Ленинградского государственного университета. Когда началась Великая Отечественная война, ушёл в народное ополчение, участвовал в обороне Ленинграда, был несколько раз ранен. Только в 1948 г. окончил ЛГУ, а в 1951 г. защитил кандидатскую диссертацию. В 1958 г. в журнале «Нева» был опубликован роман Абрамова «*Братья и сестры*» — первая часть трилогии «*Пряслины*». Писатель подтвердил в нём свою верность принципу: говорить только «правду — прямую и нелицеприятную». В 1968 г. он написал второй роман — «*Две зимы и три лета*», а в 1973 г. закончил третий — «*Пути-перепутья*». В 1975 г. за трилогию «*Пряслины*» автору была присуждена Государственная премия СССР. Абрамов показал тот путь, который прошла русская деревня начиная с тяжёлых военных лет. В 1975 г. вышел роман «*Дом*», где прослеживаются дальнейшие судьбы героев. После смерти писателя (14 мая 1983 г. в Москве) были изданы сборники публицистики «*Чем живём-кормимся*» (1986 г.), «*Слово в ядерный век*», «*О хлебе насущном и хлебе духовном*» (оба 1987 г.), опубликованы «*Три рассказа*», «*Житие Максима*» (1993–1994 гг.). Проза Абрамова проникнута верой в силу крестьянства, способного преодолеть все трудности.

рыщет и несется на нас. Солнце от дыма и пыли, казалось, истекало кровью. Мы, как кроты, зарылись в берег реки, мы приросли к земле. Уже два дня у нас не было связи с тылом. Патроны и снаряды кончались. Люди не ели двое суток. Но как только пьяная немецкая сволочь бросалась на нас, мы расстреливали ее у самых окопов, бросались в штыки и опрокидывали. Это был суший ад...

Самое ужасное — у нас выходили припасы. Был отдан приказ стрелять только с двухсот метров. Работало только три пушки. Остальные молчали. От полка к тому времени осталось человек двести. Остальные пали в этом страшном по напряжению бою.

Они валялись тут же, между нами, искалеченные, грязные, обожженные. Особенно были страшны их лица: распухшие, синие, желтые, с ледяным оскалом мертвого рта!

Смерть товарищей ожесточила нас. Мы решили погибнуть все до единого, но не отступать. А собственно, отступать и некуда было. В два часа дня разведка донесла, что путь к отступлению отрезан.

Замолкла еще одна пушка. К концу дня осталось человек двадцать. Часов в пять меня вызвал комиссар полка. Это был длинный худой человек. Еще недавно живое его лицо, когда он рассказывал студентам о золотом веке Рима, сейчас было каменным. Он стоял в окопе с непокрытой головой. Я впервые заметил, что она у него совсем белая. Он смерил меня твердым взглядом и сказал:

— Через несколько часов нас не будет. Вы должны прорваться через окружение и передать эту записку в штаб дивизии...

Я пытался возражать. Мне было мучительно больно оставлять своих товарищей. Я был недоволен выбором комиссара. Но он с несвойственной ему суровостью сказал:

— Идите, не теряйте времени. — И когда я пошел, он добавил: — Если останетесь живы, расскажите о нас.

Больше я его не видал.

Меня сковала какая-то болезненная слабость. Ноги подкашивались. Хотя я не скажу, чтобы я тогда трусил. Нет! Просто меня охватывал ужас при мысли о том, что я должен навсегда расстаться с людьми, которые были для меня роднее родного брата, к которым я прирос душой и телом. Страшно было подумать, что через час, а может быть, меньше, падут последние товарищи, что над их телами будет глумиться каннибальская орда немцев. Я видел, что сопротивление наше слабеет. Оставшиеся в живых десятка два бойцов, оглохшие и ослепшие от боя, озверевшие от кровавого чада, делали отчаянные усилия, чтобы отбить наседавших немцев. Почти все они были ранены, кто в руку, кто в ногу, и в промежутках от стрельбы, захлестнутые болью, корчились и как-то глухо, словно из земли, стонали, скрежетали зубами и отплеывались. Никто не говорил, ибо это было бы расточительством сил. Приговоренные к смерти, они дорого решили отдать свою жизнь. Это зловещее, предсмертное молчание людей в адском грохоте боя — страшная моральная пытка.

С минуту я колебался. Сердце подсказывало — не уходи! Приказ требовал — иди! Приказ взял верх. Я боялся своим неповиновением, хотя вполне понятным, вызвать гнев комиссара.

Я не мог заставить себя проститься с товарищами. Я боялся их глаз. В них, вероятно, плескалась смерть. Они бы пригвоздили меня, я не смог бы вопреки всем доводам рассудка покинуть этих родных смертников. Я засунул за пазуху

пару гранат, заткнул за голенище штык от самозарядки и, не оглядываясь, пополз к реке. Вдавливая тело в землю, подтягиваясь на руках, перебегая от воронки к воронке, я дополз до реки. Пот заливал меня, грязь, как панцирь, облепила мое тело. От грохота я совершенно оглох, от огня ослеп. Я вплавь перебрался через реку. Когда вышел на противоположный берег, немцы, вероятно, заметили меня, потому что мины и снаряды буквально изрыли и иссекли все вокруг меня. Мне пришлось залечь в кусты и выжидать. Стало темно. Когда я так лежал, мне слышалось, что там, где мои товарищи дрались, два-три голоса запели «Интернационал». Потом я, кажется, слышал крик комиссара: «Ура!» Потом уже ничего нельзя было слышать. Все потонуло в вое и грохоте.

Я снова пополз вперед. Стало совсем темно. Бой сзади затихал. Видимо, последние из наших пали. Не знаю, долго ли я так полз. Своим ориентиром я избрал горящую деревню, которая была от меня в километрах трех-пяти. Это было зловещее зрелище: в кромешной темноте целое море огня. В воздухе летали горящие бревна. По-видимому, ее подожгли немцы, и бой сейчас шел за нее. Я решил обратиться туда в надежде найти штаб дивизии. Не знаю, долго ли я полз. Когда стемнело, я встал и пошел во весь рост. Нервная нагрузка была столь велика, что я еще не вполне давал отчет в происшедшем. Голодный, измученный, будто выплунутый из пасти самого сатаны, я шел, как лунатик. Отчаянное безразличие овладело мною. Путь мой был невероятно опасен. Каждую секунду я мог взлететь на воздух. Потому что мины там были зарыты всюду. Но я тогда об этом не думал. Одна мысль сверлила меня: «Идти, идти... Только вперед».

Когда я переваливал через один холмик, мне послышалось, будто в стороне от меня кто-то стонет. Я остановился. Да, это был стон — слабый, почти детский, приглушенный. «Наверно, раненый», — подумал я и, вынув гранату из-за пазухи, осторожно пополз на стон. Я не ошибся. Когда я был метрах в пяти от раненого, где-то в стороне вспыхнула ракета, и я увидел маленького человека в красноармейской форме. Он лежал навзничь, как распятый, без сознания. Это была девушка, маленькая, тоненькая. В темноте нельзя было разглядеть лица. Рядом с ней валялась санитарная сумка. Значит, она — сестра. Я отыскал ее руку и стал искать пульс. Рука была маленькая, теплая. Она просто таяла в моих руках. Под моими пальцами слабо забились жилки.

Я нашел ранение. Левый рукав разбух от крови. В санитарной сумке не было ни одного бинта. Что делать? Я растянул ремень, сбросил с себя фуфайку и кинжалом вырезал весь перед своей нательной рубашки, потом разрезал рукав ее гимнастерки и кое-как перевязал ее руку. Она все слабо стонала. Но рана была небольшая. Вероятно, ее ранило осколком мины и контузило разрывной волной.

Положение мое было трудное. Я не мог бросить раненую сестру, но и не знал, что с ней делать. Нести ее на себе? Но куда? А вдруг я попаду в лапы к немцам? Что тогда будет с ней? Но оставлять тоже нельзя. В конце концов я взвалил ее на себя и пошел вперед. Удивительное дело — идти мне стало легче, как это ни парадоксально. Не знаю, сколько нес ее — может, километр, может, два.

Горящая деревня впереди стала вырисовываться четче. Там было светло как днем. На улицах можно было различить маленькие фигурки бегущих людей. В общем хаосе воя и грохота я выделил звуки нашего и немецкого пулеметов. Значит, там дрались наши. Я уже стал было размышлять о том, с какой стороны деревни наши, с какой немцы, как вдруг почувствовал, что шагнул в пустоту, и в ту же секунду свалился в какую-то яму. Я упал очень больно. Но боль во мне за-

глушил тяжелый стон девушки. Я ее придавил. Когда я встал и поднял на руки девушку, я увидел, что яма была окопом. Внезапно начался бурный дождь. Дальше идти вдвоем было опасно. Можно было попасть к немцам. Моментально возникло решение: найти землянку, которая непременно должна быть возле всякого окопа, оставить девушку, а самому разведать путь и еще затемно возвратиться сюда, чтобы вынести девушку.

Не теряя ни минуты, по-прежнему с девушкой на руках я стал исследовать окоп. Окоп оказался длиной метров в пятьдесят, и в конце его, как я и рассчитывал, была землянка. Я ощупью открыл двери и почти ползком влез в нее. Землянка была пустая. Это была обыкновенная фронтовая, наспех вырытая землянка, вероятно, двумя приятелями. Потолок лежал совсем низко, так что нельзя было распрямиться. Но было довольно сухо. Осторожно и бережно я положил девушку на пол, потом скинул фуфайку и подостлал под нее. Хотя девушка была маленькая и легкая, хотя я почти все время шел во весь рост, но усталость и напряжение последней недели взяли свое. Я, как пьяный, свалился и тут же почувствовал, что смертельно устал.

Несколько минут я лежал как мертвец, не имея сил ни подняться, ни о чем-либо думать. Потом страшным усилием воли я возвратил себя к действительности. Надо было идти, разыскивать наших. Девушка тихо стонала. Мысль о том, что с нею может что-нибудь случиться без меня, парализовала мое решение.

Стояла все та же сплошная темень, как-то уродливо просачивались к нам звуки боя. Глухо донеслось русское «ура» — значит, наши пошли в атаку. Нет, надо идти. Девушке нужна помощь. В то же время ужас охватывал меня при мысли, что она останется здесь одна.

Но я отодрал себя от этих мыслей и почти голый по пояс, в одной разорванной рубашке, пополз к выходу. Я умышленно не прощался с нею, так как боялся поддаться слабодушию. За несколько часов она стала для меня невероятно дорогой, близкой. Но только я стал отворять дверцы, как раздался оглушительный треск, земля заходила подо мной. Глаза ослепило огнем, и меня швырнуло назад. Я потерял сознание. Я не знаю и сейчас точно, что тогда случилось. Но думаю, что немцы, смяв остатки нашего батальона и продолжая двигаться, для верности расчищали путь себе артиллерией. Вероятно, один из снарядов разорвался около землянки, и меня отбросило волной.

Когда я пришел в себя, первым делом пополз к девушке. Она не стонала. Мне до тошноты стало страшно: вдруг она умерла? Но она была жива и все еще без сознания. Я ощупал руку. Кровь больше не сочилась. Стало немного легче. Еще не понимая, что случилось, я добрался до дверцы и нажал на нее. Она не поддавалась. Я навалился изо всех сил, но тщетно — она будто вмерзла. Тогда я стал в нее бить ногами — бесполезно. Тут страшная догадка просверлила мой мозг: нас засыпало. Вероятно, где-то совсем рядом разорвался снаряд, захлестнуло дверцу и засыпало землей. Понемногу я стал понимать наше положение. Мы замурованы в могиле и рано ли, поздно ли задохнемся от недостатка воздуха. Землянка была вырыта в стенке окопа, и только маленькая дверца соединяла ее с внешним миром.

Но не умирать же этой нелепой смертью. Мой мозг стал лихорадочно работать, и я нашел выход. Хотя я не знал, как была толста дверца землянки и как толст пласт земли, заваливший ее, я решил прорубить в дверце дыру и прорыть нору наружу. Чтобы чувствовать себя свободней, сбросил сапоги и ключья рубахи и немедленно приступил к делу. Но при первых же ударах кинжала убедился, что это

бесполезная работа. Надо, по меньшей мере, рубить топором, чтобы реализовать мое бредовое решение. К тому же брало сомнение: а что если за дверцей набило несколько метров сплошной земли? Тогда бесполезны все усилия.

В то же время что-то внутреннее настойчиво обнадеживало иллюзиями и о тонкости дверцы, и о незначительности земляного слоя. А тут еще в углу раздался стон девушки. Она скрипела, как молоденькая березка в бурю. Потом мне почудился шепот. Я подполз к ней, нагнулся. Она бредила. Рот ее так и пылал жаром. Она звала какого-то Колю. Это больно ущипнуло меня за сердце, но только на мгновение. Потом какая-то мутная и теплая волна залила все внутри. Этот лепет раненой девушки смягчил мое отчаяние. Захотелось до боли, до слез, чтобы и мое имя слетало с чьих-нибудь губ. И все всплыло вдруг: и деревня, и синий платочек, и девичьи глаза, и все в этом роде. И безумная ненависть, иступленное бешенство овладело мною.

Клял ли я виновников этого кровавого ада, именуемого войной, — не помню. Наверно, да. Помню только, что болезненная слабость прошла, и я с остервенением принялся за работу. Сначала рубил и отковыривал дерево где попало, потом, ощупывая пальцами, стал вырезывать борозды. Мало-помалу мне удалось сосредоточиться на этом, казалось бы, безнадежном деле. С упорством маньяка я долбил и резал, долбил и резал, как крыса, въедался в дерево. Через некоторое время я мог нащупать небольшое углубление. Пот заливал глаза, ноги затекали, так как приходилось сидеть согнувшись, спина деревенела, руки немели. Не знаю, долго ли я так работал. Конечно, это был нечеловеческий труд. Руки были все изрезаны, искромсаны, ногти оборваны. Когда я отирал пот с лица, кровь с рук стекала в рот, меня тошнило. Мучительно хотелось пить. Внутри все жгло.

Ритм моей работы затихал, отчаяние снова брало меня. И вдруг кинжал ударился в песок. Дерево в одном месте проткнуто! Еще столько же усилий, и я прорублю наконец дыру, достаточную, чтобы пролезло мое тело. С новым ожесточением я начал рубить и кромсать дерево. Прошло, вероятно, много времени, когда я смог просунуть в дыру голову. Вдруг мне послышалось: «Воды, воды!» Это просила пить девушка. То, что она пришла в себя, меня бесконечно обрадовало. Но воды не было. Пока я был поглощен работой, я еще мог подавлять в себе жажду. Но теперь почувствовал, что и мне смертельно хочется пить.

Я добрался до нее. Видимо, она почувствовала мое присутствие и лихорадочно прошептала: «Я ничего не вижу. Я ослепла». «Да нет же, нет, — стал я успокаивать ее, — здесь просто темно...» После этого она снова впала в бред, но даже и в бреду не переставала просить воды. Ее муки, ее жажда заглушили во мне мои собственные боли. Впрочем, нет, каждый слабый крик ее — «воды» — впивался в меня ножом. Эта крошечная ночь, эта глухая земляная дыра спаяли нас намертво. Ее муки, ее страдания стали моими муками, моими страданиями.

Жара и удушье стали невыносимыми. Голова пылала. Казалось, кто-то невидимый сдавливал ее железными ручищами. Вот-вот лопнет. Это — следствие недостатка воздуха. Я снова принялся долбить дверцу. Но девушка не переставала просить пить. Внезапно у меня вспыхнула невероятно чудовищная мысль: взрезать руку и напоить ее кровью. Я не рассуждал тогда, принесет ли это пользу. Чем более я убеждал себя в нелепости этой затеи, отдающей дешевой романтикой, тем более хотелось ее сделать. И я сделал.

Снова приполз к ней, перевязал ремешком руку выше локтя, поднял над ее лицом, распорол ножом. Это был какой-то бред. Чтобы не зареветь от боли, я заткнул

рот тряпкой. И все же, когда нож впился в руку, я закорчился от боли. Тем не менее я был рад: из руки полилось жидкое (не важно, что кровь). Но раз жидкое — можно пить. Когда кровь упала в ее рот, она стала причмокивать, как грудной ребенок. А потом начала плевать, ее стало тошнить. Я понял, что мое самозаклание было излишним. Кое-как удалось остановить кровь, перевязать руку. Убитый неудачей, обессиленный, я снова принялся за работу.

В конце концов мне удалось вырубить необходимую дыру. Я выбивался из последних сил. Повязка съехала, руки и тело были в крови. Казалось, я плавал в крови. Скорее инстинктивно, чем сознательно, я стал прорывать нору в земле. Да, инстинктивно, ибо мысль о необходимости продолжать работу уже перестала быть мыслью, а стала инстинктивным стимулом.

Дышать становилось трудно, воздух выходил. Это была какая-то зловонная парильня, будто тебя варят в котле. От захлебывающегося стога и бреда девушки можно было сойти с ума. Работа осложнялась еще и тем, что отрываемый песок приходилось выгребать в землянку, на что уходил двойной труд. Я знал, что останавливаться нельзя, потому что это означало бы смерть. Остановившись, я уже не смог бы начать снова. Ужас голодной и подземельной смерти перегнал всю энергию тела в руки, и, хотя они совершенно онемели, я рыл и рыл.

Вдруг я услышал пальбу над головой. Значит, близко поверхность! Действительно, в ту же секунду на мою голову рухнула подкопанная земля, и я, как мешок, вывалился из дыры. Потом, когда ко мне вернулась способность соображать, мне послышалось, что кто-то говорит. После мучительного напряжения мой слух уловил чужие слова, немецкие.

Итак, окоп был занят немцами. Это было ужасно! То, что минуту назад казалось спасением, было нашей смертью. Последние минуты, проведенные мною в землянке, помню совсем смутно. Это открытие убило меня, только вспыхнувшая надежда на спасение была выжжена безысходным трагизмом положения. Но хлынувший сверху воздух, влажный, полевой, немного освежил меня. Тем не менее у меня начались галлюцинации. Кошмар, которому я так долго сопротивлялся, наконец вошел в силу.

Я не помню, что было далее. Вероятно, проблески сознания все же появлялись. Я ощутил себя ползущим по земле с ножом в зубах. Левая рука вышла из повиновения и волоклась, как плеть. Пал дождь. Окоп пылал от вспышек пулеметов. Наши атаковали его. Со всех сторон неслось мощное «ура». Тогда мне стало понятно, почему в зубах у меня нож. Наверно, в один из моментов прояснения я решил вылезть из норы и броситься с ножом на немцев. По крайней мере, это была почетная смерть.

А теперь, теперь в голове установилась удивительная четкость мысли, и невероятная слабость, сонливая, без боли, разлилась по всему телу. Медленно, как щенок, я полз по брустверу окопа к ближнему пулемету. Должно быть, это была интересная картинка: с одной рукой, голый по пояс, полубезумный человек ползет на пулемет.

Я уже был метрах в десяти, уже различал лица пулеметчиков, как что-то тяжелое хлопнуло по голове. Я потерял сознание. А очнулся в госпитале.

95 лет со дня рождения

ЕВГЕНИЙ НОСОВ

Красное вино Победы

РАССКАЗ

Весна сорок пятого застала нас в подмосковном городке Серпухове.

Наш эшелон, собранный из товарных теплушек, проплутав около недели по заснеженным пространствам России, наконец февральской вьюжной ночью нашел себе пристанище в серпуховском тупике. В последний раз вдоль состава пробежал морозный звон буферов, будто в поезде везли битую стеклянную посуду, эшелон замер, и стало слышно, как в дощатую стенку вагона сечет сухой снежной крупой. Вслед за нетерпеливым озябшим путевым свистком сразу же началась разгрузка. Нас выносили прямо в нижнем белье, накрыв сверху одеялами, складывали в грузовики, гулко хлопавшие на ветру промерзлым брезентом, и увозили куда-то по темным ночным улицам.

После сырых блиндажей, где от каждого вздрога земли сквозь наматы сыпался песок, хрустевший на зубах и в винтовочных затворах, после землисто-серого белья, которое мы, если выпадало затишье, проваривали в бочках из-под солярки,

НОСОВ Евгений Иванович (1925–2002) — русский и советский писатель. Родился 15 января 1925 г. в селе Толмачево под Курском. Шестнадцатилетним юношей пережил нацистскую оккупацию. После Курского сражения ушёл на фронт в артиллерийские войска. Участвовал в операции «Багратион», в боях на Рогачёвском плацдарме за Днпром. Воевал в Польше. В боях под Кёнигсбергом 8 февраля 1945 года был тяжело ранен, и День Победы встречал в госпитале в Серпухове, о чём позже написал рассказ *«Красное вино победы»*. После войны окончил Высшие литературные курсы (1962). В 1980-х годах был членом редакционной коллегии журналов «Роман-газета», «Наш современник», «Подъём». Был избран членом правления Союзов писателей СССР и России. Герой Социалистического Труда. Автор книг: *«Шумит луговая овсяница»* (1977), *«Усвятские шлемоносцы»* (1977), *«Травой не порастёт»...* (1985), *«В чистом поле»* (1990), *«Вечерние стога»* (2000) и др. Награжден двумя орденами Ленина, двумя орденами Отечественной войны II степени, двумя орденами Трудового Красного Знамени, орденом Красной Звезды, орденом «Знак Почёта», медалью «За отвагу», медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», лауреат Государственной премии РСФСР имени М. Горького (1975), премии журнала «Наш современник» (1975), премии «Литературной газеты» (1988) и др. Почётный гражданин Курска.

после слякотных дорог наступления и липкой хляби в непросыхающих сапогах, — после всего, что там было, эта госпитальная белизна и тишина показались нам чем-то неправдоподобным. Мы заново приучались есть из тарелок, держать в руках вилки, удивлялись забытому вкусу белого хлеба, привыкали к простыням и райской мягкости панцирных кроватей. Несмотря на раны, первое время мы испытывали какую-то разнеженную, умиротворенную невесомость.

Но шли дни, мы обвыклись, и постепенно вся эта лазаретная белизна и наша неподвижность начали угнетать, а под конец сделались невыносимыми. Два окна второго этажа, из которых нам, лежащим, были видны одни только макушки голых деревьев да временами белое мельтешение снега; двенадцать белых коек и шесть белых тумбочек; белые гипсы; белые бинты, белые халаты сестер и врачей, и этот белый, постоянно висевший над головой потолок, изученный до последней трещинки... Белое, белое, белое... Какое-то изнуряющее, цинготное состояние одолевало от этой белизны. И так изо дня в день: конец февраля, март, апрель...

Впрочем, гипсы, в которые мы были закованы всяк на свой манер, уже давно утратили свою белизну. Они замызгались, залоснились от долгой лежки, насквозь промокли от тлеющих под ними ран. Воздух в палате стоял густ и тяжел, и чтобы хоть как-то его уснастить, мы поливали гипсы одеколоном.

Медленно заживающие раны зудели, и это было нестерпимой пыткой, не дававшей покоя ни днем, ни ночью. Вопреки строгим запретам врачей, мы просверливали в гипсах дыры вокруг ран, чтобы добраться до тела карандашом или прутиком от веника. Когда ж в городе зацвела черемуха, и серпуховские ткачи и школьники начали приносить в палату обрызганные росой благоухающие букеты, они не знали, что по ночам мы безжалостно раздергиваем их цветы, чтобы выломать себе палочки, которые каждый запасал и тайно хранил под матрасом как драгоценный инструмент.

— Опять букет располовинили, — журила умывавшая нас по утрам старая госпитальная нянька тетя Зина. — Все мои веники потрепали, а теперь за цветы взялись. Ох ты, горюшко мое!

От этих каменных панцирей нельзя было избавиться до срока, и надо было терпеть и дожидаться своего часа, своей судьбы. Двоих из двенадцати унесли еще в марте...

С тех пор койки их пустовали.

В том, что на освободившиеся места не клали новеньких, чувствовалась близость конца войны. Конечно, там, на западе, кто-то и теперь еще падал, подкошенный пулей или осколком, и вглубь страны по-прежнему мчались лазаретные теплушки, но в наш госпиталь раненых больше не поступало. Их не привозили к нам, наверно, потому, что здание надо было привести в порядок и к сентябрю вернуть школьникам.

Мы были здесь последней волной, последним эшелоном перед ликвидацией госпиталя. И может быть, потому это была самая томительная военная весна. Томительная именно тем, что все — и медперсонал, и мы, раненые, — со дня на день, с часу на час ожидали близкой победы.

После того как пал Будапешт и была взята Вена, палатное радио не выключалось даже ночью.

Было видно, что теперь все кончится без нас.

В госпиталь мы попали сразу же после январского прорыва восточно-пруских укреплений. Нас подобрали в Мазурских болотах, промозглых от сырых ве-

тров и едких туманов близкой Балтики. То была уже земля врага. Мы прошли по ней совсем немного, по этой чужой, унылой местности с зарослями чахлого вереска на песчаных холмах. Нам не встретилось даже маломальского городишка. Между тем ходили слухи, будто на нашем направлении, среди этих мрачных болот, Гитлер устроил свою главную ставку — подземное бетонное логово. Это придавало особую значимость нашему наступлению и возбуждало боевой азарт. Но для меня, как, впрочем, и для всех лежащих в нашей палате, собранных из разных полков и дивизий, это наступление закончилось неожиданно и весьма прозаически: через какую-то неделю меня уже тащили в тыл на носилках...

Оперировали меня в сосновой рощице, куда долетала канонада близкого фронта. Роща была начинена повозками и грузовиками, беспрерывно подвозившими раненых. Наспех забинтованные солдаты — обросшие, осунувшиеся, в заляпанных распутицей шинелях и гимнастерках — ожидали под соснами врачебного осмотра и перевязок. В первую очередь пропускали тяжелораненых, сложенных у медсанбата на подстилках из соснового лапника.

Под пологом просторной палатки, с окнами и жестяной трубой над брезентовой крышей, стояли сдвинутые в один ряд столы, накрытые клеенками. Раздетые до нижнего белья раненые лежали поперек столов с интервалом железнодорожных шпал. Это была внутренняя очередь — непосредственно к хирургическому ножу. Сам же хирург — сухой, сутулый, с желтым морщинистым лицом и закатанными выше костлявых локтей рукавами халата — в окружении сестер орудовал за отдельным столом.

Я лежал на этом конвейере следом за каким-то солдатом, повернутым ко мне спиной. Подштанники спустили с него до колен, и мне виделся его костреч, обвязанный солдатским вафельным полотенцем, на котором с каждой минутой увеличивалось и расплывалось темное пятно.

Очередного раненого переносили на отдельный стол, лицо его накрывали толсто сложенной марлей, чем-то брызгали на нее, и по палате расплзался незнакомый вкрадчивый запах. Стол обступали сестры, что-то там придерживали, оттягивали, прижимали, подавали шприцы и инструменты. Среди толпы сестер горбилась высокая фигура хирурга, начинали мелькать его оголенные острые локти, слышались отрывисто-резкие слова каких-то его команд, которые нельзя было разобрать за шумом примуса, непрестанно кипятившего воду. Время от времени раздавался звонкий металлический шлепок: это хирург выбрасывал в цинковый тазик извлеченный осколок или пулю к подножию стола. А где-то за лазаретной рощей, прорываясь сквозь ватную глухоту сосновой хвои, грохотали разрывы, и стены палатки вздрагивали туго натянутым брезентом.

Наконец хирург выпрямлялся и, как-то мученически, неприязненно, красноватыми от бессонницы глазами взглянув на остальных, дожидавшихся своей очереди, отходил в угол мыть руки. Он шлепал соском рукомойника, и я видел, как острилась его узкая спина с завязками на халате и как устало обвисали плечи.

Пока он приводил руки в порядок, одна из сестер подхватывала и уносила таз, где среди красной каши из мокрых бинтов и ваты иногда пронзительно-восково, по-куриному желтела чья-то кисть, чья-то стопа...

Мы видели все это, с нами не играли в прятки, да и некогда было, и не было условий, чтобы щадить нас милосердием.

Обработанный солдат какие-то минуты еще остается в одиночестве на своем столе, но вот уже сестра подходит к нему, начинает тормозить, приговаривая:

— Солдат, а солдат... Солдат, а солдат...

Она произносила это с механической однотонностью, как, наверное, уже сотни раз прежде, и как будет скоро говорить мне, а после меня — тем, что длинной вереницей лежат за палаткой на сосновых лапах. И тем, которых еще только везут сюда, и многим другим, которые в этот час находятся к западу от сосновой рощи, еще целы и невредимы, но падут вечером или ночью, завтра, через неделю...

— Солдат, а солдат...

Оперированный не подает признаков жизни, и тогда сестра принимается шлепать ладонью по его небритым, запавшим щекам, чтобы он поскорее пришел в себя и уступил место другому. Если нет тяжелого шока, солдат постепенно очухивается, начинает крутить головой, и тотчас раздается нетерпеливый приказ хирурга:

— Унести!

Раненого подхватывают на носилки и уносят. Сестра поливает стол горячей водой из голубого домашнего чайника, другая вытирает тряпкой, тогда как старшая хирургическая сворачивает марлю для очередной наркозной маски.

— Следующий! — выкрикивает хирург и воздевает кверху обтертые спиртом длиннопалые ладони...

Тогда же в маленьком польском городке Млава, лежащем на пути в Данциг, нас погрузили в товарный порожняк, доставлявший к фронту то ли боеприпасы, то ли продовольствие. Состав был спешно переоборудован в санитарный поезд с тройными ярусами нар в каждом вагоне, железной печкой посередине и снарядным ящиком у захлопнутой левой двери, где хранились колотые дрова для растопки, а также миски на тридцать человек, пакеты бинтов и кое-какие медикаменты.

Медицинская прислуга ехала где-то отдельно, вагоны между собой не сообщались, и когда поезд трогался и часами тащился от станции к станции по временным одноколейным путям, только что уложенным на живую нитку вместо взорванных, мы, уже одетые в гипсовые вериги, оставались в теплушках одни, как говорят теперь, — на полном самообслуживании. Еду нам приносили на останках, и те, кто мог передвигаться, начинали делить похлебку и кашу. Они же поочередно топили печку, поили лежачих и подавали на нары консервную жестянку, служившую вместо лазаретной утки.

В Россию въехали со стороны Орши, и хотя в узкие продолговатые оконца могли смотреть только те, кому достались верхние нары, мы, нижние и средние, и без того догадывались, что едем по России: исчезала едкая сырость Балтики, в щелястый пол начало подбивать сухим снежком, морозно, остро пахло близким зимним лесом, а на неизвестных станциях вдоль эшелона хрустели торопливые шаги, и было щемяще-радостно узнавать родную сторону по бабьим и детским голосам, по их просительным выкрикам: «Картошка! Картошка! Кому вареной картошки?!», «Есть горячие шти! Шти горячие!», «Покурим, покурим! — И, пытаясь пошутить, весело повести торговлю, должно быть, вдовая молодуха прибавляла нараспев: — Самосадик я садила, сама вышла прода-а-ва-ать...»

Но все это было еще в январе.

Теперь же шла весна, и мы находились в глубоком тылу, вдалеке от войны.

— Интересно, где теперь наши? — спрашивал, ни к кому не обращаясь, лежавший в дальнем углу Саша Селиванов, смуглый волгарь с татарской раскосиной. В голосе его чувствовалась тоска и зависть.

Войска восточно-прусского направления шли уже где-то по полям Померании,

и мы, вслушиваясь в сводки Совинформбюро, пытались напасть на след своих подразделений. Но по радио не назывались номера дивизий и полков, все они были энскими частями, и никто не знал, где теперь топают ребята, фронтовые дружки-товарищи.

Иногда в палате разгорался спор о том, как считать: повезло ли нам, что хотя и такой ценой, но мы уже как-то определились, или не повезло...

— На войне, как в шахматах, — сказал Саша. — Е-два — е-четыре, бац! — и нету пешки. Валяйся теперь за доской без надобности.

Сашина толсто загипсованная нога торчала над щитком кровати наподобие пушки, за что Сашу в палате прозвали Самоходкой.

К ноге с помощью кронштейна и блока был подвязан мешочек с песком, отчего Саша вынужден был все время лежать на спине, а если и садился, то в неудобной позе, с высоко задранной ногой.

— Теперь мат будут ставить без нас, — задумчиво продолжал он.

— Нешто не навоевался? — басил мой правый сосед, Бородухов.

— Да как-то ни то ни се... Шел-шел и никуда не дошел... Охота посмотреть, как Берлин будут колошматить.

— Зато дома наверняка будешь. А то мог бы еще два аршина схлопотать... Под самый конец.

Бородухов заметно напирал на «о», отчего речь его звучала весомо и основательно. Был он из мезенских мужиков-лесовиков, уже в годах, кряжист и матер телом, под которым тугая панцирная сетка провисала, как веревочный гамак.

Минные осколки угодили ему в тазовую кость, но лежал он легко, ни разу не закричав, не поморщившись. С начала войны это четвертое его ранение, и потому, должно быть, Бородухов отлеживал свой очередной лазарет как-то по-домашнему, с несуетной обстоятельностью, словно пребывал в доме отдыха по профсоюзной путевке.

Я слушал разговоры в палате, потихоньку температурил, задремывал, снова открывал глаза и подолгу глядел в весеннее небо. Мой нагрудный гипсовый жилет походил на рачью скорлупу с одной клешней. Под скорлупой тупо мозжила раздробленная лопатка, внутри клешни безвольно пролежала плеть правой руки, перебитой в предплечье и заклиненной в локтевом суставе. Я все еще не мог привыкнуть к моему новому состоянию, к тому, что в меня тоже вонзилось железо, что-то там разворотило, перебило, нарушило, и что я мог быть убит этими слепыми и равнодушными кусками металла, сваренного в крупновских печах, может быть, еще в то время, когда я бегал в коротких штанишках и отдавал свои медяки в школьную кассу МОПРа. Неотвратимая, исподволь обусловленная связь обстоятельств... От ран моих пахло собственным тленным духом, и это жестоко и неумолимо убеждало меня в моей обыкновенности, серийности, в том, что я тоже смертен, хотя понять и допустить собственную смерть я по-прежнему отказывался. Сам факт моего ранения я пытался приспособить к моей наивной теории бессмертия: ведь я только ранен, а не убит! А раны — это всего лишь испытание... Мне шел тогда двадцать первый, и я, вернее не я, а что-то помимо меня, тот управляемый эгоцентризм, столь необходимый всему живому в пору расцвета, не допускал понимания, что я тоже могу превратиться в нечто непостижимое... Пули врага долгое время облетали меня, и я думал, верил, что это так и должно быть. За несколько минут до того, как меня изрешетило осколками, мы прямой наводкой расстреливали выскочивших из горящего танка троих немцев. В своих черных

коротеньких френчах похожие на тараканов, немцы, быстро перебирая руками и ногами, карабкались на четвереньках по крутому склону приозерной дюны. Песок осыпался, они беспомощно съезжали вниз и начинали снова карабкаться в своем насекомьем безумии. Мы били по ним болванками с трехсот метров, и снаряды без следа исчезали в толще песка. В общем-то для удиравших немцев это была не слишком опасная пальба, но страху нагоняло изрядно, и одно это доставляло нам мстительное удовольствие, хотя проще было срезать их автоматной очередью. Вгорячах мы отчаянно мазали, беззлобно переругивались и, упиваясь паническим бегством врага, хохотали. Откуда-то взявшийся на гребне дюны «фердинанд» первым же выстрелом сшиб нашу пушку.

Он разделал нас каким-то городошным ударом, выметя из огневой позиции весь наш расчет. Мне кажется, что в момент, когда снаряд разорвался под колесами орудия, во мне еще все ликовало, быть может, в это самое мгновение я все еще хохотал над удиравшими танкистами — и закусил свой смех судорожно сжавшимися челюстями...

— А ты не балуй на войне, — резонил по этому поводу Бородухов, когда я рассказал, как попал в госпиталь. — Баловство — оно, парень, не дело.

Слева от меня лежал солдат Копешкин. У Копешкина были перебиты обе руки, повреждены шейные позвонки, имелись и еще какие-то увечья. Его замуровали в сплошной нагрудный гипс, а голову прибинтовали к лубку, подведенному под затылок. Копешкин лежал только навзничь, и обе его руки, согнутые в локтях навстречу друг другу, торчали над грудью, тоже загипсованные до самых пальцев. Эта конструкция со всеми ее подпорками и расчалками на обиходном госпитальном языке именовалась «самолетом».

Копешкин, как нам удалось у него дознаться, числился в извозе, справляя и на войне свою нехитрую крестьянскую работу: запрягал, распрягал, кормил-поил обозных лошадей, если позволяли фронтовые условия — гонял их в ночное, чинил сбрую, возил за батальоном всякую солдатскую поклажу: мешки с сухарями, концентраты, каптерское имущество, патронные цинки.

— Медалей много навоевал? — интересовался Самоходка.

— Дак какие медали... — слабым, сдавленным голосом отзывался из своего склепа Копешкин. — За езде рази дают...

— Ты, поди, и немца-то до дела не видел?

— Как не видел. За четыре-то года... Повида-а-ал...

— Стрелять-то хоть доводилось?

— Дак и стрелял... А то как же. В окруженье однава попали... Вот как насел немец-то, вот как обложил... Дак и стрелял, куда денешься.

— Убил кого?

— А шут его разберет. Нешто там поймешь... Темень, пальба отовсюдова...

— Небось перепугался?

— Дак и страшно... А то как же.

— Это где ж тебя так разделало?

— Заблудился с обозом. Я говорю — туда надо ехать, а старшой — не туда. Поехали за старшим... Да и прямо на ихнюю батарею. Куда колеса, куда что... Обеих лошадей моих прибило. От самого Сталинграда берег: и бомбили, и чего только не было... А тут вот и получилось нескладно...

В последние дни Копешкину стало худо. Говорил он все реже, да и то безголо-со, одними только губами, и надо было напрягаться, чтобы что-то разобрать в его

невнятном шепоте. Несколько раз ему вливали свежую кровь, но все равно что-то ломало его, жгло под гипсовым скафандром. Он и вовсе усох лицом, резко проступили заросшие ржавой щетиной скулы, обрить которые мешали бинты. Иной раз было трудно сказать, жив ли он еще в своей скорлупе, или уже затих навечно. Лишь когда дежурная сестра Таня подсаживалась к нему и начинала кормить с ложки, было видно, что в нем еще теплится какая-то живинка.

— Ты давай ешь, — наставлял его Бородухов. — Перемогайся, парень. Вон скоро и война кончится. Пошто уж теперь зазря гинуть-то.

Копешкин, будто внемля совету, чуть приоткрывал сухие губы, но зубов не разнимал, крепко держал ими свою боль, сестра цедила с ложки супную жижу сквозь желтые прокуренные резцы.

— Ему бы клюквы надавить, — говорил Бородухов, поглядывая на терпеливо сидевшую возле Копешкина сестру с тарелкой на коленях. — Дак где ж ее взять... Нежели посылку из дому затребовать. У нас ее сколь хошь. Вот как добро жар утушает, клюква-то.

Как-то раз на имя Копешкина пришло письмо — голубенький косячок из традиционной обертки. Сестра поднесла конверт к его глазам, показала адрес.

— Из дому? — спросил Бородухов.

Подернутые температурным нагаром губы Копешкина в ответ разошлись в тихой медленной улыбке.

— Вот и хорошо, вот и ладно.

— Пацаны-то есть?

Копешкин с трудом пригнул два непослушных желто-сизых пальца с приставшими крупинками гипса на волосках, показывая остальные три.

— Трое, выходит? Тогда держись, держись, парень. Теперь домой недалеко.

Сестра Таня предложила прочитать ему письмо вслух, но он беспокойно шевельнул кистью.

— Сам хочет, сам, — догадался Самоходка.

— Ежели может, дак пусть сам, — сказал Бородухов. — Своими-то глазами лучше.

Косячок развернули и вставили ему в руки.

Весь остаток дня листок проторчал в недвижных руках Копешкина, будто вложенный в станок. С ним он и спал ночью. А может быть, и не спал... Лишь на следующее утро попросил перевернуть другой стороной и долго разглядывал обратный адрес, где крупными неловкими буквами, написанными послуноявленным чернильным карандашом, было выведено: «Пензенская область, Ломовский район, деревня Сухой Житень».

Перед маем из нашей палаты ушли сразу трое. Им выдали новенькие костыли, довольствие на дорогу и отправили по домам. Это тоже означало конец войне. Раньше их направили бы в так называемый выздоравливающий батальон, на какие-нибудь работы: пилить дрова, сапожничать, заготавливать в колхозах фураж, с тем чтобы потом, еще раз пропустив через жесткое сито комиссии, выкроить из этих хромоногих и косоруких одного-другого лишнего солдата для фронтовых тылов. Но теперь такие и там были не нужны.

Те, кто остался, кто мог переползть по палате, перебрались на опустевшие койки у окон. Приоконные места были привилегированными: оттуда можно хотя бы смотреть на улицу. Эти койки обычно захватывали выздоравливающие.

Ушел к окну сапер Михай, родом из-под загадочного бессарабского городка

Фалешты. Я представлял себе молдаван непременно черноволосыми, кареглазыми, поджарыми и проворными, а этот был молчаливо-медлительный увалень с широченной спиной и с детским выражением округлого лица, на котором примечательны были и удивительно ясные, какие-то по-утреннему свежие, чистые, ко всему доверчивые голубые глаза, и маленький нос пипочкой. К тому же Михай, даже коротко остриженный под машинку, был золотисто-рыж, будто облитый медом. Этот большой тихий тридцатилетний ребенок вызывал у нас молчаливое сострадание. Он единственный в палате не носил гипсов: обе его руки были ампутированы выше локтей, и пустые рукава исподней рубахи ему подвязывали узлами.

Тетя Зина вспоминала, как она однажды, еще зимой, убирая в туалете, застала там беспомощно стоявшего Михая.

— Гляжу, — рассказывала нянька, — а у него слезы по щекам. До того, стало быть, расстроился. Ты что ж это, сынок, стоишь, говорю ему, давай, милый, помогу. Так-таки не дал пуговицу отстегнуть, застеснялся... Все, бывало, стоит, ждет, пока какой-нибудь раненый заглянет.

Мы и сами видели, как переживал Михай утрату рук. Часами лежал он, уткнувшись лицом в подушку, иногда беззвучно трясясь широкой спиной. Но потом успокоился. Случалось даже, что, сидя у окна, он тихо напевал что-то на своем языке, раскачивая могучее тело в такт песне. И все глядел куда-то поверх домов, будто высматривал за горизонтом далекую Молдову.

В один из вечеров, когда Михай вот так же сидел на подоконнике, и его огненная голова полыхала от закатного солнца, Копешкин зашевелил пальцами, прося о чем-то.

— Чего ему? — поднял голову Бородухов.

Мы прислушались к слабому голосу Копешкина.

— Спрашивает у Михая, что видно за окном, — разобрал я, поскольку моя койка стояла ближе всех к его кровати.

— Солнце вижу... Поле вижу... — не оборачиваясь, ответил Михай.

— Далеко, спрашивает, — переводил я шепот Копешкина.

— Поле? А там... За рекой.

— Какое оно? — говорит. — Что посеяно?

— Зеленое. Хлеб будет.

Копешкин вздохнул, закрыл глаза и больше не спрашивал. На какое-то время в палате наступило молчание.

Даже по одному только небу, которое виделось нам, лежащим у дальней стены, — очистившемуся, синему, высокому — чувствовалось, как там теперь привольно.

— А на улице что? — помолчав, спросил Саша Самоходка.

— Дома, люди...

— Девчата ходят?

— Ходят.

— Красивые? — допытывался Самоходка.

Михай промолчал. Голова его монотонно качалась в раме окна.

— Тебе чего, трудно сказать? Красивые девки-то?

— А! — Михай досадливо отмахнулся узлом рукава.

— Ему теперь не до девок, — сказал Бородухов.

— Эх, братья-славяне! — с горькой веселостью воскликнул Самоходка. — Мне бы девчоночку! Доскандыбаю до своей матушки-Волги — такие страдания разведу, елки-шишки посыпятся!

Но шутить у нас было некому. Двое наших шутников, двое счастливицков Саенко и Бугаев почти не обитали в палате. В отличие от нас, белокальсонников, они щеголяли в полосатых госпитальных халатах, которые позволяли им разгуливать по двору. Чуть только дождавшись обхода, они забирали курево, домино и, выставив вперед по гипсовому сапогу — Саенко правую ногу, Бугаев левую, — упрыгивали из палаты. Остальные поглядывали на них с завистью.

Возвращались они только к обеду. От них вкусно, опьяняюще пахло солнцем, ветряной свежестью воли, а иногда и винцом. Оба уже успели загореть, согнать с лица палатную желтизну.

А за окном было действительно невообразимо хорошо.

Уже курились зеленым дымком верхушки госпитальных тополей, и когда Саенко, уходя, открывал для нас окно, которое в общем-то открывать не разрешалось, мы пьянели от пряной тополевой горечи прорвавшегося воздуха. А тут еще повадился под окно зяблик. Каждый вечер на закате он садился на самую последнюю ветку, выше которой уже ничего не было, и начинал выворачивать нам души своей развеселой цыганистой трелью, заставляя надолго всех присмиреть и задуматься.

Сестра Таня, приходившая в шестом часу ставить термометры, в строгом негодовании первым делом шла к окну, чтобы захлопнуть створки, но Михай вставал в проходе между коек и преграждал ей дорогу:

— Нэ надо... Что тебе стоит?

— Схватите пневмонию. Разве вам мало форточки?

— А! — морщился молдаванин. — Ты послушай, послушай... Птица поет. — Михай культей обнимал Таню за плечо и подводил к подоконнику. — Слышишь, как поет? А ты говоришь — форточка!

Таня молча слушала и не снимала с плеча Михея обрубленную руку.

Рухнул, капитулировал наконец и сам Берлин! Но этому как-то даже не верилось.

Мы жадно разглядывали газетные фотографии, на которых были отсняты бои на улицах фашистской столицы. Мрачные руины, разверстые утробы подвалов, толпы оборванных, чумазных, перепуганных гитлеровцев с задранными руками, белые флаги и простыни на балконах и в окнах домов... Но все-таки не верилось, что это и есть конец.

И действительно, война все еще продолжалась. Она продолжалась и третьего мая, и пятого, и седьмого... Сколько же еще?! Это ежеминутное ожидание конца взвинчивало всех до крайности. Даже раны в последние дни почему-то особенно донимали, будто на изломе погоды.

От нечего делать я учился малевать левой рукой, рисовал всяких зверюшек, но все во мне было настроженно — и слух, и нервы. Саенко и Бугаев отсиживались в палате, деловито и скучно шуршали газетами. Бородухов, наладив иглу, принялся чинить распоровшийся бумажник, Саша Самоходка тоже молчал, курил пайковый «Дюбек», пускал дым себе под простыню, чтобы не заметила дежурная сестра. Валялся на койке Михай, разбросав по подушке культы, разглядывал потолок. На каждый скрип двери все настроженно поворачивали головы. Мы ждали.

Так прошел восьмой день мая и томительно тихий вечер.

А ночью, отчего-то вдруг пробудившись, я увидел, как в лунных столбах света, цепляясь за спинки кроватей, промелькнул в исподнем белье Саенко, подсел к Бородухову.

— Спишь?

- Да нет...
- Кажется, Дед приехал.
- Похоже — он.
- Чего бы ему ночью...

По госпитальному коридору хрустко хрумкали сапоги. В гулкой коридорной пустоте все отчетливей слышался сдержанный голос начальника госпиталя полковника Туранцева, или Деда, как называли его за узкую ассирийскую лопаточку бороды. Туранцева все побаивались, но и уважали: он был строг и даже суров, но считался хорошим хирургом и в тяжелых случаях нередко сам брался за скальпель. Как-то раз в четвертой палате один кавалерийский старшина, носивший Золотую Звезду и благодаря этому получавший всяческие поблажки — лежал в отдельной палате, не позволяя стричь вихрастый казачий чуб и прочее, — поднял шум из-за того, что ему досталась заштопанная пижама. Он накричал на кастаньяшу, скомкал белье и швырнул ей в лицо. Мы в общем-то догадывались, почему этот казак поднял тарарам: он похаживал в общежитие к ткачихам и не хотел появляться перед серпуховскими девушками в заплатанной пижаме. Кастаньяша расплакалась, выбежала в коридор и в самый раз наскочила на проходившего мимо Туранцева. Дед, выслушав в чем дело, повернул в палату. Кастаньяша потом рассказывала, как он отбрил кавалериста. «Чтобы носить эту Звезду, — сказал он ему, — одной богатырской груди недостаточно. Надо лечиться от хамства, пока еще не поздно. Война скоро кончится, и вам придется жить среди людей. Попрошу запомнить это». Он вышел, приказав, однако, выдать старшине новую пижамную пару.

И вот этот самый Дед шел по ночному госпитальному коридору. Мы слышали, как он вполголоса разговаривал со своим заместителем по хозяйственной части Звонарчуком. Его жесткий, сухой бас, казалось, просверливал стены.

— ...выдать все чистое — постель, белье.

— Мы ж тильки змэнили.

— Все равно сменить, сменить.

— Слухаюсь, Анатоль Сергеич.

— Заколите кабана. Сделайте к обеду что-нибудь поинтереснее. Не жмитесь, не жалейте продуктов.

— Та я ж, Анатоль Сергеич, зо всий душою. Всэ, що трэба...

— Потом вот что... Хорошо бы к обеду вина. Как думаете?

— Цэ можно. У мэни рэктификату йе трохи.

— Нет, спирт не то. Крепковато. Да и буднично как-то... День! День-то какой, голубчик вы мой!

— Та яснэ ж дило...

Шаги и голоса отдалились. «Бу-бу-бу-бу...»

Минуту-другую мы прислушивались к невнятному разговору. Потом все стихло. Но мы все еще оцепенело прислушивались к самой тишине. В ординаторской тягуче, будто в раздумье, часы отсчитали три удара. Три часа ночи... Я вдруг остро ощутил, что госпитальные часы отбили какое-то иное, новое время... Что-то враз обожгло меня изнутри, гулками толчками забухала в подушку напрягшаяся жила на виске.

Внезапно Саенко вскинул руки, потряс в пучке лунного света синими от татуировки кулаками.

— Все! Конеч! Конеч, ребята! — завопил он. — Это, братцы, конец! — И, не находя больше слов, круто, яростно, счастливо выматерился на всю палату.

Михай свесил ноги с кровати, пытаясь прийти в себя, как о сук, потерял глазами о правый обрубок руки.

— Михай, победа! — ликовал Саенко.

Спрыгнул с койки Бугаев, схватил подушку, запустил ею в угол, где спал Саша Самоходка. Саша заворочался, забормотал что-то, отвернул голову к стене.

— Сашка, проснись!

Бугаев запрыгал к Сашиной койке и сдернул с него одеяло. Очнувшийся Самоходка успел сцапать Бугаева за рубаху, повалил к себе на постель. Бугаев, тиская Самоходку, хохотал и приговаривал:

— Дубина ты бесчувственная. Победа, а ты дрыхнешь! Ты мне руки не заламывай. Это уж дудки! Не на того нарвался. Мы, брат, полковая разведка. Не таких вязали, понял?

— Это у меня... нога привязана... — сопел Самоходка. — Я бы тебе... вставил, куда надо...

— Бросьте вы, дьяволы! — окликнул Бородухов. — Гипсы поломаете.

— А, хрен с ними! — тряхнул головой Саенко. Он дурашливо заплясал в проходе между койками, нарочно притопывая гипсовой ногой-колотушкой по паркету:

*Эх, милка моя,
Юбка лыковая...*

Бугаев, бросив Самоходку, принялся подыгрывать, тряся, будто бубном, шахматной доской с громыхающими внутри фигурами.

*У меня теперь нога
Тоже липовая...*

За окном в светлой лунной ночи сочно расцвела малиновая ракета, переспело рассыпалась гроздьями. С ней скрестилась зеленая. Где-то резко рыкнула автоматная очередь. Потом слаженно забасили гудки: должно быть, трубили буксиры на недалекой Оке.

— Братцы! — Саенко застучал кулаком в стену соседней палаты. — Эй, ребята! Слышите!

Там тоже не спали и в ответ забухали чем-то глухим и тяжелым, скорее всего, резиновым набалдашником костыля.

Прибежала сестра Таня, щелкнула на стене выключателем.

— Это что еще такое? Сейчас же по местам!

Но губы ее никак не складывались в обычную строгость. Наша милая, терпеливая, измученная бессонницами сестренка! Тоненькая, чуть ли не дважды обернутая лапами халата, перехваченная пояском, она все еще держала руку на выключателе, вглядываясь, что мы натворили.

— Куда это годится, все перевернули вверх дном. Взрослые люди, а как дети... Бугаев! Поднимите подушку. Саенко! Сейчас же ложиться! Здесь Анатолий Сергеевич, зайдет — посмотрит...

Таня под села к Копешкину и озабоченно потрогала его пальцы.

— Спите, спите, Копешкин. Я вам сейчас атропинчик сделаю. И всем немедленно спать!

Но никто, казалось, не в силах был утихомирить пчелино загудевшие этажи. Где-то кричали, топали ногами, выстукивали морзянку на батарее, Анатолий Сергеевич не вмешивался: наверно, понимал, что сегодня и он не властен.

Меж тем за окном все чаще, все гуще взлетали в небо пестрые ликующие ра-

кеты, и от них по стенам и лицам ходили цветные всполохи и причудливые тени деревьев.

Город тоже не спал.

Часу в пятом под хлопки ракет во дворе пронзительно заверещал и сразу же умолк госпитальный поросенок...

Едва только дождались рассвета, все, кто был способен хоть как-то передвигаться, кто сумел раздобыть более или менее нестыдную одежду, пижамные штаны или какой-нибудь халатишко, а то и просто в одном исподнем белье, — повалили на улицу. Саенко и Бугаев, распахнув для нас оба окна, тоже поскакали из палаты. Коридор гудел от стука и скрипа костылей. Нам было слышно, как госпитальный садик наполнялся бурливым гомоном людей, высыпавших из соседних домов и переулков.

— Что там, Михай?

— А-ай-ай... — качал головой молдаванин.

— Что?

— Цветы несут... Обнимаются, вижу... Целуются, вижу...

Люди не могли наедине, в своих домах, переживать эту радость, и потому, должно быть, устремились сюда, к госпиталю, к тем, кто имел отношение к войне и победе. Кто-то снизу заметил высунувшегося Михая, послышался девичий возглас: «Держите!» — и в квадрате окна мелькнул подброшенный букет. Михай, позабыв, что у него нет рук, протянул к цветам куцые предплечья, но не достал и лишь взмахнул в воздухе пустыми руками.

— Да миленькие ж вы мои-и-и! — навзрыд запричитала какая-то женщина, разглядевшая Михая. — Ох да страдальцы горемычные-и-и! Сколько кровушки вашей пролита-а-а...

— Мам, не надо... — долетел взволнованно-тревожный детский голос.

— Ой да сиротинушки вы мои беспонятные-и-и! — продолжала вскрикивать женщина. — Да как же я теперь с вами буду! Что наделала война распроклятая, что натворила! Нету нашего родимова-а-а...

— Ну, не плачь, мам... Мамочка!

— Брось, Насть. Глядишь, еще объявится, — уговаривал старческий мужской голос. — Мало ли что...

— Ой да не вернется ж он теперь во веки вечные-и-и...

И вдруг грянул неизвестно откуда взявшийся оркестр:

*Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой...*

Ухавший барабан будто отсчитывал чью-то тяжелую поступь:

*Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна...*

Но вот сквозь четкий выговор труб пробились отдельные людские голоса, потом мелодию подхватили другие, сначала неуверенно и нестройно, но постепенно приладились и, будто обрадовавшись, что песня настроилась, пошла, запели дружно, мощно, истово, выплескивая еще оставшиеся запасы ярости и гнева. Высокий женский голос, где-то на грани крика и плача, как острое, пронизывал хор:

Идет война народная-йя-я...

От этой песни всегда что-то закипало в груди, а сейчас, когда нервы у всех были на пределе, она хватала за горло, и я видел, как стоявший перед окном Ми-

хай судорожно двигал челюстями и вытирал рукавом глаза. Саша Самоходка первый не выдержал. Он запел, ударяя кулаком по щитку кровати, сотрясая и койку, и самого себя. Запел, раскачиваясь туловищем, молдаванин. Небрityм кадыком задвигал Бородухов. Вслед за ним песню подхватили в соседней палате, потом наверху, на третьем этаже. Это была песня-гимн, песня-клятва. Мы понимали, что прощаемся с ней — отслужившей, демобилизованной, уходящей в запас...

Оркестр смолк, и сразу же, без роздыха, лихо, весело трубы ударили «Яблочко». Дробно застучали каблукы.

*Эх, Гитлер-фашист,
Куда топаешь?!
До Москвы не дойдешь,
Пулю слопаешь!*

Частушка была явно устаревшая, времен обороны Москвы, но в это утро она звучала особенно злободневно, как исполнившееся народное пророчество.

И уж совсем разудало, с беговым бабьим ойканьем, с прихлопыванием в ладоши:

*Я по карточкам жила
Четыре годочка,
Ненаглядного ждала
Своего дружочка!
Э-ой-ой-ой, йи-и-и-их...*

Между тем начался митинг. Было слышно, как что-то выкрикивал наш замполит. Голос его, и без того не шибко речистый, простудно-сиплый, теперь дрожал и поминутно рвался.

Когда он неожиданно замолкал, мучительно подбирая нужные слова, неловкую паузу заполняли дружные всплески аплодисментов. Да и не особенно было важно, что он сейчас говорил.

Часу в девятом в нашу дверь несмело постучали.

— Давай, кто там?! — отозвался Саша Самоходка.

— Разрешите?..

В палату вошел ветхий старичок с фанерным баулом и с каким-то зачехленным предметом под мышкой. На старичке поверх черного сюртука был наброшен госпитальный халат, волочившийся по полу.

— С праздником вас, товарищи воины! — Старичок снял суконную зимнюю кепку, показал в поклоне восковую плешь. — Кто желает иметь фотографию в День Победы? Есть желающие?

— Какие тебе, батя, фотографии, — сказал Саша Самоходка. — На нас одни подштанники.

— Это ничего, друзья мои. Уверю вас... Доверьтесь старому мастеру.

Старичок присел перед баулом на корточки, извлек новую шерстяную гимнастерку, встряхнул ею, как фокусник, перекинул через плечо, после чего достал черную кубанку с золоченым перекрестьем по красному верху.

— Это все в наших руках. Пара пустяков... Итак, кто, друзья мои, желает первым? — Старичок оглядел палату поверх жестяных очков, низко сидевших на сухом хрящевом носу. — Позвольте начать с вас, молодой человек.

Старичок подошел к Михаилу и проворно, будто на малое дитя, натянул на безрукого молдаванина гимнастерку.

— Все будет в лучшем виде, — приговаривал фотограф, застегивая на рас-

терявшемся Михея сверкающие пуговицы. — Никто ничего не заметит, даю вам мое честное слово. Теперь извольте кубаночку... Прекрасно! Можете удостовериться. — Старичок достал из внутреннего кармана сюртука овальное зеркальце с алюминиевой ручкой и дал Михею посмотреть на себя. — Герой, не правда ли? Позвольте узнать, какого будете чину?

— Как — «чину»? — не понял Михай.

— Сержант? Старшина?

— Нэ-э... — замотал головой Михай.

— Он у нас рядовой, — подсказал Саша.

— Это ничего... Если правильно рассудить — дело не в чине.

Старичок порылся в бауле, откопал там новенькие, с чистым полем пехотные погоны и, привстав на цыпочки, пришил их к широким плечам Михея.

— Желаете с орденами?

— У него при себе нету, — ответил за Михея Самоходка. — Сданы на хранение.

— Это ничего. У меня найдутся. Какие прикажете?

— Нэ надо... — покраснел Михай, у которого, как мы знали, имелась одна-единственная медаль «За боевые заслуги». — Чужих нэ надо.

— Какая разница? Если у вас есть свои, то какая разница? — приговаривал старичок, нацеливаясь в Михея деревянным аппаратом на треноге. — Я вам могу подобрать точно такие же.

— Нет, нэ хочу.

— Скромность тоже украшает. Так... Одну секундочку. Смотреть прошу сюда... Смотреть героем! Не так хмуро, не так хмуро. Ах, какой день! Какой день!

После Михея фотограф прямо в койке обмундировал в ту же гимнастерку Сашу Самоходку. Саша, хохоча, пожелал сняться с орденами.

— «Отечественная», папаша, найдется? — спросил он, подмигивая Бородухову.

— Пожалуйста, пожалуйста.

— И «Славу» повесь.

— Можно и «Славу». Можно и полного кавалера, — нимало не смутившись, предложил старичок, видимо поняв, что Саша все обращает в шутку.

— А ты, папаша, в курсе всех регалий! Тогда валяй полного! Дома увидят — ахнут. Только не пойму, — изумленно хохотал Самоходка, — как же меня с такой ногой? Койка будет видна.

— Все сделаем честь по форме. Была бы голова на плечах — будет и фотография. Так я говорю? — тоже шутил старичок, морщась в улыбке. — Зачем нам кровать? Кровать солдату не нужна. Все будет, как в боевой обстановке.

Фотограф выудил из баульчика полотнище с намалеванным горящим немецким танком.

— Подойдет? Если хотите, имеется и самолет.

— Давай танк, папаша! — покатывался со смеху Самоходка. — А гранату не дашь? Противотанковую?

— Этого не держим, — улыбнулся старичок.

На карточке должно было получиться так, будто Саша находился не на госпитальной койке в нижнем белье, а на поле сражения.

Он якобы только что разделался с немецким «тигром» и теперь, сдвинув набекрень кубанку, посмеивается и устраивает перекур.

— Ну и дает старикан! — реготал Самоходка.

— В каждом деле, молодой человек, имеется свое искусство.

— Понимаю: не обманешь — не проживешь, так, что ли?

— Это вы напрасно! К вашему сведению, я даже генералов снимал и имею благодарности.

— Тоже «в боевой обстановке»?

— Веселый вы человек! — жиденько засмеялся старичок и погрозил Самоходке коричневым от проявителя пальцем.

На меня гимнастерка не налезла: помешала загипсованная оттопыренная рука.

— Хотите манишку? — вышел из положения старичок, который, видимо, уже давно специализировался на съемках калек и предусмотрел все возможные варианты увечья. — Не беспокойтесь, я уже таких, как вы, фотографировал. Уверю вас: все будет хорошо.

Но манишки, а попросту говоря — нагрудника с пуговицами, я устыдился и не стал сниматься. Отказался и Бородухов, проворчавший сердито:

— Обойдусь. Скоро сам домой приеду.

— Тогда давайте вы. — Старичок цепким взглядом окинул Копешкина, должно быть прикидывая, какие можно к нему применить декорацию и реквизит, чтобы и этому недвижимому солдату придать бравый вид.

— К нему, дед, не лезь, — сказал строго Бородухов.

— Но, может быть, он желает?

— Ничего он не желает. Не видишь, что ли?

— Понимаю, понимаю, — старичок приложил палец к губам и на цыпочках отошел от койки. — Хотя можно было и его... Что-нибудь придумали б... У меня, знаете, были очень трудные случаи...

— Давай кончай...

— Тогда счастливо выздоравливать. Фотографии только через десять дней. Много работы. Тула... Владимир... Это все моя зона. Что поделаешь. Нету хороших мастеров, нету... Ах, такой день, такой день! Слава богу, дожили наконец...

Он зачехлил аппарат, сложил в баул все свои бебехи, галантно раскланялся, доставая кепкой до пола, и неслышно вышмыгнул за дверь.

— Трупоед... — сплюнул Бородухов.

Госпитальный садик все еще гудел народом. Играла музыка — все больше вальсы, от которых щемило сердце.

Саенко и Бугаев вернулись в палату с красными бантами на пижамах и с охапками черемухи.

Перед обедом нам сменили белье, побрили, потом, зареванная по случаю праздника, с распухшим носом, тетя Зина разносила янтарно-желтый суп из кабана.

— Кушайте, сыночки, кушайте, родненькие, — концом косынки она утирала мокрые морщинистые щеки. — Суп-то нынче добрый... Ох ты, господи! А я как услышала, так и села. Сколько по этим-то итажам выбегала, сколь носилок перетаскала и — ничего. А тут хочу, хочу встать, а ноги как не мои... Да неужто, думаю, все уже кончилось? Аж не верится. Какого супостата одолели, какую юдолю вытерпели. Как вспомню, как вспомню...

Слезы опять выступили на ее глазах, она торопливо утерлась и тут же улыбнулась, просветлела лицом.

— Кушайте, кушайте, а я пойду котлеток принесу. Поправляйтесь на здоровье, уж теперь недолго осталось...

Дверь распахнулась от толчка сапогом, в палату грузно протиснулся начхоз Звонарчук с неусузнаваемо обвисшими усами на широком потном лице.

— Погодьте, погодьте исты!

На вытянутых руках он нес медный самоварный поднос с несколькими темно-красными стаканами.

— З победою вас, товаришчи! — поздравил он усталым, по-детски тонким голоском. — Скильки вас у палати?

— Семеро осталось.

— Ага, точно... Тут вам вид имени администрации... Саенко, распорядись.

— Есть распорядиться! — Саенко с готовностью подпрыгнул к подносу и составил стаканы на Михаяву тумбочку. — Давайте с нами, товарищ начхоз. За Победу.

— Ни, хлопци. Нема часу. — Он вытер рукавом халата потный лоб. — У мѣни ще сто двадцать душ. Ух ты, чертяка, запаливси як...

Начхоз еще раз поглядел на стаканы: то ли пересчитывал в уме для отчетности, то ли просто так — как на произведение собственной расторопности. Видно, это вино досталось ему нелегко.

— Так вы давайте... А то суп охолонет.

— Спасибо.

— Було б за що.

Он ушел.

Саенко осторожно, чтобы не пролить, не прыгая, как всегда, а волоча раненую ногу по полу, при полном молчании всех присутствующих, разнес стаканы по тумбочкам. Лицо его при этом было озабоченным и строгим, а нижняя губа аскетически поджата, словно у ксендза при свершении исповеди.

Да и правда, эти рубиново-красные, наполненные до краев стаканы воспринимались в нашей бесцветно-белой палате как нечто небывало-торжественное, обещали какое-то таинство.

Минуту-другую каждый молча созерцал свой стакан.

— Ну что, солдаты... Что задумались? Давайте колыхнем, что ли... — предложил Саенко.

— Да давайте.

— Пусть сперва Михай, — сказал Бородухов.

— Верно, пусть он сперва. А то как же ему...

— Это само собой. — Бугаев взял Михаяв стакан. — Ты давай присядь, а то не дотянись.

Михай послушно сел на край койки, запрокинул голову.

— Ну, браток... за Победу!

— Ага.

— Жаль, нельзя с тобой чокнуться...

По лицу Михая скользнула виноватая улыбка.

— Ну ничего... поехали.

Мы посмотрели, как Бугаев, наклоня стакан, вылил вино в птенцово раскрытый рот молдаванина.

— Во, парень, — удовлетворенно сказал Бугаев. — Это дело. Ничего, наловчишься... — Он вытер пижамным рукавом Михаяв подбородок, по которому скользнула алая струйка, и, зачерпнув из супа картофеляину, дал ему закусить. — Я одного такого знал, как ты, так он приспособился: зубами брал стакан за край и высасывал все до донышка!..

— Вино пить можно. А как его теперь дѣлать будешь? — Михай тряхнул узлами рукавов. — Вину руки нужны.

— Ничего, браток! Не падай духом. Жинка поможет.

— А-ай-ай... — Михай покачал головой.

— Ну, будет, будет про это... — прервал Бородухов и степенно провозгласил: — Давайте, ребята, за дальнейшую нашу жисть выпьем... Как она дальше пойдет... Что было — то было, будь оно неладно! Живым жить, живое загадывать.

Мы выпили.

Прибежала Таня, поздравила с праздником, поставила на нашу с Копешкиным тумбочку букет подснежников, принялась кормить его с ложки.

Копешкин, глотая жижу, морщился, пускал пузыри.

— Ты ему винца вплесни, — посоветовал Саенко.

— Вы что, смеетесь?

— А что? Пусть солдат разговееется.

— Ему же нельзя.

— Дай, дай ему. Отпусти ты его душу на волю. Вот увидишь, полегчает с вина-то.

— Не говорите глупостей.

— Ох уж эти лекари! Хуже жандармов. Может, ему только и осталось, что посошок выпить. Сердца у вас нету.

— Все, славяне! Завтра буду проситься на выписку, — решительным тоном сказал Саша Самоходка.

Таня посмотрела в его сторону, укоризненно покачала головой.

— Не выпишут — убуду. Тань, поехали со мной, а? На Волгу. Красота!

— По дороге потеряешь, — засмеялась Таня.

— Честное гвардейское! Я ведь к тебе, можно сказать, привык. Осталось только расписаться. — Саша заметно охмелел, да и все тоже порозовели, заблестели глазами. — Ребята, поехали? Нашими друзьями будете. Такую свадьбу сварганим... Эх, и хорошо у нас, братцы! Деревня высоко-высоко, а внизу Волга... Всю видать, на пятнадцать верст туда и сюда. Пароходы идут, гудки, бакены по вечерам... Михай, поехали?

— Нэ-э, я домой.

— Что у тебя там? Успеешь.

— Как что? — Михай вскинул рыжие брови. — Как что? Не был — не говори!

— Нет, брат. — Самоходка мечтательно уставился в потолок. — Где Волга не течет, там не жизнь.

— Зачем зря говоришь? Зачем? А виноград у вас есть? А вино наше пил? Нэ пил.

— Квас, знаю.

— Что понимаешь? — горячился Михай. — Давай спорить! Квас, да? Налью тебе кружку, вот такую большую, — он сдвинул культи, показывая, какую кружку нальет Самоходке. — Пей, пожалуйста! Выпьешь — под бочку упадешь. Как мертвый будешь. Э-э, что говоришь — нету жизни. Поедем — увидишь. Что Волга? Что Волга? Мы воду нэ пьем, мы вино пьем. Молдова, понял?

— Что ж вы не едите? — Качала головой Таня, насильно вливая Копешкину бульон. — Ну съешьте еще хоть ложечку. Горе мне с вами...

— А у нас на Мезени пиво теперь варят. — Бородухов, только что побритый, в свежей рубахе, чинно прихлебывал наваристый суп, всякий раз подпирая донышко ложки куском хлеба.

— Сегодня везде празднуют, — сказал Саенко.

— Празднуют, да не так. У нас, на Мезени-то, бабы старинное надевают. Хороводы водят, песни поют. А потом сядут в лодки да по Мезени... А пиво я люблю чтоб с брусникою. — Бородухов выразительно побрякал, провел ладонью по рту, будто обтер пивную пену. — Благо! Давно не пивал. — И добавил задумчиво: — Оно, поди, теперь не из чего варить...

Таня кое-как покормила Копешкина и, сама больше намучившись, ушла.

Ей надо было смениться еще в девять утра, но она осталась помогать по случаю праздника. И было жаль, что еще не посидела с нами. Самоходка прав: мы привыкли к ней и — чего уж темнить! — почти все были тихо влюблены в нее...

Вино разбередило, ребята зашумели, зашпорили, где жить лучше. Вмешались Саенко с Бугаевым, стали рассказывать о Сибири.

Оба были родом из-за Урала, только Саенко происходил из степных алтайских хохлов, а Бугаев — коренной енисейский чалдон.

«Сколько разных мест на земле», — думал я, слушая разговоры.

Лежали раненные и в других палатах, и у них тоже были где-то свои единственные родные города и деревни. Были они и у тех, кто уже никогда не вернется домой... Каждый воевал, думая о своем обжитом уголке, привычном с детства, и выходило, что всякая пядь земли имела своего защитника.

Потому и похоронные так широко разлетались, так густо усеяли русскую землю...

— Тише, ребята... — Бородухов первый заметил, как Копешкин зашевелил пальцами. — Чего тебе, браток?

Мы насторожились.

— Пить?

Копешкин отрицательно пошевелил кистью руки.

— Утку?

Копешкин поморщился.

Припрыгал Саенко, наклонился над ним.

— Ты чего, друг?

Копешкин что-то шепелявил сухими ломкими губами.

— Так, так... Ага, понял... — Саенко закивал и перевел нам: — Говорит, у них тоже хорошо жить.

Давай, давай, Копешкин, расшевеливайся! Вот молодец! Ну-ка, расскажи, как там у вас... Это где ж такое? А-а, ясно... Пензяк ты. Ну, и что там у вас?

— Хорошо тоже... — разобрал я слабый, будто из-под земли, голос Копешкина.

— Заладил: хорошо да хорошо... А что хорошего-то? Лес есть или речка какая?

Копешкин пытался еще что-то сказать о своих местах, но не смог, обессилел и только облизал непослушные губы.

Мы помолчали, ожидая, что он отдышится, но Копешкин так больше и не заговорил.

В палате воцарилась тишина.

Я пытался представить себе родину Копешкина. Оказалось, никто из нас ничего не знал об этой самой пензенской земле. Ни какие там реки, ни какие вообще места: лесистые ли, открытые... И даже где они находятся, как туда добираться. Знал я только, что Пенза где-то не то возле мордвы, не то по соседству с чувашами. Где-то там, в неведомом краю, стоит и копешкинская деревенька с загадочным названием — Сухой Житень, вполне реальная, зримая, и для самого Копешкина она — центр мироздания.

Должно быть, полощутся белесые ракиты перед избами, по волнистым холмшкам за околицей — майская свежесть хлебов. Вечером побредет с лугов стадо, запахнет сухой пылью, скотиной, ранний соловей негромко щелкнет у ручья, прорежется молодой месяц, закачается в темной воде...

Я уже вторую неделю тренировал левую руку и, размышляя о копешкинской земле, машинально чиркал карандашом по клочку бумаги. Нарисовалась бревенчатая изба с тремя оконцами по фасаду, косматое дерево у калитки, похожее на перевернутый веник. Ничего больше не придумав, я потянулся и вложил эту неказистую картинку в руки Копешкина. Тот, почувствовав прикосновение к пальцам, разлепил веки и долго с вниманием разглядывал рисунок.

Потом прошептал:

— Домок прибавь... У меня домок тут... На дереве...

Я понял, забрал листок, пририсовал над деревом скворечник и вернул картинку.

Копешкин, одобряя, еле заметно закивал заострившимся носом.

Ребята снова о чем-то заспорили, потом, пристроив стул между Сашиной и Бородуховой койками, шумно рубились в домино, заставляя проигравшего кукарекать. Во всем степенный Бородухов кукарекать отказывался, и этот штраф ему заменяли щелчками по роскошной лысине, что тут же исполнялось Бугаевым с особым пристрастием под дружный хохот. Михай в домино не играл и, уединившись у окна, опять пел в закатном отсвете солнца, как всегда глядя куда-то за петлявшую под горой речку Нару, за дальние вечеряющие холмы. Пел он сегодня как-то особенно грустно и тревожно, тяжело вздыхал между песнями и надолго задумывался.

Прислоненная к рукам Копешкина, до самых сумерек простояла моя картинка, и я про себя радовался, что угодил ему, нарисовал нечто похожее на его родную избу. Мне казалось, что Копешкин тихо разглядывал рисунок, вспоминая все, что было одному ему дорого в том далеком и неизвестном для остальных Сухом Житне.

Но Копешкина уже не было...

Ушел он незаметно, одиноко, должно быть, в тот час, когда садилось солнце, и мы слушали негромкие Михаевы песни.

А может быть, и раньше, когда ребята стучали костяшками домино. Этого никто не знал.

В сущности, человек всегда умирает в одиночестве, даже если его изголовье участливо окружают друзья: отключает слух, чтобы не слушать ненужные сожаления, гасит зрение, как гасят свет, уходя из квартиры, и, какое-то время оставшись наедине сам с собой, в немой тишине и мраке, последним усилием отталкивает челн от этих берегов...

Пришли санитары, с трудом подняли с кровати тяжелую, промокшую гипсовую скорлупу, из которой торчали, уже одеревенев, иссохшие ноги Копешкина, уложили в носилки, накрыли простыней и унесли.

Вскоре неслышно вошла тетя Зина со строгим, отрешенным лицом, заново застелила койку и, сменив наволочку, еще свежую, накрахмаленную, выданную сегодня перед обедом, принялась взбивать подушку.

Я онемело смотрел на взбитую подушку, на ее равнодушную, праздную близину, и вдруг с пронзительной очевидностью понял, что подушка эта уже ничья, потому что ее хозяин уже ничто... Его не просто вынесли из палаты, его нет вовсе. Нет!.. Можно было догнать носилки, найти Копешкина где-то внизу, во дворе, в полутемном каменном сарае. Но это будет уже не он, а то самое непостижимое

нечто, именуемое прахом. И это все? — спрашивал я себя, покрываясь холодной испариной. — Больше для него ничего не будет? Тогда зачем же он был? Для чего столь долго ожидал своей очереди родиться на земле? Эта возможность его появления сберегалась тысячелетиями, предки пронесли ее через всю историю — от первобытных пещер до современных небоскребов. Пришло время, сошлись, сошлись какие-то шифры таинства, и он наконец родился...

Но его срезало осколками, и он снова исчез в небытие... Завтра снимут с него теперь уже ненужную гипсовую оболочку, высвободят тело, вскроют, установят причину смерти и составят акт.

— Ох ты, — проговорила нянька, подняла с пола оброненную санитарями картинку с копешкинской избой и прислонила ее к нетронутому стакану с вином.

Картинка была моей вольной фантазией, но теперь нарисованная изба обратилась в единственную реальность, оставшуюся после Копешкина. Я теперь и сам верил, что такая вот — серая, бревенчатая, с тремя окнами по фасаду, с деревом и скворечником перед калиткой, — такая и стоит она где-то там, на пензенской земле. В это самое время, в час сумерек, когда санитары укладывают Копешкина в госпитальном морге, в окнах его избы, должно быть, уже затеплился жидкий огонек керосиновой лампы, завиднелись головенки ребятишек, обступивших стол с вечерней похлебкой. Топчется у стола жена Копешкина (какая она? как зовут?), что-то подкладывает, подливает... Она теперь тоже знает о Победе, и все в доме — в молчаливом ожидании хозяина, который не убит, а только ранен, и, даст бог, все обойдется...

Странно и грустно представлять себе людей, которых никогда не видел и наверняка никогда не увидишь, которые для тебя как бы не существуют, как не существуешь и ты для них...

Тишину нарушил Саенко. Он встал, допрыгал до нашей с Копешкиным тумбочки и взял стакан.

— Зря-таки солдат не выпил напоследок, — сказал он раздумчиво, разглядывая стакан против сумеречного света в окне. — Что ж... Давайте помянем. Не повезло парню... Как хоть его звали?

— Иваном, — сказал Саша.

— Ну... прости-прощай, брат Иван. — Саенко плеснул немного из стакана на изголовье, на котором еще только что лежал Копешкин. Вино густо окрасило белую крахмальную наволочку. — Вечная тебе память...

Оставшееся в стакане вино он разнес по койкам, и мы выпили по глотку. Теперь оно показалось таинственно-темным, как кровь.

В вечернем небе снова вспыхивали праздничные ракеты.

Иркутские поэты-фронтовики о Великой Отечественной войне

ВАЛЕРИЙ АЛЕКСЕЕВ

Сибиряки спасут Москву!

21 июня 1941 года

1

Я сдал на пятёрку последний экзамен,
хотелось плясать, на качелях качаться,
моторку окинув шальными глазами,
с любимой по Яузе лихо промчаться.
Услышать, как плещет она под окошком,
с улыбкой внимать петушину крику,
и, встав спозаранку, с ведром и лукошком
к знакомой поляне поспеть на клубнику.
Спешили в кино беззаботные люди,
везли ещё хлеб для Берлина составы...

А немцы уже наводили орудия
на наши заставы.

2

А мать была рада, что за две недели
достала на сочинский поезд билеты.
Вокруг пассажиры толкались, галдели,
мечтая добраться до южного лета.
Бежали навстречу берёзы и липы,
чернели дождями размытые тропы.
На станциях бабы кричали до хрипа,
торгуя горячей картошкой с укропом.
В вагоне смеялись. А возле окна
динамик хрипел:

— Если...
завтра...
война...

22 июня 1941 года

Сулил воскресный вечер танцы,
смолил смычки концертный зал,
но шли в колоннах новобранцы
не на концерт, а на вокзал.
Шли с полной выкладкой, сутулясь,
суровые не по годам,
сквозь строй знакомых с детства улиц,
к разгорячённым поездам.
Уже не мальчики — солдаты,
герои будущих побед!
Они ни в чём не виноваты,
но им пришлось держать ответ
за то, что Сталин промахнулся
и в отчий дом пришла беда...

Состав ушёл и не вернулся,
и не вернётся никогда.

Старая церковь

В который раз, построив танки ромбом,
фашисты шли на приступ — цепь за цепью.
Оглухшие от пушечного грома,
мы от огня укрылись в старой церкви.

Качались наверху паникадила,
со звоном наземь падали иконы,
лампадка лихорадочно чадила
и колокол гудел на колокольне.

Но тщетно в стены бухали снаряды,
у предков был кирпич прочней бетона,
они в тот день вставали рядом,
им было не впервой разить тевтонов.

Они неволе — смерть предпочитали...

А поутру, разглядывая фрески,
мы над бойницей надпись прочитали:
«Собор основан Александром Невским».

Смерть командира

Как всё стряслось, не помню толком,
хоть память залистал до дыр.
Случайным раненый осколком,
упал наш ротный командир.

Он был один за нас в ответе...
Не в силах сделать ничего,
осиротевшие, как дети,
столпились мы вокруг него.

— Вперёд!.. — он прохрипел

и замер,

чуть набок голову склоня,
остекленевшими глазами
с надеждой глядя на меня.

— Впер-р-рёд!.. В ата-а-аку!..

Бойцы бежали вслед за мной,
паля по вражескому танку
из трёхлинеечки родной.

Старший брат

1

Он в шахматы играл со мной
и был мне всех родней и ближе.
Мы так любили с ним зимой
бродить в Сокольниках на лыжах.
...Горел над Волгой Сталинград,
но немцы шли в атаку снова.
Упал на землю старший брат,
упав, не вымолвил ни слова.
Лежал он посреди снегов,
родную землю обнимая...
А треугольники его
носила почта полевая.
Вилась позёмка, как змея,
печальный счёт ведя утратам...
Теперь уже не он, а я,
я для него стал старшим братом.

2

Мой брат под осаждённым Сталинградом
траншеи рыл, в окопах коченел...
...На старой снимке мы сидим с ним рядом,
но снимок, видно, с горя почернел.
...Вот брат в Крыму у волейбольной сетки,
колышется вдали простор морской...
Вот мы в залитой солнышком беседке
сражаемся за шахматной доской.
«Броня крепка...» — доносится по радио,
гремит тысячеустое «Ура!».
И эхо первомайского парада
летит, расправив крылья, на Урал.
Ещё все живы: деды и отцы.
На мирном рубеже Европы с Азией
цветёт сирень, влюбляются скворцы,
на юге наскучавшие за зиму.
И, слава наступление весны,
тюльпаны оккупируют долину...

Ещё четыре года до войны
и плюс ещё четыре
до Берлина.

Пароход «Одесса»

Река и пристань. Мгла над лесом.
Под крик детей и всхлипы баб
усталый пароход «Одесса»
на пыльный берег сбросил трап.
Прощанья краткие мгновенья
и взгляды, полные тоски,
объятая, слёзы, уверенья
в любви до гробовой доски.
Все ново нам на пароходе,
но взять ещё не в силах в толк,
что мы уже не парни вроде,
а запасной стрелковый полк.
Стоим, робеючи, в сторонке,
сердечко ёкает в груди...

А ордена и похоронки —
ещё всё это впереди.

В эшелоне

Вечернее солнце, устав,
катилось к черте горизонта,
и мчался стремительно к фронту
окутанный дымом состав.
Противником взятый на мушку,
был выгнут дугой перегон,

я видел из люка теплушки
последний и первый вагон.
Теплушку трясло и качало,
хлестал по вагонам свинец,
и я уже думал: конец!..
А это лишь было начало.

Командир

Обессилен до тошноты,
сердцем чувствуя земли притяженье,
мы под сенью ночной темноты
выходили из окруженья.
Как рыбы, выброшенные на песок,
жадно ртами хватали воздух.
Вспоминая отчаянный марш-бросок,
располагались на краткий отдых.
Нас наганом с земли командир поднимал,
матерясь, он стрелял у меня над ухом,
а я, как убитый, под дубом спал,
и земля мне казалась лебяжьим пухом.
Но, какой-то неведомой силой влеком,
превозмогая слабость и нехотенье,
я поднимался, преодолевая закон
всемирного тяготенья.

И дело здесь было, конечно, в том,
что средь этих дебрей, нам не знакомых,
наш командир был сильнее, чем Ньютон,
не нюхавший наших военных законов.
Он шёл рядом с нами, голодный и злой,
с лицом от бессонницы иссиня-бледным,
но в солнце, встающем над мёртвой землёй,
он видел солнце нашей победы.

7 ноября 1941 года

Вся в синих стрелах, как в зарубках,
белеет карта на столе,
Верховный молча курит трубку,
один в пустующем Кремле.
Враг снова наступленье начал,
и фронт висит на волоске...
А он вчера парад назначил
на Красной площади, в Москве.
Столицу враг бомбил жестоко,
бежали люди кто куда...
Но шли и шли к Москве с востока
и днём, и ночью поезда.
За лесом синим и зелёным
глухие слышались гудки,
и — эшелон за эшелон —
шли на парад сибиряки,
туда, где цвета алой крови
знамёна подняла Москва,
где в ожиданье наготове
застыли грозные войска.
Пушистый снег покрыл брусчатку.
Едва сменился караул,

как дирижёр, надев перчатку,
волшебной палочкой взмахнул!
И марш торжественный, бравурный
сердца солдатские потряс...
И, вскинув руку над трибуной,
к Победе звал Верховный нас.
Снежок порхал над Мавзолеем,
и «Яки», вспарывая высь,
над Историческим музеем
быстрее молний пронеслись.
Уже готовые к атаке,
по опустевшей мостовой,
задраив люки, мчались танки
громить фашистов под Москвой.
А под Москвой взрывались мины,
свистела смерть над головой...
Мы день Октябрьской годовщины
встречали на передовой.
Фон Бок на нас все силы бросил,
победой бредя наяву...
Не знал фельдмаршал, что в ту осень
сибиряки спасут Москву!

ЮРИЙ ЛЕВИТАНСКИЙ

Ребятишки глядят почтительно на мои ордена

* * *

Ну что с того, что я там был.
Я был давно. Я всё забыл.

Не помню дней. Не помню дат.
Ни тех форсированных рек.

(Я неопознанный солдат.
Я рядовой, я имярек.
Я меткой пули недолёт.
Я лёд кровавый в январе.
Я прочно впаян в этот лёд.
Я в нём, как мушка в янтаре.)

Ну что с того, что я там был.
Я всё избыл. Я всё забыл.
Не помню дат. Не помню дней.
Названий вспомнить не могу.

(Я топот загнанных коней.
Я хриплый окрик на бегу.
Я миг непрожитого дня.
Я бой на дальнем рубеже.
Я пламя Вечного огня
и пламя гильзы в блиндаже.)

Но что с того, что я там был,
В том грозном быть или не быть.
Я это всё почти забыл.
Я это всё хочу забыть.
Я не участвую в войне —
она участвует во мне.
И отблеск Вечного огня
дрожит на скулах у меня.

(Уже меня не исключить
из этих лет, из той войны.
Уже меня не излечить
от той зимы, от тех снегов.
И с той землёй, и с той зимой
уже меня не разлучить
до тех снегов, где вам уже
моих следов не различить.)
Но что с того, что я там был!..

* * *

В ожидании дел невиданных,
из чужой страны,
в сапогах, под Берлином выданных,
я пришёл с войны.

Огляделся. Над белым бережком
бегут облака.
Горожанки приносят бережно
куски молока.

И скользят, на глаза на самые
натянув платок.
И полозья скрежещут санные,
и звенит ледок.

Очень белое всё и светлое —
ах как снег слепит!
Начинаю житьё оседлое,
позабытый быт.

Пыль очищена, грязь соскоблена
и — конец войне.
Ничего у меня не скоплено,
всё моё — на мне.

Я себя в этом мире пробую,
я вхожу в права.
То с ведёрком стою над прорубью,
то колю дрова.

Растолку картофель отваренный —
и обед готов.

Скучно карточки отоварены
хлебом тех годов.

Но шинелка на мне починена,
нигде ни пятна.
Ребятишки глядят почтительно
на мои ордена.

И пока я гремлю, орудия
кочергой в печи,
всё им чудится — бьют орудия,
трубят трубачи.

Но снежинок ночных кружение,
закононый свет —
словно полное отрешение
от прошедших лет.

Ходят ходики полусонные,
и стоят у стены
сапоги мои, привезённые
из чужой страны.

Моё поколение

И убивали, и ранили
пули, что были в нас посланы.
Были мы в юности ранними,
стали от этого поздними.
Вот и живу теперь — поздний.
Лист раскрывается — поздний.
Свет разгорается — поздний.
Снег осыпается — поздний.
Снег меня будит ночами.
Войны мне снятся ночами.
Как я их скину со счёта?
Две у меня за плечами.
Были ранения ранние.
Было призвание раннее.
Трудно давалось прозрение.
Поздно приходит признание.
Я всё нежней и осознанней

это люблю поколение.
Жёсткое это каление.
Светлое это горение,
Сколько по свету кружили!
Вплоть до победы — служили.
После победы — служили.
Лучших стихов не сложили.
Вот и живу теперь — поздний.
Лист раскрывается — поздний.
Свет разгорается — поздний.
Снег осыпается — поздний.
Лист мой по ветру не вьётся —
крепкий, уже не сорвётся.
Свет мой спокойно струится —
ветра уже не боится.
Снег мой растёт, нарастает —
поздний, уже не растает.

ИННОКЕНТИЙ ЛУГОВСКОЙ

Учила нас Русь: Служивый, не трусь.

Тишина

Авиабомбы волчий вой,
Гул смертоносной стали...
Страшно подумать — на передовой
Годами солдаты не спали!

Если есть ад,
Так это был ад:
Огонь на огонь умножался.
И если уж там засыпал солдат,
Так больше не пробуждался.

И вдруг...
Тишиною полки сражены...
Всё замолчало, окаменело...
И с непривычки от тишины
В солдатских ушах зазвенело.

И тот,
Кто на свете всё претерпел,
Отвык от тепла, тишины и ласки,
Прислушался, вздрогнул, оторопел:
Над парнем жаворонок запел
Вместо фашистской фугаски...

Пусть будет во веки веков слышна
Майская песня и тишина!

Память солдата

Стараюсь забыться —	Вздремну лишь —
Не могу забыться,	Атака в четыре броска,
Днями, ночами...	Лязгает сталь,
Вновь и вновь	И космическим холодом
Былому солдату	Пуля сквозит возле виска.
Солдатское снится:	Пропела тоненько,
Кровь и окопы,	Как муха в ухо,
Окопы и кровь!	И грёзу от яви не отличить.
Память стучит	Атомный зверь, стальная ли муха
По сердцу молотом.	Одинаково могут

С землёй разлучить.	За зелень, поверьте,
Нет, не боюсь	За всех ребятишек боюсь!
Ни врага, ни смерти,	Когда будет бомба
Учила нас Русь:	С учёта снята,
Служивый, не трусь.	Тогда успокоится
За солнце, за воздух,	Память солдата...

Сняли с учёта

Торжественный марш	Четыре абзаца —
Боевого почёта:	Четыре войны.
Офицеров запаса	
Снимают с учёта.	Что ж, стариканы,
	Года-то правы.
Стоим по уставу	Зато сыновья-то
В последнем строю.	У нас каковы!
Говорит военком:	
Бла-го-да-рю!	Новый солдат
	Перед старым солдатом,
За службу, за дружбу,	Как перед пулей
За усталость...	Разбуженный атом.
И вдруг улыбнулся:	
Отвоевались!	В дали далёкие
	Смотрят ракеты:
Военный билет	Стоят наши парни
Возьмите на память...	На страже планеты.
Стоим. На висках у нас	
Снежная замять.	Стоят, чтобы мирно
	Вращаться планете,
Смотрю на билет,	Вечно купаясь
Где даты даны:	В солнечном свете!

Громче орудий

Под орудийные раскаты,	Он пел и ввинчивался круто
Под миномётный вой и лай	В безмерно-синий небосвод.
Его не слышали солдаты,	И лучше не было салюта
Четвёртый май, военный май.	Бойцам, закончившим поход.
Но вот пурга войны отвыла	Он пел о мае, о невесте,
И канонада не слышна.	Он пел о том, что жизнь сильна.
И словно пульс остановила	И лучше не было той вести,
У всех живущих тишина.	Что сражена сама война.
И сразу, после круговерти	Он пел... Молчали пушки, люди,
Огня и дыма, пуль и тел,	Молчало небо и лесок.
Он взвился ввысь над полем смерти	Он пел... И громче всех орудий
И, как бубенчик, зазвенел.	Гремел бессмертный голосок!

ИВАН МОЛЧАНОВ-СИБИРСКИЙ

«Здесь в сорок пятом Русские прошли!»

О чём ты думаешь?..

О чём ты думаешь, солдат,
Взойдя на гребень перевала?
Кругом, куда ни кинешь взгляд,
Лишь только пропасти да скалы.

Кругом маньчжурская земля,
Хребты её непроходимы...
Как далеко сейчас поля
И рощи Родины любимой.

Шагаем день за днём подряд,
И зной палит нас неустанно.
Куда же ты глядишь, солдат,
С заоблачных высот Хингана?

— Мне даль таёжная видна,
Волна песчаный берег лижет.
Там Родина лежит.

Она,
Чем дальше я, тем сердцу ближе.

* * *

Идём по спалённой пустыне,
По руслам исчезнувших рек...
Мне кажется: падает синий,
Пушистый, сверкающий снег.

Не звёзды ль вступили в круженье?
Боец любоваться не прочь,
Но нас ожидает сраженье
В грядущую черную ночь.

Песок точно после пожарищ,
Колюча сухая трава...
— Гляди! — восклицает товарищ, —
Сверкает озёр синева!

Нам кажется: плещется влага,
И мы убыстряем шаги.

Милей, чем столетняя брага,
Воды животворной круги.

Как будто доносится свежесть
Сквозь горький, томительный зной,
Сквозь лютую эту безбрежность
Озёра зовут белизной.

Дорога куда-то отбилась.
К терпению себя приневолю.
...В озёрах вода испарилась,
Осталась лишь горькая соль.

И снова пылает дорога,
Пески обжигают, палят.
— Ну, что ж, до колодца немного, —
Со вздохом промолвил солдат.

Танк в облаках

Танк на Хингане. Вестник нашей славы,
Он вознесён на гребне в облака,
Как монумент могущества Державы,
Прославленной отныне на века.

Травой зарастут войны дороги,
Но этот танк от Родины вдали
На башне сохранит простые строки:
«Здесь в сорок пятом
Русские прошли!»

Годовщина

Сигнал. И тронулась колонна
Вперёд, в неведомую даль...
Там близких нет, ни слёз, ни стоны,
Напутствий нет — и это жаль.

И после многих битв и стычек,
Как древний грозный великан,
Предстал во всём своём величье
Синеющий Большой Хинган.

Для танков здесь тропинки узки,
Темна подъёмов крутизна,
Но нет нигде преград для русских.
Грядёт победная весна!

Над хмурую жарких перекатов,
Поросших жалкою травой, —
Знамёна.

Под руку Саратов
Идёт с Иркутском и Читой.

Пусть градом бьёт,
пусть жажда мучит,
Но мы стремимся от беды
Идти быстрее.
Беда научит,
Как обходиться без воды.

Дуб в пустыне Чахар

Как старик седой у двора —
У дороги столетний дуб.

На рассвете ему ветра
Развевают зелёный чуб.

Грустно здесь стоять одному,
А кругом полынь да ковыль.
Я на память лист подниму
О тебе, старина-бобыль.

На рассвете в степи чужой
Ты один провожал нас в бой.

Русская гармошка на Хингане

Поднимались на такие кручи,
Где никто ещё не проходил.
Под ногами проплывали тучи,
Друг от бездны друга отводил.

Кухня батальонная в тумане.
Тянет провод по скале связист.
Русская гармошка на Хингане,
Русский на лафете гармонист.

Пот струится. Подниматься тяжело.
И орёл пониже нас парит.
Спутница солдатская — баклажка
Больше суток без воды гремит.

То она поёт и веселится,
То грустит о чём-то в вышине.
Русская гармошка за границей,
На чужой маньчжурской стороне.

Год назад

Отроги гор. Их дальняя вершина
Цепями стягивает сумрачный Хинган.
А наша одинокая машина —
Скорлупкой брошена
В песчаный океан.

Какая тишь!
Здесь миг похож на вечность.
Века назад —
Была морская гладь кругом.
Теперь степей усталых бесконечность.
Не здесь ли мы найдём
В песках
Свой вечный дом?

Друг

Смерть, говорят, на волосок
В бою прошла от нас...
От пули, посланной в висок,
Тебя товарищ спас.

Вон солнце, небо и трава,
И, значит, ты живёшь!
В тот миг — забыты все слова,
И другу — руку жмёшь.

Схватка

Цветок склонился к изголовью, —	Стирали наспех пот и копоть,
Пробита пулей голова.	Роняли редкие слова.
Обрызгана горячей кровью	
Степная жёсткая трава.	Как будто богатырь былинный,
	Поднялся в полный рост солдат.
Сражались, засучив по локоть,	И только очередью длинной
Чтоб не мешали, рукава.	Считал убитых автомат.

* * *

Остановись и шапку скинь, прохожий:
В чужом краю, где степь гудит, пыля,
Лежит солдат... Ему была дороже
Всего на свете — русская земля!

Погибший на чужбине

Лежит парнишка у дороги, —	Встаёт сурово на колени
Прострелена навывлет грудь.	И клятву верности даёт,
Не встать солдату по тревоге,	Где у реки Шара-Мурени
Рукой уже не шевельнуть.	Чужая яблоня цветёт.
Он вздёрнул губы по-ребячьи,	Витают ветры по долине,
Синеет горький дым над ним.	Чужая синь над головой.
Мать далеко. Товарищ плачет,	Но о погибшем на чужбине
Прощаясь с другом боевым.	Не позабудет край родной.

С перевала

В горах, обнажённых и алых,	— Я вижу далёкую речку
Где скалы над бездной висят,	И дом, где дождутся меня.
По чёрному краю провала	
Проходит советский солдат.	Гармоника пела «Страдания»,
	Но радость будила в груди.
За острой грядой перевала	Высоты Большого Хингана
Синеет другой перевал.	Остались уже позади.
Гармоника вдруг заиграла,	
И стал батальон на привал...	И громче запел запевала,
	И гор расступилась стена,
Товарищ поправил уздечку,	Как будто с того перевала
Похлопал по шее коня.	И вправду Отчизна видна!

ЛЕОНИД ОГНЕВСКИЙ

Был бой как бой

Был бой как бой.

Трещали автоматы,
И пулемёты лаяли, грозя загрызть,
И дальней артиллерии раскаты
Привычно отпевали чью-то жизнь.

И кто-то победил бы в этом бое,
Чьей силы больше было на весах,
Но тут в безумье грома, визга, воя
Решительно вмешались небеса.

Они наслали туч.

Ватагой тесной
Те в сумраке вечернем напоззли.
Сверкали молнии, и гром небесный
Вплетаться начал в грозный гром земли.

А я, а мы,

пехтура по окопам,
Отвыкшие от крыш над головой,
Промокшие и грязные, мы скопом
Внимали перепалке огневой.

Но в жизни, говорят, ничто не вечно.
Заметили мы:

только до поры
Над нами перекатывались встречно
Снарядов раскалённые шары.

Всё меньше, меньше пролетающей стали,
Утихомиренной громовой ад.
И мы стрелять по немцам перестали
Без всяких приказаний и команд.

Сверкнула молния уж далеко-далече,
А край передний освещён, как днём,
И мы блаженно расправляем плечи
И кисти рук на брустверы кладём.

Глядим, а фрицы, те — поверх траншеи,
Враги заклятые,

сидят рядком,
По пояс голые, и потирают шеи
Кто снятой майкой, ну а кто платком.

И мы схватились за оружие разом,
Стрелять же не посмели, смущены.
Мы поняли,
 что есть всесветский разум,
И он сильнее всех зол,
 всех бед войны.

АНАТОЛИЙ ОЛЬХОН

Обручальные кольца

*С любовью и уважением посвящаю
неизвестным, но родным мне престарелым
супругам, отдавшим свои обручальные
кольца в «Фонд обороны» 31 июля 1941 года
в Иркутском госбанке*

В шумном зале блестели колонны,
Алый лозунг кричал со стены:
«Патриот, укрепляй оборону!
Всё отдай на защиту страны!»

Подошли они скромно и просто,
У обоих уже седина, —
Старички невысокого роста,
Неизвестные муж и жена.

Возле кассы на стол комсомольца
Светлый полдень лучи уронил,
Обручальные звякнули кольца,
Заблестев, как живые огни.

Старики эти кольца ценили,
Берегли их они много лет:
Эти кольца на память хранили,
Как любви своей верный завет.

И в годину военной тревоги,
Проводивши на фронт сыновей,
Старики, величавы и строги,
Поклялись не отстать от детей.

Из сияющей залы госбанка
Вижу я боевой горизонт,
Слышу, рвутся немецкие танки
И фашистский колеблется фронт.

Под ударами наших зениток
«Мессершмитты» свергаются вниз.
И в стальной полыхающий свиток
Обручальные кольца вплелись.

Эти кольца сверкают в снарядах,
Эти кольца впаялись в клинки:
Штурмовые срезают отряды,
Белофинские рушат полки.

Эти кольца врагов окружают.
Давят, жгут, разрывают, громят.
Эти кольца в бою побеждают,
Богатырскую силу таят.

Исполать вам, советские люди!
Слава, честь вам на веки веков!
Ваша жертва достойною будет
Поколения большевиков.

Кольца отдали вы золотые —
Обручились вы с родиной вновь.
Вам друзья, старики дорогие,
Поклонюсь я за вашу любовь.

Поклонюсь по-сыновнему просто...
И поклонится вам вся страна,
Старички невысокого роста
Неизвестные — муж и жена.

КОНСТАНТИН СЕДЫХ

И только в разбитом Берлине остынет его автомат

* * *

В вагонах русская гармошка,	А он всё гонится за нами,
Родной сибирский говорок.	Всё не насмотрится на нас.
Плывёт в тумане за окошком	
Звезды зелёный огонёк.	Наш путь далёк — на поле боя...
	Не будет звёзд родных полей,
Его заносит облаками,	Но будет с нами там святое
Скрывает лесом каждый час.	Благословенье матерей.

Парень из Иркутска

Под ивняком из мёрзлого болота
Дым ядовитый медленно ползёт.
У амбразуры вражеского дзота,
Закрыв собой немецкий пулемёт,
Лежит, как глыба серого гранита,
В упор прошитый строчкой огневой
Иркутский парень Пронька Подкорытов
С залитой кровью русой головой.
Стоят бойцы над Пронькой скорбным кругом,
И каждый молча думает о нём:
Вчера он был простым и скромным другом,
Сегодня стал великим земляком.
Не по приказу кинулся он к дзоту,
А по велению совести своей,
Как подобает в жизни патриоту,
Он отдал жизнь, но спас своих друзей.
Скрестивши на груди его ладони,
Шинелью окровавленной накрыв,
В могиле братской Проньку похоронят,
Но богатырский подвиг будет жив.
В святом бою с военщиной немецкой
Земляк наш пал в пороховом дыму.
В Иркутске жил он на Второй Советской,
И там поставят памятник ему.

Возвращение фронтовика

Чугунным мостом над кипучей рекой
Шагает с вокзала сержант молодой.

Омытые ливнями буйной весны,
Иркутские дали чудесно видны.

В лазурных туманах лежат острова,
Кипит по садам молодая листва.

И вплоть до байкальских серебряных гор
Широко распахнут весёлый простор.

Вдыхая всей грудью садов аромат,
В знакомую улицу входит солдат.

Вся грудь у него в орденах боевых —
В нашивках и алых, и золотых.

Приятно по улице парню шагать,
Людей поглядеть и себя показать.

Дивясь его стати, его орденам,
Бегут ребятишки за ним по пятам.

И слышит он их разговор за спиной:
«Вот это, должно быть, герой так герой...»

Волнуясь, вдыхая садов аромат,
В знакомую улицу входит солдат.

Клятва

Цветёт у дороги ромашка.
Лежит мальчуган под сосной.
Его голубая рубашка
Обрызгана алой росой.

Раскинуты смуглые руки,
Глядят и не видят глаза,
В них горьким свидетельством муки
Последняя стынет слеза.

К сосне завернув мимоходом,
Целует парнишку в висок

Идущий на запад походом
Бывалый сибирский стрелок.

Целует и молча стирает
С лица запылённого пот,
А сердце в груди закипает,
От гнева вздохнуть не даёт.

Уходит по дымной равнине,
Забывши усталость, солдат.
И только в разбитом Берлине
Остынет его автомат.

Воинская честь

*Памяти сапёра-сибиряка
П. Лазарева*

В том краю, где ясные озёра
От снарядов плещут и кипят,

Окружил курчавого сапёра
Вражеских разведчиков отряд.

Не успел он выхватить гранаты,
Распрямить мозолистой руки,
Как в упор взглянули автоматы
И упёрлись в грудь ему штыки.

Не просил он у врагов пощады
И, когда сумели одолеть,
Почернел от злости и досады
Что не мог, как надо, умереть.

Закрывалось небо облаками
И со дна озёр вставала муть.
Шёл он в плен крутыми берегами
И не смел на белый свет взглянуть.

В тальнике туманной котловины
Перешеек узкий меж озёр.
И на нём зарыты густо мины,
Сам их здесь закладывал сапёр.

По воронке давней от гранаты
Он узнал опасный поворот.
Не уйдут фашисты от расплаты,
Если он с тропинки не свернёт.

Не свернул и не убавил шага.
Шёл на гибель верную, на месть,
Как велела русская отвага,
Как велела воинская честь.

Пять шагов — и вздрогнули озёра,
Пять шагов — и, грозно озарив
Пламенем и славою сапёра,
На века раздался этот взрыв.

Навсегдапомним мы с любовью
Тех людей, что родине верны,
Имена свои вписали кровью
В огненную летопись войны.

У могилы сибиряков

О них ещё думают, как о живых,
Печальные матери в дальней Сибири,
Но спят они крепко средь сосен густых
В суглинке тяжёлом у Свири.

Трещит и дробится у Свири шуга,
За тучами прячется месяц унылый,
И воет всю ночь до рассвета пурга
Над тесной солдатской могилой.

Чуть мрак посветлеет — на жёлтой доске
Видны фотокарточки в чёрной каёмке.
Искрятся и гаснут в зелёном венке
Летучие звёзды позёмки.

Всевластное время венков оборвёт,
Размоет могилу водою холодной,
Но слава о них до Сибири дойдёт
И гордостью станет народной.

Жена солдата

Цветёт герань на подоконниках,
Струится в окна жёлтый свет.

В углу, на столике, гармоника
И мужа-воина портрет.

Приходит с поля чернобровая
Домой солдатская жена,
И жжёт ей грудь тоска суровая,
Глухая давит тишина.

Не раз, не два слезами вымоет
Певунью звонкую она,
Но не устанет ждать любимого,
Трудясь и мучаясь, жена.

Присядет к столу усталая,
Щекой к гармонии припадёт, —
И ей в ответ, как будто жалуясь,
Гармонь тихонечко вздохнёт.

К такой вернётся муж с отрадою
И примет с трепетом в крови
За всё, что выстрадал, наградой
Весь жар святой её любви.

МАРК СЕРГЕЕВ

Стояла насмерть русская земля

Фронтовые поэты

Фронтовые поэты.
В землянках, в блиндажах и каптёрках,
в заскорузлых шинелях,
в линялых своих гимнастёрках,
при случайной свече,
при коптилке из гильзы снарядной,
после боя, работы,
после дня в карауле, в наряде
как вам силы хватало
писать на краю, на пределе
всё, что вы заносили в блокноты свои
самодельные?

Фронтовые поэты.
С напором свинцового шквала
ваши жизни судьба,
ваши жизни война рифмовала,
И едва затихало сражение —
атаке не вечно же длиться, —
как оно оживало
на ваших бессмертных страницах.

Но бессмертные строки
от смерти, увы, не спасали,
фронтовые поэты
бои на талант не списали,
но из братских могил
воскресало их слово живое,
батальоны к победе,

к бессмертью
ведя за собою.

Это я испытал,
точно знаю, как это бывает:
раскалённый металл
наши цепи огнём накрывает,
надо встать и бежать,
кровь и грязь пропитала обмотки,
победил, уцелел —
огнестрельные дыры в пилотке...

Фронтовые поэты.
Встречаю теперь вас нечасто:
вы, как прежде, — в строю,
ни рисовки,
ни позы, ни чванства...
Ваши строки живут: молодые, горячие,
цельные.
Вы храните — до срока —
блокноты свои самодельные.

Баллада о тополях

В тени их
скрыта школьная ограда.
Они следят с улыбкой за тобой,
горнист из пионерского отряда,
так мастерски владеющий трубой.
Нас кронами укрыв,
как шалашами,
они шумят
под вешнею грозой...
Послушай:
я их помню малышами —
обыкновенной
тоненькой лозой.
Послушай:
в небе стыл рассвет белесый,
проткнула землю первая трава,
за ручки, важно,
приведя из леса,
их посадили мы —
десятый «А».
И ночью,
после бала выпускного,
мы поклялись

сюда опять прийти.
И вот мы к тополям
вернулись снова,
но впятером
из двадцати шести.
Горнист из пионерского отряда,
послушай:
клятв никто не нарушал.
Ты родился, должно быть, в сорок пятом
и, значит,
сорок первого не знал.
А в том году
схлестнулись
с силой сила,
стояла насмерть русская земля.
За тыщи вёрст
разбросаны могилы
тех, кто сажали
эти тополя.
Но,
будто бы друзья мои — солдаты,
стоят деревья
в сомкнутом строю,

и в каждом я,
как в юности когда-то,
своих друзей приметы узнаю.
И кажется,
скажи сейчас хоть слово
перед шеренгой тополей живой —
и вдруг
шагнёт вперёд правофланговый
и в трауре поникнет головой.
Как требуют
параграфы устава,
начни по списку называть солдат:
— Клим Щербаков! —
И тополь —
пятый справа —
ответит:
— Пал в боях за Ленинград.
— Степан Черных! —
И выйдет тополь третий.
— Матвей Кузьмин! —

Шагнёт двадцать второй.
Нас было двадцать шесть
на белом свете —
мы впятером
с войны вернулись в строй.
Но остальные не уходят.
Рядом
они стоят,
бессмертны, как земля.
Горнист из пионерского отряда,
взгляни:
шумят под ветром тополя.
И если в час беды
о нас ты вспомнишь,
твой горн тревожно протрубит подъём,
то мы придём,
горнист,
к тебе на помощь,
живые или мёртвые —
придём.

Люди и города

А города людей — переживают.
Уже сошли мы безвозвратно в тень,
а всё ещё дома переживают.
Всё ищут нас локаторами стен.
В пролётах лестниц след наш не пылится.
Нас помнят телефоны, голоса,
и стёкла отражают наши лица,
и вещи помнят наши голоса.
Потом — туман напополам с тоскою.
Потом — забвенья тусклая вода...

...Не дай господь увидеть вам такое:
как мы переживали города.
Они, как люди, в горестях старели,
они стояли посреди войны.
Их волосы зелёные горели,
и были их глаза ослеплены.
И падали они. Во тьме лежали.
Но чуть враги — в атаку, на прорыв, —
и камни нас родные окружали
и умирали, нас собой прикрыв.

Возвращение на войну

Ветер пылью шумит по кустам,
леденеют сожжённые сёла...
И разносится: «Все по местам!» —
капитанское хриплое соло.

И, едва затихают слова, —
в направлении командного жеста,
отделения летят в кузова,
и машины срываются с места.

догорел самокруткой привал,
лейтенанты сидят по кабинам:
в закипающий бой, как в провал,
резервистов бросают машины.

Все в воронках окопов края,
а над ними волна разрывная,
и безмолвное: «Делай, как я!» —
нам ползти до переднего края.

...Сколько лет в этом давнем бою,
сибиряк, паренёк бесшабашный,
я лежу у войны на краю
перед первой своей рукопашной.

Я лежу в ожиданье броска,
подбородком в песок упираясь,
и плывут от реки облака,
то густея, а то растворяясь.

Все товарищи живы пока,
у ребят — ни сомнений, ни грусти...
Через миг батальоны полка
голос Родины бросит на бруствер.

Каска прячет меня до бровей,
ал закат, точно рана сквозная.
И ползёт возле глаз муравей,
ни бессмертья, ни смерти не зная.

Возвращение с войны

Эшелоны гремят обратные,
посреди зимы.
и китайские аккуратные
отстают дымы.
По теплушкам снуёт метелица.
Караулим груз.
И ещё в наши жизни целится
по ночам хунхуз,
и ещё, куржаком оправленный,
от тревог устав.
через пули и спирт отравленный
наш гремит состав.

...Глинобитная улица узкая,
чей-то грустный взгляд.
Но всё ближе граница русская,
и сердца горят.
И уже нам ночами снится:
над волной раки,
распластавши крыла, как птица,
эшелон летит.

Смотрят матери удивлённо,
детвора бежит:
журавлиная стая вагонов
в небесах кружит.
И садятся напропалую,
развернув крыло,
кто на площадь на городскую,
кто в своё село.

Мы выпрыгиваем на травы,
ордена звенят,
ах, какие, о боже правый,
очи у девчат!

Как целуют они нас сладко
у речных раки...

Голова на шинельной скатке,
эшелон гремит.
Зори — мимо,
пространства — мимо,
в ледяной красе,
и колёса неумолимо
всё отстукивают с нажимом:
«Живы, мальчишки... живы, живы...
Да не все...
не все...»

ДЕНИС ЦВЕТКОВ

У святых развалин Сталинграда умирал израненный солдат

Однажды

Я «вычислил» в тот раз «кукушку».
(То снайпер-итальянец был.)
И трижды
Брал его на мушку,
И трижды мушку отводил.
А он,
Агиткой сбитый с толку,
И зла к соседу не тая,
Читал вчерашнюю листовку,
Едва губами шевеля.

К нему
Проникся я доверьем.
Ведь есть наверно и семья?!.
Передо мной
Сидел «деревня»,
Такой же парень, как и я.

Но чудо всё же есть на свете.
Хотя его
Порой не ждём.
Он тоже ведь меня заметил,
Но продолжал играть с огнём!
Земля была

В холодном поте,
И на кону стояла жизнь.
Но взвесив все
И «за» и «против»,
Мы полюбовно разошлись.

Война — волшебная наука.
И мне маячил трибунал.
И если бы
Не маршал Жуков, —
Ты б эти строки
Не читал!..

* * *

Когда смотрю
На это фото,
Я, как мальчишка, встрече рад:
Передо мной —
Родная рота, —
Сто двадцать стриженных ребят.
Они,
Друг к другу прижимаясь,
Стоят у каменной стены.
Стоят,
Беспечно улыбаясь,
Как будто нет уже войны.

Колхозный
Бывший председатель,
А ныне — фоторепортёр,
Загнал солдат
В видеоискатель
И расстрелял
Бедняг в упор.
Он громко кашлял то и дело.
И знал, провидец, наперёд
Что этот снимок чёрно-белый
Всех, кто на нём,
Переживёт!..

Разведчики

Подбирались ночи потемнее,
Подожливей
Или поснежней.
Подбирались парни посильнее,
Одевались парни потеплей.
Подбирались со вся России,

В жизни не умевшие тужить.
Подбирались парни,
Да такие —
Гору сдвинут, только прикажи!

Затянувшись папироской поровну
И поправив «финку» на ремне,
Молча уходили на «ту сторону»,
Чтоб побыть с судьбой наедине.
Уходили тихо, не прощались,
Даже без обычного: пока!
Многие назад не возвращались,
Жизнь свою отдав за «языка».
Так и шли неделя за неделей.
Нынче бой,
А завтра снова бой...
Ордена они свои надели,
Лишь когда поехали домой!..

* * *

У могилы старого солдата,
Что скончался девять дней назад,
Видел я,
Как плакала собака,
Утирая лапою глаза.
Те глаза
Смотрели осовело
На снующих меж могил людей.
Ничего за эти дни не съела
Из того, что было перед ней.

А пред нею,
Перед самым носом,
В травке, что была едва видна,
В целости лежали
Не отбросы,
А вполне добротная еда.
И блины, и яйца, и горбуша,
И совсем нетронутый банан.
Кто-то даже кинул
«Ножку Буша»
И налил вина в пустой стакан.

Но собака
Ни пила, ни ела:
Берегла хозяину обед.
Как вдова,
Сидела и глядела

На ещё не выцветший портрет.
Лишь порою
Тяжело вздыхала:
Почему молчит он? Почему?
И не просто слёзы утирала,
А молилась Богу своему!..

* * *

Мой друг погиб уже после войны.
Победный май
Витал над бренным миром.
А мы,
Осиротевшие сыны,
Прощались с отделённым командиром.

Он был по званию
Только лишь сержант.
И выйти в генералы не стремился.
Писал стихи,
Неплохо, говорят,
А по годам
Нам всем в сыны годился.

Когда решался жизненный вопрос:
Быть иль не быть?
И кстати и некстати,
Мы в шутку,
А порою и всерьёз,
Его любовно называли «Батей».

И вот теперь
Ликует бренный мир,
Как бурлаки во время перекура.
Средь леса
И умолкнувших мортир
Поэта отыскала пуля-дура.

Все думали: окончена война.
Окончена отныне и навечно.
Но в этот день,
Безумная, она,
Была, как никогда, бесчеловечна!..

Душа поэта бродит средь могил
И до сих пор
К отмщению взывает.
Не новый ли Дантес его убил?..
Об этом лишь один Всевышний знает!..

* * *

Я Ермаковский старожил,
Был писарем в отдельной роте.
И верно Родине служил
В войсках,
Что ныне не в почёте.

На Западе был сущий ад.
Но ликовал злодей на Шпрее.
Непокорённый Ленинград
Еле дышал,
С петлёй на шее.

Шумел-гремел
Девятый вал
Под самовластною рукою.
Об этих днях
Мой друг сказал:
«Сибирь стояла под Москвою!»¹

Мы верили:
И грянет бой!
И знали: устоит столица.
А здесь,
За нашею спиной,
В мученьях корчилась граница.

«Нас было мало на челне»,
Одетых в рваные шинели.
А на маньчжурской стороне,
Как муравьи,
Враги кишели.

Три года длился тарарам.
Медали зайчиков пускали.
И те,
Прирученные,
К нам
Через рубеж
Перебегали.

Мне позывной их был знаком,
Хоть я служил простым солдатом.
Писал пером,
Колол штыком,
И спал в обнимку с автоматом.

¹Вас. Фёдоров

...В глазах
Таинственная грусть.
Уже зима не за горою.
Но, несмотря на всё, горжусь
Своей изменчивой судьбою.

Я Ермаковский старожил,
Был писарем в отдельной роте.
И верно Родине служил
В войсках,
Что ныне не в почёте!..

* * *

Помнишь, как мечтали вечерами?..
Он придёт,
Появится на свет.
С голубыми, ясными глазами,
Тот, кого пока что
В мире нет.
Он придёт,
Заполнив жизнь собою,
Ничего не ведая о том,
Что его рожденье взято с боем,
Счастье — завоёвано отцом!
Что когда гремела канонада
Вражеских снарядов и гранат,
У святых развалин Сталинграда
Умирал израненный солдат.
Умирал...
Однако вот не умер.
(Всё ж бывают в жизни чудеса!)
Выходили, вынынчили люди
Кровью истекавшего бойца.

Были б корни, — будут и отростки.
Были б кости, — мясо нарастёт...
Предо мною —
Мальчишки-подростки,
Старшему — одиннадцатый год.
Он, как ты,
Такой же синеокий,

Не глаза, а в поле васильки.
Краснощёкий,
Ростом не высокий,
Рыболов, вернувшийся с реки.
А другой — мальчишка-непоседа,

Колобком катается у ног.
— Весь в Михайлу, —
Это значит в деда
Мой меньшей,
Заботливый сынок!

...Счастлив я,
Что у детей есть детство!
Я — выдавший смерть, и не одну!
Люди!
Мы обязаны в наследство
Им оставить мир,
А не войну!..

* * *

Врачи всю ночь,
Как ангелы-хранители,
Стояли над солдатом не дыша.
И будто плёнка
В старом проявителе,
Он к жизни возвращался не спеша.
В бинтах,
В подушки заживо зарытый,
Лежал и даже не дышал солдат.
Лишь только пульс,
Как родничок забытый,
То замирал,
То бился невпопад.
К утру он шевельнул устало бровью,
Потом глаза открыл едва-едва...
...Смерть
Тихо дверь
Прикрыла за собою
И юкнула
В палату номер два!

ВАЛЕНТИН РАСПУТИН

Имена

РАССКАЗ

Жила-была мать, и было у нее четыре сына, четыре славных молодца...

На этом сказка кончается.

Если хочешь — можно начать со сказки любую историю. Но потом сказка в этой истории, как детство в жизни человека, вдруг кончается, и начинается то, что было в действительности.

РАСПУТИН Валентин Григорьевич (15 марта 1937, село Усть-Уда, Усть-Удинский район Иркутской области — 14 марта 2015, г. Москва) — русский сибирский писатель, представитель т.н. «деревенской прозы». Герой Социалистического Труда (1987), дважды лауреат Государственной премии СССР (1977 и 1987), почетный гражданин города Иркутска (1986), общественный деятель. С 1949 учился в сельской школе, впечатления этих лет легли в основу широко известного рассказа «Уроки французского». Окончил ист.-филол. ф-т Ирк. гос. ун-та (1959). Работал лит. сотрудником газ. «Советская молодежь», публиковал очерки и заметки. Первый рассказ «Я забыл спросить у Лешки...» опубликован в 1961 в альманахе «Ангара». С 1962 короткое время жил в Красноярске. Первая книга рассказов и очерков «Край возле самого неба» вышла в Иркутске в 1966. На Читинском семинаре молодых писателей Восточной Сибири и Дальнего Востока (1965) отмечен талант Распутина, он рекомендован в Союз писателей СССР. Повесть «Последний срок» (1970) принесла писателю всемирную известность. С нач. 1970-х его повести и рассказы выходят в многочисленных изд-вах страны, переводятся на языки всех республик (ныне — «ближнего зарубежья»), выходят во многих европ. странах, в Японии, США. В 1977 за повесть «Живи и помни» Распутину присуждена Гос. премия СССР, в 1987 Гос. премия присуждена за повесть «Пожар». Распутин — чл. Правления Союза писателей СССР и РСФСР (с 1985), неоднократно избирался секр. того и другого союзов, с 1994 — сопредс. Правления Союза писателей России. В 1980-1990-е писатель много работал в жанре публицистики, писал очерки-размышления о судьбе заветных уголков Сибири. Избирался депутатом Верховного Совета СССР последнего созыва, был советником в Президентском совете при М.С. Горбачеве. Распутин — являлся членом редколлегий многих газет и журналов, входил в руководящие органы совр. обществ. движений, деятельность которых посвящена возрождению России, инициатор и вдохновитель проведения в Иркутске ежегодных Дней русской духовности и культуры «Сияние России» с 1994.

Извини, пожалуйста, сказка, прощай, детство, — в сорок первом началась война, и сказки вместе с детьми увезли на восток, а с востока трех материних сыновей вместе с другими сыновьями повезли на запад. Четвертый сын был еще маленький и для войны не годился. Он мог читать сказки, но сказки в ту пору были глухими и немymi — глухонемыми, они не звучали и не откликались — видно, их оглушило войной, как тогда говорили, контузило, и они лежали на полках, как на больничных койках.

Вместо сказок четвертый сын слушал сводки. В сводках говорилось о погибших — и их нельзя было спасти никакой живой водой, упоминались села и города — по ним можно было учить историю и географию, сводки звучали как заклинания: сегодня, завтра и во веки веков не упади, не отступи, не умри.

В сорок первом — летоисчисление в войну шло своим чередом — под Москвой погиб первый материн сын. Его звали Василием — такое у него было имя, и оно ему шло.

— Под Москвой, под Москвой, — шептала мать, пытаясь соединить в себе оборванные клетки, но они никак не соединялись. Москву мать знала, и это ее немного успокоило.

В сорок третьем году под Курском погиб второй материн сын. Его звали Петром, и после него осталось только это имя, будто сам он вышел из вагона номер двенадцать и пропал, а поезд, не дождавшись его, ушел дальше. Казалось бы, ничего страшного: в вагоне номер двенадцать поехали другие пассажиры — мало ли людей с именем Петр продолжали жить на свете, но у матери был один Петр, и она, потеряв его, потеряла полмира.

А война, как поезд без расписания, все шла и шла. Были и у нее свои станции, которые объявляли в сводках, но когда она дойдет до конечной точки — знали плохо. Она и не торопилась доходить — война никогда не торопится.

В сорок пятом под Берлином погиб третий материн сын. Ему оставалось сделать всего один шаг до мира, всего один шаг из тысячи, когда он упал и уже больше не поднялся. Его звали Никитой, и имя его потом записали на гранитной плите, обращенной к солнцу, — маленькая записка, которую можно читать даже жителям других планет. После войны остался порох и остались снаряды, но от материних сыновей, ушедших на войну, ничего не осталось, словно они прились друг другу как раз впору — война и сыновья, и только-только друг на друга их хватило. Мать собрала их имена — эти стреляные гильзы калибра года рождения, которые бренчали, задевая друг друга, будто стонали об утрате своей сути, — мать собрала их и оставила себе, чтобы мальчишки, случайно подобрав, не могли играть ими в войну.

Было у матери четыре сына, а остался один. После войны он вырос и в один и тот же год стал ровесником всех своих братьев, потому что они рождались и умирали через два года после друг друга, а он, родившись позже, продолжал жить. Его звали Андреем, и только одно это имя сохранило полный смысл и полное звучание, без пустотелости и эха.

Все его звали Андреем — все, кроме матери. Мать тоже хотела бы называть его так, как зовут другие, но одно его имя у нее никак не получалось. Сначала ей на ум приходили имена ее погибших сыновей, эти стреляные гильзы калибра года рождения, которые бренчали, задевая друг друга, и она называла их, словно стреляла холостыми патронами, и только потом, когда оставалось одно имя, она называла и его — живое, счастливое имя своего четвертого сына.

— Василий — Петра — Никита — ...Андрей, — говорила она. — Василий — Петра — Никита — Андрей.

Четвертый сын сердился:

— Почему ты не можешь называть меня нормально?

Мать собирала имена и где-то там, у себя в памяти, раскладывала их по отдельным ящичкам: тут Василий, погибший под Москвой, тут Петр, погибший под Курском, тут Никита, погибший под Берлином, а тут Андрей — три ящичка можно замкнуть на ключ, а четвертый надо держать открытым. Но когда приходило время взять из четвертого ящичка одно только имя, вдруг сами собой раскрывались ящички, замкнутые на ключ, и имена, как невольные слезы из глаз, вырывались наружу.

— Василий — Петра — Никита — Андрей, — говорила мать и, пугаясь, опускала глаза.

Ты издеваешься надо мной, — злился ее четвертый сын.

Нет-нет, Василий — Петра — Никита — Андрей.

Потом мать умерла и взяла с собой имена всех своих погибших сыновей. Четвертый сын остался один. Все называли его только Андреем, его собственным именем, записанным в паспорте. А ему вдруг стало не по себе. Он вздрагивал, когда слышал одно свое имя, без защиты имен погибших братьев. Только теперь он понял: у матери эти холостые выстрелы были выстрелами предупреждения, что есть у нее еще один сын, живой и здоровый, что есть еще у матерей сыновья, живые и здоровые...

Послевоенные иркутские поэты о Великой Отечественной войне

ЮРИЙ АКСАМЕНТОВ

Мой отец погиб на войне

Мой отец погиб на войне,
Ничего не оставил он мне:
Ни погон, ни звезды, ни ремня,
Даже писем нет у меня.

Я не видел отцовских глаз,
Не изведал отцовских ласк.
Был защитой от всяких бед
Только строгий его портрет.

Что отец мне мой завещал,
Что он грудью своей защищал?
Может, даст мне береза ответ,
Под которой он умер в Литве?

Может, мудрый столетний вяз
Передаст мне отцов наказ!
Это речь или звон листвы:
Крепко ль мир бережёте вы?

Колосятся пшеницей поля,
Зелена ль, как при мне, земля?
Есть ли вести с чужих берегов?
Сух ли порох для всех врагов?

Я услышал тебя, наконец!
Я исполню свой долг, отец!
Да, я вспомнил, в далёком сне
Говорил ты — о том же — мне.

июнь-июль 1964

* * *

*Памяти отца
Петра Михайловича Грехова*

Не знаю, говорю вам честно —
В деревне ль, в городе каком —
Он стал солдатом неизвестным,
А я мамашиним сынком.

Не знаю, в поле ль, за бронёю —
Его сразил чужой металл,
Но вот, что нет его со мною —
Я никогда не забывал.

Мне эту память обострили
Доброжелатели, — скажу, —

Когда насмешливо острили
Над тем, что ем и что ношу.

Те пирожки и те коврижки
И ныне слышатся в речах —
Иного папина сынишки,
Что взрослым стал на помочах,

И страшно мне во дни иные,
И как-то жутко отмечать —
Ожесточённые живые
О мёртвых любят помолчать.

БОРИС АРХИПКИН

* * *

Отколесила давняя война,
Отубивала,
Отпытала,
Зáмерла!

Не умолкай во мне,
Моя вина,
За то, что не упал
Солдатом замертво.
За детский сон,
За Лорку,
За траву,
За даль,
Неотделимую от берега...

Не хватит звёзд —
Подснежников нарву
И на могилу —
Лепестками
Бережно...

Родительский день

Помянем усопших родителей,
Вспомянем погибших друзей.
Печальны картины для зрителей —
Кладбищенский скорбный музей.
Могилка к могилке. Молитвенно
Живые приходим сюда.
Над каждой оградкой, над плитами
Главенствуют крест и звезда.
Поймём, господа и товарищи,
Что может постигнуть людей
Война — всенародное кладбище,
Всемирный родительский день.
Земля приняла соплеменников.
Отныне на ней — неживых.
Так будем беречь современников.
Так будем поддерживать их.

ЕВГЕНИЙ ВАРЛАМОВ

В последнюю неделю

*Отцу — Петру Михайловичу,
отвоевавшему в ту войну
с такою же распевкой...*

...Последнюю неделюшку
стели, жена, постелюшку.
А потом постелюшкой
станет мне шинелюшка.

Нет моей охотушки
помирать в пехотушке...
Сквозь шинель с иголочки
саданут осколочки...

И на дне окопчика,
замерзая с копчика,
буду под ознобушком
вспоминать зазнобушку.

В медсанбате с краешку,
в лазаретном раюшке,

мне она привидится —
жаркая, придвинется...

Но не будет милушки
у моей могилушки.
Кабы сына-доченьку
в расставастья ноченьку...

Треугольник-весточка,
а потом повесточка:
у чужого Таллина
за победу Сталина...

Так стели постелюшку
эту мне неделюшку.
Никуда не денешься —
в чёрное оденешься.

ГЕННАДИЙ ГАЙДА

Утро 9 мая

Тучи низко идут над Кремлёвской стеной,
В небе отсвет знамён войсковых.
Мы деревни сдавали высокой ценой,
Оттого лишь не сдали Москвы.

Поминальную скатерть в широкой степи
Мы расстелем, свободой дыша.
Не посмеет и пяди врагу уступить
Безутешная наша душа.

* * *

Его призвали всеблагие
Как собеседника на пир.

Ф.И. Тютчев

Меня взгляды ежегодно,
теряй связующую нить,
суди, ряди о чём угодно...
Но прошлого не изменить.

Была великая вина,
была великая война,
была великая беда,
но и великая Победа.
Не ты был призван в те года,
да и не ты о них поведал.

Господь достойных призывает
и принимает их молитвы.
А зависть злобно презирает
и суесловит
(после битвы).

* * *

Нас не на что было отправить на юг,
нас не к кому было отправить в деревню,
но в тесных дворах находили приют
собаки и кошки, кусты и деревья.

Где тополь столетние корни корёжил,
впервые пришлось нам увидеть живых
и бледных капустниц, и сороконожек,
и в лужах прогретых червей дождевых.

Для нас распевали непевчие птицы,
для нас в тупиках сорняки расцветали,
и с птицами вместе гнездясь, небылицы
под нашим безоблачным небом витали.

Восторги срывали оконные створки.
В сыновьих забавах — суть отчей заботы.
В линиялой, но ладной своей гимнастёрке
отец по ночам возвращался с работы.

Простые и грешные наши родители,
в великой, священной войне победители,
врага одолев, одарили наследством —
без позолоты немеркнущим детством.

В надсадном труде с затаённою болью
вы нас от беды заслоняли собою.

* * *

Вскормлённый правдою жестокой,
как судный день, он шёл с востока.
Врагу за всё воздав сторицей,
дошёл до вражеской столицы.

И сам должно быть удивился,
когда с врагом пайком делился.
Детей убийц своих детей
спасал, как собственных детей.

Не мстил — спасал, великодушием
спасая собственные души.
И вслед за словом «победитель»
из края в край —
«освободитель»!
Велик солдат-победонесец.
но во сто крат — свободоносец.

Георгий с дедовских икон
прошёл сквозь пламень и металл,
и наш победный лексикон
миролюбивость обретал.

Так воин правил наш язык
в пути с восхода на закат.
Трудны, но праведны азы
такого языка.

АНАТОЛИЙ ГОРБУНОВ

Ожидание

Майский вечер тихий и погожий.	Заслезятся очи голубые,
Стук весла доносится с проток.	Выбегает глянуть налегке.
Окропил черёмушник порошей	
Полинявший ситцевый платок.	Кто вернулся, кто по взгорку скачет?
	Ветер в доме высвистел углы.
Белая, похожая на птицу,	Жить бы детям в счастье да удаче —
Сколько вёсен мается, не спит,	На чужой сторонке полегли.
Верит в чудо: кто-то возвратится,	
Осторожно в раму постучит.	Вырос внук, а боль не пересилить.
	В сумраке распахнутых дверей
Скрипнут ли ворота полевые,	До сих пор седая мать Россия
Пропылит ли всадник вдалеке —	Ожидает с фронта сыновей.

22 июня

Опустится на травы мгла ночная,
В расщелинах гадюки затаятся,
Зверёк пушистый спрячется в дупло,

В лесу паук — разбойник шестиногий
Торопится опутать в паутину
Уснувшие озёра и кусты.

В дыму луна солдатской ржавой каской
Повиснет на доверчивой берёзе,
И хочется с берёзы снять луну:
От ветерка малейшего сорвётся
И упадёт на вызревшие росы,
Раздавит птичье гнёздышко в цветах.

В такую ночь, холодную, сырую,
Молчит,
 забившись под крыльцо, собака,
А куры не к хорошему поют,
На улицу боятся выйти дети,
Им кажется,
 не вспыхнет больше солнце
И утро не вернётся никогда.

В такую ночь погибшим нет покоя —
Из прошлого гремят, взрываясь, бомбы,
Кипят моря, горят материки,
И сборища отпетых негодяев,
Справляя пир в бетонных казематах,
Пьют жадно человеческую кровь.

Но солнце поднимается над миром!
И липкую ночную паутину
Свободно режут ножницы лучей,
В тартарары летит с берёзы каска,
И женщины смеются у колодца,
И с ветерком бодается телок.

Плач

Шила я, кроила я
Материю листочками.
Заросла любимая
Тропинка василёчками.
Потерялся суженый.
Струятся мысли по лицу.
Я платок накинула,
Метнулась за околицу.

Посмотрела в полюшко:
Лежит, не поднимается —

Чёрный ворон сел на грудь,
Клюёт и озирается.
Милый птицу не спугнёт,
Обласканный травинками.
На погонах звёздочки
Закапаны кровинками.

Я взлечу лебёдушкой,
Покружу под радугой,
Камнем наземь упаду
С ненаглядным рядышком.
Ой ты, платье белое, —
Заветное, венчальное...
Потускнело от беды
Колечко обручальное.

У солдатской могилы

Налилась берёза силой — Белая вдова. Над солдатскою могилой Шелестит трава.	Я хотел склонить бы к милой Голову свою. А склоняю над могилой Павшего в бою.
Слышу жаворонка пенье, Говорок ручья. Вечность, я — твоё мгновенье, Искорка твоя.	Братья, землю берегите, Свет родных небес... Здесь вы травы не косите, Не рубите лес.
В этом кратком промежутке, Что дано прожить, Я хотел бы к забвудке Голову склонить.	Сок берёзовый не пейте — Слёзы матерей. И по ветру не развейте Памяти своей.

ВАСИЛИЙ ЗАБЕЛЛО

* * *

Прошли неласковые годы.
И спину разогнула мать.
Отец вернулся из похода,
Вернулся зверя промыслять.

Надев охотничью сермягу,
не говорил он о войне...
А я медалью «За отвагу»
Играл в пристенок по весне.

22 июня 1986 г.

Кружит орёл, ища в реке добычу.
Вон дети пастуху несут обед.
Как всё знакомо взгляду, как привычно...
Давно изжита скорбь военных лет.

И будто вдовы здесь не голосили,
Не заглушала стёжки лебеда...
И кажется: в спокойствии и силе
Пройдут ещё немалые года.

Мать

Проходили дорожные
Прямиком через лес.
Поселенцы, острожные,
Кто с котомкой, кто без...

Ты крестовыми знаками
Осеяла сынов.
Ночи втайне проплакала
От сиротушек, вдов.

Проезжали законники.
На плечах — вензеля.
После красные конники
Просвистели, пыля.

Повстречал за деревнею
Вечно скорбную мать,
Шелестящую, древнюю...
Ей одной помирать.

А за ними с теплушками
Пропыхтел паровоз,
Мирных пахарей с пушками
К Ленинграду увёз.

Мир замкнулся околицей.
Ой ты, долюшка — Русь!
За родимую вольницу
В ноги ей поклонюсь.

ВАСИЛИЙ КОЗЛОВ

22 июня 1941-го

Я пытаюсь представить
Первый выстрел войны.
...Над притихшей заставой
Лопнул трос тишины.

Чуть качнулись деревья.
Звук ещё не потух.
В приграничной деревне
Задохнулся петух.

Ещё эхо не взрыло
Голубичную глубину.

Ещё в миге от взрыва
Недостроенный клуб.

И испуганным птицам
Непонятен испуг.
Ещё светом зарницы
Не окрасился луг.

И чиста, словно в призме,
Полоса синевы.

И горячая гильза
Не коснулась травы.

Сибирские обелиски

А память то вдали, то очень близко	Стоят, не видевшие боя,
Вдруг просвистит осколком тишины...	В краю, под небом ледяным,
Стоят в сибирских сёлах обелиски —	Как будто заслонить хотят собою
Заочные свидетели войны.	Тех, кто живёт, тех, кто приходит к ним.

* * *

А.В. Звереву

Мы вернулись, мы всё же вернулись	Заплатили мы платой тройною
Из кровавой смертельной дали.	И пред родиной совесть чиста.
Людям, встретившим нас, улыбнулись,	
Позабывших о нас не кляли.	Из стола ордена извлекая,
	Внук играет в сиянье любви.
Пусть война остаётся войною.	И незблема память людская,
За родные святые места	Память сердца и память крови.

Две тишины

Ты знаешь, как обожжена
Торжественная тишина
У монумента, где гранит
Жестокость памяти хранит.
В глазах бессонного лица
Окаменевшего бойца.

Но есть иная тишина,
Что в озере отражена.
Там жаворонка высота
Притягивает, как магнит.
Девчонка по траве бежит,
А следом гонится за ней
Бумажный змей,
Весёлый змей...

* * *

Батальоны безымянных солдат
На высотах безымянных лежат.

Может, здесь, где юный тополь шумит,
Тоже кто-то безымянный лежит.

Ни могилы, ни холма, ни креста.
Только звёзды, но до них — высота.

Только листья всё летят и летят,
Словно золото посмертных наград.

Песни военных лет

Бьётся в тесной печурке огонь...

Алексей Сурков

Если ваши погаснут костры,
Если ваши палатки промокнут,
Пойте песни военной поры,
И, я верю, они вам помогут.

Нам суровая память дана.
Мы, Победы беспечные дети,
Помним песни хорошие эти,
Знаем, как их рождала страна;

Пойте песни с гитарой и без.
Если голоса нет, не тужите,
Пойте сердцем, душой, как Бернес,
Пойте, даже когда вы молчите.

Из промёрзших окопов они,
Как бойцы, поднимались в атаку...
Нестареющим песням войны
Я б медали давал «За отвагу».

ИВАН КОЗЛОВ

Кайская роща

Когда весна надрежет почки
И робко выглянет листва,
Пробьются памятные строчки,
Взойдут забытые слова,
Уйдут последние морозы,
И мир очнётся молодым,
И по багулу, по берёзам
Пойдет зелёный майский дым —
Я ухожу в безмолвье просек,
В сосновый омут тишины,
Где бродит эхом отголосок
Давно умолкнувшей войны.
Навек застывшая картина:
Полдневный, неподвижный свет —
Промёрзших веток паутина
И госпиталь военных лет,
К Москве, к великому
сраженью
В те дни летели поезда.
И поездов тех отраженья
Несла сибирская вода.
Но, вспять направлены
войною,
Санпоезда большой страны
Той достопамятной зимою
Солдат везли из-под Москвы.
Стоял февраль.
В снегу ограды,

Но солнце ярче с каждым днём,
И мы нестройным детским садом
К солдатам в госпиталь идём.
Они в сраженьях устояли
Не преклоняя головы,
Как приказал великий Сталин,
У грозных стен седой Москвы.

Мы это видели в кино —
Снега обугленной планеты —
Те наши первые победы,
Московское «Бородино».

Война гуляла, не щадя —
Безлюдье, госпитали, дети.
И я стою на табурете,
А надо мной портрет вождя.
Читаю, глядя на портрет:
«И молвил он, сверкнув очами,
Ребята, не Москва ль за нами?...»
А мне безмолвие в ответ.
А я: «Умрёмте ж под Москвой,
Как наши братья умирали,
И умереть мы обещали...»

Той незабвенною зимой
Меня восторги накрывали
Взрывной, горячею волной.
Ах, эти дивные моменты —
Военных дней далёкий свет —
И слёзы, и аплодисменты,
Бинты, и пригоршни конфет.

Как в те года, багула ветки
Горят сиреневым огнём,
И лёгкий след летящих белок
Сквозит над тихим Иркутом.

АЛЕКСАНДР НИКИФОРОВ

Похороны ветерана

В царство железных цветов и кружев
Ветерана везли.
Печальная медь разливалась в стуже
И таяла в снежной пыли.
Крут подъём на последнюю гору,
Ход у машины не скор.
Во всё стопятнадцатисильное горло

С надрывами выл мотор.
Лапника траурный запах морозен.
Вся в чёрном и ликом черна,
Склонившись над мужем чёрным
вопросом,
Каменела жена.
Десяток медалей был тих и скромн —
Награда за все труды.
И хмурился, цвета запёкшейся крови,
Орден Красной Звезды.
Как будто знал, что помчатся
бесшумно
Под гору «Жигули».
И будут три мутоновых шкуры
Копейки отца делить.

ВЛАДИМИР СКИФ

Передний край

Среди горящих в поле злаков,
Среди разбитых взрывом свай
Он был повсюду одинаков —
Передний край, передний край.

За ним в штабах следили в оба.
Высотка, мельница, сарай
На карте значились особой:
Там проходил передний край.

Нависла смерть над отчим краем,
И здесь пути не выбирай...

Но мы всё чаще выбираем
Передний край, передний край.

Полк основной и полк резервный
Шли прямым в небесный рай...
Из пулемётов бьёт по нервам
Передний край, передний край.

Передний край завис над Летою...
Из сердца как ни выдирай,
Останется кровавой метой —
Передний край, передний край.

Сталинград

И на земле не стало тишины,
И мир сошёл во мглу земного ада,
И ангелы в окопах Сталинграда
Вставали в ряд с солдатами войны.

Летели пули плотною грядой,
Крошили кости,
 камни разрывали,
И ангелы-солдаты со звездой
Сквозь пули шли и редко выживали.

И тот, кто падал, тот — не воскресал,
Дробилось солнце в мелкие осколки.
Казалось, тёк свинец по небесам
В смертельной битве
у великой Волги.

Шёл в небе русский лётчик на таран,
Творили чудо ангелы-солдаты,
И — раненый — своих не чуял ран,
И превращались в танки — автоматы.

И было — лучшей — из всех наград,
Когда в душе, как орден величавый,
Вставал непокорённый Сталинград
В лучах своей непобедимой славы.

...В той страшной битве
немец проиграл.
«План Барбароссы» разлетелся в клочья.
И Паулюс — пленённый генерал,
Как башней танка, головой ворочал.

Звенела Волга, пел иконостас
И, сапогом раздавленный солдатским,
Немецкий дух, который их не спас,
Горел в котле великом
Сталинградском.

Вокзал 1947 года

Вокзал, потрёпанный войной,
Торопится куда-то
С фронтовиками, со шпаной,
С мешочником кудлатым.

Вот сон ли, обморок.
Бледна,
Спит женщина седая...
Семь лет назад была она,
Как ветер, молодая.

Ждала — не выждала своё,
Ей выплакаться надо...
Не дремлет в сердце у неё
Глухая канонада.

Как притороченный к седлу,
К каталочке железной,

Калека мается в углу,
Вокзалу бесполезный.

Пронзая матом тишину,
Терзает мятый рубль.
Он шёл когда-то на войну,
Вернее, шёл — на убыль.

Он милосердия не ждёт.
На весь вокзал каталка
Скрипит, скрежещет и поёт,
Как гусеницы танка.

А он: — Я к матери,
 в Сибирь —
На собственной телеге!
В лицо шибает нашатырь
От воина-калеки.

Старый окоп

Следы войны у Перекопа
Ещё совсем не заросли.
Ещё жива душа окопа,
Душа израненной земли.

Садится память, словно птица,
На бруствер в мягком ковыле.
Окопу вновь сегодня снится
Ладонь, приникшая к земле.

Жива сапёрная лопата,
Живёт надрывное «Ура!».
Прорыта в памяти солдата
И в тёмной Вечности дыра.

Там сотни пуль, не разлучаясь,
Как семена, лежат во рву.

И, над убитыми печалюсь,
Склоняет Родина голову.

Там думы старого окопа
Живут на самом-самом дне:
И смертный бой у Перекопа,
И переправа на Двине.

Неужто сон окопу снится?
Он и сейчас в сплошном дыму:
Горит окоп, горит граница
И в Приднестровье, и в Крыму.

Комбат с открытыми глазами
Лежит на вздыбленной меже.
Чернеет кровь. Алеет знамя
В разбитом бомбой блиндаже.

Блокадный Ленинград

Памяти Тани Савичевой

Блокадный день. Стучал свинцовый град,
Не стало сил для битвы и для мести.
И леденел холодный Ленинград,
И умирала девочка в подъезде.

Она ещё держала свой дневник
О всех умерших, кто был рядом с нею...
Когда Архангел перед ней возник,
Она ему сказала: — Леденею...

И выронила горестный дневник
Из рук прозрачных, тонких, как солома.
Архангел к тихой девочке приник,
И ввысь понёс из ледяного дома.

Здесь мертвецу завидовать был рад
Любой живой. Сознание отрицало
Весь этот ад... Был мёртвым Ленинград,
Но что-то в нём клубилось и мерцало:

Гранит ли поднимался на дыбы,
Солдат ли павший поднимался к бою.

На санках сами двигались гробы
И в небо уходили над Невой.

Казалось, уже не было людей,
Горели рвы и падали высоты.
И девятьсот блокадных чёрных дней
Стеною плотной были самолёты.

...Вдруг рядом с солнцем в небесах возник,
Непобедимый и предельно краткий,
Последней болью дышащий дневник
Погибшей и бессмертной ленинградки.

АЛЕКСАНДР СОКОЛЬНИКОВ

Война

*Воинам-сибирякам,
ушедшим на войну
из Верхолеска*

Внезапно ветер
Хлопнет форточкой
В таком фортиссимо
Заставив вздрогнуть
Голову пригнуть пониже
И ордена как бирки
На грузе срочном
По имени Жизнь
В обыденном житействе
Вои Воиничи Войны
В людском скоплении
Незаметны
Лишь на парадах
Когда на буффонаденно
Присыпает снег
Вкрученные Красные Звезды
Гроздьями рябины
И не жалко
Немецких детей
Подросших для войны
В пробитых касках
Распевает ветер
В пустых глазницах
Осыпают пылью
Полевые цветы
Своих мы не считаем
В чужих потерях

не так уж много радости
Герои зарыты вперемежку
В курганах
В скрижалях статистики
Единицы нулями окружены
Как школьница прелестная
Толпою одноклассников
Мы отстраненно понимаем
Живым Живое
И память проявляется
Живительной водой
И вам дожившим до черты
Где бытие
Дружно с небытием
Так хочется в лунном свете
Отмыть руки
От сухой крови
И осушить
Пучком зеленой травы
Проросшей через вас
И не продать
И не предать
Отечество
И наша Россия без вас
Без отчества
Просто Русь
Как у нас в народе говорят

ТАТЬЯНА СУРОВЦЕВА

* * *

Эти старые ленты военных кино —
Чуть наивных, тревожно щемящих...
Словно чёрная тень
Заслонила окно!
Словно посвистом пули летящей
Вдруг наполнился слух!
Словно вот и меня
Ждёт разлука, беда, неизвестность...
Плещут дальние сполохи злого огня
В воспалённых глазах поднебесья —
В тёмных падах войны...
Но — кончается фильм.
Мягкий свет за окном догорает.
Просевает закат осторожную пыль
Меж домами вечерних окраин.

Славно, тихо, тепло. И незыблем покой
Этих праздничных лет — безвоенных,
Этих светлых мостов над холодной рекой,
Тополей вековых и надменных.
Но откуда-то в сердце осколочком льда
Залетело, застряло:
Неужто
Год придёт, день придёт,
Час наступит, когда...
Ах, не нужно, не нужно, не нужно!
Пусть летит над землёй
Эта нежная пыль —
Детской верою сердце исходит:
Это только кино. Незабывтая быль.
Боль, которая трудно проходит.

ЛЮБОВЬ СУХАРЕВСКАЯ

Сонет

Ещё нет-нет и оживёт пристрасно
Простая мысль в моём холодном лбу,
Что мир устроен чисто и прекрасно
И что не стоит нам хулить судьбу.

Во мне жива осенняя прохлада,
И запах рук, мне подающих хлеб.
И утра луч, и влажный шёпот сада,
И вздох струны, и людных улиц бег.

И с ними я как будто бы богаче,
И не пустует мой холодный дом.
Во мне живут друзья. Я с ними плачу,
Их песни в горле плещутся моём.

Во мне живёт погибший на войне,
А вы живой, — вы умерли во мне.

Разговор с отцом

Отец суров, зря говорить не станет.
Когда-то русский, стал, как дым, белёс,

Как те, среди черёмух и берёз
Луга, куда пришли мы ранней ранью.

Я — в отпуске. Неделя для покоса,
Потом опять лететь на магистраль.
Отец меня расспрашивал серьёзно,
Сощурясь и посматривая вдаль.

Он слушал и о северных морозах,
О Лене, опоясанной мостом,
О том, что дождались электровозов
И что в тайге у нас и стол, и дом...

Был сладок отдых. Были косы острые.
Звенел костёр томительно и зло.
— Вам, дочка, больше в жизни повезло, —
Сказал отец. Потом добавил просто:

— У вас вот БАМ. У нас была — война.
«Всему свой срок», — вздохнула тишина.

МИХАИЛ ТРОФИМОВ

Отрывок из поэмы «Мачеха»

* * *

С работы мачеха приходит поздно,
И брюки ватные на ней обледенели,
Заиндевел на ней платок пуховый,
И телогрейка стянута чулком.

А мачеха носатая, худая —
Колючие ладони от работы,
И только жёлтые глаза волчицы:
Холодные, померкшие глаза.
От бабки моего письмо читает,
Сморкается и утирает слёзы.
А я совсем-совсем не знаю батьку —
Он далеко уехал воевать.
И дед сердитый, что его не взяли,
Ведь он ещё «куда борзён на ногу»,
Он Гитлера бы изловил капканом,
Дед говорит, что Гитлер — сукин сын.
А на дворе горит костёр высокий,
И прятка «жги» да «жги» всё научает,

Смурная мачеха прядёт куделю
И деду говорит: «Зарежь козлёнка,
Мясного супу наварю на ужин,
А то совсем захлял у нас парнишка».

Я выбегаю бóсый на крыльцо...

Отрывки из поэмы «Парасковья»:

Торопился паровоз

Ты, Россия,
Мать Россия,
Русь,
Земля Российская,
Для того ль сынов возрастила,
Для свинца фашистского...
Ты учила их
Пахать,
Ты учила сеять,
Не винтовкою махать,
А косой,
Расея.

Ты в зелёной теплушке
Их увозишь
От подружки,
От родимой маменьки,
Пареньков не маленьких.

Торопился паровоз,
На войну
Ребят вёз,
Пыхал он огнём и дымом,
Были парни
Молодыми,
И одеты все по форме.
Танки едут на платформе,
Под брезентами заснули —
Пушки в землю
Отвернули.

Через всю Расеюшку,
Грусть-тоску
Расеявши,
Тот вагон с колёсами
Вёз ребят

По осени.
Расскажу вам при огне
Той дорожки хронику —
Дайте мне
Подайте мне
Алую гармонику,
Дайте мне, подайте мне
Португею на ремне
А ещё подайте мне,
Кто скучает
Обо мне.

Замечательный мальчонка
Запечалился о чём-то,
Вспомнил, видно,
Милую...
Отчего унылый ты?
Сыт, одет
И не обижен,
По солдатской моде стрижен.
Был хорошим трактористом —
Стань отчаянным танкистом.

Бомбы нашу землю рвали

Бомбы нашу землю рвали,	— Врёшь, фашист,
Пушки крупные стреляли,	Хоть кровь поронишь,
И на наш	Всю ты Русь
Родной редут	Не похоронишь.
Разнеметчины идут.	С немцем встреча
От поверженной Европы	Не впервой,
Топчут к нам	Знаем
Злодейски тропы.	С первой мировой...

Здравствуй, Ваня, дорогой

Краской и окалиной
Пахнет новый танк,
Хорошо обкатанный
И гудящий в такт,
И тагильского литья
У него крепка броня.
По утрам с него росу
Обдувают ветры,
Он уснул, его везут
Многи километры.

На броне Иван без шлема,
Он в письме читает сам
Все приветы
И поклоны
Командиру и бойцам.
Здравствуй, Ваня, дорогой,
Здравствуй! Правую рукой
Напиши хотя б словечко,
Изболелось сердечко,
Изболелась душечка
По тебе,
Ванюшечка.
Я во девушках жила,
Тебя любила
Сильно,
Изо ржи
Цветы рвала,
Василёчки синие.
Ту полянку
Помнишь ты?

Нынче плачу
На цветы,
Та поляночка во поле
Васильками заросла...
Мне веселья нету боле,
Радость краткою была.

От зари и до потёмок
Нынче в поле я,
Милёнок,
Наломала рученьки
За войну-разлучницу.
Ягодина-ягодок,
Буду ждать тебя годок,
Буду ждать
И пять, и десять,
Только ты, родной,
Надейся,
Я твоя, я прежняя,
Верная и нежная.

Милый наш, хороший наш,
Бей фашистов, не промажь.
Той же правой рукой —
До свиданья, дорогой.
Остаюсь я одна
Слёзы выплакать до дна.

ВАЛЕНТИН УРУКОВ

Утро 22 июня 1941 года

Сиреневое, росное и тихое
Вставало утро в это воскресенье.
И солнце рыжехвостую лисихою
На сеновале разлеглось на сене.
Играло солнце.
Щёки щекотало.
Сочилось через сомкнутое веко
И пахло не бензином, не металлом —
Травой и речкой,
Детством человека.
Картофель цвёл на жирном огороде.
Полуторка на ферме тарахтела.
Не слышал человек, как куры бродят,
В сухом песке купаясь то и дело.
Как молока звенят тугие струи,
В подойнике жестяном бьются в донце.
Ещё здесь пахло дёгтем,
Старой сбруей,

Сосновой смолкой,
И опять же — солнцем.
И мягким был кулак под головою,
С него не приподняться, не скатиться.
И плавал недочитанной главою
Отрадный сон,
Где ты паришь, как птица.
Где ты лишён земного притяженья,
Где всё — тепло,
Лишь губ её прохлады...
А мир стоял на берегу крушенья,
В плечо фашистов уперев приклады.
Катилось солнце.
Время торопило.
Сквозь щёки кровли лучики сновали.
И золотились пыльные стропила...
Последний сон
На мирном сеновале!..

Сороковые

Не по рассказам вас я знаю, —
Как житель города иной,
Брусника, ягода лесная,
И запах сосен смоляной.

Там, за околицею, волки
Зимою выли на луну,
Но были тульские двустволки
В деревне редкостью в войну.

Видали крайняя избёнка
Да равнодушная луна,
Как волки съели жеребёнка,
Отбив его от табуна.

В глухих трущобах обитая —
На деревенскую беду, —
Гуляла вольно волчья стая
В том сорок... памятном году

И шёл крестьянский харч на убыль,
Как ветер сквозь худой плетень,

И ничего не стоил рубль,
Как и колхозный трудодень.

Росли железные мозоли
На нежной девичьей руке,
В рубашке больше было соли,
Чем в потребиловском ларьке.

И проходил по сердцу шваброй
Тот неумолчный бабий крик,
Когда бумажку
 «...смертью храбрых...»
Вносил в избу почтарь-старик.

А почтальона звали Титом
И, откровенно говоря,
Вся ребятня была сердита
В тот год на деда-почтаря.

Он, к нашим каверзам готовый,
Нёс терпеливо тяжкий крест.
...Кричали матери и вдовы,
Невесты плакали окрест.

Что больше —
 отдано иль взято?
Крутой прослеживая путь,
Твержу себе:
В семидесятих
Сороковые не забудь!

Сестра

Когда свинец атаки взбесится,
Я поднимаюсь и бегу.
С крестом и красным полумесяцем
Мелькает сумка на боку.

А по берёзам пули щёлкают,
А впереди — разрывов мгла,
Где под огнём за ближней рёлкою
В снегу пехота залегла.

Бегу рывком, бегу без роздыха,
Не укрываясь от огня.
И не хватает сердцу воздуха,
И тают силы у меня.

В глазах колышется пожарище.
И полушубок мне велик.
Но кровь упавшего товарища
Остановиться не велит.

Ещё не скоро воспалённые
Мне губы снег запорошит.
Держитесь, парни батальонные, —
Сестра на помощь к вам спешит...

Дам командиру отделения
Из фляги горло промочить.
А треугольник с поздравлением
Я не успею получить.

...Звенит капель — весны предвестница,
И тает в поле зимний след.
Встречай свой день, моя ровесница, —
Девчонка в восемнадцать лет.

Как подобает юной женщине,
Ты платье лучшее надень.

А я убита на Смоленщине
В международный женский день.

Но если вновь атака взбесится —
Ты знай: я рядом побегу.
С крестом и красным полумесяцем
Запляшет сумка на боку.

Военным летом

Июль медовый был на склоне
В тумане, на исходе дня,
Паслись невидимые кони,
Далёким боталом звеня.

Подол ракиты узколистой
Купала тёплая река,
И полон был печали чистой
Вечерний посвист кулика.

Тучнели росы и густели,
Трава от них белым-бела.
Скрипели где-то коростели,
И фыркали перепела.

Рыбачить было мне отрадно! —
Потом среди родных полей,
Не торопясь, идти обратно
Со связлом пёстрых пескарей.

Идти босым, русоголовым,
Девятилетним мужичком
С самостоятельным уловом
Шагать уверенным шажком.

Шагать и слышать в сердце трепет,
Что, может, девочка одна,
Пускай на улице не встретит,
Так хоть посмотрит из окна.

Иду к избушке на горушке,
К родному крову моему,
И удивляюсь, что старушки
Вперёд меня спешат к нему.

И сразу — горем незнакомым
Крик из распахнутых дверей,
И встали слёзы в горле комом,
И уронил я пескарей...

Неужто что на фронте с папкой?
А может, с дядькой что с моим?
Обнявшись, плачут мамка с бабкой,
И ничего не нужно им.

Стою потерянно в сторонке,
А в этом плаче, в полумгле
Белеет листик похоронки
Перед родными на столе.

АЛЕКСЕЙ ЗВЕРЕВ

Свеча

РАССКАЗ ИЗ ПОВЕСТВОВАНИЯ «РАНЫ»

...К Трунову он (солдат Гневашев) относился доверительно: подкупали очки, расколотые в двух местах и так и не починенные. А может, потому, что за две недели перед тем как выехать на фронт, перешивал взводному шинель из солдатской в офицерскую и тут успел приглядеться к своему командиру. В минуту отдыха он подсаживался на край нар спиной к спине лейтенанта и молчал, покуривая. Он курил, глядя в землю и покашливая, и Трунову казалось, что солдат хотел сказать что-то и все сдерживался, все не решался заговорить. Раз повернулся к нему Трунов и, похлопав по спине, спросил:

— Ну, как, Гневашев, письма из дому пишут?

Это был традиционный вопрос командира к подчиненному. Он сам собой задавался, если разговора начать было не с чего.

— Но, — ответил солдат.

— Дома жена, дети есть?

— А как же, — сказал он не сразу, словно сам спросил: — как же без этого?

— Все, значит, в порядке?

ЗВЕРЕВ Алексей Васильевич, прозаик (1913, с. Усть-Куда Иркутского р-на Иркутской обл. — 1992, Иркутск). Автор книг: *Далеко в стране Иркутской*: роман (Иркутск, 1962); *Дом и поле*: роман (Иркутск, 1970); *На Ангаре*: рассказы (Иркутск, 1972); *Последняя огневая*: повести (Иркутск, 1977); *Лыковцы и лыковские гости*: повести (Иркутск, 1980: Современная сибирская повесть); *Выздоровление*: повести и рассказы (М., 1982); *Раны*: повести и рассказы (М., 1983); *Жили-были учителя*: повести и рассказы (Иркутск, 1990); *Как по синему морю*: повести, рассказы (Иркутск, 1984). Член Союза писателей России (Иркутское региональное отделение).

— Да в порядке-то в порядке. Что может стрястись? Как у всех. — Слышалось, что солдат думает сейчас не о том, и Трунов спросил:

— Вот ты все что-то молчишь, вроде тоскуешь. Это так?

— Да кто же нынче не тоскует? — ответил он, всем корпусом повернувшись к Трунову, и глянул на него желтыми глазами, слепо глянул, Трунов сразу и не понял, отчего слепо, и лишь после разобрался: слепо-то оттого, что очень уж малы были зрачки в них, такие маленькие — как прокол игольный. Трунову тогда подумалось, что вот как человек не хочет глянуть на солдатчину, чужую ему, вот как живет он всем оставленным дома, как надоела ему эта затянувшаяся война. Она была в ту пору в самом разгаре, и если сравнить ее с костром, то все подбрасывались и подбрасывались в него поленья, котел парил, кружилась вода, а не закипала, кружилась, ждала пару, и с ним, новым, начнет плескаться, начнет заливать огонь. И вскипит, и огонь зальет, и все пойдет на убыль. Пока костер войны полыхал во всю силу, и в нем горели надежды на спасение, на то, выживешь ли, или чья-то рука швырнет тебя в пламя, и ты вспыхнешь и испепелишься. Трунов думал: видно, этот солдат за тысячи верст от пламени войны подсушил себя, изготовился стореть — на нем это было заметнее, чем на других ребятах взвода. Был он старше многих, ходил вялой походкой, забывчиво курил до самых пальцев, обжигая их.

— Что же тебя тосковать-то заставляет, если дома все в порядке? — спрашивал Трунов.

— Да то же самое, что и тебя, лейтенант, — отвечал он и улыбался едва заметно.

— Что же все-таки?

— А ты не думаешь, что умрешь?

— На фронте все случается.

— А я умру, лейтенант, убит буду. Это я чувю всем нутром. Не думай, что трушу. Не-е-е-ет. Ты так не думай, лейтенант, а просто знаю, что убьют, и все.

— Да как это тебе втемяшилось думать так? Кто из нас может знать о том? — повысил голос Трунов.

— Я до самой до Оби — ничего не чувал, и в лодку сел, и по воде плыл — ничего. А как ступил на берег, так не могу повернуться, чтобы глянуть на своих, на тот берег-то. Не могу, и все, и так и не глянул, так скорее за угол зашел, улочкой побежал, не оглянулся — там сзади-то смерть шагала за мной, так шагах в двадцати: потом уж я попривыкнул к шагу ее и оглядывался, она как-то вся таяла от взгляда, не любит, чтобы на нее засматривались. Ты бровками дергаешь, лейтенант, ну и дергай, ну и не верь. Я тебе не сказку рассказываю. Теперь она не ходит за мной, приучила к себе, и хватит. Ну что же, умру. Не я первый, не я последний.

— Полно-ка, Гневышев, ерунду плести, — сказал Трунов тоном утешения, деланно сказал, по должности, а сам ждал, что скажет тот еще.

— Тебе одному сказал. Человек ты образованный. Материшься вон как неумело, — продолжал он, — думаю, легче тебе понять, отчего у меня грудь в табаке, пилотка разъехалась, шинелишка черт знает как сидит, ем не чисто. Ну, повоюю, повоюю еще, не сразу же приду и хлоп тебя. А тебе скажу такое, — наклонился он к самому уху Трунова, — не жалея меня, не приглядывайся. Я сказал тебе не затем, чтобы жалеть. Не-е-ет.

— Хватит, Гневышев, ты нас всех похоронишь, а сам цел останешься. Что с тобой? Не хитришь ли? Да что за хитрость — хоронить себя заживо? — проговорил Трунов, как бы размышляя, и увидел, как Гневышев закачал головой и вроде

уже раскаивался, что поведал свое предчувствие, и прутиком зарисовал по земле, буркнув:

— Я в четвертый раз туда иду. По четвертому кругу.

— В четвертый! И такие разговорчики? — позавидовал, удивился и возмутился вместе Трунов, отходя от солдата.

* * *

К фронту, к пеклу того года, о котором уже говорила вся земля, подбирались они как-то исподволь. Под Москвой простояли полмесяца, под Тулой запнулись дня на два, потому что где-то задерживался хлеб. Солдаты ворчали. Командир полка то и дело вызывал к себе начпрода и, видимо, пробрал его порядком, и тот, явно для отвода глаз, направил Трунова просить хлеба в городе. Кто же в войну так просто хлебом разбрасывается? Толкнули его, случайного и вовсе непробойного человека, чтобы тем временем хлеб свой поджидать: он был на подходе. Хоть молод был Трунов, но так и понял приказ. Он поглядел, кого бы взять с собой из солдат, на глаза попался Гневышев, и он приказал ему собираться. Прихватив вещмешок, солдат враскачку пошагал к машине, и они поехали.

Трунов обежал полдесятка хлебных учреждений, убеждал, что полк голодный, просил выручить, а там уж сполна рассчитаются и даже лишку прибросят, потому что через день у них всего будет навалом. На лейтенанта глядели с улыбкой, пожимали плечами, отсылали в другую организацию, а один дядька сказал:

— Над вами подшутили, товарищ лейтенант.

Гневышев то с лейтенантом вместе заходил к начальству, то оставался в коридоре или в машине и нужен был ровно столько, если бы его вовсе не было. Трунов уже решил возвращаться. Гневышева у машины не было. Шофер погудел многократно, сбегал в соседний магазинишко, в столовую, на почту — не нашел. Трунова охватила печаль — солдата проворонил. Такая печаль тронула его, что он и про хлеб забыл. Тотчас они махнули на станцию — там все углы обсмотрели, вдоль состава раза три пробежали, все вагонные тамбуры оглядели — солдата не нашли. Трунов почернел от беды, сел рядом с шофером и голову свою руками охватил, браня себя: ворона, хлеба не добыл и солдата проворонил. Но тут до слуха долетел тихий крадущийся звон колокола, и Трунову пришло нелепое предположение: да не хоронить ли себя пошел Гневышев? Трунов сам не понимал, как эта мысль могла прийти в голову — не Богу ли помолиться пошел солдат перед фронтом. Может, не все такие, как он, Трунов, проживший короткую жизнь без Бога.

— Давай-ка жми к церкви, — приказал он шоферу, — может, там он, подлец.

Гневышев стоял на паперти и нахлобучивал разношенную пилотку. Трунов тотчас подбежал к нему, хотел за воротник схватить и встряхнуть, как мешок, — тот глянул на него желтыми немигающими глазами.

— Удрать вздумал! — заорал Трунов и изматерился.

Гневышев махнул рукой и брезгливо сморщился. Трунов посадил Гневышева в кабину, сам в кузов забрался. Они проскочили несколько деревень и остановились у колодца. Гневышев оторвался от цепи, вытер рукавом губы и пробормотал:

— Какое время... Свечи не достанешь.

— Ты что! И вправду ходил молиться? — спросил Трунов.

— Я за себя хотел свечку поставить. Я в ее, в церкву-то, за жизнь ногой не ступал. Тут надо.

— Крайность? — все еще косился Трунов на Гневышева. — А как не нашли бы тебя, куда бы ты, раб, двинул?

— Я бы ране вас к полку вернулся. Вон какая прорва машин идет. А свечку поставить надо было. Я там еще, когда от берега отходил, так почувал, что река эта — грань моя, я тогда сразу и подумал: свечку где бы за себя поставить...

Трунов был молод и мало знал людей, иных и замечать не хотел. Война на них открыла глаза. В каком же мире жил Гневышев, если о свечке задумался? Зачем ему свечка, что она может открыть, кого и как она может утешить!

— Душа просит свечку, и все тут, — заговорил Гневышев, словно подслушал размышления лейтенанта. — Думаю, поставлю, и во мне поворотится, смягчится, сгладится что-то, и я обрету ровность. Что же я мучиться-то буду. Мне ровность нужна, особо сейчас, когда на фронт еду. Мне надо какую-то шишку сшибить с сердца.

— Ты раньше в комсомоле был, Гневышев? — спросил Трунов зачем-то.

Солдат поглядел на него отчужденно и сказал как о чем-то самом обыкновенном:

— Как же, бывал. Потом как-то с годами и выбыл. Я и в ем что-то искал. И нашел вроде. Ну, вроде заглянул за гору какую. Славно так, хорошо было, и парни хорошие собрались. Ты вот помалу привыкаешь ругаться, а мы в ем отвыкали. И креститься отвыкли, не то что верить в Бога, и сейчас себе не сумею креста на грудь наложить — забылось. Дай балалайку, я с завязанными глазами сыграю, а перекреститься — нет, не получится.

— А свечка? — спросил Трунов.

— Не в свече дело, говорю, — сказал Гневышев. — Свеча — это, может, первое, что осенило... Ну, лучше высказать не могу, — махнул Гневышев рукой и пошагал в кабину.

* * *

За рекой фронт уже чуялся. Не было слышно ни орудийного гула, ни отдельных выстрелов, а было непрерывное фыркание машин, упрямо лезших на подъемчик, да чавканье ботинок, да тихий осторожный говор людей, едущих туда и бредущих по скользким обочинам дороги. Чуялось, что если не за двумя-тремя вот такими угорчиками, то за пятью была передовая. Другие машины спускались с подъемчика навстречу, грохоча и поскрипывая пустыми кузовами, в них сидели то один, то два солдата, с забинтованными головами и руками, легко раненные шли пешие, и по белым еще чистым повязкам тоже понималось, что бои шли где-то рядом. Казалось, что раненые были довольны собой и даже веселы. Один подмигнул Гневышеву и, махнув белой рукой, крикнул:

— Езжай не оглядывайся, там тебя поджидают.

Гневышев помахал и ему, и все следил за машинами и людьми, возвращающимися с передовой и, потрогав Трунова за локоть, сказал:

— Так бы вот ранило, и хорошо.

— Хорошо бы, да, — сказал и Трунов.

— Нет, скажи, лейтенант, — насунив брови и блуждая глазами, спросил Гневышев. — Как это понять: жили люди, землю пахали, кормились, рожали детишек — и бах, давай железом резать друг друга? А? Это зачем кормились, зачем рожали?

— А если это враг? — спросил Трунов. — Если он придет да семью твою прирежет?

Трунов понимал, что разговор такой не ко времени и не к месту. Люди ушли как бы в себя, и отдельные выкрики, команды были невольные и вовсе не нужные. И разговор этот с Гневышевым должен тоже погаснуть. Но солдат поправил за спиной карабин и продолжал:

— Но я же ведь не о том. Я о том — что же такое враг? Отчего сила такая за этим словом? Может, эта волынка вся по глупости нашей. По нашему ничтожеству. Мы тут воюем, а миру-то в большую и в малую сторону конца нет. Мы над муравьями смеемся — дерутся, грызутся, зачем им грызться? А кто-то из того большого миру над нами потешается: глядите, ползут в каких-то железных скорлупах, дымок пускают, соринки щекотливые в воздух пыряют, руку подставил этот великан, а в нее соринки тычутся, то есть наши страшные снаряды. И ему это — муравьиная драка, не боле: вишь, копошатся, вишь, грызутся, дураки, только мы, великаны, делаем умное дело. Так они думают о себе и забывают, что над ними есть еще больший мир.

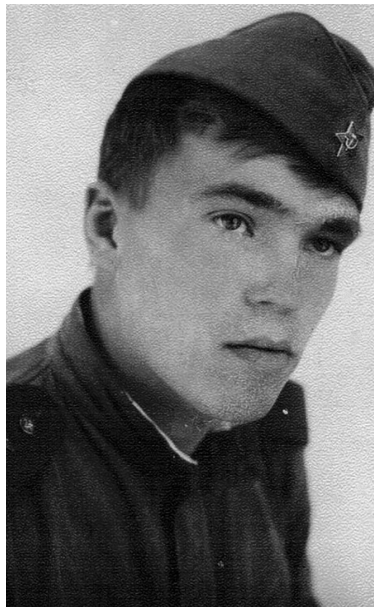
— Ну, повез, — сказал лейтенант и отмахнулся, но и прихватил себя на том, что и он думал так, думал о большом и малом мире, и с этой-то линии величия и бесконечности как тщетны и смешны потуги людей что-то сделать и изменить. В пламени-то Вселенной, в огнях бесконечных сколько червячно и ничтожно это дело — война. И если ты пришел в этот мир, то главное — как понимать мир, главное — твой гнев и прозрение и, конечно, любовь. Почему люди вместо войны не найдут то главное, что сделало бы прекраснее трагически малое время жизни, равное мгновению. В каком-то храме бы пребывать, какие-то свечи зажигать, да вот она, свечка-то Гневышева. И при свете их твердить — люблю, люблю, люблю. И любить бы трепетно, высоко, божественно, пить бы этот нектар мгновения, парить бы в радости, мотылек земли, человек.

ПОЭЗИЯ

К 75-летию со дня рождения

ГЕОРГИЙ КОЛЬЦОВ

Дорогие друзья! К 75-летию со дня рождения моего брата, поэта Георгия Николаевича Кольцова, рад сообщить о том, что память о нём останется у людей, равнодушных к настоящей поэзии, не только на просторах нашей необъятной страны, но и за рубежом. Так, в этом году в г. Москве выходит очередная книга брата «Неизбывная сила родства», будут опубликованы стихи не только в российских журналах и альманахах, но и в № 10 альманаха «Связь времён» Сан-Хосе Калифорния США, журналах «Эрфольг» Германия, «Новый Свет» Торонто, Канада, «Жемчужина» Австралия, и альманахе «Новый Континент» Чикаго, США. Мне как брату особенно приятно, что его не забывают и в Подмоскowie, на Каширской земле, где он после окончания Литературного института им. Горького с 1976 по 1985 гг., вплоть до безвременной кончины работал и руководил ЛИТО при газете «Огни Коммунизма», ныне «Каширские Известия». В годы руководства городским литобъединением брат воспитал целую плеяду поэтов-единомышленников, успешно повышавших уровень своего мастерства. С 2017 года литературный конкурс «Звёздное перо» носит имя Георгия Кольцова. В прошлом году на доме, где жил и работал мой брат, была открыта памятная мемориальная доска.

Александр Кольцов

У могилы неизвестного солдата

Послевоенная весна

Брату Николаю

Ты помнишь ту весну:
Упрямо к небу
Рвалась настырно ранняя трава.
А наша мать
За полбуханки хлеба
Ночь напролёт вязала кружева.

Скребла полы
И клеила калоши,
Поглядывая часто на кровать,
Где спали трое пацанов подростших,
Любивших плакать,
Петь
И рисовать.

Ты помнишь?
Мама выменяла где-то
За кружева карандашей набор.
И не тогда ль
Я приобщился к цвету,
Который мне сопутствует с тех пор.

Им стал зелёный.
Зеленели листья
И не могли завянуть на корню.
И потому я позже
Стал танкистом,
Что в цвет защитный красили броню.

Там писарь длинношей,
Словно аист,
Мне говорил, письмо держа:
«Пляши!»...
Давным-давно уже позатерялись,

Не исписавшись,
Те карандаши.
А если так,
То пусть простят эпоха
И мать, что одинёшенька в дому,
Что из меня не вышло
Ни Ван-Гога,
Ни даже подражателя ему...

* * *

На марше,
В карауле,
На привале,
Когда почти беспомощны слова,
Не красноречьем слова
Дружбу мы сверяли,
А степенью солдатского родства.

И в степень превосходную
К России
Мог возвести я преданность свою,
Когда вдоль строя знамя пронесли,
Пробитое осколками в бою.

Учебные стрельбы

Поднимая пылицу,	Незаметно в округе
Подминая волну,	Стихли сразу ручьи.
Танки брода не ищут,	Разлетелись в испуге
А проходят по дну.	Воробьи и грачи.

По стерне опалённой,	Но бесстрашно под траки
Суховат и сутул,	Танка падал ковыль
Танк ревел разъярённой,	И в неравной атаке
Чем в распадке шатун.	Погибал рядовым...

Песня о погибшем шофёре

Никогда не забуду я этот
Поворот и дождливый июль.
Вросший в холмик, застыл у кювета
Изолентой обмотанный руль.

А вдоль разбитого стекла
Дорога к дому пролегла.
Всем радость встреч она сулила,
А вот его не сберегла.

Мне б над этим рулём наклониться
И нажать на сигнал тяжело.
Но, наверное, всё-таки птице
На лету не подрежешь крыло.

Как хочешь это назови.
Азарт и риск у нас в крови.

Ты здесь нажми на тормоз, милый,
И хоть на миг останови...

То, что может случиться дорогой,
Предсказать не сумеют врачи.
Ведь не зря же писал ещё Гоголь,
Что живут на Руси лихачи.

А вдоль разбитого стекла
Дорога в небо пролегла.
Таких, как он,
Она любила,
И всё ж однажды подвела.

Но такой же упрямый и низкий,
Лишь немножко поуже в плечах,
Подрастёт без шофёра сынишка
И положит ладонь на рычаг.

Ему всего семнадцать лет,
И бьёт в лицо задорный свет.
Центростремительная сила
Его не выбросит в кювет.
Я знаю, никакая сила
Его не выбросит в кювет.

У могилы неизвестного солдата

Его зарыли в шар земной...

Сергей Орлов

А на земле ручьи звенели,
Цвела сирень,
Старела мать...
Ему б сейчас лежать в постели,
А не на площади стоять.

Продут позёмкой
Зимний вечер.
Проулки, улицы — пусты.
И стынут каменные плечи
Под плащ-накидкой темноты.

Его в Орле
или в Иркутске
Ждать перестали земляки.
Ему бы сесть,
Переобуться
И, похоронке вопреки, —

В тот край,
Где пролетело детство,
Вернуться на исходе дня,
В избе родимой отогреться,
А не у Вечного огня.

* * *

В. Комину

Земляк в декабре прилетел из Иркутска.
И сразу — как с улицы пар —
обволок
Застолье с нехитрой московской закуской
Такой самобытный родной говорок.

А друг, до расспросов с дороги охочий,
Шагал возбуждённый от двери к окну...
Дочурку свою по-чалдоньи звал дочей,
Зародом — скирду иль соломы копну.

Своей Родионовной —
жизнью учёный,
Газетчиком стал от ногтей до волос.
И всё же: «О доме скучаешь, ли чё ли?» —
Сибирское «чё» с языка сорвалось.

Для нас с ним зазорная удаля «Подгорной»,
А также и кровные узы родства,
И кедра вершина, и роины корни —
Все в слове вместилося одним:
«Родова».

Ночь била крылом по окошку вороньим,
А я, захмелев,
 земляку подпевал
Припев, ставший нашим надёжным паролем:
«Э-эй, баргузин, пошевеливай вал...».

* * *

Вечно по-мальчишески задирист Посвист паровозного гудка... В грозный час разрухи зародились Железнодорожные войска.	Стали испытанием на зрелость Дни, когда под носом у врага, Отходя с боями, рвали рельсы Железнодорожные войска.
--	--

Переплавив стоны, кровь и порох
В ярость рукопашного броска,
Иногда шли впереди саперов
Железнодорожные войска.

Нынче вновь работой в стужу грейся —
Передышка, братцы, коротка!
Сквозь тайгу прокладывают рельсы
Железнодорожные войска.

Полотно щебёнкой засыпали
Так же, как могилу земляка,
Крепкие, надёжные, как шпалы,
Железнодорожные войска.

Буквами, как солнце, золотыми
В летопись не вписаны пока
Те, расквартированные в Тынде,
Железнодорожные войска.

Солдатский отпуск

Строй, следящий за знаменем красным,
От волненья качнулся слегка.
По итогам проверки
Приказ нам
Был зачитан начштабом полка.

Как впотьмах, если б чиркнули спичку,
Вспыхнет радость шальным огоньком —
Кто-то вечером новую лычку
Пришпандорит на старый погон.

Облетая, листва золотая
Плац прикроет бесшумной кошмой...
Долетают слова:
— Предоставить
Отпуск с выездом...
(Братцы, домой!)

Ущипните меня ради бога —
Неужель это всё — не во сне?!
Десять дней,
не считая дороги,
По такой необъятной стране!

От Читы поезжай хоть до Бреста,
С мягкой полки плацкартной не слазь.
Не загадывай, ждёт ли невеста,
Точно зная,
что мать заждалась...

Под ремнём гимнастёрку расправив,
Ребятам козырну на ходу.
И к рассветной сверну переправе.
И на берег заветный сойду.

На пороге пилоточку сдёрну
Непослушной, как детство, рукой.
Мама
в ворот сухой гимнастёрки
Ткнётся влажной от счастья щекой.

За холщовую длинную скатерть
Вся родня соберётся почти...
Жаль, что месяца даже не хватит,
Чтобы к каждому в гости зайти.

Может быть, на красавице женит
Развесёлая сваха-гармонь...
— Неужели, друзья,
неужели
Я на днях уезжаю домой?!

Караулка

Стужа. Сопки. Бездорожье.
Служба срочная.
Устав...
Пятки в валенках к подошвам
Примерзали на постах.

Кровь в висках стучала гулко.
Как бы выстоять,
 не слечь....
Но спасала в караулке
Нас натопленная печь.

На морозе жгучем тяга
В русской печке
 хороша!
Даже если б смёрзлась за год,
Вмиг оттаяла б душа.

Как в тепле бесшумный выдох,
На коре наплыв смолы,
Отпотели в пирамидах
Воронёные стволы.

Ночь чернела влажной пашней.
Словно зёрна, горсти звезд.
И двужильный разводящий
Снова вел меня на пост.

На ветру продрогший малость,
Я тулуп вновь надевал.
А когда, как враг,
 усталость
С ног сбивала наповал,

Сыграй, гитара, мне о доме

Когда же ночь в бессоннице растает,
Переступив незримую черту,
Я мысль,
 что мне чего-то не хватает,
Вдруг за тоску по матери сочту.

Я утоплю лицо в её ладонях,
Забыв в тот миг солдатское житьё...
Сыграй, гитара, что-нибудь о доме,
Отождествленном с именем её.

Не хватало книжек и тетрадок.
Выбивались матери из сил.
Чей-то — довоенный, видно, — ватник
Три зимы бессменно я носил.

Даже не топорщилась обнова
Тепленькая, из-под утюга.
Уж теперь Настюха Рудакова
На меня не глянет свысока.

И в плечах я стал как будто шире...
Хлястик есть
 и внутренний карман!..
Если бы мне только разрешили,
Я б пальто и в классе не снимал.

Но испортил мне немало крови
Витька Редькин из 6-го «Б»:
«Как седло примерно на корове,
Выглядит тужурка на тебе».

И хоть был я вспыльчив и задирист,
Всё ж стерпел обидные слова:
У пальтишки,
 сшитого на вырост,
Велики для драки рукава.

Причал

Показался за мысом
Дощатый причал.
— Здравствуй! — крикнуть хотелось,
Но я промолчал.

Переплaviшь ли чувства
В скупые слова?
И к лицу ли, как в детстве,
Кричать в тридцать два?

Рябь студёной волны.
И по коже — мороз!
В горле вдруг запершит
От непрошенных слёз.

Ветер, славя простор,
Над рекою крепчал...

От тебя расходились дороги,
Причал!

И скрипел твой настил,
Как солдатский ремень.
Ты всегда по-мужски
Чувства прятать умел.

Провожая людей,
Крепче в берег вралал.
Так не каждый из нас
Верен отчим местам.

Ты распутывал здесь
Узел встреч и разлук...
Вот и дым над избой,
Как спасательный круг.

Деревня

То гнев свой меняла на милость,
То вновь становилась строга.

Я вырос в деревне.
Я вырос
В краю, где до неба стога.

Где звёзды мерцали в затоне,
Где рук не хватало в страду,
Где исстари,
 как на ладони,
Всегда человек на виду.

Настырный —
 Наивный по сути! —
 Да и на подъём не тяжёл,
 Чтоб в городе «выбиться в люди»,
 Я рано отсюда ушёл.

Дорогой, проверен на зрелость,
Я дело искал по плечу...
Мне многое в жизни хотелось,
Но честно признаться хочу,

Что, как бы мир ни был огромен,
Как наш ни оправдан побег,
В стенах деревенского дома
Душа остаётся навек!

Слепой

В огне бомбёжки,
 в адском скрежете
Навеки свет в глазах потух...
Так обострила тьма крошечная
Его обыкновенный слух,

Что научился он по голосу
Определять прохожих рост,
Как поле — по шуршанию колоса,
Сентябрь — по шелесту берёз.

Бесшумной палочкой бамбуковой,
Что верной спутницей была,
Не мостовую он простукивал —
Гредел во все колокола.

Звонил о братьях по оружию!
Как будто бы из-под земли
Неумирающие души их
На стук откликнуться могли.

Пожгла, сломала, исковеркала
Подлесок жуткая гроза...
А иногда во сне,
 как в зеркале,
Он видит вновь свои глаза.

Родной дом

Валентину Распутину

Снова в тесном доме соберёмся,
Три окошка — к реке под бугор...
А причина, возможно,
 лишь в том вся,
Что здесь мамка живёт до сих пор.

Мы смолистых дровишек наколем,
Засучив до локтей рукава.
На зелёном картофельном поле
Отцвела и пожухла ботва.

С чем сравнить материнскую старость?
С тяжкой участью тихих берёз,
На которых листвы не осталось, —
Всю по свету ветрище разнёс!..

Старший соль добывает в Усолье.
Младший брат обживает Москву.
Да и я в городок невысокий
Мать давно безнадёжно зову.

Рвётся нитка в том месте, где тонко.
Ну а если она не тонка?!
Наша мать, коренная чалдонка,
Дом бросать свой не хочет пока.

Сердцем чувствует:
 пока он не продан,
Каждый связан надёжным узлом
И с землею,
 откуда мы родом,
И с закатом за синим селом...

В доме, где не нажили богатства,
Где пока ещё мама жива,
Заставляет нас всех собираться
Неизбывная сила родства.

* * *

Звёзды в ключьях тумана
Догорают дотла.
Остроугою трёхгранной
Выплывает скала.

Чьё-то робкое эхо
Растворилось в лесу.
Лодки —
Днищами кверху —
На зелёном мысу.

Облака, как таймени,
Розовеют вдали,
Но скала
Ловит тенью
Отраженье зари.

По воде,
Как от рыбы,
Разбежались круги.
Рыбаки!
Помогли бы
Снять зарю
С остроги.

* * *

Деревня.
Пашня вдоль обочины...
От дома отчего вдали
Я ощущал не одиночество,
А притяжение земли —

На вид суровой,
Да отходчивой,
С рассветом влажной от росы.
Она — в пяти часах восточнее
Степной российской полосы.

Где третьи петухи горластые
Меня будили на заре.
И я летел лицо споласкивать
По тропке узкой к Ангаре.

Река гремела перекатами.
К ней подступив издалека,
Стояли сосны,
Как сохатые,
Не обломавшие рога.

ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВ

Через войну

РАССКАЗ ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

Нашей роте досталось штурмовать деревню. Собственно, никакой деревни давно уже не было, на пепелище торчали печные трубы. Уцелел всего один дом, точнее, уцелели кирпичные стены. Предполагалось, что артиллерия подавит огневые точки на переднем крае. В том числе (полагал я), сравняет кирпичную развалину с землёй. Нам от этого дома, даже если он и уцелеет, проку никакого. Если уж мы овладеем деревней, так укрепляться будем дальше, на месте разбитой часовни. Своими «мудрыми» соображениями я поделился со Снежковым.

— Ты сначала возьми этот дом, — охладил он меня. — С кем собираешься штурмовать?

Такие сомнения возникали и у меня. Но я успокоил себя тем, что старшие командиры знают, какой у нас состав, и уж коли наметили операцию, так и возможности наши учли. Артиллерия раздолбает огневые точки. Нам останется — войти в деревню.

СЕРГЕЕВ Дмитрий Гаврилович (1922–2000) — русский советский прозаик, по профессии геолог. Член Союза писателей СССР с 1966 года. Член Союза российских писателей. Заслуженный геолог РСФСР. Родился в Иркутске 7 марта 1922 года. Окончив школу, в начале Великой Отечественной войны был призван в армию. В 1942 году, после окончания Омского пехотного училища, в звании младшего лейтенанта был направлен на Брянский фронт командиром стрелкового взвода. С 1943 года воевал в составе Первого Белорусского фронта, дошёл до Берлина. Награждён орденом Отечественной войны II степени, медалями «За боевые заслуги», «За взятие Берлина». Работал в разных литературных жанрах: военная проза, историческая проза, фантастика, детская литература. Широкую известность писателю принесли, прежде всего, произведения на военную тему. Автор книг: «Позади фронта» (1967), «Осенние забереги» (1967), «Таёжные каникулы» (1988), «Особняк на Почтамтской» (1989), «Запасной полк» (1992). В 1989 году возглавил Иркутское отделение Союза писателей СССР. В 1995 году получил звание Почётного гражданина города Иркутска. Умер 22 июня 2000 года в Иркутске.

— Будет артподготовка, — напомнил я Снежкову.

— Будет, — подтвердил он таким тоном, что ясно стало: больших надежд на артиллерию он не возлагает. — Из Сухиничей шёл? Дорогу видел? Много по ней подвезёшь? Откуда у артиллеристов снаряды?

Ещё больше огорошило меня, когда перед наступлением нам выдали боеприпасы: по тридцать патронов на винтовку и по коробке дисков на ручной пулемёт. Были ещё гранаты — «лимонки», РГД-33 и противотанковые. Но и гранат дали в обрез, по две на каждого не пришлось.

— Больше и не нужно, — утешил меня Снежков. — Метать их кто у тебя будет? Ты следи, как бы твои орлы сами не подорвались.

Снежков оказался пророком: один боец (хорошо не у нас, в соседней роте) подорвался на собственной гранате, ещё до наступления. Хотя повезло, что поблизости никого не случилось — солдат отошёл в лесок по нужде. Никто из бойцов не держал гранат до этого в руках.

Да что там бойцы, мне самому не приходилось метать боевую гранату. В училище упражнялись на болванках. Но я хоть знал, когда следует сорвать с предохранителя, когда метать. И бросал метко. А солдаты даже и болванок не держали в руках.

Последнюю ночь, уже зная о предстоящем штурме, я долго не мог уснуть. Помнится, и Снежков не спал, хотя мы почти не разговаривали с ним. Не сказать, чтобы я особенно мучился страхом, но было тревожно. Однако даже и тогда мысли в голову приходили больше несерьёзные и вовсе не о предстоящем деле, не о том, что ожидает нас завтра, — вспоминалась школа, ребята.

Я не знал, кто из них где и жив ли. А в школе в эти дни как раз начались выпускные экзамены. И само собой явилось на ум банальное сравнение предстоящего боя с испытаниями — завтра я буду держать свой первый экзамен. Не провалиться бы на нем.

Адресов ребят, которые теперь почти все воевали, я не знал. Тогда, кажется, я и додумался, через кого восстановить переписку.

И не мне одному пришла эта мысль. В войну у нас так сложилось, что весь наш класс — все, кто были на фронте, — переписывались с завучем Александрой Степановной Житовой. В школе она вела биологию. О том, что она пользовалась всеобщей любовью и уважением, можно и не говорить, иначе мы бы и не писали ей. Не только наш класс, но и другие выпускники, старше и младше нас, переписку со школьными друзьями восстанавливали через неё. И не только деловая переписка связывала нас с нею, но и сердечная. Писем от неё мы ждали и в окопах, и в госпиталях, и радовались им так же, как письмам из дому, письмам от возлюбленных. А после войны каждый, кто остался в живых, побывал у неё в коммунальной учительской квартире на улице Баррикад и позднее в полуподвальчике на Партизанской возле рынка.

Накануне ротный наставлял меня:

— По кирпичам патронов не жги — потом пригодятся. У тебя главное — гранаты. Фрицев только гранатами выколупнуть сможешь.

План был таким: с началом артподготовки наступаем, держась вплотную (как можно ближе) за огневый валом. А когда артиллерия перебросит огонь вглубь немецкой обороны, делаем отчаянный рывок, закидываем «крепость» гранатами.

— Кидаешь метко, надеюсь? — Я кивком подтвердил: метко.

— Ладно, хоть командиры у меня все умеют.

К ротному я питал симпатию. Уже одно то, что он не походил на моих командиров из пехотного училища, сразу расположило меня к нему. У нас к тому же нашлись общие интересы и одинаковые взгляды на многое. На передовой люди быстро узнавали друг друга — жили более открыто, доступней для общения. Тогда, в тот наш разговор, когда он наставлял меня, как мне действовать в предстоящем бою, я, конечно, не мог предположить, что каких-нибудь две недели спустя его убьют, а сам я с тяжёлым ранением попаду в тыловой госпиталь и не вернусь в прежнюю часть. Я радовался, что судьба послала в командиры столь симпатичного мне человека, к которому я с первой встречи почувствовал расположение. Его опеку я ощущал постоянно. Делал он это тактично, ненавязчиво, не обременяя меня тягостью быть благодарным.

Артподготовка намечена на 21.00 — так значилось в приказе. Столь необходимыми командиру вещами, как-то: часы, компас, планшетка, топографическая карта, — нас не снабдили. Часы и карта были у ротного. У него была и планшетка — предмет зависти всех новичков. В училище нам выдали полевые сумки из чёрной кирзы.

О скором начале артподготовки ротный известил всех по цепочке:

— Осталось пять минут.

Долгими были эти минуты. Я уже подумал: не будет никакой артподготовки, штурм отменили — когда ахнули первые взрывы. Казалось, вплотную у наших позиций.

Вздыбило землю, крошевом и пылью застлало нейтральную полосу.

И вот тут случилась первая заминка. Наши необстрелянные солдаты не готовы были идти в огневой смерч. Мне самому было жутко, но я хоть знал — отдавал себе в этом отчёт — нужно не отставать от огневого вала, тогда нас не будет видно противнику. Прицельный огонь немецких пулемётов для нас опасней. А солдаты-новички, не прошедшие должного обучения, видели перед собой только чёрные клубы, полные раскалённых визжащих осколков и летящего сверху града земляных комьев. Лезть в это пекло никому не хотелось.

Несколько минут мы потратили на то, чтобы поднять солдат из окопов. Никто не хотел быть первым, озирались друг на друга.

Не знаю, как бы я вёл себя, окажись на их месте. Мне было и сложнее и проще одновременно. Сложней тем, что нужно не только самому идти в бой, но вести за собой ещё и взвод. Увы, с этой задачей я тогда не справился. Но зато ответственность за других не оставляла времени думать о себе. Чтобы испытывать и переживать страх, тоже нужно время. Это я уже после заметил и понял. Бывало так, что в самое мгновение опасности человек поступает так, как нужно, делает именно то, что приносит успех и сберегает жизнь, а страх приходит после, когда опасность уже миновала, когда есть время вспомнить всё в подробностях.

Командир роты был на моем фланге, помогал мне поднять бойцов. Мы вдвоём метались вдоль фронта, размахивали оружием, кричали и матерились. Кое-как удалось навести порядок. Видимо, я напрочь забыл вчерашние наставления ротного беречь патроны и палил из своего нагана направо и налево. Наверное, взбадривал этим себя. По той же причине стреляли и солдаты. Без цели — в пыльную и грязевую тучу, которая двигалась перед нами. Вскоре, когда первое волнение прошло, стало видно, что вовсе не такая она и плотная. Лишь сразу после залпа ненадолго затмится — исчезнет за пылью кирпичный дом, а чуть осело, его снова видать. Задраенные окна, обращённые в нашу сторону, попадали в тень. Солнце не ме-

шало — стояло правее, и хорошо было видно, как из пулемётных стволов частят огневые вспышки — немецкие пулемётчики стреляли непрерывно, не прицельно, должно быть, совсем не видя бегущих солдат. Это уже после стало известно, что пулемётный огонь не причинил нам вреда. В моем взводе был только один раненый, и то его поразило осколком от своего же снаряда — не пулей.

Помню, я бегал взад и вперёд, то поднимал солдат, чтобы наступали, то заставлял ложиться. Да, да, и ложиться тоже приходилось заставлять! Многие настолько очумели, что не в состоянии были разобраться сами, когда следует бежать вперёд, а когда — залечь, чтобы не поразило снарядными осколками.

Перебрали болотистую низину, испаханную свежими воронками. Прошло немного времени с начала артподготовки, а мы уже продвинулись близко к немецким позициям — до кирпичного дома оставалось не более ста шагов. Снарядная строчка прошла по самой деревне, и один снаряд, мне показалось (после я узнал, что не только мне), попал в кирпичный дом. Когда пыль рассеялась, оба пулемёта в амбразурах молчали.

Я всё ещё бежал и размахивал револьвером, когда очередной залп взметнул пылевую тучу позади кирпичного дома, на месте часовни. В это время внезапно застрочил один из пулемётов — пули колотили по земле, их удары обозначились крохотными пылевыми фонтанчиками. Наша цепь залегла.

Я сказал — цепь. Привычное слово, каким пользуются все, кто описывает батальи. Но у нас цепи не было. Никак мы с командиром роты, даже совместными усилиями, не смогли заставить солдат развернуться в цепь — они постоянно сбились кучками. Наша цепь залегла.

Я лежал, уткнувшись лицом в землю, и кирпичный дом вроде бы отдалился. Пулемётные очереди гулко стегали по сухой земле, нудно посвистывали ушедшие рикошетом.

И вот тут, не знаю, не помню, откуда эти слова попали мне в уши, как будто кто крикнул их. (Возможно, неподалёку от нас расположился батальонный НП.) Слова были произнесены так, как говорят в телефон. Но говорившего я не видел.

— Артиллерия не выполнила задачи!

Помню хорошо: эту фразу тот же голос произнёс не однажды:

— Артиллерия не выполнила задачи...

Теперь не стало больше залпов, беглый огонь перенесли в глубину немецкой обороны. Не видно, где рвутся снаряды. Зато над нашими головами с немецкой стороны проносились снаряды, хорошо заметные по огненному следу в вечеряющем небе.

Я не знал, куда исчез командир роты. Мне почудился его голос на другом фланге. После я узнал, что так и было, я не ослышался. Едва он увидел прямое попадание снаряда в «крепость» и услышал, что немецкие пулемёты смолкли — помчался на правый фланг, к Снежкову: его взводу не дали продвинуться за болото. Ротный решил, что на нашем участке дело уже сделано.

А у нас ничего ещё не сделано. Едва пулемёт дал передышку и я начал поднимать солдат в атаку, как немец снова застрочил. Позади кто-то вроде как испуганно вскрикнул. Пулемётчик строчил длинными очередями, не скупясь на патроны. Пришлось залечь. Бойцов я не видел, никто не подавал голоса. Видимо, тот же самый, кто недавно вскрикнул, теперь громко стонал и призывал:

— Вай-вай, моя ранена!

Я недоумевал: кто бы это мог быть? В моем взводе только русские. Позже

выяснилось, что раненый и верно был не из моего взвода, даже не из нашей роты. В хаосе наступления он отбилсЯ от своих, пристал к чужому взводу. Сейчас ему не могли помочь, его подобрали после боя. Стоны и крики раненого действовали неприятно. Возможно, и немец слышал: мне казалось, он усиливал пальбу, когда до него доносился чужой голос.

Наверное, будь на моем месте более опытный, уже воевавший командир, так он по бестолковости, по лихорадочности, с какой строчил немецкий пулемётчик, сообразил бы, что фриц либо паникует, либо ранен и не способен вести прицельного огня.

Всё же я огляделся. Багровое солнце распластало длинные тени, но ещё не сумерки — светло. Немного правее от места, где я залёг, начинались огороды. Они в запустении: земля не вскопана, гряды заросли сорняком, изгороди повалены... Нужно ползти туда: посреди грядок, в тени порушенной ограды легче укрыться. Вначале страшно было двинуться: казалось, немец только этого и ждёт — тут же накроет меня. До поваленного плетня я дополз благополучно. Ползать по-пластунски в училище нас обучили.

Всё это, впрочем, происходило много быстрее, чем рассказываю. Я и тогда, сразу после боя и позже, удивлялся, сколь лёгким стало для меня «боевое крещение». Легким в том смысле, что я не испытал сильного страха. От бывалых людей я слышал, что никто не может поручиться, как он поведёт себя в бою, пока не изведает этого. Страх овладевает человеком настолько, что он вовсе теряет рассудок, и в панике, ничего не сознавая, лезет под пули на верную гибель. Перед началом артподготовки меня знобило, но едва загрохотали первые залпы, озноб прошёл.

Очутившись в огороде, в пятидесяти шагах от кирпичного дома, откуда без устали строчил пулемёт, я, наконец-то, смог оглядеться. Понял, что стреляют не в меня. Пулемётные очереди лупили внахлёт, беспорядочно. Солдат мне не видно — залегли, попрятались. Слышу только, теперь уже монотонный, усталый голос:

— Вай-вай, моя ранена...

Раненый уже не кричит как вначале призывно, истошно — машинально повторяет слова, как заклинание, может быть, этим утишая боль.

Между мной и домом торчит печная труба (раньше я её почему-то не замечал), подле трубы грудa битых кирпичей и разного хлама. Всё это можно использовать как укрытие — из-за трубы метать гранату. У меня их три: «лимонка» и две РГД. Задача несложная: выждать, когда пулемётчик сделает паузу, — и бежать. Всего тридцать шагов, а может быть, и того меньше — фриц не успеет поймать меня на мушку.

И точно: мой рывок застал его врасплох. Пулемёт задолбил, когда я уже распластался поверх пыльной кучи щебня. Пули чиркали по кирпичным обломкам, звенели обо что-то железное, жалобно ныли рикошета. С минуту пулемёт молотил, потом затих. А когда возобновил стрельбу, то уже перебросил огонь в другое место. Наверное, фриц посчитал, что со мной кончено. Выяснилось: я попал в развалину бани. Металлическое, звеневшее под пулями, оказалось баннЫм котлом, вмазанным в печь. Печной бок частью развалился, и котёл оголило. Под мусором, поверх которого я залёг, настелены половицы банного пола, всё ещё отдающие мыльной сыростью. Под руку мне попался старый веник, напрочь обхлётанный, почти голик.

Метать гранату отсюда я раздумал. Силы добросить у меня хватит, но какой толк будет, если граната взорвётся по эту сторону кирпичной стены? А попасть с такого расстояния в пролом под крышей я не смогу.

...Вот на эту последнюю перебежку было не просто отважиться. Скрытый от немцев печной трубой, я поднялся в рост, прильнул к шершавым кирпичам. Мне нужно проскочить совсем немного, и я попаду в мёртвое пространство, куда не может быть обращён пулемётный ствол. Для меня оно не мёртвое — живое пространство. Главное — успеть туда. То, что меня могли сразить сверху из пролома — гранатой или пулей, — мне почему-то в голову не пришло. Я, как плохой шахматист, рассчитывал только свои ходы, не думая о том, что противник может сделать ход, не предусмотренный мною. В этот раз для меня игра закончилась благополучно.

Помню недолгое оцепенение — немоту в мышцах перед самым броском. Нечто похожее испытываешь на старте, ожидая команду «Марш!». Потом немота проходит, как и не было её.

Фриц и на этот раз проворонил меня. Я уже был возле дома, — в спасительном мёртвом пространстве, — когда он открыл пальбу. Я с разгону прильнул к стене. Над головой огневыми вспышками харкал пулемёт.

Вначале я метнул «лимонку». Попал точно в пролом — за стеной ухнуло. Пулемёт замолчал. Я вскочил на цокольную приступку, с неё метнул вторую гранату — РГД. Услышал, как она обо что-то ударилась — о потолочину или о стропила. Я всем телом врос в стену: если граната взорвётся на потолке, осколки полетят и в мою сторону. Но, видно, граната упала вниз — взрыв получился утробный, как под полом.

Я вскарабкался на стену. В проломе можно было стать на корточки. Из-под железной кровли снарядом вышибло стропила, она осела. Потолок также наполовину обрушило. Пыль, поднятая гранатой, ещё не улеглась, мне ничего не было видно. Раньше, чем я присмотрелся и что-либо различил, я услышал, как забарабанило над головой: пули ударялись в провисшую потолочину, звенели по кровельному листу. Не вдруг дошло, что стреляют в меня, снизу. Кто-то там был живой. Вначале я увидел огневые выплески из автоматного ствола, потом немца, который стрелял. Мне показалось, он был мертвецки пьян, его мотало из стороны в сторону, он кругами топтался по полу. Поэтому и не мог попасть, хотя стрелял чуть ли не в упор. Я выхватил револьвер. Но вместо выстрела слышу холостой щелчок бойка...

Сколько раз впоследствии мне снилось нечто похожее: я попадаю в критическую обстановку, чтобы спастись, мне нужно выстрелить, но револьвер отказывает. Обыкновенно во сне мне не хватает силы нажать на спуск. Этот сон и посейчас мучает меня.

Наконец-то и фриц сообразил, что ему надо перезарядить обойму, потянулся к голенищу, где у него хранилась запасная. Ему, не будь он в таком состоянии, перезарядить автомат — секундное дело. А револьвер скоро не перезарядишь. Я прыгнул на немца сверху, чтобы не дать ему времени, но — промахнулся и сам упал. Однако и он не воспользовался моей оплошностью — неожиданно тоже выстлался на полу ничком и выронил автомат. Я вскочил и уже занёс револьвер, чтобы оглушить фрица... В последний момент рука сама удержалась. Падая, немец потерял с головы каску — затылок у него был окровавлен. Он распластался ничком, недвижимо и пальцами скрёб по замусоренному полу. И по этому движению ясней ясного было, что на ноги ему уже не подняться. Он вовсе был не пьян, а ранен, возможно, смертельно. Не знаю, осколком ли моей гранаты или раньше, когда снарядом попало в дом.

Собственно, в тот момент я не думал об этом — удивился и встревожился, что не видно других защитников «крепости». Они могли появиться внезапно. Кажется, не помнил я тогда и про взвод: про то, что я не сам по себе, а у меня взвод, которым я командую, за который отвечаю. Я вдруг увидел в ящике у окна — автоматные обоймы и под ними россыпью несчитанные патроны. Вспомнил про автомат, оброненный немцем. Всё это совершилось мгновенно, без малейшей затраты мысли, — я поступал не рассуждая. Схватил автомат, выдернул ремень из-под недвижимого немца, перезарядил обойму, несколько других обойм напихал за голенища. При этом всё время одной рукой держал автомат наизготовку, спиной прислонясь к стене, — ожидая внезапного появления фрицев. Не один же он был тут: ещё недавно по нам стреляли из двух пулемётов. Но услышал вдруг за стеной голоса своих.

И тогда лишь поверил, что мы выбили немцев, взяли деревню.

После узнал, что мои солдаты видели, когда защитники «крепости» отступали: двое впригиб бежали по ходу сообщения, похоже, волоча третьего, убитого или раненого. Немец, оставшийся у пулемёта, прикрывал их.

...Уже в сумерках начали поспешно окапываться на другой стороне холма, где были развалины часовни и старое кладбище, развороченное ещё немцами. Подобрали раненых и убитых. В моем взводе обошлось без потерь. У Снежкова четверых отправили в санбат: одного с тяжёлым ранением, его унесли, трое других — шли сами.

Тут же какой-то штабной офицер спрашивал у всех, нет ли «языка». Не сразу до меня дошёл смысл — что ему нужно, — хоть я и должен быть знать, помнить из той же «Капитанской дочки». Слово это, ещё тогда, в детстве, впервые встреченное в книге, поразило меня неожиданным смыслом: «язык» — это человек, которого можно допросить, выпытать у него нужные сведения. Не сам человек, а только его язык!

Я вспомнил про немца, оставленного в кирпичном доме, и сказал про него ротному.

— Как он упал? — спросил он.

— Ничком.

— Если ничком — значит, живой.

Отрядили двоих солдат с носилками. Рассказывали после, что немца и верно застали живым, он дышал. Но добились ли от него чего-нибудь, как от «языка», я не знаю. Был ли он в состоянии отвечать на вопросы?..

С тех пор мне запала эта примета, услышанная от ротного: если раненый падает ничком, его ещё можно спасти, а если навзничь — тогда крышка. Верна ли примета, не знаю и сейчас. Сам я, когда меня ранило, падал ничком, оба раза — ничком. Но для статистики этого, пожалуй, маловато.

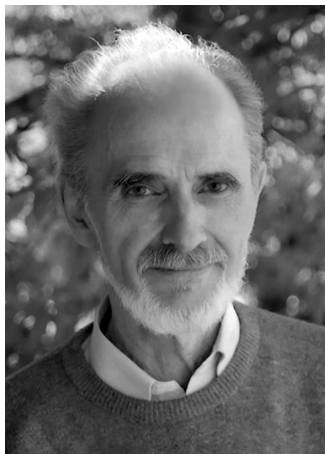
А совсем недавно я снова услышал эту примету в каком-то фильме.

ПОЭЗИЯ

К 85-летию русского поэта

ВАСИЛИЙ КАЗАНЦЕВ

Пора счастливая была

* * *

— Пора счастливая была —
Когда всё смел и мог.
— Пора счастливая прошла,
Когда всё смел и мог.
— Зачем же ты не брал всего,
Когда всё смел и мог?
— Вполне хватало и того,
Что жил. И смел. И мог.

КАЗАНЦЕВ Василий Иванович родился 5 февраля 1935 года в д. Таскино Чаинского р-на Томской области в крестьянской семье, окончил Томский университет. Печатается с 1957 года. В 1962 в Томске вышел первый сборник стихов «*В глазах моих небо*», вслед за которым в Новосибирске (Западно-Сибирское книжное издательство) выходят другие: «*Лирика*» (1962), «*Прикосновение*» (1966), «*Поляны света*» (1968), «*Равновесие*» (1970), «*Стихи*» (1971). Затем книги его стихов издаются в основном в Москве: «*Дочь*» (1969), «*Русло*» (1969), «*Прощание с первой любовью*» (1971), «*Талина*» (1974), «*Порыв*» (1977), «*Дар*» (1978), «*Выше радости, выше печали*» (1980; составитель и автор предисл. В.Кожин), «*Свободный полет*» (1983), «*Рожь*» (1983), «*Прекрасное дитя*» (1988), «*Стихотворения*» (1990) и другие. В 1963 году стал членом Союза писателей СССР. В 2000 году получил премию «Поэзия», а в 2001 году — премию имени Н.А. Заболоцкого.

* * *

— Никому не переча на свете,
Ты прокрался, неслышно скользя,
Ты неслышно прокрался в бессмертье.
— Но прокрасться в бессмертье — нельзя.

— Коль нельзя так неслышно пробраться
И незыблем бессмертья закон,
Как в бессмертье ты смог оказаться?
Значит, был ты бессмертным рождён?

— Просто песня моя о свободе
Так была весела и пряма,
Так наивна, что стража на входе
Раздалась вдруг невольно сама!

* * *

От далёкой дороги усталый,
Я впервые в Москве побывал...
Я Москвы — не увидел сначала.
Я увидел — огромный вокзал.
В неоглядно вознёшемся зале,
В ярком свете, похожем на мглу,
Пили, ели. И пели. И спали.
На скамьях, на тюках, на полу.
Билась радость, томилась обида.
В беглом взгляде мелькала вина.
За спиной старика инвалида
Громовая стояла война...
Я на площадь широкую вышел —
Долгожданного счастья глотнул.
Я сначала Москвы — не расслышал.
Но расслышал — рокочущий гул.
Необъятно-глухой, разноликий.
Обдающий дыханьем густым.

Разнозначащий. Разноязыкий.
Над землею стоящий, как дым.
Бились скомканно звуки, срывались —
Резко дыбились. С разных сторон
Накатившись — скрестились, смешались
Вологодчина, Курщина, Дон.
Обнажив свои дали сквозные,
Все дороги свои и поля,
Вся огромная встала Россия.
Вся безмерная встала земля.
Осетинов и финнов — и сванов —
И туркменов — слились голоса.
Высь нагорий — ширь океанов.
Раскалённые льды — и леса.
И подрагивал купол тяжёлый.
И — как ветер тяжёлый — гудел.
И железный — из рупора — голос
Несгибаемо твердо гремел.

* * *

Через год, через два, через двадцать
Всё равно оглушённо поймёшь:
Никуда, никуда не деваться
От судьбы, занесённой, как нож.
Никуда — даже если заплатишь
Неотступным, сверлящим стыдом.

Даже если тот нож — перехватишь,
Вспять его обратишь остриём.
От блестящего, острого взгляда,
Наведённого в сердце тебе,
Никуда и деваться не надо.
Надо выйти навстречу судьбе.

* * *

Над плотной насыпью привстав,
Напряжена, пряма, отлога, —
Как оглушительный состав,
Рванулась вдаль — и ввысь — дорога.
Тугой, натянутой струной
Приподнялась, затрепетала.

И тут же — всей своей длиной —
Бессильная, к земле припала.
Среди лугов, лесов, светясь,
Горит зовущей красотой —
Полуоборванная связь
С неотвратимой высотой!..

* * *

Ветер, тучи. Грозы-сороливы!
Говорливы, жгуче-торопливы!
Налетевший, пролетевший зов.
Ветви, шум. Обрывки голосов.
Ветер. Руки голы, ноги босы.
Мокрым ветром пахнущие косы.

По широким листьям стукоток.
Свет короткий. Парусом платок.
Крупных капель плотная ядрённость.
Вздвигну, с громом радость разделяю.
Погонюсь, настигну — не дотронусь.
В блеск и ветер душу изолью.

Ночь

Прохладной сырости наплывы.
Внезапной свежести прилив.
Кусты. Как шёпот торопливый,
Прерывистый — листвы порыв.
Сквозь лёгких веток блеск дрожащий
Невидимое до конца

Воды мерцанье. Как горящий,
Меняющийся свет лица.
Невнятно-близкое дыханье
Кустов. Воздушна, молода,
Вода. Лицо. В лице — пыланье
Восторга, ужаса, стыда.

Природа

Разлом горы кровотока и свеж.
Цвета земли угрюмо-жгучи.
И, как подспудно зреющий мятеж,
Сгущаются на горизонте тучи.

Лес ропщет, ветер трубит, встаёт песок.
И, слыша близящуюся опасность,
Я забываю, что я царь и бог,
И к бунту чувствую причастность.

* * *

Летит над пашней чёрный ворон.
Мне щёку тенью обожгло.
Смотри, как широко простёр он
Своё тяжёлое крыло.
Летит он, грузный, издалёка,
Устало голову пригнув.
Взгляни, как жадно смотрит око,
Как хищно нависает клюв.
Летит он, старый, из былого,
Из выжженных густых лесов.

От трупов поля Куликова,
Оставленных в траве голов.
Из-за клубящегося дыма
Давно сгоревшего костра.
Озёр иссохших мимо. Мимо
Наполеонова шатра.
Над гулкой славою победной,
Над сетью древних, новых рек.
Над головой моею бедной
Издаleка — в грядущий век.

Капля

Растянута, искривлена,	Уже не сползает — бежит.
Взбухая, как будто бы зрея,	И вот — добежала до края.
Зигзагом по крыше она	Но прежде чем вниз, как стрела,
Сползает. Быстрее. Быстрее...	Рвануться свободно и жадно,
И вот, округлившись на вид	На самом краю — замерла.
И путь свой по ходу спрямляя,	И медлит, и медлит неожиданно...

* * *

Как жизнь, скажите, в поезде идёт?
Кто спит, кто бодрствует. Кто ест, кто пьёт.
Одновременно стучают колёса.
Одновременно крестик-самолёт
Квадрат окна пересекает косо.
Одновременно радио поёт.
Игривый ветер распушает крону.
И девушка проходит по перрону.
Смотри, смотри — сейчас она пройдёт.
Кто ходит, кто сидит. Кто ест, кто пьёт.
В окне закат багряный догорает.
Одновременно радио играет.
И мысль томится. И душа страдает.
И быстрое пространство пролетает.
И время безвозвратное течёт.

Пророк

Когда божественный глагол,	Возвысившийся над людьми,
Как гром внезапный, разразится,	В пьянящее соседство бога
И смертно потрясённый дол	Почти вступивший, не возьми
Взликует и преобразится,	Ты на себя излишне много.
И свет произойдёт из тьмы	Ты не сочти из простоты
И возблестит, на землю рушась,	Мгновенного, гордыней болен,
И, словно холодок зимы,	Что волен слышать голос ты
Проникнет внутрь священный ужас,	И голоса не слышать волен.

* * *

На древнем человеческом погосте,
В могильной стоя глубине,
Беру я в руки человечески кости.
Их в руки брать не страшно мне.
Бесцветные, идущие на убыль,
И гладкие, как будто из стекла.
И хрупкие и лёгкие, как уголь.
Из них и жизнь ушла — и смерть ушла.

* * *

Как по деревне танки шли!	Шли не чужие, шли свои.
Как клацали, как грохотали	И не на битву — на ученье.
Плывущие поверх земли	Избушки, сбившиеся в ряд
Зазубренные глыбы стали.	Пред медленным железным рядом,
Они не шли во весь опор —	Пугливо сжались. Дрогнул взгляд
Им узкий коридор был тесен.	Под медленным железным взглядом.
Но как могуч был их напор,	К земле прирос. Ну что же вы
Как непреклонен, как железен.	Как виноватые стоите,
Ровняя жёсткие строи	Поднять не смея головы?
В сгущающемся напряженье,	Кричите же «ура», кричите!

* * *

На тяжкий твой венец терновый
Гляжу сквозь дымные года
Из края дальнего, другого,
В каком ты не был никогда.

На утолительное слово
Надежды, гордости, стыда
Гляжу из возраста другого —
В каком ты не жил никогда.

На труд суровый, свод свинцовый,
На подвиг горней высоты
Гляжу из времени другого —
В каком и в мыслях не был ты.

Другие в мир пришли печали.
И холод в мир пришёл другой.
И с каждым годом — дале, дале,
Древней и дале — голос твой.

И с грустной ясностью во взгляде —
Неизбежимо в каждом дне,
Неотвратимо в каждой пяди! —
Ты — путь подсказываешь мне.

МИХАИЛ ПРОСЕКИН

Горячий пепел

РАССКАЗ

Дружба, что и любовь, бывает и первой, и последней.

До войны мне ни с кем не дружилось, не возникало этой надобности — ведь все собою заслонял Максим. Узнав Белянку, я поняла, что до той поры оставалась обделенной чем-то таким, без чего нельзя было считать себя полезной на земле. Я постоянно чуяла, где она есть, что делает и каково ее состояние — насколько холодно и голодно ей, до какой степени она подвержена смертельной опасности. В первые же дни я преподавала ей уроки выживания в лагере. Научила разбираться в основных командах, отдававшихся по-немецки, показала, как надо маскировать тело, чтобы оно не соблазняло капо, но и не отвращало их, потому что за одно это могли уволочь в крематорий. Рассказала, как обменивать еду, — с какой пользой для себя, — мы же там менялись: одной не лез в рот печенный с опилками хлеб, другую выворачивало с маргарина, более напоминавшего техническую смазку, чем питательный жир, третья отказывалась вливать в себя брюквенный развар. Пояснила, что двигаться в колонне безвреднее не впереди, не сзади, не с боков, а где-нибудь в середине, так, чтоб, когда начнут стрелять, не угодить на прямую очередь. Растолковала, как выносить нередко налагавшийся массовый штраф — стоять два часа голыми коленями на щебенке и держать по кирпичу в поднятых

ПРОСЕКИН Михаил Михайлович, прозаик (1938, с. Нижний Кукут Эхирит-Булагатского р-на Иркутской обл. — 1988, пос. Култук Слюдянского р-на Иркутской обл.). Автор книг: *Затерянное поле*: рассказы (Иркутск, 1977); *Встречный пал*: повести и рассказы (Иркутск, 1982); *Старый друг*: рассказы (М., 1986); *Дом из силикатного кирпича*: повести, рассказы (Иркутск, 1990). Член Союза писателей СССР (Иркутская писательская организация).

руках. Подвергаясь ему даже ночами, мы, более опытные узницы, наловчились чуть-чуть сбавлять адские мучения, но для этого требовалась и смелость и природная реакция тела, иначе можно было запросто улечься на плацу с раскроенной головой. Расчет здесь строился вот на чем: вышагивающего позади нас капо с палкой отвлекали с одного края согласованной возней, громкими вздохами или еще чем, а в это время там, куда он не глядел, опускали и вскидывали руки. Невелика выгода, скажете? Правда. Но мышцы, получая разминку, не деревенели и не так сильно отекали, и можно было надеяться, что останешься в сознании до конца, не грохнешься замертво.

Везло нам вплоть до сорок пятого победного года... Мы действовали слаженно, имея, казалось, единственное назначение: по едва заметным проявлениям усматривать опасности, которые, не упреди их, могли закончиться нашей гибелью. Я, например, отлично чувствовала, когда у Белянки отключался какой-то аппарат и она становилась небдительной — предавалась, умотавшись, обморочному сну или, блаженничая, ходила как святая, все созерцая, но мало что осмысливая. В такие периоды мое восприятие окружающего сильно обострялось: я, вздрагивая, забывалась собачьим сном и, если пьяные капо среди ночи вламывались в барак и принимались хлестать плетками всех без разбору, чуть не на руках выносила Белянку через окно в темноту. Однажды в поле она была почти невменяема и не услышала отданную ей надсмотрщиком команду; он схватил лопатку и с межи запустил ею в голову Белянки. К счастью, я была тут же и успела вскинуть на пути тусклого высверка картофельную набируху.

Но проходило сколько-то времени, и Белянка начинала воспринимать беды чутко, как зверушка. Тогда я давала себе маленькое послабление.

Я уже иногда про себя подшевеливала давно оставленную мечту на спасение: как она, сохранна ли? И убеждалась — есть, есть надежда, не оставила свою хозяйку. И не хотела, суеверничала, а распаляла душу тем, что, вероятно, не стоило ее спугивать — мне казалось, что перенесенные страдания должны были вознаграждаться освобождением из лагеря; на выживание было положено столько, что это само собой требовало справедливой компенсации. Но тотчас же глушила вскипающую веру: Освенцим был тем местом на земле, где не действовали ни человеческие, ни божеские законы.

Белянка, по-моему, тоже начинала верить в то, что и ей суждено выйти на свободу. Она стала чрезмерно боязливой, паниковала без особых причин. Как-то я обнаружила ее в темном углу барака всю в слезах, изнемогающую от рыданий. Привела ее в наше гнездовище, взялась утешать.

— Чего ты разревелась? — спрашивала я.

— Бросит меня Витюня такую... Бросит, бросит!

— Какую это?

— Опоганенную. Из-под немцев...

— Дурак, значит, будет, — сказала. — Перестань нюнить!

— Но они меня-а-а...

— Это не считается, — перебила я. — Твоей вины здесь нету, пойми. Душа бы не запоганилась — вот что главное.

— Ага, рассуждай. Добро тебе... За тебя Максим вон как восставал. В таком парнине и я бы не сомневалась.

— Чем же Витюня хуже? Еще неизвестно, как бы он за тебя заступился.

— Он меня только как бабу хотел. Теперь я понимаю...

— Ни черта не понимаешь, глупая! — вскричала я, — Да разве можно любимого человека с этими живодерами ровнять?! Спятила?

— Не обижай меня. Не надо, — одумавшись, сказала Белянка. — Сама не знаю, что говорю.

— Не буду...

— Ты хорошо Максима помнишь? — немного погодя спросила она.

— Конечно. Мне больше некого помнить.

— Всего-всего?

— Пожалуй... А что?

— Я вот подзабыла Витюню. Забыла его походку, голос, смех. Знаю, что есть он — веселый, несообразный, а различаю плохо. Без подробностей... Идет он будто ко мне, а подойти не может, точь-в-точь как во сне. У тебя бывает такое? — пытливо спросила она.

— Нет, кажется, — ответила я с возникшим вдруг беспокойством.

— Любишь, стало быть, Максима, — заключила Белянка. — Дай-то вам боженька найтись!..

— Да есть ли он на белом свете, Максим-то?! — вырвалось у меня. — Может, тому, чем грежу, уже не дано свершиться. Сознаешь это?

— Что ты воронов скликаешь? — тоже взбудоражилась Белянка. — Люби его, как любила, верь ему.

— Тем и живу.

О том, что немцам достается на фронтах, знал весь лагерь. Кто как, а лично я представляла в целом, сколько фашистов истребили на такой-то день и сколько их, паразитов, еще ходит по земле. Додумки? Игра воображения? Едва ли, ведь наши истязатели имели человеческий облик и, наблюдая за ними, можно было заключить, каковы у них дела. О, как я завидовала тем, кто где-то шел на них вооруженный!..

Декабрь 1944 года мы еще волочились за жизнью, как и прежде: поднялись утром — ладненько, отработали день, не свалились — хорошо, не улетели в трубу — еще лучше. Каждая узница, способная к рассуждению, понимала тогда, что скоро-скоро все кончится, только вот чем? Никто не верил, что фашисты оставят нас напоказ людям. И тем не менее большинство ждали чьей-то милости, надеялись. Я, например, воображала такое: не сегодня, так завтра налетят краснорозетные самолеты, оббомбят лагерь специально изобретенным способом, уничтожив лишь охрану — всех издевателей подряд. Грезы, грезы... А в действительности творилось иное.

И вот однажды...

— Глянь, что у меня на спине, — попросила Белянка, высвободившись из страшной, как саван, рубахи.

Я быстро осмотрела ее вздутую на костях, дрябнушую плоть и отшатнулась словно ушибленная: кожа там и тут была в звездчатых липухах, жидко наполненных сукровицей.

— Сухая ты...

— Как балалайка? Да? — по лицу ее прометнулась теневая улыбка.

— Болячки высыпали, — проговорила я сколовшимся голосом.

— Много?

— Да есть.

— Лекарства бы... Мази какой у них взять...

— И не мечтай! Забудь! — встревожилась я. — Не проговорись, что заболела, а то быстро в двадцать пятый барак угодишь. Там вылечат!.. Эх, овечка!

Взъедаться на нее, конечно, не следовало. Она ведь не знала, что через два-три дня спина ее начнет вскипать глубинными нарывами, которые, ища себе место, будут рвать и гноить мышцы.

Ночью я проснулась от внутреннего импульса, тайного знака, поданного самим организмом. Полежала, слушая, как мучительно спят женщины, и ничего опасного со стороны не обнаружила. Потом рука моя сама поползла к лопатке, наткнулась на остренькую пупырышку и сковырнула ее. В тот же миг я почувствовала там болезненный зуд, стойкий и неотвязный. Ощупала, сколько сумела, свою присохшую, будто выделанную кожу и догадалась, что у меня наплывают такие же, как у Белянки, звездчатые липухи. Подумала: поселились они, что ли? И ответила себе: как знать, ведь спали мы для утрева тесненько, как птенчики.

Я испугалась, но, как это ни странно, испугалась спокойно; страх был устоявшийся, давний, он только вроде бы освежился. И, как всегда бывало в подобных случаях, я начала сосредоточенно, до ломоты в висках, думать. Мозг заработал вовсю, к нему будто подключились некие усилители, и, казалось, неведомая энергия сама собою взялась отыскивать вероятные выходы из создавшегося положения. Раскиданными кусками, вспыхивая и потухая, представала взору лагерная наличность: тысячи и тысячи двигающихся рабов и рабынь, уставленная бараками чужая земля, фашисты с оружием, лающие собаки и тому подобное. Направляемая мозгом энергия высвечивала то одно, то другое, но ничего годного для обезвреживания возникающей опасности не отыскивалось. И выплывало из мрака предстоящее действительное: иду в баню, раздеваюсь, там обнаруживают болезнь, избивают за то, что скрывала ее, и уводят в барак № 25 «на лечение», а оттуда ясно куда — в печь. Как чурку дров...

Все разворачивалось именно так, как я и полагала. На другой день Белянка тайком оголила свою спину, и я увидела их — тяжелые, рдеющие в благодатной среде нарывы. У меня от них тоже раздирало мышцы. Таиться можно было лишь до первой бани.

— Сожгут нас, я знаю, — запричитала Белянка, упав взмокшим от слез лицом мне в колени. — Не пощадят, не-ет...

— В диковинку им, ага? Чего ради будут с нами валандаться? — промолвила я, дабы привести ее в состояние обычной восприимчивости бед. Но хитринка не подействовала — Белянка запаниковала.

— Пускай меня лучше расстреляют! — ее стало истерически взбрасывать. — Я боюсь ожогов! Вот... — она обнажила бедро и боязливо указала на желтоватое пятно, заплатно сидящее на голубоватом теле и затянутое кожицей, будто настоявшейся пенкой. — Ошпарила кипятком из самовара давно, когда в шестой класс ходила... Пускай стреляют! Р-раз — и готово! Не жалко...

— Долго ли погибнуть... Дурное дело... — сказала я не только ей, но и себе. — Теперь хоть маломалишная надежда есть выйти отсюда, а там... Стоит ли выбирать худшее?

— А что делать?

— Придумается что-нибудь...

Отчаиваясь до беспамятства и снова загораюсь верой, я продолжала выдумывать различные способы сокрытия от глаз надзирательниц нашей болезни. И вот как-то взгляд мой уперся в растоптанный под окном барака солидол — техниче-

ское вещество с медовым лоском, обметанное сверху черной патиной. Оно напоминало собою целебную мазь и... просилось в желудок, ночью я вылезла в окно, отыскала на земле руками солидол и густо облепила им нарывы. Проходила день — ничего, полегчало даже. Или казалось так? Скорей всего, облегчение было потому, как смазанная кожа не очень лопалась. Предложила средство Белянке.

— Нет, нет! — открестилась она. — Боюсь заражения. Брезгую...

Настал, как и все настает, банный день. Мы с Белянкой шли плечо в плечо, цепко держась за руки, и, как великие грешницы, затравленно взглядывали на стороны. Находившийся в страшном напряжении мозг мой, как догорающий фитиль, озарился убого-счастливой мыслишкой.

— Лезь туда, прячься! — толкнула я Белянку в раздевалке к одежде, которую женщины сбрасывали прямо на пол.

— Увидят — избыют! — отшатнулась она, вся дрожа. — Не могу я так! Не могу!..

Уговаривать ее стало некогда — в дверях уже раздавались голоса надзирательниц. Зажмурив глаза, я полезла в кучу грязнущих яков — лагерных курток, и на какие-то мгновения теряла там память от недостатка воздуха. Когда кончилось мытье и раздевалка наполнилась узницами, я выбралась оттуда, зашла в уголок и, чтобы не вызвать подозрений, облила голову водой.

Белянки нигде не было видно. Мне сказали, что ее повели в двадцать пятый барак.

На следующий день после работы я выменяла лишнюю порцию маргарина, комок хлеба — и где ползком, где вприсядку — пробралась в тот двадцать пятый барак, от одного упоминания которого нас бил озноб. Белянка, исполосованная плетками до черноты, с вывернутыми опухлостью губами и со сломанным носом валялась на голых досках. Она признала меня, хотела, по обыкновению, в знак приветствия заплакать, но не сумела — исплакалась вся. Есть она отказалась.

— Пускай меня расстреляют... скажи им... Пожалуйста... — шептала Белянка. — Я боюсь ожогов...

Она тянула ко мне истонченные, словно ветки засохшего дерева, руки, и казалось, улетала в черное провалище, туда, откуда никто не возвращается. Я сидела подле нее, живой еще, страдала, как была на это способна в то время, и ничем не могла ей помочь.

— Витенька, родной!.. Забери меня отсюда... Мама, мамочка, дай шаль, замерзаю... Нет, нет, жарко!.. Огонь!.. Огонь идет на меня... Горит! Все горит...

Так уже бредово наговаривала она, когда я, опасаясь быть выловленной, покидала барак.

На Байкале свирепствует горный ветер. Мне кажется, что его замешивают в низко громождающихся тучах размахивающие вершинами деревья. Кругом беспокойно, черно, подвижно. С надолго уравновешенным плеском хлещутся о каменный берег волны. Пускают окрест свои надсадно-тоскливые крики чайки. Прохладно и сыро, все уже опахнуто осенней знобью.

Что еще поведать вам, люди?

...Белянка оказалась в числе последних узниц, стравленных в огне Освенцима. И в тот же день всех нас, содержащихся в бараке № 19, погнали ломать еще не остывший «дамский» крематорий. Мы дробили лопатами кафель, рушили печи и оттаскивали в стороны раздробленное спешно и воровато, как бы опасаясь того, что он сам может собраться заново. По велению надсмотрщиков мы тянули «Стеньку Разина», точнее выстраивали мотив, а на самом деле пели вовсе другое, подлаженное кем-то к любимой песне. Вот эти едва собранные в рифмы слова:

*Есть за польскою границей
Город хмурый и суров.
Город лагеря Аушвиц,
Где не любят вольных слов,
Здесь для всех приют и ласки...
Без разбору — всех в камин.
И как будто в жуткой сказке
Всем уж нам кричат: «Аминь!»
Ветер воеет, буря свищет.
Заключенных ветру жаль.
Черна туча слезы ронит
За еду, драную шаль,
Но настанет час и время,
И могучею рукой
Разобьем мы лагерь смерти
И оплатим кровь за кровь.*

Не ахти что, правда? Но мы пели это истово и устремленно, так, будто зачитывали приговор каждому фашисту в отдельности.

В тот день я, вся содрогаясь, запустила руку в ставший ненужным человеческий пепел и достала снизу, из жгучей глубины, горсть серого вещества. С бабьей обстоятельностью завязала его в узелок и носила под рубахой до самого освобождения.

Максим?

Максима я разыскивала долго, около двух лет; это особая история. Оказалось, он тоже был в Освенциме, мучился где-то неподалеку от меня. Его сожгли под новый 1943 год за организацию побега, об этом мне рассказал чудом выживший участник того неудавшегося предприятия поляк Ян Тембельский, которого я нашла в самой Варшаве, куда сумела выхлопотать въездной документ.

В Сибирь я ехала по осени 1947 года с отслужившими свое воинами-дальневосточниками. Что меня гнало оттуда, с Запада, не берусь об этом судить и теперь. Скорей всего, не хотела видеть то, что оставила после себя война. Или стремилась отыскать на земле уголок, где можно было бы поменьше вспоминать о прошлом. Как бы там ни было, но когда двое солдат, шуткуя, предложили сесть в их эшелон, бегущий на Дальний Восток, я, упреждая возможные колебания со своей стороны, немедленно согласилась: конечно, конечно, отправляемся!.. Мы ехали в товарном вагоне — с раскаленной чугунной печкой, с гармонью, с прибаутками, в свисте и гоготе. Я либо улезала в отведенный мне уголок и надолго замолкала, либо бралась петь и плясать, либо хохотала и хохотала. Коротенько рассказала солдатам об Освенциме, и после этого они даже не пытались заигрывать со мной.

Дальше за Байкал я не поехала, не решилась, потому как там прошла хотя и малая, но тоже война. К тому же я вспомнила, что где-то здесь оставалась родина Лёли Черенцовой, моей Белянки. Я нашла селение, в котором она жила, все разузнала о ее семье. Отца ее убило на фронте, мать скоропостижно умерла, а младшие братишки и сестренки дорастали в детдоме.

Привезенный из Освенцима пепел я разделила на две части — на самых дорогих мне людей, Максима и Белянку, — и, соблюдая погребальные обычаи, схоронила на взгорке сельского кладбища.

...Стою с обнаженной головой возле бетонных тумбочек и, чудится, держу на ладони тот жгучий пепел — в руке до самого плеча токает, свербит. И нет мне от этого покоя.

АЛЕКСАНДР ГОЛОВАНОВ, МАРШАЛ АВИАЦИИ

О наших полководцах

Накануне 75-летия Победы нашего народа в Великой Отечественной войне редакция журнала «Сибирь» решила опубликовать заключительную главу из книги одного из ярчайших военачальников минувшей войны, главного маршала авиации Александра Евгеньевича Голованова «Дальняя бомбардировочная...».

А.Е. Голованов был первым начальником Восточно-Сибирского управления Гражданской Авиации. Много сделал для развития авиации нашего края. В 1942 году стал первым командующим Авиации Дальнего Действия. Всю войну собранная в один мощный кулак бомбардировочная авиация наносила удары по глубоким тылам противника, в том числе и по Берлину.

За этими полетами стояли воля, энергия и организаторские способности А.Е. Голованова. В его жизни были взлеты и падения. Но всегда маршал оставался верен выбранному им курсу служения Родине.

* * *

Хочу высказаться и о некоторых наших полководцах. Вообще-то говоря, точных определений, кто может или должен, или имеет право считаться полководцем — нет. Во всяком случае, полководцем следует, как мне кажется, называть человека, который своим искусством, своим военным талантом, своим дарованием одерживал победы над врагом не числом, а умением, как говорил Суворов. Надо полагать, что относить к полководцам мы можем лиц, которые командуют в современных условиях объединениями, то есть армиями и более высокими организациями войск. Но вот вопрос, может ли каждый, командуя, скажем, армией, называться полководцем. Мне думается, что считаться полководцем по занимаемой им должности он может, а вот являться — это зависит от его способностей. Поэтому лично я, говоря о полководцах, имею в виду таких людей, которые являются полководцами, а не считаются ими по занимаемой должности. Командующих фронтами и армиями во время Великой Отечественной войны было немало. Были среди них и истинные полководцы. Остановлюсь я лишь на нескольких, о которых мне известно и мнение И.В. Сталина.

Начну с Ивана Степановича Конева. Нелегко дался ему начальный период войны, а вернее, первые год-полтора. Пришлось ему сталкиваться все время с отборными кадровыми гитлеровскими войсками. И все-таки не сломали его имевшие место неудачи. Его стремление воевать было огромно. Совершенствуя и совершенствуя свой полководческий талант, он добился того, что овладел управлением вверенных ему войск в такой степени, что стал проводить по плану Ставки Верховного Главнокомандования смелые и решительные, успешные операции на окружение крупных сил врага. Примером тому служат Корсунь-Шевченковская операция и Уманская наступательная операция. В последней войсками под командованием Ивана Степановича было уничтожено до 118 000 солдат и офицеров противника, более 27 000 взято в плен, не говоря уже об огромных трофеях, выражавшихся в тысячах орудий, минометов, автомашин и другого военного имущества и снаряжения.

Характер у маршала Конева был прямой, дипломатией заниматься он не умел. Комиссар еще со времен Гражданской войны, он привык общаться с солдатскими массами. В войсках его звали солдатским маршалом. Он мог вносить и вносил Верховному немало различных предложений и отстаивал свою точку зрения по ним. Был смел и решителен, отправлялся, как я уже говорил, подчас непосредственно в батальоны и роты для личного руководства боем, оставляя штаб фронта, а следовательно, и управление войсками. После внушения со стороны Сталина о недопустимости подобных явлений послушался его, оставшись, однако, при своем мнении. Осенью 1942 года в моем присутствии в разговоре с Верховным он поставил вопрос о ликвидации института комиссаров в Красной Армии, мотивируя это тем, что этот институт сейчас не нужен. Главное, что сейчас нужно в армии, — это единоначалие, доказывал он. Ссылаясь на свою службу комиссаром в Гражданскую войну и в первые годы после нее, он говорил о том, что выходцев из рабочего класса и крестьянства в руководстве войсками тогда почти не было. А сейчас, как правило, они занимают руководящие посты в армии.

— Зачем мне нужен комиссар, когда я и сам им был, — доказывал он. (В начале 1920-х годов Конев был комиссаром 17-й Нижегородской дивизии.) — Мне нужен помощник, заместитель по политической работе в войсках, чтобы я был спокоен за этот важнейший участок работы, а в остальном я и сам справлюсь. Нужно, чтобы командир отвечал за все состояние дел в своей части, чтобы он действительно нес полную ответственность за все действия своих подчиненных. Командный состав доказал свою преданность Родине и не нуждается в дополнительном контроле. Я скажу больше: наличие института комиссаров есть элемент недоверия нашим командным кадрам, — заключил Конев.

Такая постановка вопроса, видимо, произвела определенное впечатление, ибо Сталин стал интересоваться у многих товарищей их мнением по этому вопросу. Насколько мне известно, все опрошенные высказались за правильность предложения Конева. Были, правда, отдельные товарищи, занявшие в этом вопросе выжидательную позицию.

Говоря о положительной роли комиссаров, они не высказывались определенно ни за, ни против. Решением Политбюро институт комиссаров был упразднен, как сыгравший свою положительную роль в начальный период войны и в связи с тем, что командный состав приобрел надлежащий опыт в руководстве подчиненными ему войсками.

Что касается личного отношения Сталина к Коневу, то могу сказать, что Верховный отзывался о нем всегда положительно, хотя и указывал ему на недостатки. А у кого их нет! Не раз Верховный брал его и под защиту, и был очень доволен, когда дела у Ивана Степановича пошли в гору, видимо считая, что и он имеет к этому определенное отношение. Надо прямо сказать, что награды, полученные Коневым, а также высокое звание Маршала Советского Союза, достались ему по праву и нелегко. И.С. Конев вошел в когорту заслуженных полководцев нашего государства.

О Георгии Константиновиче Жукове

Я бы сказал, что он является характерным представителем русского народа. Дело в том, что Г.К. Жуков стал полководцем, и не просто полководцем, а выдающимся полководцем, не имея, по сути дела, ни военного образования, ни общего. Все, что имелось в его, если можно так выразиться, активе — это два класса городского училища. Никаких академий он не кончал, и никакого законченного образования не имел. Все, что он имел, — это голову на своих плечах. К этому можно прибавить курсы по усовершенствованию, что, конечно, не может быть отнесено к какому-либо фундаментальному образованию, да и называются-то они курсами по усовершенствованию того, что человек уже имеет. Действительно, сколько таких самородков дала Русь за время своего существования...

Узнал я Георгия Константиновича на Халхин-Голе. Провел он там блестящую операцию по разгрому японских самураев, после чего получил в командование округ, которым успешно командовал. Война застала его в должности начальника Генерального штаба Красной Армии. Настоящий полководческий талант проявился у Жукова, когда он занял свое место там, где ему и надлежало быть, то есть в войсках. Первое, что мне стало известно, — это его деятельность под Ленинградом. Именно там проявились его воля и решительность. Это он остановил отход наших войск перед превосходящими силами противника. Проведенные им мероприятия требовали именно решительности, именно воли для их осуществления. Война — это не игра, она нередко требует чрезвычайных действий, и не каждый способен на них пойти. Хотя и короткое, пребывание Жукова в Ленинграде привело к тому, что фронт был стабилизирован. Георгий Константинович отозван в Москву и вскоре назначен командующим Западным фронтом в один из самых опасных, самых напряженных месяцев войны. Западный фронт являлся самым ответственным фронтом, находившимся на главном направлении и прикрывавшим столицу нашей Родины — Москву. Командуя этим фронтом, он показал и свой полководческий талант, и волю, и твердость, и решительность.

Стал заместителем Верховного Главнокомандующего, и его способности в военном деле получили дальнейшее развитие. Здесь, конечно, нет возможности перечислить все то, что сделано Г.К. Жуковым на данном поприще. Однако нужно сказать, что он имеет прямое отношение и к Сталинградской битве, и к битве на Курской дуге, и ко многим другим операциям. Как правило, он был в числе тех людей, с которыми Сталин советовался и к мнению которых прислушивался. Жуков бывал на многих фронтах и не однажды помогал этим фронтам, а когда требовала обстановка, по указанию Ставки и руководил боевой деятельностью этих фронтов. Под его командованием войска 1-го Белорусского фронта на заключительном этапе Великой Отечественной войны участвовали в Берлинской операции. Во взаимодействии с 1-м Украинским фронтом они овладели столицей фашистской Германии — Берлином. Вклад Георгия Константиновича в Победу

велик. Нужно сказать, что Сталин высоко ценил военные способности Жукова, и я думаю, что нет второго такого человека, который получил бы столько наград и был бы так отмечен, как он.

Что касается отношений Верховного с Георгием Константиновичем, то эти отношения я бы назвал сложными. Имел Верховный претензии и по стилю работы Жукова, которые, не стесняясь, ему и высказывал. Однако Сталин никогда не отождествлял личных отношений с деловыми, и это видно хотя бы по всем тем наградам и отличиям, которые получены Жуковым. В книге авиаконструктора А.С. Яковлева говорится, что Сталин любил Жукова. Это, к сожалению, действительности не соответствует. Стилль общения с людьми после ухода из жизни Сталина у Георгия Константиновича, к сожалению, не изменился, я бы сказал, он даже обострился, это и привело к тому, что ему пришлось оставить работу. Я был, пожалуй, единственный из маршалов, который посетил его сразу после освобождения от должности министра обороны, хотя отношение Георгия Константиновича лично ко мне не было лучшим. Своим посещением я хотел показать, что мое уважение к его военному таланту, воле, твердости и решительности остается у меня, несмотря на его личное положение, независимо от того, является ли он министром обороны или просто гражданином Советского Союза.

Хотя бы одним примером хочу я показать его военные дарования, его способности предвидения. При обсуждении Восточно-Прусской операции А.М. Василевский весьма оптимистично докладывал ее возможное проведение. Когда Верховный поинтересовался мнением Жукова, тот сказал, что полагает — пройдут многие недели, а может быть и месяцы, прежде чем мы овладеем Восточной Пруссией. Дальнейший ход событий показал правоту Георгия Константиновича. Каких усилий стоило нам проведение этой операции... Деятельность Г.К. Жукова в годы войны была отмечена и тем, что именно ему поручено было принимать парад на Красной площади.

О Маршале Советского Союза Александре Михайловиче Василевском

Если И.С. Конев и Г.К. Жуков имеют что-то общее между собой и есть что-то общее в их характерах, то А.М. Василевский не походит ни на одного из них. Стилль работы Александра Михайловича является примером стилля работника штаба крупного масштаба. Сталин сразу заметил эти способности Василевского и, как это он делал со многими другими товарищами, все больше и больше общался непосредственно с ним. Борис Михайлович Шапошников к тому времени не обладал уже таким здоровьем, которое давало бы ему возможность работать с нагрузкой, которая требуется на войне. Нередки были случаи, когда, не считая для себя возможным сидеть в присутствии Сталина, он выходил в приемную и присаживался отдохнуть. Работая изо всех сил, он старался не показывать состояния своего здоровья.

Наконец летом 1942 года Сталин в моем присутствии заговорил с Борисом Михайловичем о его здоровье, и здесь Шапошников сказал, что ему трудно работать. Отношение Сталина к Шапошникову было весьма теплым. Обращался он к нему только по имени и отчеству. Верховный спросил, почему же он об этом молчал раньше. Борис Михайлович ответил, что в условиях войны он не считал себя вправе ставить такие вопросы. На вопрос, чем он может заняться, последовал ответ, что с удовольствием пошел бы на академию. Когда Сталин спросил, кто может его заменить, Шапошников назвал Василевского. Предложение Бориса Михайловича полностью соответствовало и мнению Верховного. Так Александр Михайлович стал начальником Генерального штаба.

Не ошиблись в этом ни Шапошников, ни Сталин. Замена начальника Генерального штаба не сказалась в худшую сторону, наоборот, работа Генштаба в дальнейшем совершенствовалась. Василевский оказался достойным преемником и оказывал Верховному огромную помощь в его деятельности. Василевский обладал особыми способностями в умении обобщить получаемые доклады и данные с фронтов, доложить их Верховному, изложить имеющиеся предложения по дальнейшему ходу боевых действий на том или ином фронте, а также изложить точку зрения Генерального штаба, если она разнилась с предложениями, полученными от командования фронта. Такт в общении с людьми, с командующими фронтами и другими товарищами создавал ему определенный авторитет. Он охотно докладывал по просьбе товарищей их мнения Верховному, но, если у него бывали другие мнения по затронутому вопросу, он их высказывал. И наоборот, поддерживал те мнения, с которыми был согласен. Нужно, однако, здесь сказать, что Верховный тоже имел свои мнения, которые подчас не совпадали ни с мнениями, ни с предложениями, вносимыми Генеральным штабом.

Будучи образованным человеком, Василевский обладал объемным мышлением и широким кругозором, что, конечно, помогло ему в работе. После финской войны он принимал участие в определении нашей государственной границы с Финляндией. Проявил при этом незаурядные способности, В.М. Молотов даже пытался забрать его в наркомат иностранных дел. В достаточной мере зная Александра Михайловича, я лично убежден в том, что если бы он был отпущен из наркомата обороны в МИД, он достиг бы больших успехов и на дипломатическом поприще. У Сталина он пользовался безусловным доверием и авторитетом. Скромность Василевского была его характерной чертой. Он никогда и нигде не подчеркивал своего высокого положения, а также и отношения Верховного лично к нему. Так же как и Г.К. Жуков, Александр Михайлович заслуженно получил все награды, которые существовали в то время в нашем государстве. Ему уже в 1943 году было присвоено высшее воинское звание Маршала Советского Союза. Александр Михайлович относится к когорте тех людей, которые внесли наибольший вклад в разгром врага.

И, наконец, из целой плеяды военачальников я хочу остановиться на личности **Константина Константиновича Рокоссовского**. Пожалуй, это наиболее колоритная фигура из всех командующих фронтами, с которыми мне довелось встречаться во время Великой Отечественной войны.

С первых же дней войны он стал проявлять свои незаурядные способности. Начав войну в Киевском Особом военном округе в должности командира механизированного корпуса, он уже в скором времени стал командующим легендарной 16-й армией, прославившей себя в битве под Москвой. Сколь велика была его известность у противника, можно судить по следующему эпизоду. У командующего 10-й армией генерала Ф.И. Голикова не ладились дела под Сухиничами, которыми он никак не мог овладеть. Был направлен туда Рокоссовский, который открытым текстом повел по радиосвязи разговоры о своем перемещении в район Сухиничей, рассчитывая на перехват этих переговоров противником. Расчет оказался верным. Прибыв под Сухиничи, Рокоссовскому не пришлось организовывать боя за них, так как противник по его прибытии туда оставил город без сопротивления. Вот каким был Рокоссовский для врага еще в 1941 году! Его блестящие операции по разгрому и ликвидации более чем трехсоттысячной армии Паулюса, окруженной под Сталинградом, его оборона, организованная на Курской дуге с последующим

разгромом наступающих войск противника, боевые действия руководимых им войск в Белорусской операции снискали ему славу великого полководца не только в нашей стране, но и создали ему мировую известность. Вряд ли можно назвать другого полководца, который бы так успешно действовал как в оборонительных, так и в наступательных операциях прошедшей войны. Благодаря своей широкой военной образованности, огромной личной культуре, умелому общению со своими подчиненными, к которым он всегда относился с уважением, никогда не подчеркивая своего служебного положения, волевым качествам и выдающимся организаторским способностям он снискал себе непререкаемый авторитет, уважение и любовь всех тех, с кем ему довелось воевать.

Обладая даром предвидения, он почти всегда безошибочно разгадывал намерения противника, упреждал их и, как правило, выходил победителем. Сейчас еще не изучены и не подняты все материалы по Великой Отечественной войне, но можно сказать с уверенностью, что когда это произойдет, К.К. Рокоссовский, бесспорно, будет во главе наших советских полководцев.

Несмотря на то что Константин Константинович был до войны репрессирован и провел немалое время в заключении, он не потерял ни веры в партию, членом которой состоял, ни веры в руководство страны, и остался столь же деятелен и энергичен, каким он был всегда. Годы заключения не сломили, а закалили его.

С большим уважением, с большой теплотой относился к Рокоссовскому Сталин, он по-мужски, то есть ничем не проявляя это на людях, любил его за светлый ум, за широту мышления, за его культуру, скромность и, наконец, за его мужество и личную храбрость. Я не слышал, чтобы Верховный называл кого-либо по имени и отчеству, кроме Б.М. Шапошникова, однако после Сталинградской битвы Рокоссовский стал вторым человеком, которого Сталин стал так называть. Битва на Курской дуге закрепила отношение Верховного к нему. Я уже говорил о том, что результаты битвы на Курской дуге были бы еще большими, если было бы принято предложение Константина Константиновича о едином командовании, то есть объединении двух фронтов — Воронежского и Центрального в один, ибо стратегическое положение этих фронтов требовало единого руководства. Большинство тогда вместе с Верховным не согласилось с этим, и все же Рокоссовский оказался прав.

Рокоссовскому, как лучшему из лучших командующих фронтами, было предоставлено право командовать Парадом Победы на Красной площади. И встретились здесь вновь два выдающихся полководца нашего времени — Г.К. Жуков и К.К. Рокоссовский — уже не на поле брани, а празднуя Победу. Один — принимая парад, другой — командуя им. Заслуги Константина Константиновича перед Родиной также были высоко оценены нашей партией и правительством, он получил достойные награды, и ему было присвоено высокое звание Маршала Советского Союза.

Очень жаль, что книга К.К. Рокоссовского «Солдатский долг» (М., 1968) вышла уже после его смерти. Мне почему-то думается, что при нем она была бы и больше по объему и лучше, откровеннее написана...

Были у нас и другие достойные полководцы, и к ним, на мой взгляд, в первую очередь следует отнести Леонида Александровича Говорова, Кирилла Афанасьевича Мерецкова, Федора Ивановича Толбухина, Родиона Яковлевича Малиновского и других. Из специальных родов войск, хотя бы по одному, я назвал бы танкиста маршала Павла Семеновича Рыбалко, артиллериста маршала Василия Ивановича Казакова, летчика генерала Тимофея

Тимофеевича Хрюкина, связиста маршала Ивана Терентьевича Пересыпкина и инженера генерала Аркадия Федоровича Хренова.

В заключение следует, мне кажется, остановиться и на нашем партизанском движении и подвести и здесь некоторые объемные итоги. Насколько мне удалось, я не знаю, но надеюсь, что из этого повествования видно — партизанское движение, стремительно разраставшееся в тылу врага, достигло таких размеров, что не будет преувеличением назвать его вторым фронтом советских людей в тылу противника. Вы только посмотрите на деятельность авиации, обеспечивающей боевые действия партизан! Тысячи полетов в тыл врага, к партизанам. Десятки тысяч переброшенных людей, тысячи тонн доставленных боеприпасов, вооружения, снаряжения. Эти цифры говорят о том, что партизанское движение — не какой-то эпизод в ходе Великой Отечественной войны, а это было организованное, руководимое партией и руководством страны, огромных масштабов движение. Даже не движение, а настоящая война в тылу противника. Много уже вышло в свет литературы о деятельности различных партизанских отрядов, бригад и других партизанских подразделений и объединений. Однако книги, где были бы обобщены все данные с начала организации партизанского движения и до его конца, где были бы показаны успехи партизанского движения в целом и его трудности, определен урон, нанесенный им противнику за всю войну, а также сколько личного состава входило в эту армию партизан и многие другие данные, которые показали бы всю полноту, всю значимость этого движения, пока нет. Нужно сказать, что авиация в партизанском движении, в партизанской войне сыграла исключительную роль. Она также сыграла не меньшую роль и в выполнении специальных полетов по глубоким тылам врага.

Вновь останавлиюсь и на фигуре Верховного Главнокомандующего — И.В. Сталина. Он проходит в моем повествовании, если можно так выразиться, красной нитью, однако здесь нет ничего удивительного, поскольку у меня не было каких-либо других руководителей, кроме него, я бы даже подчеркнул, кроме лично него. Об этом я уже говорил. Почему Верховный решил лично руководить боевой работой дивизии, а затем всей АДД, и не разрешал заниматься этим делом кому-либо другому из руководящих товарищей, я высказывал свои предположения и считаю, что эти предположения близки к истине, хотя безапелляционно утверждать этого не могу. Как это ни покажется странным, и я второго такого случая не знаю. Материалы, находящиеся в Центральном архиве Министерства обороны, однозначно подтверждают это. Вот почему так тесно связано мое повествование с именем Верховного, ибо все, что делалось АДД, исходило непосредственно от него. Прямое и непосредственное общение с И.В. Сталиным дало мне возможность длительное время наблюдать за его деятельностью, его стилем работы, наблюдать за тем, как он общается с людьми, за его стремлением, как это ни покажется странным, вникать даже в мелочи, в детали того вопроса, который его интересует.

По моим наблюдениям, мнительность и подозрительность были спутниками Верховного, в особенности это касалось людей с иностранными фамилиями. Мне даже случалось убеждать его в безупречности тех или иных товарищей, которых мне довелось рекомендовать для руководства определенной работой. Например, А.И. Берга, который, как помнит читатель, был назначен заместителем председателя Совета по радиолокации при ГКО. Верховный с пристрастием расспрашивал у меня все, что я знаю о Берге.

Однако, изучив того или иного человека и убедившись в его знаниях и способностях, он доверял таким людям, я бы сказал, безгранично. Но, как говорится, не дай Бог, чтобы такие люди проявили себя где-то с плохой стороны. Сталин таких вещей не прощал никому.

Было бы наивным утверждать, что И.В. Сталин имел только положительные качества. Даже он сам, эти слова приведены мной в повествовании, говорил, что люди в Сталине видят только одно хорошее, но таких людей на свете нет.

Что касается 1937–1938 годов, то, хотя я и не знал тогда Сталина и не общался с ним, но нужно прямо сказать, что эти годы являются черными страницами в истории нашей Родины, и Сталин, являясь Генеральным секретарем нашей партии, несет за это ответственность в первую очередь. Это не является темой моего повествования, но я считаю для себя обязательным сказать об этом. Однако противопоставлять эти события тому положению, тому месту, которое занимал И.В. Сталин в ходе войны, будет неправильным, будет не соответствовать действительности, точно так же, как если мы будем пытаться оправдать события 1937–1938 годов и искать оправдания Сталину в проводимых им мероприятиях тех годов, хотя мы и знаем, что помощников в этом деле было более чем достаточно.

Кроме случая с Берия, описанного мной, больше ни разу не довелось мне видеть Верховного в состоянии гнева или в таком состоянии, когда бы он не мог держать себя в руках. Вполне возможно, что другие товарищи с этим сталкивались, раз они об этом сами пишут. Лично со мной Сталин никогда не разговаривал в грубой форме, однако весьма неприятные разговоры имели место. Дважды за время войны подавал я ему записки с просьбой об освобождении от занимаемой должности. Причиной подачи таких записок были необъективные, неправильные суждения о результатах боевой деятельности АДД, полученные им от некоторых товарищей. Бывает и так, когда у самого дела не идут, нужно в оправдание на кого-то сослаться. Подача таких записок не вызвала какого-либо изменения в отношении ко мне Сталина, хотя тон этих записок был не лучшим. Этим я хочу подчеркнуть, что Сталин обращал внимание на существо и мало реагировал на форму изложения.

Не раз я задавал себе вопрос: всегда ли был Сталин таким, каким я его увидел, таким, каким он был во время войны? Ведь до 1941 года я его никогда не видел, и представление мое о нем, как я уже упоминал вначале, не было, образно говоря, лучшим. Могу сказать одно — я не имею основания утверждать или с чьих-либо слов предполагать, что за все время моего общения с И.В. Сталиным отношение его к другим военачальникам как-либо разнилось с отношением ко мне. Отношение его к людям соответствовало их труду, их отношению к порученному им делу.

Работать со Сталиным, прямо надо сказать, было и не просто, и не легко. Обладая сам широкими познаниями, он не терпел общих докладов, общих формулировок. Ответы на все поставленные вопросы должны были быть конкретны, предельно кратки и ясны. Туманных, неясных ответов он не признавал и, если такие ответы были, не стеснясь, указывал на незнание дела тем товарищем, который такие ответы давал. Мне ни разу не довелось наблюдать, чтобы для этого он подыскивал какие-либо формулировки, и в то же самое время мне ни разу не довелось быть свидетелем, чтобы он кого-либо унизил или оскорбил. Он мог прямо, без всякого стеснения заявить тому или иному товарищу о его неспособности, но никогда в таких высказываниях не было ничего унижительного или оскорбительного. Была констатация факта. Способность говорить с людьми безо всяких оби-

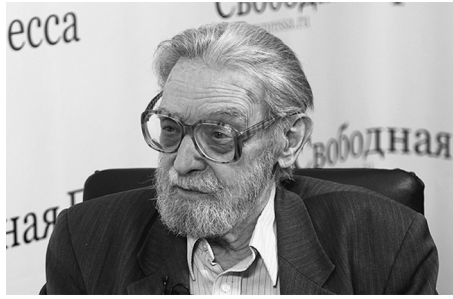
няков, говоря прямо в глаза то, что он хочет сказать, то, что он думает о человеке, не могло вызвать у последнего чувство обиды или унижения. Это было особой, отличительной чертой Сталина.

Длительное время работали с ним те, кто безупречно знал свое дело, умел его организовать и умел им руководить. Способных и умных людей он уважал, подчас не обращая внимания на серьезные недостатки в их личных качествах, но, прямо скажу, бесцеремонно вмешивался в дело, если оно шло не так, как он считал нужным, уже не считаясь с тем, кто его проводит. Тогда он, не стесняясь, выражал со всей полнотой и ясностью свое мнение. Однако этим дело и кончалось, и работа шла своим чередом. Если же он убеждался в неспособности человека, время на разговоры с ним не тратил, а освобождал его от непосильной, с его точки зрения, должности.

Авторитет И.В. Сталина в ходе Великой Отечественной войны был абсолютно заслужен и предельно высок как среди руководящих лиц Красной Армии, так и среди всех солдат и офицеров. Это неоспоримый факт, противопоставить которому никто ничего не может. Описывая ход событий в Великой Отечественной войне, я старался освещать все с позиций, существовавших в то время как в Красной Армии, в ее руководстве, так и среди населения нашего государства.

Патриотизм советского народа, его отношение к труду, к выполнению своих обязанностей, эффективность руководства можно продемонстрировать еще одним примером. В считанные годы, в это сейчас трудно даже поверить, ликвидировав все последствия войны, той разрухи, которую учинили гитлеровские захватчики, встала крепко на ноги наша Родина.

ВЛАДИМИР БУШИН

Навет на Великую Победу

Акция «ВТОРАЯ МИРОВАЯ» и «ПРАВДЮКИ» О ВОЙНЕ

...90-серийный телефильм «Вторая мировая война. Русский взгляд» трех авторов: журналиста Виктора Правдюка в содружестве с Андреем Терещуком и Кириллом Александровым, объявленными историками. Фильм шел по государственному каналу ТВЦ больше года — начался в юбилейном мае, окончился 22 июня. Как понимаете, выбор дат многозначителен. За время вшивой демократии это самая широкомасштабная ее акция о Великой Отечественной войне.

Кто же авторы? Первый из них более всего известен был ранее тем, что в давней программе Ленинградского телевидения «Пятое колесо» долго и увлеченно с «Тихим Доном» в руках топтался на могиле Михаила Шолохова. Сразу недоумение: и у такого-то человека — «русский взгляд»? Двое других соавторов украшением вертограда Господня тоже не стали... По своей сути они мало чем отличаются друг от друга, и каждый истово клянется, что нет для него ничего дороже, чем святая правда, поэтому в дальнейшем для простоты я буду порой всех называть как бы родовым именем — «правдюками».

БУШИН Владимир (1924 – 2019) родился в селе Глухово Богородского уезда Московской губернии в семье офицера и медсестры. Мать в молодости была работницей на ткацкой фабрике Арсения Морозова. Отец после окончания реального училища поступил в Алексеевское офицерское училище и окончил его в 1916 году. Школу Владимир Бушин окончил в Москве в 1941 году, за несколько дней до начала Великой Отечественной войны. С осени 1942 года он на фронте. В составе 54-й армии прошел от Калуги до Кенигсберга. На территории Маньчжурии принимал участие в войне с японцами. Награжден орденом Отечественной войны, медалью «За отвагу», медалью «За боевые заслуги», медалью «За взятие Кенигсберга», медалью «За победу над Германией», медалью «За победу над Японией». После войны Владимир Бушин окончил Литературный институт им. А.М. Горького и Московский юридический институт экстерном. Печататься В.С. Бушин начал еще на фронте, публиковал свои стихи в армейской газете «Разгром врага». После окончания литинститута работал в «Литературной газете», «Литературе и жизни» («Литературная Россия»), журналах «Молодая гвардия», «Дружба народов». Опубликовал несколько книг прозы, публицистики и поэзии: «Эоловы арфы», «Колокола громкого боя», «Клеветники России», «Победители и лжецы», «В прекрасном и яростном мире» и др. В 1980-х годах Владимира Бушина несколько лет не печатали из-за его критической статьи о творчестве Б. Окуджавы. С 1987 года В.С. Бушин публикуется в газетах патриотического направления: «День», «Завтра», «Советская Россия», «Правда», «Патриот», «Молния», «Дуэль» и других изданиях. В своих работах последовательно защищает советское прошлое, крайне враждебно характеризует антикоммунистических деятелей, особенно Солженицына. Как фельетонист он выступил с критикой ряда российских политиков и общественных деятелей, и не только либерально-западнического направления, но и русского православно-самодержавного.

Что подвигло трех дотолпе почти неведомых деятелей на создание столь грандиозной киноэпопеи (ведь это повествование «день за днем» о событиях на всех театрах военных действий Второй мировой!)? Два благороднейших чувства, говорят они: великая любовь к русскому народу и неукротимая ненависть к его врагам, к написанной ими лживой истории России и Отечественной войны. Что ж, прекрасно! (...)

А вот еще и такой довоенный сюжетик: «Когда случилась катастрофа с пароходом „Челюскин“, американцы предлагали использовать свою полярную авиацию на Аляске. Но оказалось, что рядом с пароходом в лед вмерзла баржа с заключенными, и американцы, не дай бог, могли увидеть этот памятник советскому беззаконию».

Ах вот как! Однако же хотелось бы знать, каким образом эта баржа почему-то оказалась в полярных широтах среди льдов, которые большой пароход раздавили, а ее, утлую, не смогли? Как баржу, набитую, конечно же, незаконно осужденными правдюками, занесло туда? Ведь она своего хода не имеет. Куда девался буксир? Что, хотели истребить заключенных? Да ведь существует множество гораздо более простых способов, как и способов гораздо более правдоподобно врать. И наконец, при желании американцы могли, и не спасая челюскинцев, проведать о «памятнике беззакония» и даже сфотографировать его. (...)

А если так уж Правдюку хотелось поведать нам нечто трагическое непременно о барже с невинными жертвами, то мог бы взять сюжет гораздо более близкий и по теме — война, в историю которой он вляпался! — и по времени, и по месту действия — Крым, откуда он родом. Вот: «4 декабря 1943 года на станцию Севастополь прибыли из Керчи три эшелона раненых военнопленных. Загрузив ими баржу водоизмещением в 2,5 тысячи тонн, стоявшую в Южной бухте, немцы подожгли ее... Тысячи человек погибли в огне» (Нюрнбергский процесс. М., 1990. Юридическая литература. Т. 4, с. 118).

Дальше: «На другой день на такую же баржу погрузили 2 тысячи раненых, привезенных из Керчи. Баржа ушла из Севастополя в море, и находившиеся на ней раненые были утоплены» (там же).

Что ж вы, Правдюк, умолчали об этих документально зафиксированных баржах с русскими пленными? Почему предпочли им антисоветскую фантазмагорию? Таков ваш русский взгляд?

Конечно, многие события и факты авторы не знают просто по молодости лет. В самом деле, главному из них всего-то лишь под семьдесят. Что за возраст для мыслителя! Потому и заявляют, например, если начать с частных случаев: известный летчик Борис Сафонов, погибший в 1942 году, был первым в стране дважды Героем Советского Союза (серия 40). Откуда им знать, что еще до войны было несколько дважды Героев: полярник И.Д. Папанин (1937, 1940), генерал-лейтенант авиации В.Я. Смушкевич (1937, 1939), генерал-лейтенант авиации Г.П. Кравченко (обе Звезды получил в 1939).

Был еще Кравченко Андрей Григорьевич, генерал-полковник, тоже дважды Герой, но уже военного времени. О нем упоминается в фильме так: «В многочисленных учебниках истории пишут: „В Умани войска Конева захватили до двухсот исправных „тигров“, „пантер“ и „фердинандов““. На самом деле в марте 1944 года на всех (!) фронтах вермахт потерял только 19 „пантер“, 28 „тигров“ и 3 „фердинанда“. Так у нас до сих пор пишут историю войны», — негодуют правдолюбивые юноши, горя желанием исправить историю.

Какие молодцы, и какой доблестный вермахт! Но непонятно, откуда эти цифры, а главное — почему же немцы при таких небольших потерях в те дни так стремительно драпали, оставляя и Умань, и Жмеринку, и Винницу, и много других городов.

С другой стороны, как говорят, «6-я танковая армия генерала Кравченко с 6 по 10 марта, всего за четыре дня, потеряла 133 танка и САУ из 153», т.е. осталось только 20 боевых машин. Какой растяпа Кравченко! Но здесь еще больше вопросов. Во-первых, что это за танковая армия, в которой только 153 машины? В армиях их число в ту пору доходило до 1000. А тут нет и дивизии, обычно насчитывавшей около 200 машин.

Неприятно огорчать молодых людей, но приходится сообщить, что 6-я армия начала Уманьско-Ботошанскую операцию, о которой они завели речь, имея 562 машины. Но если осталось только 20 танков, то опять же очень интересно, как с такими ничтожными силами генерал Кравченко продолжал стремительное наступление в составе 2-го Украинского фронта, который, разрезав группу армий «Юг» генерал-фельдмаршала Манштейна, разбив 8-ю армию, преодолев шесть рек и пройдя за полтора месяца 200–250 километров, 26 марта 1944 года вышел к госгранице и вступил на территорию Румынии. Между прочим, в числе форсированных рек были Прут и Серет. Мы тогда так и говорили: если русские на Прут, то румын на Серет. Впрочем, тогда уже не только румын.

И наконец, последнее: за что же 6-я танковая вскоре получила звание гвардейской, а сам Кравченко — третью генеральскую звезду на погоны и две Золотые Звезды Героя? (...) Этот сюжетик с 6-й танковой характернейший для фильма: всюду мы несем чудовищные потери, немцы то и дело выходят сухими из воды и крови, а в итоге совершенно непонятно, как же нам удалось загнать их в Берлин и сказать: «А ну, гад, подписывай капитуляцию». И Кейтель, крикнув, подписал.

* * *

Будучи фирменными патриотами, создатели телефильма «Вторая мировая. Русский взгляд» очень много говорят о любви к отечеству. Например, уверяют, что, только когда началась война, «большевики под угрозой нашествия превратились в партию патриотизма» (серия 85) и «сначала вернули армии гвардию, потом все больше и смелее стали говорить о русских полководцах» (серия 35).

Смело! Ну, это они, видимо, так Г.Зюганова интерпретировали. Он однажды сказал: «Сталин вспомнил об истории наших предков и наших славных полководцах, только когда Гитлер подошел к стенам Москвы... В какие-то немыслимо короткие сроки были поставлены прекрасные спектакли и фильмы об Александре Невском, Димитрии Донском, о Куликовской битве. Тем самым удалось оживить в народе историческую память».

До этого память, видите ли, была мертва, а когда немцы оказались под Москвой, народ помчался в кинотеатры оживлять ее. Куда же еще! Ведь КПРФ тогда не было. А на самом-то деле Сталин был несколько расторопней, чем думают о нем иные нынешние философы и борцы. Еще 19 июля 1934 года в имевшей, по сути, директивный характер записке для членов Политбюро о статье Энгельса «Внешняя политика русского царизма» он дал корректный, но жесткий отпор оскорбительным выдумкам о русской истории.

Что же до фильмов, то «Александр Невский» был поставлен не в немыслимой спешке декабря 41-го года, а в 1938 году, «Петр Первый» — еще раньше. А

до этого фильма советские люди зачитывались одноименным романом Алексея Толстого, а также — романами Сергея Бородина «Димитрий Донской», поэмами Константина Симонова «Ледовое побоище» и «Суворов», романом Сергеева-Ценского «Севастопольская страда», тут появилась и пьеса Владимира Соловьева «Фельдмаршал Кутузов»...

А гвардию вернули армии не «сначала», а в сентябре 1941 года, т.е. после того, как еще в 1935 году вернули маршальское звание, в 1940-м — генеральское, и после того, как во весь голос «заговорили о русских полководцах»...

Но опять же откуда правдюкам все это знать — вы видели их физиономии? Вы можете представить их читающими что-нибудь, кроме Радзинского, Млечина или гонорарной ведомости?

И еще потешаются они над тем, что, мол, Буденный и Тимошенко были кавалеристами (серия 35). Какое-де это ретроградство для Второй мировой войны! Так ведь и Жуков с Рокоссовским тоже кавалеристы, о чем можно бы догадаться по Параду Победы, где оба гарцевали на конях-красавцах, и драгоценный Черчилль окончил кавалерийскую школу, получив звание лейтенанта. И надо бы еще знать, что искусству танковых прорывов немецкий генерал Гудериан учился на опыте буденновской Первой конной. Кавалерия же была в той войне и у нас, и у немцев. (...)

* * *

Но вернемся к нашим персонажам. Из главной, всеохватной их ненависти к коммунистам и Советской власти вытекает их субненависть к советской истории, в том числе к истории Великой Отечественной, т.е. к тому, как они написаны и известны. Почему? А потому, говорят, что писали историю чекисты «и выдали нам такую историю, в которой нет ни капли правды».

Какие чекисты? Вот фундаментальная двенадцатитомная «История Второй мировой войны». Беру 3-й хотя бы том, вышедший в 1974 году. Тут список членов редакционной комиссии: маршал Гречко, генерал армии Штеменко, министр иностранных дел Громыко, академики Румянцев и Нарочницкий, много других известных, авторитетных людей. Конечно, в огромном издании есть и упущения, и ошибки, и другие недостатки, но кто тут чекист, кто истреблял любую каплю правды? Все они, что ли, «десятилетиями кормили народ изодренной ложью»? Да, говорят, они, но и многие другие, например, маршал Жуков — «бездарный полководец, объявленный у нас символом победы» (серия 88).

Конечно, тут сразу хочется кое-что молвить о Г.К. Жукове, предварительно спросив: да неужто он как полководец бездарней, чем правдюки как журналисты? Однако прежде надо прояснить, каково представление наших просветителей о родине, Красной Армии и о вермахте, об их генералитете, закономерно поинтересоваться, что они думают о характере, о самой сути войны, о цели? И тут нас ожидают новые грандиозные открытия.

Мы всегда знали, что это была война за свободу и независимость нашей родины или, как сказал поэт, «ради жизни на земле». Ничего подобного, заявляют эти трое: «Война была, прежде всего, классовой войной двух идеологий, в которую коммунисты ввергли наш народ» (серия 64). Красная Армия, объявляют нам, начала войну под знаменами с девизом «Коммунистического манифеста»: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» (серия 35).

Это безграмотное вранье людей, которые никогда в жизни не только не ходили под боевыми знаменами своей родины, но и не видели их. Тогда кто же это им внушил — не литературный ли ефрейтор Радзинский? Идеологии, наша и фашистская, были, разумеется, прямо противоположны, но ефрейтор наврал: не было на наших знаменах цитаты из «Манифеста».

Война, говорят они, была до такой степени идеологической, что «перед идеологией военная целесообразность не имела никакого значения» (серия 64). Например, один из правдюков уверяет, что весной 1944 года Крым почему-то не имел никакого военного значения, но немцы отчаянно цеплялись за него. Почему? Только ради того, чтобы сохранить идейно-политический престиж в глазах Турции и Румынии. А мы почему рвались в Крым? Не потому, что хотели скорее освободить еще один советский край и новые тысячи советских людей от фашистского гнета, а опять же исключительно по соображениям идеологического престижа, — чтобы подтвердить слова товарища Сталина: «Нет таких крепостей, которых большевики не могли бы взять!» (У Сталина — «трудящиеся и большевики»). А Ленинград мы защищали так упорно только потому, что это «колыбель революции», да? Сталинград немцы так бешено стремились захватить лишь по той причине, конечно, что он носил имя нашего вождя и т.д. Боже милосердный, какой вместительный сосуд — человеческая голова! Сколько здора может в ней поместиться и долгие годы оставаться там в состоянии, всегда готовом после взбалтывания к употреблению.

Но вот на рассвете 22 июня, разорвав два государственных договора с Советским Союзом, фашистские орды вломились на нашу землю и обрушили тысячи бомб на спящие города. Ах, как можно так выражаться! И правдюки предпочитают так: «Части вермахта пересекли советскую границу». Как финишную ленточку. Это совсем недавно слышали мы по телевидению: «Израильские военнослужащие пересекли ливанскую границу...»

Но вот одно из главных правдюковских открытий: «Война против СССР была для Германии поначалу второстепенной военной кампанией на пути к разгрому Англии. Гитлер стремился к уничтожению СССР только как будущего союзника Англии».

Правдюк, сколько же вам все-таки лет? Ведь, кажется, уже скоро семьдесят. Как вам в таком возрасте удалось сохранить трогательную девственность ума? Неужели никогда не слышали, что еще в своей «Майн кампф» в начале 20-х годов Гитлер заявил о намерении добыть *Lebensraum* (*жизненное пространство*) для Германии прежде всего именно за счет России. А какой *Lebensraum* можно было добыть в Англии? С другой стороны, И.Фест в трехтомной книге о Гитлере отмечал, что «он неизменно придерживался разработанной в начале 1923 года концепции союза с Англией». А известный немецкий генерал Г. Блюментритт, лично общавшийся с Гитлером, пишет, что тот с восхищением говорил о Британской империи, о необходимости ее существования. А Дюнкерк? Там в июне 1940 года Гитлер имел полную возможность уничтожить 200 с лишним тысяч солдат и офицеров разбитого английского корпуса во Франции, а заодно и тысяч 150 французов с бельгийцами, но он в расчете на веский козырь в мирных переговорах с Англией дал возможность всем им бежать через Ла-Манш на остров. А прямые предложения Англии мира, с которыми Гитлер выступал в рейхстаге? А запись Геббельса в дневнике 9 июля 1940 года: «Вопреки всему (*англичане уже бомбили Германию. — Авт.*), к Англии у фюрера положительное отношение». И там же

9 августа: «Все же враг № 1 в мире — большевики». А перелет Гесса 5 мая 1941 года в Англию за полтора месяца до нападения на Советский Союз — уж это ли не последняя отчаянная попытка поладить с Англией или даже привлечь ее в союзники против СССР! С нами же Гитлер не желал говорить о мире даже тогда, когда мы стояли у ворот Берлина. Мало того, и в своем политическом завещании за несколько часов до смерти фюрерок писал: «И впредь целью немецкого народа должно оставаться завоевание пространства на Востоке» (*И. Фест. Гитлер. М., 2006, с. 588*).

* * *

Эта блаженная троица просто не имеет никакого представления, что такое была война, о которой они больше года точили лясы на глазах миллионов сограждан.

Тут нельзя не вспомнить их размышлизмы и о том, что Япония, когда шла война, запросто могла отхватить у нас Дальний Восток и Сибирь до Омска, но, видите ли, — зачем ей этот Lebensraum? Ведь нефть еще не была открыта, а Стране восходящего солнца (именно так они величают бандитку той поры) нужна была только нефть и ничего больше.

Лютая чушь! Будто Сибирь — это пустыня Сахара. Во-первых, нефть уже давно добывалась на Северном Сахалине, и в 1942 году был проложен нефтепровод Сахалин — Комсомольск-на-Амуре, где построили нефтеперерабатывающий завод. А владивостокский «Дальзавод», изготавливавший боеприпасы? А заводы «Дальдизель», «Дальсельмаш», «Энергомаш», «Амурсталь» в Хабаровске и области? А угольные шахты в Сучане и Артеме? И все это ничуть не интересовало воевавшую Японию, почти не имеющую природных богатств?

А сибирское золото, алмазы, лес, пушнина да, наконец, рабочая сила, просто земля, хотя бы северная половина Сахалина — все это японским воякам тоже было до лампочки? Так чего ж они так настырно лезли к нам в 1904, в 1918, в 1938 и в 1939 годах, когда край был далеко не так возделан и освоен? Примечательно, что возможность отпора японцам этим патриотам даже не приходит в голову. А ведь там стоял в полной боевой готовности Дальневосточный фронт, который хотя и отправил на запад 23 дивизии и 19 бригад, но кое-какие силенки для отпора сохранил.

Правдюки еще и уверяют, что Япония не напала на нас в критический момент войны с Германией не благодаря урокам, полученным ею на Хасане и Халхин-Голе не потому, что Дальневосточный фронт стоял настороже, — нет! В этом, оказывается, «важная роль принадлежит Америке» (серия 83).

Каким образом? А вот: «Когда у Японии запасов нефти осталось на три с половиной месяца, произошло неизбежное (!) — нападение на Перл-Харбор». И много они там получили нефти? «Японский меч вынужден (!) был обратиться против американцев».

Так что японцы были никакие не агрессоры, их вынудили к войне. Кстати, и немцы ни в чем не виноваты, это советское руководство ввергло страну во Вторую мировую (серия 87).

* * *

Да знаете ли вы, говорят нам правдюки, что «война не сразу стала Отечественной»? В таком духе, между прочим, твердит и известный Гав. Попов, их брат

по разуму, в своей недавней книге «Три войны Сталина» (М., Агентство «КРПА Олимп»): война сперва была советской, коммунистической, классовой и только потом стала Отечественной (стр. 5). А в лужковском потешном парадике войну изобразили вообще не имевшей никакого отношения к советской власти, и о роли в ней коммунистов, три миллиона которых сложили голову в боях, — ни слова.

Но организаторы лужковского действа имели неосторожность пригласить на Красную площадь участников того великого Парада, и они сильно подпортили им задуманную благостную музычку. Корреспондент спрашивает Ивана Угрюмова: «Проходя по площади, что вы видели? Что вам запомнилось?» И ответил Иван: «Мы видели только Сталина!» — «Да как же так! — суется шустрый журналист. — Ведь шел снег!» — «Как? — сказал Иван. — А ты у него спроси. Ведь он тут лежит, рядом».

Журналиста кинулся к стоявшему возле Василию Михайловичу Лагодину, видимо, надеясь поправить свои тухлые дела, но угодил из огня да в полымя. Дед Василий — в чем душа русская держится — возьми да врежь: «Ко мне лично обращался Сталин с Мавзолея: „На вас смотрит весь мир как на силу, способную сокрушить фашизм!“ Всей армии, всему народу и мне лично он сказал: „Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков — Александра Невского, Дмитрия Донского, Козьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова!“».

Начинающие, но очень перспективные болваны Пивоваров и Якименко с НТВ дружно объявили, что приведенным напутствием «Сталин опрокинул всю советскую идеологию, считавшую перечисленных им полководцев эксплуататорами и врагами трудового народа».

Идиоты! Это они начитались Зюганова. А на самом деле, как я уже говорил, к тому времени об этих полководцах было создано множество советских поэм, романов, фильмов, спектаклей, картин. (...)

* * *

Но вернемся к уверениям правдюков, что война не сразу стала Отечественной. Это почему же? А потому, говорят, что «народ не хотел воевать» (серия 88). Что, мужики не являлись на призывные пункты, сорвали мобилизацию? Ничего похожего: получали повестки, распивали с родными и друзьями пару поллитровок и шли. А сотни тысяч — добровольцами. 36 дивизий народного ополчения влились в Красную Армию. Из них 26 прошли всю войну, а 8 стали гвардейскими.

Да, говорят нам, но многие сдавались в плен. Что ж, это бывает во всех войнах, но вы, читатель, полюбуйтесь: наши у них сотнями тысяч «сдаются в плен» (хотя бы серия 40), а вот 32 тысячи англичан в Тобруке «попали в плен» вместе с огромными запасами оружия, горючего и амуниции (серия 41). И 70 тысяч тех же англичан в Сингапуре, имея против себя лишь 35 тысяч японцев, тоже «попали в плен» к ним, хотя в обоих случаях были все даже формальные черты позорной сдачи: белый флаг, подписание капитуляции и т.д.

Мы не хотели воевать? Предвидя появление и внебрачное размножение правдюков, маршал Рокоссовский, возглавивший в ту начальную пору группу войск, писал: «Мы пополнили полки 38-й дивизии полковника М.Т. Кириллова собранными в дороге людьми. Такого пополнения с каждым днем становилось все больше. Узнав, что в районе Ярцево находятся части, оказывающие сопротивление

немцам, люди сами потянулись к нам. Прибывали целыми подразделениями или группами. Мне представляется важным засвидетельствовать это, как очевидцу и участнику событий. Многие части переживали тяжелые дни. Расчлененные танками и авиацией, они были лишены единого руководства. И все-таки воины этих частей упорно искали возможность объединиться. Они хотели воевать». Правдюки же, конечно, улизнули бы. Вот и судят по себе.

А что касается высокого имени войны, то она получила его буквально через несколько часов после ее начала в выступлении по радио В.М. Молотова: «В свое время на поход Наполеона в Россию наш народ ответил Отечественной войной, и Наполеон потерпел поражение. То же будет и с Гитлером. Красная Армия и весь наш народ вновь поведут победоносную Отечественную войну». И. Сталин в речи по радио 3 июля тоже напомнил нашествие Наполеона, а в конце сказал: «Мы должны поднять на борьбу всех трудящихся, чтобы грудью защищать свою свободу, свою честь, свою родину в Отечественной войне с германским фашизмом... Все силы народа — на разгром врага! Вперед, за нашу победу!»

А эти ковыряльщики в носу уверяют, что только «после Сталинграда впервые (!) за все время войны появились выраженные оптимистически настроения (!) относительно конечного исхода советско-германского противостояния». Господи, язык-то какой! Две великих державы сошлись в схватке не на жизнь, а на смерть, а у них — «противостояние». Они говорить-то по-русски не умеют! Ни запаха, ни цвета, ни звука русского слова не чуют.

И долдонят, что мы поверили в победу лишь в феврале 1943 года, а до этого и думать не смели, сражались неизвестно зачем, время тянули. И вот еще довесок к их уму: «После Сталинградской победы Сталин не скрывал (!) своей уверенности в конечном успехе». А до этого, видите ли, тщательно таил ото всех...

Какими же прощелыгами надо быть, чтобы разглагольствовать об Отечественной войне, даже не прочитав два исходных и основополагающих исторических документа о ней, о которых я упомянул.

* * *

По уверениям самих правдюков, они приступили к фильму «Вторая мировая», имея благороднейшую цель «протоптать хоть узенькую тропинку правды в океане советской лжи».

Вы видели тропинку в океане? И тут пора внятно сказать, что ничего русского в их взгляде на войну нет, это взгляд из Берлина, из министерства пропаганды Третьего рейха, о чем свидетельствует прежде всего сам их язык. Мы то и дело слышим такие речи: «В начале войны на востоке (!) генерал Власов командовал 4-м механизированным корпусом»... «В марте 43-го года на Восточном (!) фронте создалось равновесие»... «Война на востоке (!) была жестокой» и т.п.

Разумеется, для немцев это был восточный фронт, война на востоке, поскольку у них был еще и западный. Но для нас это был фронт единственный. А вот вам еще и такое: «3 февраля 1943 года весь мир услышал о Сталинградской катастрофе (!)». Вы только подумайте, для советских людей, для всех, кто боролся против фашизма, это была великая победа, весь мир ликовал, а для мысленно сидящих в гитлеровском Берлине правдюков — катастрофа.

А с каким пафосом, каким высоким слогом да ведь, пожалуй, и с восторгом они сообщают о действительных или мнимых удачах немцев: «Корпус Хауса стер

с лица земли две советские дивизии!» О своих соотечественниках — как о нечисти, получившей то, что она заслуживает...

Много они увидели из Берлина даже такого, чего до них никто не видел. Например, братание советских солдат с гитлеровцами! Это где же? Когда же? С чего? А в Севастополе, говорят. Правдюк, должно быть, сам видел, он оттуда родом.

А уж как нашим солдатам в фашистском плену было распрекрасно, что когда их в ходе наступления наши войска освобождали, то они не хотели этого и бежали обратно в плен. Вот, говорит, «после освобождения Феодосии 8 тысяч наших пленных не поспешили в объятья своих, а организованным маршем двинулись в Симферополь в немецкий плен вторично» (серия 35). Поспешили в объятья Гимmlера. До такого гнусного вранья даже Солженицын не доходил, казалось бы, уж абсолютный чемпион бесстыдства.

Между прочим, в Феодосии находился спецлагерь НКВД № 187, в котором проходили проверку наши освобожденные пленные. В июле — декабре 1944 года их там было 735 человек, и все до одного остались живы (Игорь Пыхалов. Клеветникам России. М., «Нимфа». 2006. С. 357).

Я упоминал о том, как наших пленных расстреливали и топили на баржах в Севастополе, родном Правдюку. Много можно сказать о судьбе советских пленных и еще, но я ограничусь несколькими цитатами.

Жительница Керчи П.Я. Булычева показала: «Я неоднократно была свидетельницей того, как гнали по улице наших военнопленных, а тех, кто из-за ранений или слабости отставал от колонны, немцы пристреливали тут же, на улице. Я несколько раз видела эту страшную картину. Однажды в морозную погоду гнали группу измученных, оборванных, босых людей. Тех, кто пытался поднять куски хлеба, брошенные им горожанами, немцы избивали. Тех, кто под ударами падал, пристреливали» (Нюрнбергский процесс, т. 4. с. 121).

Правдюки, уверяющие, что немецкий плен был чем-то вроде санатория, из которого не хочется уходить, могут, конечно, как, допустим, и Новодворская, сказать: «А кто эта Булычева? Поди, большевичка. Или заставили ее, вот и напелла».

Допустим, большевичка. Но вот что в январе 1942 года заявили более шестидесяти немецких пленных лагеря № 78 в обращении к Красному Кресту по поводу известной ноты наркома иностранных дел В.М. Молотова: «Описанные в ноте жестокости мы считали бы почти невозможными, если сами не были бы свидетелями подобного зверства» (там же, с. 125). Бесстыжие русофобы и на это могут сказать: «Так это ж пленные. Конечно, заставили!»

Да, пленные, но уж, по крайней мере, не большевики. Но вот еще один документ — письмо от 28 февраля 1942 года: «Большевизм должен быть повергнут. Военнопленные должны на собственном опыте убедиться, что национал-социализм хочет и в состоянии обеспечить им лучшее будущее. Они должны вернуться на родину с чувством восхищения и глубокого уважения перед Германией». Все это близко к тому, что проповедают правдюки.

Но дальше совсем иное: «Поставленная цель пока не достигнута. Напротив, судьба советских военнопленных является трагедией огромного масштаба. Из 3,6 миллиона военнопленных в настоящее время только несколько сотен тысяч являются работоспособными. Большая часть их умерли от голода или погибли из-за суровых климатических условий, тысячи умерли от сыпного тифа. На территории Советского Союза местное население готово доставлять продовольствие пленным. Однако в большинстве случаев начальники лагерей запрещали передавать

пищу и обрекали заключенных на голодную смерть. Во многих случаях, когда пленные не могли на марше идти вследствие истощения, их расстреливали на глазах охваченного ужасом населения, и тела их оставались брошенными». Последнее фразы — это почти дословное повторение того, что говорила Булычева.

Наконец: «Во многих лагерях пленные лежали под открытым небом во время дождя и снегопада. Им даже не давали инструментов, чтобы вырыть ямы или пещеры. Можно было слышать такие высказывания: „Чем больше пленных умрет, тем лучше для нас“. Вследствие этого широко распространился сыпной тиф как в самом вермахте, так и среди гражданского населения на исконных территориях рейха. Так что и германская экономика, и военная промышленность должны страдать из-за ошибок в обращении с пленными. Эти соображения должны дать основу для новой политики по отношению к военнопленным, которая в большей степени соответствует нашим военным и гражданским интересам. Вся пропаганда окажется напрасной, если страх перед пленом больше, чем перед смертью на поле боя» (там же, с. 214–215).

Кто же он, этот шкурный заботник о советских военнопленных как о рабочей силе для немецкой экономики? Удивительное дело! Сам Альфред Розенберг, теоретик расизма, духовный наставник Гитлера, министр по делам оккупированных восточных территорий. И кому же он писал, кого уговаривал, кого пугал эпидемией сыпного тифа? Еще удивительней! Вильгельму Кейтелю, начальнику штаба Верховного командования, правой руке, холую Гитлера, которого военные за глаза звали Лакейтель. Тому самому, который еще 23 июля 1941 года издал по армии приказ, где говорилось, что в России «всякое сопротивление будет караться не по суду, а путем системы террора». И требовал: «Командиры должны выполнять этот приказ путем применения драконовских мер» (там же, с. 77).

Для вас, правдюки, все это новость? А вот это? — «Молодечно. Русский тифозный лагерь военнопленных. 20 тысяч человек обречены на смерть. В других лагерях, расположенных в окрестности, хотя там сыпного тифа и нет, много пленных ежедневно умирает от голода. Лагерь производил жуткое впечатление».

А что скажете о таких, например, делах фашистских бандитов? «Среди казненных и сожженных в крематориях было около 20 тысяч русских военнопленных, привезенных гестапо воинскими эшелонами под охраной».

Это не из выводов советской Чрезвычайной государственной комиссии по расследованию фашистских злодеяний, не из учебника истории Советского времени, не из фильма «Освобождение», которым вы, разумеется, не верите. Нет, это говорили и писали сами немцы. И какие! Первая цитата — запись от 14 ноября 1941 года в дневнике генерала Франца Гальдера, начальника Генерального штаба сухопутных войск вермахта. Вторая — из показаний 15 апреля 1946 года на Нюрнбергском процессе привлеченного в качестве свидетеля Рудольфа Хесса (не путать с Гессом), который с 1 декабря 1943 года был комендантом Освенцима.

* * *

Так вот, глядя из Берлина на Восточный фронт, эти трое правдюков сгребли все наши ошибки, промахи, трудности, трагические неудачи, поражения, потери, щедро добавили лживых выдумок и — злорадствуют, и глумятся надо всем этим: «Лихой маршал Тимошенко встал наступать... Словесная активность Тимошенко импонировала Сталину» (серия 38)... «Все советские генералы мечтали ко-

го-нибудь разбить» (серия 35)... «Сталин вознамерился» (серия 60)... «События на фронте должны были остудить воинственный пыл Ставки» (серия 36)... «Гул победы исчез» (серия 47)... «В германском Генштабе смотрели фильм „Разгром немцев под Москвой“. Интересно бы узнать их мнение» (серия 36)... Дескать, как они, должно быть, смеялись, ибо никакого разгрома-то не было и т. п.

Так писал Геббельс, и это понятно: он же был уверен в немецкой победе. Но эти-то хлюсты знают, что да, наши генералы рвались наступать, мечтали разбить, и ведь наступали же до самого Берлина и разбили же, — и все-таки они ерничают, довольно потирают ручки, хихикают, хрюкают.

Красную Армию они именуют феодальной армией азиатской деспотии и презрительно сопоставляют не только с гитлеровской, но и с дореволюционной «императорской армией», и в обоих случаях — к великому позору для нас, советских людей.

Ах, императорская! Разве, например, можно вообразить, чтобы там кто-то кого-то ударил. Ни боже мой!.. Господи, значит, уже выросло поколение, которое не только Станюковича и Куприна, но даже «После бала» Толстого не знает. Ведь там уставные, узаконенные его величеством шпицрутены гуляют по спинам бредущих сквозь строй солдат под их нередко и предсмертные стоны: «Братцы, помилосердствуйте! Братцы!..» А ведь эти писатели в отличие от правдюков служили в императорской, знали ее. Да загляните хотя бы и в «Очерки русской смуты» Деникина. Уж он-то все знал доподлинно.

Деникин пишет не только об узаконенных наказаниях от розог до расстрела, но и о жалком существовании офицерства: «Среди служилых людей с давних пор не было элемента настолько обездоленного, настолько необеспеченного и бесправного, как рядовое русское офицерство. Буквально нищенская жизнь, попрание сверху прав и самолюбия; венец карьеры для большинства — подполковничий чин и болезненная полуголодная старость».

А еще и такая напасть: «Кадровое офицерство в большинстве разделяло монархические убеждения и было лояльно. Несмотря на это, после японской войны, как следствие первой революции, офицерский корпус был взят под особый надзор департамента полиции, и командирам полков периодически присылались черные списки, трагизм которых заключался в том, что оспаривать „неблагонадежность“ было почти бесполезно» (Очерки русской смуты, гл. 1). Послужить бы этим патриотическим лоботрясам хоть годок в обожаемой «императорской», отведавать бы им хоть разок березовой каши.

Но они, напомнив, что некоторые наши генералы действительно поживились за счет трофеев в Германии, продолжают верещать: «Можете ли вы себе представить, чтобы русский генерал, будучи пущен на постой, стащил серебряные ложки, картины, гобелены?» Вот оно что! Они считают, что Красная Армия пришла на постой в Германию. Опять приходится просвещать: мы пришли из разоренной немцами родной земли, где они оставили миллионы убитых наших детей, жен, родителей, где они разграбили все, что только могли — от Янтарной комнаты до чернозема Воронежской области. И наши генералы, уличенные в злоупотреблении, были сурово наказаны, а кто наказал хотя бы похитителя Янтарной комнаты? Он даже неизвестен до сих пор. А ведь ясно же, что генерал. В то же время можно ли представить советского генерала, который после взятия вражеского города разрешил бы солдатам несколько дней грабить его и вытворять что угодно. Увы, среди императорских генералов такое случалось...

Что еще о Красной Армии? А еще говорят, генералы в большинстве бездарны (серия 82), «подготовка комсостава была хуже некуда» (серия 88), «основным критерием (?) краскомов был партийный (!) стаж, холуйство и преданность». Интересно! У немцев — отменные потомственные профессионалы, участники Первой мировой, а у нас — бездарные хуже некуда генералы. А еще, говорят, во время войны у нас было 2952 генерала, а в США только 1065. Позор!.. Да ведь то были совершенно разные войны, умники. На американскую землю не упали ни один снаряд, ни одна бомба, не ступил ни один солдатский сапог. И все потери у них составили что-то около 300 тысяч человек. А у нас?.. Неужто и этого не соображаете?

А 143 генерала, говорят, вообще не имели военного образования. Ну, это вполне возможно: были же генералы и интендантской, и медицинской, и ветеринарной службы — зачем им учиться в Академии Генштаба? Но другие-то... И опять недоумение: вот эти несчастные «хуже некуда» с их тщедушной ложью разнесли профессионалов с их грандиозными достижениями. Сколь велика их слава хуже некудов! Но как это могло произойти?..

Вот список 43 командующих фронтами за время войны: 14 маршалов и 29 генералов. Не тут ли часть разгадки? 34 из них, т.е. почти 80% — окончили академии, 32 — участники Первой мировой, 40 — участники Гражданской и 20, между прочим, владели иностранными языками, хотя кое-кто и не совсем свободно, 7 из них — немецким. А кто из генералов Гитлера знал русский? И добавлю: все были с довоенной поры членами партии, кроме Говорова, который вступил в партию в 1942 году, будучи уже генерал-лейтенантом и командармом.

В феодально-крепостнической Красной Армии, слышим мы еще, начальство безо всякого суда расстреливало кого угодно из подчиненных. Вот однажды «в начале августа 42-го года явился под Сталинград с взводом охраны заместитель Верховного Главнокомандующего Жуков». Во-первых, он тогда не был заместителем Верховного. Во-вторых, никакого взвода охраны, прилетевшего с ним на самолете, у него не могло быть. В-третьих, в те дни Жуков вообще не был под Сталинградом, у него хватало дел на Западном фронте.

«В авиационном полку Жуков, узнав на собрании офицеров, что здесь никто не расстрелян, приказал своему взводу охраны отобрать четырех офицеров и тут же с воспитательной целью расстрелять: вот, мол, как надо действовать согласно сталинскому приказу № 227!».

Но почему сразу четырех ни в чем не виновных? Для воспитательной-то цели хватило бы и одного. Почему офицеров, а не рядовых? Офицеры-то «дороже». И как же отбирали несчастных — по алфавиту? по национальности? по цвету глаз? И что значит «тут же» — прямо на собрании шлепнули и перешли к очередному вопросу повестки дня? А имя хоть одного расстрелянного нельзя ли узнать?

— Нет, в большевицкой феодально-крепостнической армии такие факты немедленно засекречивались.

— Да как же засекретить, если злодейство совершено на глазах множества людей?..

И вот подумайте, кажется, должны бы люди соображать, что если они не знают, когда Жуков стал заместителем Сталина, и других легко доступных для проверки фактов, то кто же им поверит, когда они вещают о делах будто бы «засекреченных», о людях безымянных, о фактах невообразимых,— не соображают! (...)

Но кого же именно из наших военачальников эти умники объявили невежественными и бездарными? Как кого? Ведь уже было сказано — прежде всего, маршала Жукова. Ну а с какой же стати — бездарный? А так, говорят, писал о нем Дэвид Глант в книге «Крупное поражение Жукова». Какой еще Дэвид? Американец, что ли? Да, да! Большого ума человек! Ну, во-первых, не Глант, а Глэнтц. А, во-вторых, вот что говорил другой американец, историк Гаррисон Солсбери в книге «Великие битвы маршала Жукова»: «Когда история совершит свой мучительный процесс оценки, когда отсеются зерна истинных достижений от плевел известности, тогда над всеми остальными военачальниками засияет имя этого сурового решительного человека, полководца полководцев в ведении войны массовыми армиями». А еще один американец, тоже Дэвид — Эйзенхауэр говорил: «Я восхищаюсь полководческим дарованием Жукова».

Впрочем, что нам эти американцы, все их Дэвиды и Недэвиды. Вот что писал о Жукове человек, который знал его многие годы, прошел с ним всю войну, вместе работал над планами сражений — маршал А.М. Василевский: «Г.К. Жуков, отличавшийся довольно решительным и жестким характером, решал вопросы смело, брал на себя полностью ответственность за ведение боевых действий; разумеется, он держал связь со Ставкой и нередко подсказывал ей целесообразное решение. К разработке операций Жуков подходил творчески, оригинально определяя способы действий войск. Думаю, не ошибусь, если скажу, что Жуков — одна из наиболее ярких фигур среди полководцев Великой Отечественной войны» (Дело всей жизни. С. 530).

Как же это вы, Правдюк, такой горластый патриот, а мнение какого-то безвестного америкашки предпочли мнению знаменитого русского маршала, одного из самых больших военных авторитетов Второй мировой? Да разве один Василевский из наших? А Рокоссовский! «У Жукова всего было через край — и таланта, и энергии, и уверенности в своих силах».

С мнением авторитетных людей надо, конечно, считаться, но и своим же умом шевелить надо, если он есть. Ведь Жуков начал военную службу рядовым в Германскую войну, стал унтер-офицером, заработал два Георгиевских креста, в Гражданскую командовал кавалерийским эскадроном, потом четыре года — полком, шесть лет — дивизией, а маршалом стал не по должности, как Берия или Булганин, никогда в строю не служившие, а по войне. Словом, без единого пропуска прошел все ступени, все инстанции.

Л. Млечин, наставник правдюков и такой же головоногий, попытался найти хоть один пропуск: «После Халхин-Гола Сталин обласкал полководца, который привез ему (!) победу. (Ведь думать категориями страны эта шкурная публика неспособна.— Авт.) Комкор Жуков получил звание сразу генерала армии, минуя звания командарма 1-го и 2-го ранга (две высших ступени!)».

Олухов не сеют, не жнут — они сами рождаются, особенно — в писательско-профессорских семьях, как этот. Из контекста видно, что он считает командарма 2-го ранга выше командарма 1-го ранга, а не наоборот. Его же учили в МГУ, что 2 больше, чем 1, это он благодаря рублям и долларам до сих пор помнит, а значение слова «ранг» (rang — ряд) откуда ему знать. Тем более, как мог он проведать, что 7 мая 1940 года звание командарм было упразднено, а комкору Жукову дали генерала армии 4 июня этого года. Так что тут нет ни «сталинской ласки», ни скачка через две ступени, а закономерное восхождение на следующую.

И смотрите, через какой мощный микроскоп этот дока ищет блох: «В „Красной звезде“ сообщение о присвоении новых званий начиналось с фамилии Жукова». Знать, по особому указанию тирана... Да просто в постановлении правительства о присвоении звания генерала армии было тогда лишь три фамилии, и они, естественно, перечислялись по алфавиту: Жуков, Мерецков, Тюленев. По ал-фа-ви-ту! Вот и весь микроскоп. И ведь такое крохоборство — во всем! Но представьте себе, он еще и умствует в «Литгазете»: «Очень важный аспект — историческая правда. Надо максимально соответствовать сегодняшнему уровню исторической науки». Какая тебе наука! Хоть алфавит-то выучи...

Да, Жуков прошел по службе все ступени. И подумал бы Правдюк, с какой же стати всю Отечественную, даже еще с Халхин-Гола, он был десницей Сталина? Почему именно его Верховный Главнокомандующий, Ставка посылали на самые важные участки фронта в самые решающие дни, в частности, — защищать Москву в момент, когда, по словам самого маршала, «Москву прикрыть было нечем»? Неужели случайно во время войны Жуков и звание маршала получил первым, и орден Суворова № 1, и орден «Победа» № 1, и две Золотых Звезды Героя, уже имея одну? Наконец, да разве спроста ему было поручено и принять капитуляцию Германии, и командовать Парадом Победы?

Ведь это была война, а не антисоветский треп по телевидению, где Правдюка можно заменить Якубовичем, этого — Млечиным, этого — Радзинским, этого — опять Правдюком... Тогда решалась судьба страны, а не ставка гонорара, не сколько серий вам дать для бесстыжого вранья о великой войне. Словом, надо быть редкостным идиотом, чтобы маршала Жукова низводить до своего уровня.

* * *

Ненависть правдюков к Жукову доходит, как сказал поэт, «до стога и до бормотанья». Это вполне естественно для почитателей Власова. Вы только послушайте, до чего доходят: «Его воспоминания — это кровавая книга!» Да так можно назвать любое произведение о войне — от «Илиады» до вашего фильма. А «Полтава» Пушкина?

*Швед, русский — колет, рубит, режет.
Бой барабанный, клики, скрежет,
Гром пушек, топот, ржанье, стон,
И смерть и ад со всех сторон...*

А «Бородино» Лермонтова?

*Звучал булат, картечь визжала,
Рука бойцов колоть устала,
И ядрам пролетать мешала
Гора кровавых тел...*

А «Война и мир» Толстого? Есть основание полагать, что никто из этой троицы ни одно из названных произведений не читал.

Но глотки луженые: «Воспоминания Жукова — самая крупная фальсификация истории Советско-германской войны!» (серия 88).

В чем дело, он скрыл наши трагические неудачи в начале войны? Или что немцы доперли до Москвы? Что на другой год прорвались к Волге? Уверял, что нам ничего не стоило разбить их под Сталинградом, на Курской дуге? Что мы с ходу

взяли Берлин? Или вот он цитирует Гальдера, Типпелькирха и других немецких генералов и историков о первых сражениях: «Возможности русских сильно недооценивались... Мы очень надеялись, что после первых крупных военных неудач советское государство рассыплется... Для Гитлера не подлежало ни малейшему сомнению, что для разгрома Советского Союза достаточно одной кампании» ... «Русские отходили на восток очень медленно и часто только после ожесточенных контратак... Командование и войска Красной Армии оказались на высоте требований... Это противник со стальной волей... Не могло быть и речи о том, чтобы быстрыми ударами разрушить картонный домик... Русские держались с неожиданной твердостью и упорством... Противник показал совершенно невероятную способность к сопротивлению... Уже в первые дни боев немецкие войска понесли такие тяжелые потери в людях и технике, которые были значительно выше потерь в Польше и на Западе» и т.д. Так это все Жуков придумал? Ничего подобного немцы не писали?

Не в том дело! Все гораздо страшней и циничней, говорят нам. Жуков бесстыдно уверял, что «прибыл в Ленинград для его спасения 9 сентября 41-го года и спас его».

Вранье. Ни о каком спасении нет у него ни слова. Жуков вспоминает разговор со Сталиным: «Езжайте под Ленинград. Он в крайне тяжелом положении». — «Согласен вылететь немедленно». Только и всего. И на другой день, 10-го, вылетел. А вдогонку 11 сентября полетела директива Ставки:

«1. Освободить Маршала Советского Союза тов. Ворошилова от обязанностей командующего Ленинградским фронтом. 2. Назначить командующим Ленинградским фронтом генерала армии тов. Жукова. 3. Тов. Ворошилову сдать дела фронта, а тов. Жукову принять в течение 24 часов с часа прибытия в Ленинград...

И. Сталин, Б. Шапошников».

А спасен от блокады город был только в январе 1944-го.

Но Жуков на самом деле прибыл в Ленинград 13 сентября, кипитесь Правдюк. Это важно! Потому что 12 сентября войска группы «Север» получили приказ Гитлера прекратить штурм Ленинграда и перейти к осаде. Отодвинув день своего прибытия, Жуков придумал легенду о своем спасении Ленинграда.

То есть Правдюк хочет уверить нас, что с 12-го бои под Ленинградом прекратились, все стихло и зачирикали птички. И поэтому Жуков не только не спаситель города, но и вообще не имеет никакого отношения к тому, что город выстоял. Но вот ведь какое диво: Правдюк все-таки признает, что «бездарный полководец» на посту командующего Западным фронтом сыграл выдающуюся роль в обороне Москвы и в разгроме у ее стен немцев. Так почему ж он не мог успешно возглавить оборону Ленинграда?

А главное, все это опять вранье: никакого приказа Гитлера «прекратить штурм» не было (как, вообще-то говоря, не было и самого штурма города, подобно Одессе или Севастополю). 11 сентября начальник Генерального штаба Гальдер записал в дневнике: «Наступление на Ленинград развивается вполне успешно. Большое достижение войск!.. Значительные успехи в борьбе за Ленинград». И остервенелые попытки захватить город продолжались. Жуков совершенно верно писал: «Враг рвался к городу». Действительно, 12 сентября на пути к Ленинграду немцы захватили Красное Село, 13 сентября (уже после правдюковско-гитлеровского «приказа») — Гатчину, Сосновку, Финское Койрово... В этот день, 13-го, Гальдер записал: «Успехи 39-го танкового корпуса Шмидта (того самого, что ранее захватил

Шлиссельбург. — Авт.). Значительное углубление нашего клина на Ленинград». А вечером того же дня добавил: «У Ленинграда значительные успехи. Выход наших войск к внутреннему обводу укреплений может считаться законченным»...

Об этих днях Жуков пишет: «Военный совет фронта ясно понимал, что создано чрезвычайное положение. Было решено ввести в сражение последний фронт-овой резерв — 10-ю стрелковую дивизию. Последний!.. Серьезный риск, но другого выхода не было. Утром 14-го 10-я стрелковая совместно с частями других соединений и при поддержке авиации нанесла стремительный удар по врагу. В результате напряженного боя оборона была восстановлена. Понесла большие потери, противник оставил Сосновку и Койрово».

Однако 17 сентября немцы захватили Павловск, 18-го — Пушкин... Бои, бои, бои... «Так продолжалось почти до конца сентября, — вспоминал Жуков. — В последние дни сентября мы не только оборонялись, но уже перешли к активным действиям. Был организован ряд контрударов в районах Колпино, Пушкина, Пулковских высот, и эти действия, видимо, окончательно убедили противника в том, что оборона Ленинграда еще сильна и сломить ее наличными силами не удастся. Немцы, прекратив атаки, перешли к разрушению города с воздуха и артиллерийским огнем».

И все эти дни до 7 октября, не зная сна и отдыха, обороной города руководил Жуков. Но и после его отъезда в Москву положение Ленинграда оставалось очень тяжелым. Так что ни о каком чудодейственном спасении города говорить не приходится, оно пришло гораздо позже. Но... «Я горжусь, — писал Жуков, — что в тот период, когда враг подошел вплотную к городу и над ним нависла смертельная опасность, мне было поручено командовать Ленинградским фронтом».

* * *

Правдюки не унимаются: «Жуков посылал пехотинцев на противотанковые минные поля, чтобы ценой их жизни дать проход танкам!» (серия 81).

Я недавно уже писал: на противотанковом минном поле пехотинец может плясать, ибо такая мина взрывается только при давлении на ее взрыватель 200–250 килограммов. За подтверждением этого можете обратиться к маршалу Язову Д.Т., как сделал я.

И вот странно: очень во многом будучи единомышленниками Геббельса, порой просто повторяя его, правдюки решительно разошлись с учителем в оценке нашего и немецкого генералитета. Прочитав предоставленную немецким Генштабом книгу биографий наших военачальников, среди которых, конечно же, не мог не быть Жуков, всмотревшись в их фотографии, Геббельс за полтора месяца до полного краха Германии и до своей гибели записал в дневнике: «Эти маршалы и генералы в среднем исключительно молоды, почти никто из них не старше 50 лет. Они имеют богатый опыт революционно-политической (и, разумеется, как только что видели, и военной. — Авт.) деятельности, являются убежденными большевиками, чрезвычайно энергичными людьми, и на их лицах можно прочесть, что они имеют хорошую народную закваску. В большинстве своем это дети сапожников, рабочих, мелких крестьян. Короче говоря, я должен сделать вывод, что военные руководители Советского Союза являются выходцами из более ценных народных слоев, чем наши собственные».

Своими соображениями Геббельс поделился с Гитлером, добавив, что у него

сложилось впечатление, что «мы вообще не в состоянии конкурировать с такими руководителями. Наш генералитет слишком стар, изжил себя...». Гитлер полностью согласился со всем этим. А мог ли он не согласиться с чисто военным, полководческим превосходством советского генералитета?

Как же теперь называть этих правдюков, если против них не только я, русский коммунист, но и немецкие фашисты?! Да, есть на свете нечто такое, что выше всех политических категорий...

* * *

Не только о Жукове — о многих генералах и маршалах Отечественной войны, ее героях, но также и о предателях мы узнаем из фильма много ошеломительно нового. Хотя бы вот: «Генерал Мерецков был арестован в ночь на 22 июня 1941 года. Бериевские следователи не добились его только по причине разгоревшейся войны» (серия 35). Только! А чем война мешала? Неужто всех следователей призвали в армию? Как же тогда объяснить расстрел генерала Павлова 16 октября 1941 года. А почему не «добили», скажем, Рокоссовского, Горбатова? Ведь время было: их арестовали гораздо раньше, и первый из них сидел два с половиной года.

Так вот, на самом деле К.А. Мерецкова арестовали 24 июля 41-го, но месяца через полтора — об этом в фильме ни слова — он был освобожден с возвращением званий генерала армии, Героя Советского Союза и всех наград. Сперва в качестве представителя Ставки направили его на Северный Кавказ, потом командовал армиями, фронтами, стал маршалом, получил ордена «Победа», Суворова первой степени, пять орденов Ленина к двум довоенным и т. д. Правдюки дотошно и благоговейно перечисляют все кресты, дубовые листья и бриллианты, что получали немецкие генералы и офицеры, но сказать, что наш воин получил орден Ленина или Красного Знамени, у них язык не поворачивается, да и совсем неинтересно им это, их язык совсем для другого.

А когда тот же Рокоссовский стал маршалом? Дату берут с потолка. О Горбатове сообщают, что он в конце войны командовал 3-й Ударной армией (серия 69), воины которой водрузили Знамя Победы над рейхстагом, а мы-то думали, что ею командовал генерал Кузнецов В.И.

Или: «С лета 1942 года все стратегические операции создавались (не операции, конечно, а их планы. — Авт.) при участии Василевского» (серия 84). А до этого чем он занимался — в Большом театре пел? Уже с 1 августа 1941 года Василевский был заместителем начальника Генштаба — начальником Оперативного управления, и не мог не принимать участия в планировании всех важных операций. Ну, хоть такие-то вещи надо сообщать!

Даже о самом Верховном Главнокомандующем у них отменные фантазии: «В конце войны не имеющий военного образования Сталин получил звание генералиссимуса» (серия 88). Ну как, мол, это можно было дать человеку без красного диплома! Да ведь и не в конце войны дали-то, а даже после Парада Победы. Но они еще и обрядили Сталина — какой, мол, франт был! — в какой-то особый «мундир генералиссимуса с иголки» (серия 82), коего никто, кроме них, никогда не видел, поскольку его не существовало.

А вот что молодежный хор поет еще об одном известном генерале: «Андрей Андреевич Власов до войны (!) принадлежал к числу самых талантливых генералов». Но что такое талант генерала в мирное время? Дальше: «Венцом пол-

ководческого искусства Власова было командование 20-й армией при обороне Москвы». Вранье. Власов командовал 20-й армией с 30 ноября 1941 года, тогда вторично сформированной, и в оборонительных боях Московской битвы с 30 сентября по 5 декабря она не принимала участия, а только в контрнаступлении.

«Действия 20-й армии до сих пор изучаются в военных академиях без упоминания имени ее командующего, любимого сталинского генерала» (серия 67). Ну, это уж целиком в расчете на идиотов. Во-первых, какой он любимец? Сталин с ним до войны ни разу и не встречался. И в чем выражалась эта любовь? Власов — ваш любимец, а не Сталина. Во-вторых, 20-я армия ничем особым по сравнению с другими армиями, участвовавшими в контрнаступлении, не отличилась. В-третьих, да можно ли это вообразить: в академиях читают лекции о каком-то гениальном полководце и не называют его имени? И никто не хочет узнать имя гения.

Да, да, говорят, имя Власова отовсюду было вычеркнуто, и нам удалось установить его совершенно случайно — по стихам в армейской газете 1941 года, в которых оно упоминается (серия 35). Это совершенно в духе Радзинского, который рассказывает, как он копается в архивах и добывает сведения, давно всем известные. Все, кто интересовался историей Отечественной войны, давно знают имя Власова и историю его предательства. И в литературе оно упоминалось, хотя бы в воспоминаниях маршала Мерецкова «На службе народу», вышедших 35 лет тому назад тиражом в 100 тысяч. Еще раньше писатель Аркадий Васильев (1907–1972) даже роман написал «В час дня, ваше превосходительство», в котором означенный Власов один из главных персонажей. Сперва роман был напечатан в журнале «Москва», выходившем тогда тиражом в 500 тысяч, потом 200 тысяч экземпляров вышли в издательстве «Советский писатель» и где-то еще. Наконец, вот справочник «Кто был кто в Великой Отечественной войне», вышедший в Политиздате более десяти лет тому назад тиражом в 30 тысяч. И там имеется статья о Власове. А мы, говорят, рылись в пожелтевших газетах 65-летней давности. Вот уровень их вранья или профессиональной дремучести!

* * *

И ведь так — весь фильм, все 90 серий. Такой же юный вздор о конкретных событиях войны, об отдельных операциях, обо всем ее ходе. Так, наши юноши то и дело дают неверные даты формирования армий, создания фронтов, проведения боевых операций и т. д. При этом расхождение составляет порой не день-два, а месяцы, а то и год с гаком. Например, говорят, что Херсон освободили 20 декабря 1943 года, а на самом деле — почти через три месяца, 13 марта 1944-го; уверяют, будто в феврале 1943 года более 700 наших самолетов бомбили Хельсинки, а на самом деле тогда и самолетов столько мы не могли послать на это дело, и не до финнов нам было, и добралась наша авиация до их столицы только через год, вскоре после чего они и разлюбили Гитлера, отвернулись от него, выбыли из войны.

И такое вранье или невежество, глумление и злоба — с рассказа о первых же днях и сражениях войны. Вот как Правдюк преподносит героический переход Балтийского флота из Таллина в Кронштадт летом 41-го года: «Адмирал Трибуц потерял в три раза больше кораблей, чем при Цусиме... Три Цусимы! Как трудно было воевать с такими Трибуцами!» В таких случаях следует приводить конкретные данные, а не «разы». Почему их нет? А потому что они разоблачают тупоумного лжеца.

В Цусимском сражении из 30 русских боевых кораблей, которые сопровождали 6 транспортов и 2 госпитальных судна, 20 погибли в бою или в безвыходном положении были потоплены экипажами, 5 кораблей сдались в плен, 3 крейсера ушли на юг, в Манилу, 1 эсминец — в Шанхай, попросту говоря, бежали. Во Владивосток прорвались только крейсер «Алмаз» и два эминца. В плену оказались и командующий эскадрой вице-адмирал Рожественский, и заменивший его после ранения контр-адмирал Небогатов. Что-нибудь похожее было 28–30 августа 41-го года с Балтийским флотом при прорыве из Таллина в Кронштадт? Хотя одно суденышко сдалось в плен? Хотя кто-то удрал в Манилу?

«Прорыв был беспрецедентным по трудности, — вспоминал командующий флотом адмирал В.Ф. Трибуц, возглавлявший прорыв. — Через плотные минные поля под ударами авиации, торпедных катеров и береговой артиллерии врага предстояло провести в Кронштадт около двухсот боевых кораблей, транспортов и судов вспомогательного флота» (Балтийцы сражаются. М., 1985. С. 76). Немцы уже были на южной окраине Таллина. На суда были взяты несколько тысяч бойцов Таллинского гарнизона и гражданского населения.

К 23 часам 27 августа боевые суда вышли на рейд. Он уже простреливался противником. На финском мысе Юминда была установлена 150-миллиметровая батарея. Флаг командующего был поднят на крейсере «Киров», который весь поход оставался главной целью немецкой авиации, но не пострадал.

Из-за резко ухудшившейся погоды (семь баллов!), при которой малые суда идти не могут, пришлось ждать, пока стихнет. Первый конвой начал движение на другой день в 12 часов 18 минут. Отряд главных сил во главе с «Кировым» снялся с якоря около 16 часов. Последним вышел в море арьергард. Колонна протянулась почти на пятнадцать миль. Сразу же начались атаки с воздуха и обстрел с финского берега, появились и мины. Орудиям «Кирова» удалось подавить батарею на мысе Юминда, а мины матросы вручную отталкивали от бортов. Но все же подорвался и затонул транспорт «Элла», самолеты потопили ледокол «Вальдемарс», погибли тральщики «Краб» и «Барометр», подорвался эскадренный миноносец «Гордый»... Но, яростно огрызаясь, колонна продолжала путь сквозь минное поле, шквал огня и кровь.

29 августа подорвался транспорт «Луга». Там было 1226 раненых. Подоспевший на помощь пароход «Скрунда» всех спас. Но вскоре и он вышел из строя, и все-таки раненых опять удалось спасти. «Потери наши в транспортных были велики, — писал Трибуц, — но почти со всех мы сумели эвакуировать личный состав. Самое ценное — люди были спасены». 29 августа в 17 часов авангард колонны во главе с «Кировым» прибыл в Кронштадт. Задача эвакуировать из Таллина войска и прорваться была выполнена.

«Нам удалось вывести из-под удара ядро флота», — заключает Трибуц. Это подтверждает Главнокомандующий адмирал Кузнецов Н.Г. Он подчеркнул, что, несмотря на тяжкие потери, «эвакуацию Таллина следует признать успешной... Боевое ядро флота удалось сохранить... Легко рассуждать теперь. Но Балтийскому флоту удалось в чрезвычайно трудных условиях вывести из осажденного Таллина девять десятых боевых кораблей. Огромной заслугой команд кораблей является спасение людей с гибнущих судов. Благодаря их беспрецедентному героизму из 17 с лишним тысяч человек на тонущих судах или уже в воде более 12 тысяч удалось спасти» (Курсом к победе. М, 1975. С. 67–68).

Что же в итоге исторического сравнения? При Цусиме только трем кораблям

удалось прорваться во Владивосток, эскадра перестала существовать, и это предопределило поражение России в войне, а из Таллина в Кронштадт прорвались 142 корабля — ядро флота! — и понесенные потери хоть были тяжелы и скорбны, но не только на ход войны, а и на действия Балтийского флота не оказали решающего влияния.

Тут надо говорить не о трех Цусимах, а о трех трепачах невыносимых. И ведь какими грязными оскорблениями оплевали эти щелкоперы адмирала, тридцать лет жизни отдавшего советскому флоту, кавалера двух орденов Ушакова и Нахимова 1-й степени. Сами-то они, поди, на брюхе ползли бы из Таллина, да еще неизвестно, в какую сторону.

А что лепечут о Сталинградской битве? «23 августа был Судным днем для защитников города. Немцы совершили более 2 тысяч самолетовылетов». Вы только подумайте: советским людям на их родной земле за грехи их фашистские захватчики учинили Судный день. Олухи или невежды?.. Это мы устроили Судный день фашистам 9 мая 1945 года в Берлине. Дальше: «14 сентября немцы пробили коридор к Волге». На самом деле в этот день ничего подобного не было. «11 ноября немцы едва не достигли Волги». Как раз в этот-то день они прорвались, что было их последним успехом.

О самой Сталинградской победе: «На нашей улице случился (!) праздник». Не случился, миляги, а был предсказан Сталиным и завоеван мужеством и кровью. В другой серии историк-правдюк Александров заявил: «3 февраля 1943 года о сталинградской катастрофе знал весь мир». Это, повторяю, для Берлина была катастрофа, а весь мир узнал тогда о великой советской победе.

* * *

Вообще, когда речь идет об армии немцев, у правдюков голоса дрожат от восторга и умиления. Ну, прежде всего, самого Гитлера они возвышенно именуют не иначе, как «фюрером немецкого народа» и «стойким солдатом». Восхищаются его международным бандитизмом — тем, что он «сказочно быстро» сумел оттяпать Саарскую область, Рейнскую зону, Австрию, Судеты, а потом и всю Чехословакию. О немецких генералах, офицерах, солдатах то и дело слышим: «Талантливейший Манштейн!»... «До самой смерти девизом Руделя были слова: „Погибает тот, кто сдается!“»... Еще и охотно цитируют спятившего штабного генерала: «Конечно, один немецкий солдат может убить десять русских» (серия 43).

И дальше: «6 армия генерал-полковника Паулюса уверенно шла к Сталинграду, а части наших 51, 62-й и 64-й армий на некоторых участках бросали позиции при появлении едва ли не разведвзводов врага»... «Второе лето подряд немецкие войска шли на восток по 50–60 километров в сутки»... Хайль Гитлер!

Лихо! Действительно, первое лето они шли, шли, шли... Солженицын, служивший тогда в тылу на конюшне, уверяет, что шли даже в два раза быстрее — по 120 км. И куда пришли, к чему спешили? К разгрому под Москвой. И второе лето шли, шли, шли... И куда пришли? К разгрому под Сталинградом. И в третье лето на Курской дуге опять пошли. Прошли 5 километров, прошли 10, прошли даже 35... И куда пришли? Да все туда же — к разгрому.

Правдюки это не отрицают, но просят нас принять во внимание извинительные обстоятельства. Первое: «У немцев не было в войне настоящих союзников» (серия 48). Второе: «Германия воевала едва ли не со всем миром» (серия 42). Тре-

ть: «Свою роль сыграло большое пространство. Любая армия, пройдя с боями до предгорий Кавказа, потеряла бы не менее половины своих ударных качеств, техники и людей» (серия 42). Наконец, русским всегда помогали морозы, распутица и советские мыши (серия 47).

Право, почти ничего подобного мы раньше не слыхивали. Тут удивительно все, начиная со слов о боях на пути к Сталинграду. Какие бои, если только что сказано, что проходили по 50–60 километров в сутки, а наши войска бежали при появлении вражеской разведки?

Однако все по порядку. У немцев не было союзников? А хотя бы румыны, которые доперли с ними до Сталинграда? А венгры, которых только в плену у нас оказалось 513 767 человек. И австрийцев — 156 682, чехов и словаков — 69 977, поляков — 60 280, итальянцев — 48 957, французов — 23 136, даже евреев — 10 173.

Это, повторяю, только пленные. А сколько погибли в боях, сколько были ранены и отправлены в тыл? По данным Военно-исторического журнала № 9'90, откуда взяты эти цифры, в плену у нас оказались солдаты, офицеры и генералы 24 национальностей. Так что, если войну 1812 года мы называем нашествием двенадцати языков, то это — дважды двенадцати.

Но такова лишь одна сторона дела. А с другой стороны, разве экономика почти всей Европы, в том числе военная промышленность, работавшая всю войну на Германию, не была ее самым настоящим союзником? Разве миллионы рабов, привезенные из СССР и других оккупированных стран Европы, не были хоть и подневольными, но, по сути, союзниками Германии?

Второе: немцы воевали со всем миром? Так уж и со всем! Какой урон им нанесли китайцы? Какой их город бомбили бразильцы? Когда вошли в Берлин аргентинцы? Это опять-таки с одной стороны, а с другой — ведь немцы, действуя отнюдь не в одиночестве, душили свои жертвы поодиночке: Чехословакия, Польша, Франция... Надеялись и нас удушить так же. Но Сталин облапошил Гитлера. Кроме того, а кто виноват, что немцев и их фюреров возненавидели во всем мире?

Третье: еще и большие русские пространства виноваты? А что, все эти хваленые вами Манштейны, Гальдеры, Гудерианы не знали о них? Думали, что СССР это вроде Бельгии? Или Дании, при оккупации которой они потеряли одного солдата? Какие же они стратеги, полководцы? И чего стоят полоумные восторги по их адресу?

Ну, о морозах и распутицах, всегда спасительных для нас и всегда губительных для наших врагов, по причине полной нелепости разговора я промолчу, но вот интересно, как помогли Красной Армии советские мыши? И тут мы узнаем величайшую новость. Оказывается, в решающий момент Сталинградской битвы немцы не могли двинуть вперед свои замечательные танки, ибо мыши перегрызли в танках электропроводку. И это решило исход сражения.

Бедненькие фрицы! Ну все было против них в России: и просторы, и морозы, и распутица, и даже беспартийные, но ужасно патриотичные мыши! И только правдюки запоздало льют о немцах слезы...

* * *

Правдюки крайне возмущены тем, что у нас до сих пор в ходу такие речения о немцах во время войны, как «захватчики», «фашисты», «гитлеровцы»... Фи, ка-

кая невоспитанность! Какая несправедливость! А где же политкорректность? Это просто «военнослужащие германской армии», временно оказавшиеся на чужой территории, и только. И не смейте, мол, забывать, что «единство вермахта определялось социальными достижениями фюрера, которые в отличие от советской лжи были бесспорны».

Тут же и образцы мужества, благородства и рыцарства фашистов. Вот, скажем, немцы похоронили с воинскими почестями генерал-лейтенанта Ефремова М.Г., командарма-33, члена ВКП(б) с 1919 года, смертельно раненного в апреле 1942 года при прорыве из окружения под Вязмой. Прекрасно! Словно кто-то же из них был на этих пышных похоронах? В Вязме воздвигнут памятник Михаилу Григорьевичу. Не Геббельс ли заказал его Вучетичу?

И опять навязчивое недоумение: как же это мы с нашей жалкой ложью, серостью, небритостью разнесли в пух и прах благородных и гладко выбритых с их великими достижениями? Может быть, ликвидация нищеты, безработицы и неграмотности, преобразование страны из лапотной в индустриальную, приобщение миллионов простонародья к высотам культуры, науки, государственной власти и тому подобные дела, — может, все это было ложью только на языке у Геббельса да в ваших, правдюки, беззащитно мягких головах?

И не знают эти головы удержу в прославлении вермахта и «прекрасного немецкого солдата, который, даже замерзая под Москвой, стойко оборонял свои позиции». Правильно. Будучи отброшен километров на 100–250, наконец, набрался стойкости, которой хватило на некоторое время. А вот в Сталинграде, на Курской дуге, в Белоруссии и дальше аж до самого рейхстага, увы, стойкости не хватило. С другой стороны, наша-то стойкость под Москвой, и под Сталинградом, и на Курской покрепче оказалась. Неужто не слышали?

А какая демократия царила в вермахте! — продолжают песнопения телеисторики. Вот, говорят, генерал Гудериан пытался убедить Гитлера, что жертвы под Москвой бессмысленны, надо отступить. «Вы можете ли представить себе, чтобы Жуков убеждал Сталина, что жертвы бессмысленны. Такого разговора в Кремле никогда не могло быть».

Эти слова изобличают правдюков в том, что они даже воспоминания Жукова не читали, ибо там такие разговоры встречаются неоднократно, например, Жуков говорит Сталину, что, дабы сберечь силы, «Киев придется оставить». Там же, кстати, они могли прочесть: «Стиль работы Ставки был, как правило, деловой, без нервозности, свое мнение могли высказать все. И.В. Сталин ко всем обращался одинаково строго и довольно официально. Он умел слушать, когда ему докладывали со знанием дела. Я убедился за долгие годы войны, Сталин вовсе не был человеком, перед которым нельзя было ставить острые вопросы и с которым нельзя было спорить, даже твердо отстаивать свою точку зрения». Скажите, правдюки, спасибо за эту почти сорокалетней свежести новость, которую бескорыстно дарю вам...

Ну, а хоть когда-нибудь немцы все-таки драпали от Красной Армии? Нет, утверждают правдюки, «вермахт выравнивал линию фронта и сокращал ее». Именно так говорил Геббельс в 1943 году и позже... А эти трое даже превосходят учителя. У них не поворачивается язык сказать, допустим, «Манштейн получил под зад» или хотя бы «разбит и отброшен», они говорят как гоголевские дамы, приятные во всех отношениях: «Богиня победы Ника оставила Манштейна...» (серия 78). Они не смеют сказать, что немцы прозевали вторжение союзников во

Францию, они воркуют: «Какой-то странный паралич охватил немецкое командование, странное безволие» (серия 67). А в наших неудачах и промахах ничего странного не видят. Наоборот! Тут для них закономерное, неизбежное следствие советского строя. (...)

* * *

И в заключение вот о чем. Наши власти во главе с президентом неустойчиво ищут ксенофобов и разжигателей межнациональной вражды. Ищут всюду — среди хулиганов, бомжей, в метро, в подворотнях. А тут по государственному каналу шайка прохвостов больше года только и делает, что разжигает эту вражду по самому чувствительному вопросу, и все молчат — президент, министр обороны, министр культуры, министр иностранных дел...

Пока они будут молчать, я, как русский человек, сын царского офицера и коммунист-фронтовик Отечественной, от лица родного мне Третьего Белорусского фронта, которым командовали поочередно украинец Черняховский, русак Василевский и армянин Баграмян, скажу вам, Правдюк: ничего русского в тебе не было, нет и не будет, мягко выражаясь, подонок ты и провокатор.

Георгий Константинович Жуков

22 июня 1941 года на нашу Родину напала фашистская Германия. Началась Великая Отечественная война. Война длилась четыре года и закончилась нашей победой и полным разгромом фашистов. Одним из самых прославленных полководцев и героев Великой Отечественной войны был Маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков.

Военную службу Георгий Константинович Жуков начал в 18 лет рядовым. Когда началась Великая Отечественная война, Жуков был уже генералом армии и известным советским военачальником. Это под его руководством в 1939 году в далёкой Монголии у реки Халхин-Гол были разбиты войска японских агрессоров, напавших

на нашего большого друга — братскую Монгольскую Народную Республику.

В годы Великой Отечественной войны Георгий Константинович Жуков стал маршалом.

Новый командующий

Стояла осень 1941 года. Фашисты рвались к Москве. Обойти Москву с севера, с юга, схватить оборонявшие Москву советские части в огромные клещи. Сжать. Раздавить. Уничтожить. Таков у фашистов план.

В эти тяжёлые для Москвы дни командующим Западным фронтом — главным фронтом, защищавшим советскую столицу, был назначен генерал армии Георгий Константинович Жуков.

Прибыл Жуков на Западный фронт. Смотрят офицеры на нового командующего. Роста невысокого. Коренаст. Плечист. Голова большая. Глаза острые.

— Бои идут у города Юхнова, у Медыни, возле Калуги, — докладывают штабные офицеры новому командующему боевую обстановку. Находят офицеры на карте Юхнов.

— Вот тут, — докладывают, — у Юхнова, западнее города... — И сообщают, где и как расположены фашистские войска у города Юхнова.

— Нет, нет, не здесь они, а вот тут, — поправляет офицеров Жуков и сам указывает место, где находятся в это время фашисты.

Переглянулись офицеры. Удивлённо на Жукова смотрят.

— Здесь, вот именно в этом месте. Не сомневайтесь, — говорит Жуков.

Продолжают офицеры докладывать обстановку.

— Вот тут, — находят на карте город Медынь, — на северо-западе от города

сосредоточил противник большие силы: танки, артиллерию, механизированные дивизии...

— Так, так, правильно, — говорит Жуков. — Только силы не вот здесь, а вот тут, — уточняет по карте Жуков.

Опять офицеры удивлённо на Жукова смотрят.

— Слушаю дальше, — сказал командующий.

Вновь склонились над картой офицеры. Докладывают Жукову, какова боевая обстановка у города Калуги.

— Вот сюда, — говорят офицеры, — к югу от Калуги подтянул противник свежие танковые части. Вот тут в эту минуту они стоят.

— Нет, — возражает Жуков, — не в этом месте они сейчас. Вот куда передвинуты части. — И показывает новое место на карте.

Переглянулись офицеры. Уловил генерал Жуков недоверие в глазах офицеров. Усмехнулся.

— Не сомневайтесь. Всё именно так и есть. Вы молодцы — обстановку на фронте знаете, — похвалил Жуков офицеров. — Но у меня точнее.

Оказывается, побывал уже генерал Жуков и под Юхновым, и под Медынью, и под Калугой. Прежде чем прибыть в штаб, поехал прямо на поле боя. Вот откуда точные сведения.

До самых последних дней героической обороны Москвы генерал Жуков командовал войсками Западного фронта. Это под его руководством и под руководством других советских генералов наши войска отстояли Москву от врагов. А затем перешли в наступление и в упорных сражениях разбили фашистов в Великой Московской битве.

Орден Суворова

Разбитые под Москвой фашистские генералы не успокоились. Летом 1942 года, собрав свежие силы, они начали новое наступление. Теперь фашисты уже решили не идти прямо на Москву. Они нанесли удар на юге нашей страны. Фашистские армии устремились к Кавказу и к Волге, к городу Сталинграду.

Закипела Великая Сталинградская битва.

Сюда, под Сталинград были посланы генерал Жуков, генерал Василевский и другие видные советские военачальники.

— Жуков прибыл.

— Жуков прибыл, — передавалось от солдата к солдату.

Не было в советских войсках бойца, который не знал бы про генерала Жукова. Понимают солдаты, если прибыл под Сталинград генерал Жуков, что-то большое должно свершиться.

Не ошибались солдаты. Не зря приезжали под Сталинград Жуков, Василевский и другие видные советские генералы. Ставка Верховного Главнокомандования — так в годы Великой Отечественной войны называлось высшее командование Советской Армии — разрабатывала план грандиозного разгрома фашистов под Сталинградом.

Жуков, Василевский и другие советские генералы и приезжали под Сталинград для того, чтобы подготовить этот план. Определяли место, где лучше всего ударить по фашистам. Выбирали время, когда лучше всего ударить. Решали, каким армиям первыми идти в наступление.

Вот как выглядел план советского наступления. Ударами советских войск с севера и с юга от Сталинграда окружить фашистов, штурмующих Сталинград, зажать их в огромное кольцо, а затем разгромить или заставить сдаться в плен.

Торопят солдаты время:

— Скорей бы, скорей бы уже в наступление.

И вот день наступления. 1942 год. 19 ноября. Оглушительный грохот потряс Приволжские степи. Это открыла огонь советская артиллерия. Заработали миномёты. Ударили знаменитые «катюши». Затем в бой ринулись грозные танки. И наконец с криком «ура!» неудержимо рванулась вперёд всепобеждающая советская пехота. Окружение фашистов под Сталинградом началось.

Четыре дня советские армии громили фашистов. С севера и с юга они шли навстречу друг другу. И вот советские войска встретились. Триста тысяч солдат и офицеров фашистской армии были окружены.

Фашисты долго и упорно сопротивлялись. Они пытались вырваться из окружения. Но фашистов заставили капитулировать.

К этому времени из огромной 330-тысячной армии фашистов в живых осталось лишь 91 тысяча солдат и офицеров. Все они сдались в плен. Сдались в плен все фашистские генералы. Сдался и командующий фашистской армией генерал-фельдмаршал Паулюс.

Победа под Сталинградом была полной. Победа была великой.

Тысячи советских солдат и офицеров — участников Сталинградской битвы — были награждены орденами.

Страна отмечала и отличившихся советских генералов. Они были награждены высшими полководческими орденами. Одним из самых почётных орденов, которыми награждаются советские военачальники, является орден Суворова. Орден Суворова имеет три степени. Первая степень самая высокая. Первым среди советских полководцев орденом Суворова первой степени №1 был награждён генерал армии Георгий Константинович Жуков.

«Новый генерал»

Сержант Пинясов работал телеграфистом в Ставке Верховного Главнокомандования. Отправлял из Ставки приказы и распоряжения на фронт, принимал с фронтов сообщения и донесения.

Гордился Пинясов своей работой. Уверял, что нет такого генерала в Советской Армии, которого бы не знал он по фамилии. Знал он и генерала Жукова, и генералов Василевского и Рокоссовского, и Конева, и Ватутина, и Воронова и многих, многих других генералов.

И вдруг... Принимает сержант Пинясов телеграмму. Телеграмма в Ставку, самому Верховному Главнокомандующему. Принимает Пинясов текст, торопится, записывает слова. В конце идёт фамилия того, кто дал телеграмму. Записывает её Пинясов. Фамилия — Константинов.

— Константинов?! — задумался Пинясов. — Кто же такой Константинов? Впервые такого слышу.

У товарищей спрашивал:

— Кто Константинов?

Разводят руками товарищи. Нет, не знают они Константинова. Василевского знают, Рокоссовского знают, Конева, Ватутина, Воронова, генерала Жукова знают. Многих других генералов знают. А Константинова — нет, не знают.

«Новый генерал», — понимает Пинясов.

Приходят телеграммы от Константинова, уходят телеграммы на имя Константинова. Привык Пинясов к новой генеральской фамилии. Гордится Пинясов. Вот ведь он теперь не только Жукова, не только Василевского, не только Рокоссовского, Конева, Ватутина, Воронова, но и генерала Константинова знает.

Проходит какое-то время, и новая незнакомая фамилия встречается Пинясову.

Отправлял сержант Пинясов телеграмму от самого Верховного Главнокомандующего. Сверху указано, кому она адресована. Читает Пинясов: Юрьеву.

— Юрьев! Кто такой Юрьев? — старается вспомнить Пинясов. Нет, не может такого вспомнить.

У товарищей спрашивает:

— Кто такой Юрьев?

Разводят товарищи руками. Нет, не знают они Юрьева. Василевского знают, Рокоссовского знают, Конева, Ватутина, Воронова, генерала Жукова знают. Многих других генералов знают. А Юрьева — нет. Впервые фамилию такую слышат.

Всё чаще и чаще встречается сержанту Пинясову фамилия Юрьев. Идут к Юрьеву телеграммы, приходят от Юрьева телеграммы. Привык Пинясов к новому генеральскому имени. Даже как-то командиру своему похвастал: мол, вот он сколько советских генералов знает. Стал перечислять. Называет Жукова, Василевского, Рокоссовского, Конева, Ватутина, Воронова, Константинова.

— Кого-кого вы знаете? — переспросил командир.

— Генерала Константинова.

— Ах, генерала Константинова, — усмехнулся командир.

Продолжает Пинясов называть имена советских генералов: Говоров, Ерёмenco, Мерецков, Малиновский, Толбухин, Баграмян, Юрьев.

— Кто-кто? — переспрашивает командир у Пинясова.

— Генерал Юрьев, — повторяет Пинясов.

Вновь усмехнулся командир.

Гадает Пинясов: чего это вдруг командир усмехается?

А дело в том, что не было в Советской Армии генералов Константинова и Юрьева. Генерал Жуков носил эти фамилии. Так делалось для того, чтобы обмануть, ввести в заблуждение фашистов. Чтобы не могли фашисты определить, где в это время находится генерал Жуков.

Вскоре и Пинясов узнал об этом.

— Ловко, ловко, — смеялся Пинясов, — выходит, на хитрость я попался.

Часы

В 1941 году, ещё в первые месяцы Великой Отечественной войны, фашистские полчища подошли и окружили город Ленинград. Начались тяжёлые дни ленинградской блокады. Несколько раз наши войска пытались отбросить фашистов от Ленинграда. Но сил пока не хватало.

В январе 1943 года Ставка Верховного Главнокомандования приняла решение прорвать фашистское окружение вокруг Ленинграда. Под Ленинград представителем Ставки был послан генерал армии Георгий Константинович Жуков.

Прибыл Жуков под Ленинград. Ознакомился с состоянием войск. Побывал в частях. Затем устроил совещание с генералами и офицерами. В числе приглашённых на совещание был и полковник, командир одной из стрелковых дивизий. Собрались генералы и офицеры. Начал Жуков своё выступление. А полковника-пехотинца — нет. Что такое? Опаздывает. Опоздал полковник на совещание. Приоткрыл дверь в комнату, где шло совещание. Переступил через порог. Вытянулся. Обратился к Жукову:

— Разрешите присутствовать, товарищ генерал армии!

Понимают генералы и другие офицеры — будет сейчас полковнику за опоздание. Строг Жуков. Не даёт нерадивым спуска. Понимает и сам полковник — не уйти ему от наказания. Так и есть. Нахмурился Жуков. Грозная складка на лбу собралась.

— Почему опоздали?!

— Часы, товарищ генерал армии, — отвечает полковник и косится на свои часы.

— Что часы? — с раздражением спросил Жуков.

— Отстали часы, товарищ генерал армии, — признался полковник.

Посмотрел генерал на полковника.

— Значит, дрянь часы, — произнёс Жуков. — Выбросить надо такие часы.

Только закончил Жуков фразу, как полковник сразу же:

— Слушаюсь, товарищ генерал армии!

И тут же в долю секунды снял часы со своей руки и с силой бросил об пол.

Ударились часы. Разлетелось на мелкие осколки стекло. Отлетела крышка. Какое-то колёсико покатилося...

В комнате стало на редкость тихо. Все смотрели на Жукова, на часы, на полковника. Жуков тоже посмотрел на часы, затем на полковника.

— Садитесь, — наконец произнёс Жуков.

Сел полковник. Продолжил Жуков своё выступление. Закончилось совещание. Разошлись командиры. Вернулся в свою часть и полковник. Вернулся. Настроение скверное. Знает, что Жуков строг. Ждёт за опоздание от Жукова наказания.

Возможно бы, так и случилось. Да только тут наши армии обрушились на фашистов. Отважно сражались советские солдаты. Умело действовали советские командиры. Прорвали наши войска фашистскую блокаду. Повезли поезда грузы в героический Ленинград.

Вспомнил Жуков теперь полковника. Поинтересовался, как сражалась его дивизия.

— Отлично, — ответили Жукову.

— А как сам полковник?

— Отлично, — снова сказали Жукову.

Улыбнулся генерал. Послал полковнику пакет с нарочным.

Принял полковник пакет. Решает: понизили в звании, понизили в должности? Развернул. В пакете — часы от Жукова.

Маршал

В январе 1943 года генералу армии Георгию Константиновичу Жукову было присвоено звание — Маршал Советского Союза.

Фашисты не хотели смириться со своим поражением под Сталинградом. Они

готовились к новому мощному наступлению. К новым боям готовились и наши войска. Но где и когда начнут наступать фашисты?

Разные были мнения. Спросили мнение маршала Жукова.

— Считаю, что фашисты будут наступать у города Курска, — ответил Жуков и добавил: — Фашисты уже не те, что были два, и даже год тому назад. Не будет у них уже сил, чтобы наступать в нескольких местах. Удар они постараются нанести один, но очень мощный. Севернее, западнее и южнее Курска собралось много наших войск. Они здесь глубоко вклинились в оборону фашистов. Сравнять этот выступ, уничтожить здесь находящиеся советские войска и будут пытаться фашисты.

Вскоре разведчики донесли: прав маршал Жуков, фашисты готовят наступление действительно в районе Курска. Готовясь к новым боям, многие советские генералы предлагали опередить фашистов и первыми ударить по ним под Курском.

Снова спросили мнение Жукова.

— Считаю нецелесообразным, — ответил Жуков.

Объяснил маршал, почему он считает нецелесообразным, чтобы наступали первыми советские войска. Фашисты, хотя они уже и не те, что были в начале войны, но всё ещё очень сильны. У них всё ещё много танков, орудий, самолётов. Идти в наступление против такой техники, такого врага — значит, нести большие потери. Маршал Жуков, а к нему присоединились и многие другие советские генералы, считал, что надо дать возможность наступать первыми фашистам. В оборонительных боях, с хорошо укреплённых и защищённых позиций, советские воины уничтожат значительную часть фашистской военной техники. А уничтожив много фашистских танков, пушек и самолётов, нам уже будет легче идти в наступление. Так будет проще разбить сильного врага.

Кое-кто пытался возражать против такого предложения. Но Ставка Верховного Главнокомандования всё же утвердила предложения Жукова. Они и вошли в план Курской битвы.

Когда началась Курская битва, всем стало ясно, что эта битва первоклассной военной техники. Устояли наши в оборонительных сражениях. Сдержали фашистов. Затем сами перешли в наступление. Завершили своей победой Курскую битву.

Закончилась Курская битва.

— Точно всё получилось. Точно по вашему плану, — говорили Жукову после битвы.

— Получилось, — улыбался Жуков и уточнял: — Только по плану не моему, а нашему общему плану.

И это верно. Многие советские генералы принимали участие в составлении плана Курской битвы и в руководстве великим сражением около Курска.

— Прав, конечно, Жуков — общая здесь победа.

— Прав-то прав, — говорили другие, — да всё же доля не всех здесь равная.

И тут согласились все:

— И это верно. На то и Маршал!

Волшебный огонь

Стояла весна 1945 года. Приближалась последняя битва Великой Отечественной войны — битва за Берлин.

Много грозных сражений с фашистами прошло за последний год. Советские войска разбили фашистов на Украине и в Белоруссии. Они освободили почти полностью всю Прибалтику. Советские воины пришли на помощь другим странам Европы, страдавшим под игом фашистских захватчиков. Они прогнали фашистов из Польши, Болгарии, Румынии, Венгрии. Вели бои за освобождение Югославии и Чехословакии.

И всё же, чтобы закончить войну полной победой, надо было взять столицу фашистской Германии город Берлин. Центральным фронтом, который наступал на Берлин, — 1-м Белорусским, — командовал маршал Жуков.

Нашим войскам предстояло прорвать очень сильную оборону противника. Как же сделать так, чтобы прорвать её быстрее, чтобы наступление начать в тот момент, когда фашисты меньше всего его ожидают, чтобы при прорыве меньше советских солдат погибло. Не раз собирались советские генералы, обсуждали, как поступить лучше. Маршал Жуков предложил начать прорыв обороны фашистов в три часа ночи.

— В три часа ночи? — переспросил кто-то. — Так ведь ночь, темнота, ничего не видно, товарищ маршал.

— Верно, темнота, ничего не видно, — согласился Жуков. — Так надо придумать что-то.

Но что же придумать? Раньше времени солнцу не прикажешь взойти. И вот 16 апреля 1945 года. Три часа ночи по берлинскому времени. Неожиданно мощный огненный шквал обрушился на фашистскую оборону. Это 1-й Белорусский фронт начал прорыв на Берлин.

30 минут длился ураганный, испепеляющий всё огонь. Но вот так же неожиданно, как он начался, так и оборвался огненный шквал. Замерло всё. Затихло. Высунулись из-за своих укрытий уцелевшие фашистские солдаты. Высунулись офицеры. Высунулись фашистские генералы. Смотрят.

Что случилось, поначалу никто не понял. В глаза фашистам вдруг ударили, ослепили десятки невиданных солнц. Зажмурились фашисты. Что такое?! Открыли глаза. Снова яркость глаза кусает. Сообразили фашисты — так это же прожекторы! Да, это были мощные советские прожекторы. На много километров протянулись они вдоль линии фронта. И вот теперь, вспыхнув все разом, ночь превратили в день. Слепит неприятеля свет, бьёт фашистам в глаза. Помогает, освещает дорогу нашим. Наступают советские танкисты, наступают советские артиллеристы, наступают советские пехотинцы... В растерянности фашисты. А в воздух уже поднялись, уже гудят советские самолёты. Довершают они удар. Невиданной силы удар. Невиданной дерзости.

Прошло несколько дней, и советские войска штурмом ворвались в Берлин. Подняли над Берлином красное знамя Победы.

Уже после падения Берлина среди фашистских солдат вдруг появился слух, что советским войскам взять Берлин помог какой-то огонь волшебный. Узнали советские солдаты. Смеялись над этим огнём волшебным. Затем кто-то из генералов рассказал про волшебный огонь маршалу Жукову.

Выслушал Жуков и вдруг ответил:

— А что. Был и огонь, был и волшебный. — Наклонился к генералу: — В сердце солдатском огонь волшебный. Он и принёс победу.

Радость Победы

После падения Берлина война продолжалась всего несколько дней. Фашистская Германия была окончательно разбита.

Карлсхорст. Так называется один из пригородов Берлина. В ночь с 8 на 9 мая 1945 года здесь собрались представители Советского Верховного Главнокомандования и представители командования войск союзников. Вместе с Советским Союзом против фашистской Германии сражались Соединённые Штаты Америки, Англия и Франция. Они были нашими союзниками. Вместе с нами и они отмечали победу над фашистской Германией. Сюда в Карлсхорст прибыли и фашистские генералы. Им предстояло подписать документ о безоговорочной капитуляции. Капитулировать — значит, признать полное своё поражение, полностью сдаться победителям.

Понурые, недовольные вошли в зал фашистские генералы. Председательствовал маршал Жуков. Посмотрел Жуков сурово на фашистских генералов:

— Изучили акт о безоговорочной капитуляции? Готовы его подписать?

— Готовы, — глухо ответили фашистские генералы.

После подписания акта маршал Жуков устроил торжественный приём в честь советских и зарубежных гостей. Приём был не только торжественным, но и весёлым.

Радость Победы гуляет в зале. Слышится в смехе. Светится в лицах. Начались песни. Начались танцы. Кто-то из советских генералов ударил «русского». Танец быстрый, лихой, с пристуком. Кто-то повернулся к маршалу Жукову. Стал приглашать:

— Товарищ маршал!

— Что вы, что вы, — засмущался Жуков.

— Георгий Константинович!

Заколебался Жуков. Вспомнил молодость. Уговорили боевые товарищи маршала Жукова.

Случилось невероятное — «капитулировал» маршал Жуков. Сдался Жуков. Сплясал он лихого «русского». Обступили маршала и наши и зарубежные гости.

— Жуков танцует!

— Маршал Жуков танцует «русского».

— И «русского» и «советского», — улыбается Жуков.

— И «советского» и «победного», — прошло по залу.

Вскоре, в июне 1945 года, в Москве, на Красной площади, состоялся грандиозный парад Победы. Грозно чеканя шаг, шли по Красной площади воины-победители.

Парад принимал Маршал Советского Союза, прославленный полководец Великой Отечественной войны Георгий Константинович Жуков.

Источник: <https://ped-kopilka.ru/>

АЛЕКСАНДР ГОЛОВАНОВ,
журналист

**Сибиряки в битве под
Москвой и в Сталинграде**

Главы из очеркового повествования «СИБИРСКИЕ ДИВИЗИИ.
ЗАСЕКРЕЧЕННЫЙ ПОДВИГ»

**Исторический официоз и
память народа: противоречие**

Захватывающий сюжет Второй мировой войны — противостояние лучших солдат Гитлера (войск СС) и лучших солдат Сталина (сибирских дивизий) был засекречен и не изучался советскими историками. В художественных фильмах про войну эсэсовцы носили эффектную чёрную униформу с одним погоном на правом плече и с черепом на фуражке. Служили они либо в тайной государственной полиции — гестапо, либо охраняли концлагеря и травили людей в газовых камерах.

За этими скудными сведениями угадывалось нечто недоговорённое и окончательно злое. Но что? Нас не считали нужным посвящать в подробности

ГОЛОВАНОВ Александр Иванович — журналист, киносценарист, продюсер — родился в 1945 году в Иркутске. В молодости работал в геологических партиях, а также парашютистом-пожарным. Служил в спецназе ГРУ. Был корреспондентом АПН, писал сценарии документальных фильмов для Центрального телевидения СССР, национального ТВ Японии (NHK) и европейских телеканалов. Автор книги и телесериала «Сибирские дивизии. Засекреченный подвиг». На международном фестивале «Вечный огонь» сериал признан лучшей военно-исторической телепрограммой 2005 года. Позднее он отмечен дипломом лауреата Фонда Андрея Первозванного и медалью «Национальное достояние», призом международного фестиваля военного кино «Волоколамский рубеж». А. Голованов девять раз становился лауреатом международных кино- и телефестивалей. Автор журналистских расследований о декабристах и об адмирале А.В. Колчаке. Почетный профессор двух университетов: Иркутского государственного (ИГУ) и Иркутского государственного лингвистического (ИГЛУ). Будучи директором Восточно-Сибирской студии кинохроники, сумел сохранить от физического уничтожения киноархив региона с 1935 года до наших дней. Руководил государственной телерадиовещательной компанией «Иркутск». Имеет государственные и профессиональные награды. Отмечен медалью А.С. Пушкина, званием «Заслуженный работник культуры РФ», благодарственным письмом Президента В.В. Путина, золотым знаком с бриллиантом «Мэтр журналистики» и другими отличиями.

о «чёрной гвардии» фюрера. А такого персонажа, как воин-сибиряк, и вовсе не было ни в военном кино, ни в литературе. И архивы сибирских дивизий были засекречены и недоступны взгляду исследователей, как невидимая сторона Луны. В маршальских мемуарах, процеженных сквозь сито цензуры, сибирские соединения упоминались редко и скупо.

Официоз темнил и замалчивал, народ же, напротив, превозносил воина-сибиряка как ангела-хранителя. На вопрос о том, кто в 41-м отстоял Москву, переживший войну москвич отзывался: «Как кто!? Сибиряки, конечно!»

Это была такая же данность, как всегдашний аншлаг на спектаклях Большого театра. Как любой провинциал, командированный в столицу, придя к кассам Большого, я утыкался в табличку «все билеты проданы». Однако почти весь оперный репертуар я прослушал, потому что знал волшебное слово. Надо было только шепнуть интеллигентным седым старушкам-билетёрам, что ты приехал из Иркутска (Новосибирск, Омск или Владивосток тоже годились. Главное, что ты — человек из Сибири). Для старушек это было свято. Мне находили свободное место или ставили стул в проходе.

На мне лежал отблеск славы отцов. А самым почитаемым боевым генералом для жителей столицы был дважды Герой Советского Союза, командующий войсками Московского военного округа иркутский уроженец Афанасий Павлантьевич Белобородов.

В ноябре - декабре 41-го его сибирская стрелковая дивизия остановила в сорока километрах от Кремля и в тяжелейших встречных боях разбила панцер-гренадёрскую сверхэлитную дивизию СС «Рейх». За таковую баталию дивизия Белобородова была включена в первую десятку соединений, составивших советскую гвардию.

Позднее я узнал, что защита Москвы — не единственная победа сибиряков в Великой войне. Когда профессия привела меня в Сталинград — Волгоград, там от людей, прошедших сталинградское побоище, я узнал, что фактически величайшую в истории человечества битву на Волге выиграли мои земляки. Это было откровение.

От такого поворота темы голова шла кругом. Я предложил Центральному телевидению СССР сделать фильм-расследование о роли сибирских дивизий в Московском и Сталинградском сражениях. Мотивировал так: если народная молва подтвердится, это будет новая страница в истории Великой Отечественной.

Мою сценарную заявку отклонили. И не просто отклонили. Впервые за годы сотрудничества меня отругали «за местническую попытку перетянуть одеяло истории всенародного подвига на отдельную группу населения». Ругань была неуклюжая, явно не от сердца, а по чиновной обязаловке. Естественно было предположить, что тема особой роли моих земляков в войне табуирована не руководством Гостелерадио, а кем-то на самом верху. Там, где решают, что следует знать народу, а что нет.

Отказ обескуражил меня и заинтриговал. Интересно было выяснить, чем высокая боевая репутация сибиряков не угодна советской идеологии. Я «включил дурака»: стал изыскивать и подбрасывать начальству ЦТ СССР всё новые и новые аргументы в пользу исключительной роли моих земляков на фронтах Великой Отечественной. Нет, я не собирался давать повод заподозрить себя в опасном вольнодумстве. В своих посланиях я был верноподдан и демагогичен.

«Весь год долбил корягу дятел». Но не спятил (как в стихе), а продолбил. Мне таки дали разъяснение. Неофициально. В доверительной атмосфере, под водочку с соляночкой в уютном ресторане Центрального дома журналистов.

Наставить меня на путь истинный поручили человеку, чья фамилия значилась

в титрах пафосно-исторических сериалов Центрального телевидения. Если судить по этим условно-документальным полотнам, то в советской истории «окромя явлений счастья никаких явлений нет». Мой наставник редактировал эти сериалы, формировал их авторские коллективы. Если кто-то из сценаристов полагал, что кроме великих свершений имели место, скажем, незаконные репрессии, и настаивал на их отражении на экране, ему указывали на дверь.

— Давай на «ты», — сразу предложил мне наставник и после третьей рюмки доходчиво растолковал, что моя версия никому не нужна:

— Пусть Москву действительно спасли сибиряки. И что? В стране Советов никакая группа граждан не должна выделяться и торчать над толпой.

В подтверждение данного тезиса он по памяти цитировал правильные, идеологически выверенные закадровые тексты из фильма о Сталинградской битве:

— «Все республики послали к стенам Сталинграда своих сыновей». Обрати внимание, ключевые слова здесь «все республики».

— Как же, как же, — хмыкнул я. — Помню. Эта мультка даже зарифмована и положена на музыку. «Когда страна быть прикажет героем, у нас героем становится любой». Ключевое слово «любой».

Не заметить издёвку было невозможно, но наставник и не думал обижаться. Глянул на меня беспечальными глазами и рассмеялся. Неясно только над чем: над дурацко-молодецкими виршами? Или над моим упорством, с его точки зрения тоже дурацким?

Передо мной сидел индивидуум, определивший себя формулой «Я не человек. Я — функция».

...Мой первый фильм о воинах-сибиряках «Сибирь стояла под Москвой» вышел на экраны через шесть лет после того, как виртуоз редактуры убеждал меня в никчёмности моей затеи. Правда, эту картину удалось сделать не в жёстко регламентированной системе Гостелерадио, а в чуть более либеральном ведомстве — Госкино.

Полететь на премьеру в Москву я не смог, но из иркутского землячества позволили, что по крайней мере в одном кинотеатре (кажется, в «Ударнике») публика аплодировала стоя. На следующий год жюри Московского кинофестиваля присудило фильму второй приз — «Серебряного Пегаса».

Самое интересное, что с выходом фильма ко мне потекла информация о воинах-сибиряках. Без каких-либо усилий с моей стороны передо мной возникали ветхие орденские книжечки и ветхие же, оправленные в рамки, листки благодарностей Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина, а главное — живые люди, те самые, из легенды.

Их усаживали перед видеокамерой и расспрашивали, как они жили на войне. Из их рассказов и из военной хроники (советской и трофейной) сложился документальный сериал «Сибирские дивизии. Засекреченный подвиг». Легенда о воинах-сибиряках, словно дерево, выросла в историческую правду. В конечных титрах наших фильмов шли протокольные перечни сибирских частей, бившихся под Москвой и в Сталинграде. Ещё в этих картинах, наверное, впервые после войны прозвучали подлинные фронтовые песни. В них пелось: «От тайги, тайги дремучей, от Амура, от реки молчаливой грозной тучей в бой идут сибиряки». Или «Эх, Сибирь, Сибирь родная, за тебя мы постоим, волнам Рейна и Дуная твой поклон передадим».

После того, как «Засекреченный подвиг» вышел на телеэкраны, у меня на руках осталась масса интереснейших материалов, которые по разным причинам в

сериал не вошли. Более того, приток новой информации о войне ещё усилился. Незнакомые мне люди, посмотрев сериал, стремились поделиться со мной тем, что они слышали от своих родителей и родственников-фронтовиков.

Зачем на меня валится всё это? «Что мне делать с этими сведениями?» — спрашивал я себя, но удовлетворительного ответа не находилось. Впрочем, привычка ставить перед собой вопросы — занятие продуктивное. Настал момент, когда я понял, чего недостаёт в «Засекреченном подвиге». Из двух сторон смертельного противостояния (сибиряков и «эсэсов») я знал и понимал только одну — своих земляков. Как всякий мальчишка, рождённый в 45-м, я рос среди фронтовиков. У одного из моих школьных друзей отец был офицером Смерша, у другого — фронтовым хирургом. Мой школьный учитель физкультуры и военного дела был минёром. В моём дворе жили водитель пусковой установки гвардейского миномёта «катюша» и командир стрелкового взвода. Мой отец, два моих дяди, близкие знакомые нашей семьи — все участвовали во всенародной драме, известной нам как Великая Отечественная война.

От них я узнавал о войне то, чего никогда не решался сказать народу трусоватый и скудоумный советский официоз. Характеры моих земляков, составивших сибирские дивизии и армии, были мне знакомы по жизни. Но приходилось признать, что о характере их противников я знаю очень мало. Что это за люди были нацисты, если во всей Европе не нашлось армии, способной противостоять их военной мощи?

Достойные противники «сверхлюдям» Гитлера отыскивались только в России. Точнее, в той её части, что зовётся Сибирью. Осенью 41-го неисповедимыми путями «чёрная гвардия» фюрера и сибирские части Сталина нашли друг друга. И после Московской битвы до конца войны немецкий генштаб будет очень внимательно отслеживать все перемещения самых опасных для вермахта советских соединений — сибирских. Их появление на каком-либо участке советско-германского фронта неминуемо сулило немцам наступление русских, прорыв, катастрофу.

И я погрузился в историю лучших соединений вермахта, которые с 1939 по 1941 год приобрели репутацию непобедимых. Сперва проштудировал «Историю дивизии СС «Рейх», той самой, что прошла Польшу и Нидерланды и в 41-м схлестнулась под Москвой с сибирской дивизией Белобородова. Затем — историю самой партийной армии вермахта — 6-й, где каждый пятый был членом НСДАП и с которой, по характерному выражению Гитлера, «можно штурмовать небеса». (Именно 6-я армия положила к ногам Гитлера Париж, Харьков и обещала ему взять Сталинград. Но помешали сибиряки.) Затем пришлось вникнуть в историю уникального сообщества СС и изучать всё — от порядка отбора и воспитания членов СС и их жён до отчётов организованной Гиммлером секретной экспедиции в Тибет. И теперь я, наконец, могу рассказать своим читателям о том, какого грозного противника одолели наши отцы и деды.

Часть первая

Оборона Москвы

До Кремля — сорок километров

Октябрь 41-го. Не прошло и четырёх месяцев войны, а половина европейской части страны захвачена врагом. И пока ещё не нашлось силы, способной удержать вал германского нашествия.

Ударные соединения вермахта уже занимают исходные позиции для штурма русской столицы. Общий смысл сводок Совинформбюро: мы сдаём противнику один город за другим.

С запада к Москве по Волоколамскому шоссе бредут колонны отступающих войск и толпы беженцев. Генерал Рокоссовский¹ носится на машине по Подмосквовью, останавливает отступающих, наскоро сколачивает из них войсковые части и затыкает этими частями дыры в обороне. Независимо от принадлежности к какому-либо роду войск — танкисты без танков, лётчики без самолётов, артиллеристы без пушек — все отступающие становятся пехотинцами, спешно окапываются и ждут атаки противника. Сплошной линии обороны Москвы ещё нет...

Такова была обстановка на 28 октября, когда прибывшие из-под Хабаровска эшелоны 78-й стрелковой дивизии во главе с полковником Белобородовым стали под разгрузку на станции Истра в сорока километрах западнее Москвы. В это же время под Москву переброшена победоносная дивизия СС «Рейх». Но никто на войне не знает своей судьбы. И парни из СС в неведении, что какие-то сибирские мужики вдруг вырвут у них победу и отнимут жизнь.

Ещё до начала сражения за Москву Ставка Верховного Главнокомандования для подъёма боевого духа отступающих войск предприняла печально известный Ельнинский контрудар силами 24-й армии, которая выбила противника с плацдарма в Смоленской области, где вермахт накапливал силы для решительного броска на Москву.

Советская кинохроника 1941 года показала народу Ельнинскую операцию. Дикторский текст был следующий: «Ельня — первое наше контрнаступление, первый удар по фашистам. За счастье наших детей, за Родину дали свой первый залп гвардейские миномёты «катюша». Здесь наши солдаты впервые поняли и доказали, что непобедимую гитлеровскую армию можно бить, повернуть вспять. Под Ельней родилась советская гвардия».

Победные репортажи в сводках Совинформбюро гремели три дня. И резко сошли на нет, словно и не было никакого наступления. Причины знало только высшее советское руководство.

Дело в том, что начало Ельнинской операции действительно было успешным. Наша 24-я армия решительно атаковала противника и отбросила его на семьдесят километров на запад. Но немцы оправились от удара; их воздушная и наземная разведка выяснила, что у наступающих войск нет ни резервов, ни тяжёлой артиллерии — проще говоря, у 24-й армии нет тыла. Она была обречена на поражение. Немцы окружили её и рассекли танковыми ударами на части. Дальнейшие действия немецкого командования диктовались опытом первых недель войны с Советским Союзом.

Этот опыт показывал, что соединения Красной Армии, попав в окружение, утрачивают управление и взаимодействие между частями, после чего деморализованные толпы красноармейцев сдаются в плен.

¹Рокоссовский Константин Константинович (1896–1962) — выдающийся полководец Второй мировой войны, Маршал Советского Союза, трижды Герой Советского Союза, кавалер ордена Победы и десятков других советских и зарубежных наград. В ноябре - декабре 1941 года командовал 16-й армией Западного фронта, защищавшей самое опасное направление немецкого наступления на Москву — Волоколамское. Разработчик и организатор стратегических операций по разгрому гитлеровских армий: «Уран» под Сталинградом, битвы на Курской дуге и операции «Багратион» в Белоруссии. После Великой Отечественной — министр обороны Польши, затем заместитель министра обороны СССР. Был любим армией за смелость, справедливость и человеческое отношение к подчинённым. Благородство натуры Рокоссовского подчёркивает А.П. Белобородов в своих мемуарах. О Рокоссовском он пишет с необыкновенной теплотой и признательностью за уроки, полученные им от Константина Константиновича в первый год войны.

И под Ельней немецкое командование направило по периметру окружения 24-й армии цепи автоматчиков, чтобы те разоружили наших бойцов, построили их в колонны и отконвоировали в лагерь для военнопленных.

Но здесь, под Ельней, этот сценарий у немцев не прошёл. У них ещё не было опыта контактных боёв с сибиряками. А окружённая 24-я армия состояла именно из сибиряков. В июне 41-го её сформировали в Новосибирске, причём формировали не из новобранцев, а из обученных воинов запаса — резервистов. И когда цепи гитлеровцев с закатанными рукавами, паля от живота (для испуга), приблизились к позициям окружённых сибиряков, то нарвались на убийственно точный огонь, на дружные контратаки... Разделённые части сибиряков пробивались навстречу друг другу, прорывали, где могли, и внешнее кольцо противника... Попытка пленить окружённых сибиряков стоила немцам многочисленных потерь. Но, получив отпор, немцы усилили блокаду 24-й армии и стали методически расстреливать её из орудий, из тяжёлых миномётов и бомбить с воздуха. Только единичные группы вырвались из смертельного кольца и пробивались к своим. Большая же часть из 150 тысяч воинов-сибиряков так и полегла в смоленских лесах, оплатив своими жизнями кратковременный успех. Ставке в это время было не до выручки окруженцев. Передовые дозоры немцев уже разглядывали в бинокли Москву². Здесь уместно напомнить, что основным стрелковым оружием защитников Москвы в 41-м была винтовка конструкции Мосина образца 1891 года, слегка модернизированная в 1930-м. Во время Первой мировой войны это было отличное оружие: мощное, надёжное, пригодное для рукопашной. Но для Второй мировой войны практическая скорострельность — 10 выстрелов в минуту — уже была недостаточной. Винтовка морально устарела. А массового выпуска ППШ (пистолет-пулемёт Шпагина) наша оборонка развернуть ещё не успела. К началу битвы за Москву ППШ были вооружены не более семи процентов личного состава действующей армии. Правда, и основное оружие немецкой пехоты — винтовка «маузер» — имела сходные с трёхлинейкой тактико-технические данные. Но при этом военная промышленность Германии успела обеспечить до пятнадцати процентов своей пехоты надёжным пистолетом-пулемётом МП-40, который в нашей литературе ошибочно называли шмайсером. МП-40 давал немецкой пехоте большое преимущество в плотности огня. Темп стрельбы — 600 выстрелов в минуту — и всегдашний избыток патронов позволяли немцам в огневых контактах на дистанции до 200 метров прижимать наших пехотинцев к земле.

Представьте себе, что у вас мимо ушей вжикает целый рой пуль. Инстинкт самосохранения заставит вас распластаться; почему и говорилось так: немец головы поднять не даёт. А кроме качественного автомата МП-40 у немцев в каждом взводе имелся пулемёт МГ (позже эту модель эксперты признают лучшим пулемётом Второй мировой войны), и ещё в каждом батальоне — миномётная батарея.

При таком огневом превосходстве противника сибиряки предпочли воевать по ночам. Ночью к тому же ни «мессеры» не летают, ни танки не ползают. А пехота немецкая нервничает и палит наобум во тьму. Невидимые в темноте сибиряки совершали обходные маневры и внезапно для врага возникали там, где их никак не ждали. Судя по показаниям пленных гитлеровцев, их страшили ночные атаки сибиряков.

²Распространённая версия о том, что немцы якобы видели Кремль — это, скорее всего, выдумка. Ближе, чем на 35–40 километров к центру Москвы дозоры противника не проникали, а с такого расстояния они просто не могли увидеть Кремль. В поле зрения немецких дозорных попадали колокольни храмов на окраине столицы, которые они ошибочно принимали за башни Кремля.

Свой участок обороны дивизия Белобородова держала на Волоколамском шоссе, откуда танку час хода до Москвы, точнее до центра Москвы — до Кремля. Сталин лично контролировал волоколамское направление как наиболее тревожное.

...Зацепились наши за деревню Нефедьево. Она лежит по обе стороны Волоколамского шоссе. Вот свидетельство очевидца.

Писатель Евгений Воробьёв был в ту пору фронтовым корреспондентом:

— Я вспоминаю этот день в деревне Нефедьево, когда половина деревни была в наших руках, а вторая — занята фашистами. На околице стоял комдив-78, тогда ещё полковник Белобородов. И говорил (дословно): «Понимаете, браточки, ну куда нам отступать, нет такой земли, куда бы мы могли отступить, чтобы нам, сибирякам, не было стыдно смотреть в глаза людям».

Итак, днём наступающий противник выдавливает белобородовцев из половины деревни, за шоссе. Обидно, а что поделаешь. Днём против миномётов и пулемётов с трёхлинейкой не навоюешь. Не добежишь, если в атаку пойдёшь. А ночью без криков «ура», безмолвно приближаются наши бойцы на бросок гранаты — и в штыковую. Конечно, ночная штыковая — предприятие очень рискованное. Но тут пулемёты и миномёты ничего не решают, и шансы у всех равны.

Вот и в Нефедьево, когда темнота свела на нет огневое превосходство врага, сибиряки пошли по избам, занятым немцами, и перекололи фашистов штыками. К утру вся деревня была нашей... Для немцев наступала другая война. Их наконец-то начали бить.

Комдив 78-й получил приказ при отступлении взрывать за собой железную дорогу и все хозяйственные объекты, чтобы они не могли служить противнику.

— Оттеснили нас немцы к городу Дедовску, — рассказывал Афанасий Павлантьевич Белобородов. — Сапёрный батальон капитана Волкова заминировал корпуса текстильной фабрики. Волков меня спрашивает: взрывать? Гляжу — здания добротные, дореволюционной постройки, грех рушить... Опять же бойцов эти взрывы обескуражат: поймут, что и Дедовск мы готовы немцам отдать. А противник рядом, в деревне Рождествено — километра полтора-два. Распорядился так: наблюдательный пункт дивизии развернуть здесь. Если немец оборону прорвёт и захватит город, взрываемся вместе с фабрикой. Отстояли мы тогда Дедовск, фабрика и сейчас работает, да.

Многие наши земляки — защитники Москвы — так никогда и не увидели её. А что касается комдива-78, иркутянина Белобородова, то он через 18 лет после войны станет командующим войсками Московского военного округа.

Но до этого надо дожить. А пока 78-я столкнулась на истринском направлении с дивизией СС «Рейх». В гитлеровской армии роль гвардии выполняли отборные, прекрасно обученные дивизии СС. Одна из них — дивизия СС «Рейх» — с начала войны, как штык, пронзила Европу. Её солдаты побеждали в Польше, в Голландии и в Греции и в 41-м году пришли к пригородам русской столицы. Её численность составляла 21,5 тысячи человек. 78-я сибирская дивизия насчитывала 14,5 тысячи солдат и офицеров.

Четыре недели было отпущено Белобородову, чтобы научиться воевать. Экзаменовали его командующий 4-й танковой группой вермахта генерал-полковник Хёппнер и командир панцер-гренадёрской (моторизированной) дивизии СС «Рейх» группенфюрер³ Биттрих. Программу немцы предложили насыщенную. Бои шли непрерывно.

³Звание в иерархии СС. Соответствовало армейскому званию генерал-лейтенант.

Поначалу части СС, усиленные сотней танков, при поддержке бомбардировщиков пытались мощными фронтальными ударами сокрушить боевые порядки сибиряков и обратить их в бегство. Но сибиряки умели скоро, как кроты, закапываться в землю (если надо, взрывали мёрзлый грунт), умели сливаться с местностью и подолгу лежать недвижно, благо, одеты были в бараньи шубы и неуклюжие, но тёплые валяные сапоги. Их артиллеристы хладнокровно выбивают танки Хёппнера, а пулемётчики и стрелки с какой-то нечеловеческой точностью убивают наступающих пехотинцев. После первых рукопашных эсэсовцы Биттриха больше не горели желанием резаться с «сибирскими дикарями» (слова из письма немецкого солдата). Под Истрой им удалось ворваться на позицию противотанковой батареи русских. И что? «Чёртовы русские» артиллеристы стреляли по ним в упор из личного оружия до последнего патрона, потом похватили шанцевый инструмент — ломы, лопаты, кирки — и дрались, покуда их не свалили автоматными очередями.

За первые две недели боёв в атаках на участке 78-й стрелковой дивизии немцы потеряли убитыми и ранеными около двадцати тысяч солдат и офицеров, до семидесяти танков и бронетранспортёров, не считая автомобилей, орудий и другой техники. При этом результаты наступления были ничтожные. В удачные для себя дни противник продвигался вперёд на 3–4 километра. Сибиряки же, отойдя, закреплялись в заранее отрытых траншеях полного профиля и на выгодных оружейных и пулемётных позициях. Потери в полках Белобородова были на порядок меньше, чем у наступающих. Генералу Хёппнеру в своих письменных отчётах командованию группы армий «Центр» приходилось лукавить. Так, Ново-Иерусалимский монастырь Хёппнер именовал не монастырём, а крепостью⁴. Приходилось как-то оправдывать тяжёлые потери — свои и Биттриха. Ещё Хёппнер отмечал, что «у солдат дивизии СС «Рейх» появились личные счёты с 78-й дивизией русских». Во второй половине ноября у Хёппнера всё ещё оставалось достаточно сил, чтобы окружить зловредную 78-ю дивизию. Но разведка сибиряков вовремя заметила опасный манёвр противника, и дивизия успела выскочить из «мешка»...

Белобородов сильно досадовал, что пехота противника, посаженная на грузовики, бронетранспортёры и мотоциклы, обладает куда большей подвижностью, нежели его пешие полки. Преимущество немецких войск в количестве транспорта было абсолютным. Так, укомплектованная по штатному расписанию, дивизия СС «Рейх» имела 2,5 тысячи автомобилей всех видов плюс 1,3 тысячи мотоциклов.

А 78-я, как и любая стрелковая дивизия РККА по штатам 41–42 годов, располагала лишь 226 машинами и сотней мотоциклов. То есть колёс под немцами было в 11–12 раз больше. Кроме того, лошадей в пехотных соединениях вермахта было вдвое больше, чем в советских. По критериям германского генштаба дивизия со столь ничтожными (как у советской) транспортными средствами считалась годной лишь к караульной службе и не могла передвигаться самостоятельно.

Военные аналитики считают, что победы немцев в первые два года войны с Советским Союзом одерживалась почти исключительно из-за их превосходства в маневренности. Но, вопреки перевесу врага в числе колёс и копыт, «безлошадные» сибиряки ухитрялись не уступать немцам в подвижности. Тут надо вспом-

⁴Ново-Иерусалимский монастырь, построенный в XVII веке, мог бы служить крепостью разве что во времена пугачёвского бунта. Перед военными орудиями века двадцатого монастырские строения с их деревянными перекрытиями — не защита. Немецкие авиабомбы, артиллерийские снаряды и тяжёлые мины пронизывали старинные здания от кровли до подвалов. Освободив от немцев г. Истру, белобородовцы увидели, что на месте монастыря немцы оставили обугленные руины.

нить, что Сибирь с её просторами воспитывала людей лёгких на ногу. Недаром сибиряки вместо «сходить» чаще говорили «сбегать». При этом подразумевались переходы на десятки, а то и на сотни километров.

За беспечной формулировкой «сбегать» стояли вековые навыки сибиряков к преодолению пространств и своеобразное мироощущение, когда сто вёрст — не расстояние. Позже мы подробнее разберём вопрос, почему сибиряк обладал качествами, о которых нынешний экстремал может только мечтать.

...В штабе 16-й армии Западного фронта комдива Белобородова прозвали «генерал Бегом». Своим полковникам он внушал: «Единственный наш шанс — это воевать бегом». Полковники у Афанасия Павлантьевича были выше всех мер. И комбаты не хуже. Долгими зимними ночами они с бойцами «бегали» в глубокие рейды по немецким тылам.

Упорство и боевая злость сибиряков сбивали победный кураж с покорителей Европы. Русских, готовых героически умирать, не птясь, эсэсовцы уже встречали. То были бойцы московского ополчения... Но такого противника, как сибиряки, немцы ещё не видели. Всё поведение сибиряков говорило о том, что они пришли сюда не умереть, а победить. Это новое обстоятельство смущало немецкие умы. Дома, в Германии, им объяснили, что славяне — неполноценная нация, не способная противостоять «расе господ». В соответствии с этой установкой поляки смогли продержаться только месяц, а чехи и словаки вообще не сопротивлялись. Сдали в целости и сохранности свои оборонные предприятия и вскоре наладили выпуск танков, орудий и стрелкового оружия для вермахта. И вдруг в России «неполноценные» противостоят. Да ещё как!

Впрочем, додумать эту мысль до конца суждено было лишь немногим военнослужащим СС «Рейх», которых providение столкнуло под Москвой с сибиряками Белобородова.

Эффективной оказалась придуманная комдивом комбинация по взаимодействию разведки и артиллерии. Характерно, что Белобородов через всю свою жизнь пронёс признательность своим солдатам и офицерам 41-го года. Многих из них — и живых, и павших — он помнил по именам и считал самыми умелыми и отважными боевыми товарищами. По его отзывам, артдивизионы, приданные его дивизии, «были блеск». Их офицеры «не просто профессионалы — профессора». И дивизионные разведчики у него были не промах. Но этих из педагогических соображений он старался не захваливать, поскольку «они и без того хвастуны».

Комбинация состояла в следующем: разведка засекает формирование войсковых колонн противника и извещает о том пушкарей. Те в свою очередь устраивают скрытые засады на лесных дорогах, ведущих к Волоколамскому шоссе, — приоритетному для немцев направлению на Москву. Прогнозирование движений противника и координацию действий комдив возложил на оперативный отдел штаба дивизии.

24 ноября командиру артдивизиона Гарагану сообщили:

— В вашем направлении движется цель длиной в один километр!

Скоро майор Гараган увидел, как мимо позиций дивизиона проехали к Волоколамскому шоссе немецкие мотоциклисты — головной дозор; сама колонна ещё не показалась. Дождлся, пока дозор, не заметив замаскированных в лесу батарей, вернулся назад, к колонне. Велел снять маскировочные сети и выкатить орудия из лесной чащобы — на прямую наводку.

Серенький бесцветный денёк сыпал редкими снежинками. Майор водил би-

ноклем вдоль подползающей колонны: колёсно-гусеничные бронетранспортёры с пехотой и орудиями на буксире, штабной автофургон с антенной, легковушка «опель», грузовики с пехотой же, ещё «опель»... Методично распределил цель на батарейные участки, указал их командирам батарей, и те побежали к орудиям; майор, выпучив глаза, проревел: «Бе-е-глый огонь!» и зажал уши ладонями.

Через десять минут «цель длиною в один километр» догорала длинным смрадным пожарищем, снежинки таяли на раскалившихся орудийных стволах... Так перестал существовать сводный отряд из восьмисот эсэсовцев, направленный командованием дивизии «Рейх», чтобы оседлать «дорогу в Кремль» — Волоколамское шоссе.

Существенный разведпризнак: противник завшивел

В ночь с 1 на 2 декабря в штабе дивизии находился командующий Западным фронтом генерал армии Г.К. Жуков. Для уточнения оперативной обстановки он потребовал свежего «языка». И под утро начальник разведки доложил Белобородову:

— «Языка» доставили! Обер-ефрейтор, вон он красавец!

Комдив глянул и едва не ахнул: по воротнику шинели и по плечам «красавца» густо ползли вши, много вшей.

«Существенный разведпризнак», — отметил про себя комдив. «Языков» к нему на допрос таскали чуть не каждые сутки. И у комдива даже сложилась классификация. Каждый из них в момент пленения пережил шок: схвачен внезапно в расположении своей части. Мгновенно связан, во рту затычка — и уже волокут за линию фронта. Сами обстоятельства захвата довольно стандартны, но, оказавшись на допросе, «языки» вели себя по-разному. Один, отойдя от испуга, начинал безудержно болтать. Другой истерично грозился, требовал немедленно его расстрелять. Третий вообще каменел и не мог вымолвить ни слова...

Сегодняшний обер-ефрейтор, повязанный по-бабьи, накрест, платком, похоже, совершенно покорился судьбе и готов отвечать. Но самое интересное — это был первый завшивленный фриц. Следовательно, наши «пешки»⁵ результативно бомбили немецкие тылы и раскатали все их походные прачечные, душевые и дезинфекционные камеры. Вот фрицы и скисли, потеряли дух и опустились. «А соорудить на скорую руку баньку из подручных материалов да попарить личный состав, да прожарить обмундирование — это только мои таёжники умеют. Фрицы ничего этого не умеют», — такие мысли пронеслись в голове комдива. Вслух же он сказал — адъютанту:

— Занесите эту подробность в журнал боевых действий: противник завшивел, — и — сержанту, приведшему пленного: — Обмахни с него вшей-то веником. Неловко его в таком виде к командующему фронтом...

Кавалер двух орденов Славы качугский уроженец И.С. Бутаков (в 1941 году рядовой) так вспоминал бои под Москвой:

— Эсэсы к нам приступали, ничё не скажу, отважно. Полроты мы им скосили, а они прут. Да грамотно так, попеременно, эти строчат, а те перебегают. И мино-

⁵Так фронтовики называли пикирующие бомбардировщики конструкции Петлякова. В годы войны эти боевые машины выпускал Иркутский авиазавод.

мётчики ихние кладут точно, бывало, что и в аккурат в траншею. А как они на бросок гранаты подберутся, мы выскакиваем им встречу и врукопашку. Здоровенные они, эсэсы, ну да и мы не из больницы. Справлялись.

Сибиряки измотают эсэсовцев маневренными боями, истребят почти девяносто процентов личного состава дивизии «Рейх», затем внезапно перейдут от обороны к наступлению и погонят врага на запад. Люди из Сибири одолеют «сверхлюдей» из Германии.

Замечу, что тогда Советский Союз ещё сильно уступал Германии в военных ресурсах. И победа была возможна только как некое былинное чудо. Роль богатырей выпала сибирякам — поколению наших отцов и дедов.

Два свидетельства о переломном моменте московской битвы представляются важными. Одно принадлежит цитированному выше рядовому Иннокентию Буткову: «Два дня кряду немец долбил наши позиции всеми видами оружия. Головы не поднять. Лежим, злимся. На третий день приказ — вперёд! Как раз вовремя: рассердились мы сильно. Встали и пошли».

Другое свидетельство — маршала Константина Рокоссовского⁶.

Рокоссовский вспоминал: «Сибиряки шли на врага во весь рост. Это был красивый удар, он спас положение. Значительный вклад в решающие бои внесла дивизия Белобородова...»

В первых числах декабря 41-го жена Белобородова Зинаида Фёдоровна услышала сводку Совинформбюро: «В Народном комиссариате обороны. За особые заслуги в обороне Москвы преобразовать 78-ю стрелковую дивизию в гвардейскую. Присвоить её командиру Белобородову Афанасию Павлантьевичу воинское звание генерал-майор».

Неприятным сюрпризом для Гитлера стали не русские морозы, а сибирские дивизии

После разгрома немецких войск под Москвой газеты и радиопрограммы фашистской Германии на все лады причитали об ужасных русских морозах. По официальной версии, единственной причиной поражения была названа русская зима.

Выглядело это глуповато. Получалось, что климат России был до войны засекречен и, только придя в Подмоскovie, немцы впервые увидели снег. Однако никаких иных причин для объяснения катастрофы и провала плана молниеносной войны не нашлось. Людям из ближайшего окружения фюрера иногда казалось, что он сам уверовал в эту сказочку, спасительную для его самолюбия. В застольных разговорах Гитлер даже нафантазировал, что морозы достигали 50°C.

В действительности, по данным Гидромета, температура в Москве и в области в ноябре и начале декабря не опускалась ниже минус 25°C. Хотя, чтобы заморозить немецких солдат, не имевших зимнего обмундирования, и сковать параличом технику, не обеспеченную зимней смазкой и устройствами для подогрева моторных масел, вполне хватило и реальных 25°C. Правда, и эти, по нашим понятиям, небольшие холода наступили одновременно с началом советского контрнаступления в начале декабря. А ноябрь, когда немцы ещё продвигались к Москве, выдался сравнительно тёплым. Среднесуточные температуры тогда стояли 5–8°C ниже нуля.

⁶В 41-м он командовал 16-й армией, куда входила и дивизия Белобородова.

Вопреки осторожным возражениям генералитета Гитлер верил, что его армии возьмут Москву до наступления холодов и перезимуют в тепле. Воевать с «генералом морозом» он вообще не собирался. Поэтому и не ставил перед интендантскими и техническими службами вермахта задач по утеплению армии и подготовке машин к эксплуатации в зимних условиях.

Настоящим сюрпризом для Гитлера стал не вошедший в разговоры злой российский климат, а сибирские дивизии. Именно сибиряки не пустили немцев в тёплые московские квартиры и вынудили их близко познакомиться с «генералом морозом».

700 тысяч погибших и сдавшихся в плен солдат и офицеров, 1300 сожжённых танков и 2500 разбитых орудий оставили немцы в «белоснежных полях под Москвой». Более 15 тысяч брошенных автомобилей, бронетранспортёров и артиллерийских тягачей достались наступавшим советским войскам. Это было первое поражение фашистской Германии с 1939 года, когда Гитлер развязал Вторую мировую войну.

За свой стратегический просчёт Гитлер заставил расплатиться двух генерал-фельдмаршалов: главнокомандующего сухопутными войсками вермахта фон Браухича и командующего группой армий «Центр» Бока. Оба лишились должностей. Также были сняты с постов командующие трёх танковых армий, неудачно наступавших на Москву: генералы Гудериан, Штраус и Хёппнер.

Комдив-78 сорок лет спустя

Дважды Герой Советского Союза генерал армии Афанасий Павлантьевич Белобородов в последние годы своей жизни находился на почётной пенсионной должности генерального инспектора Вооружённых Сил. Он и в старости был человек живой, яркий.

Феноменальное свойство Белобородова — ни в каких обстоятельствах он не позволял себе растеряться: ни в отчаянные моменты войны, ни в присутствии сильных мира сего — никогда и ни перед кем! Само по себе неудивительно, что боевой генерал, заслуживший особые отличия — две Золотые Звезды Героя и рубиновую Маршальскую⁷ — обладает и особыми качествами. Мне посчастливилось видеть незаурядную личность в действии.

На восьмидесятом году Афанасий Павлантьевич впервые в жизни оказался на съёмочной площадке: студия имени Горького снимала художественный фильм про то, как в 41-м дивизия Белобородова обороняла Москву. Тут нужно пояснить, что непричастный к кинематографу человек, попав в студийный павильон, ощущает себя нечаянным посетителем психиатрической больницы: тот орёт в рупор, этот отбивает чечётку, а тот увлечённо говорит сам с собой. Какая-то телега катится по рельсам... Сумрачный мужик волочит кабель... Никто не обращает внимания ни на кого, каждый чудит сам по себе. Смысл происходящего новичок ухватить не может.

Белобородов цепко огляделся в этом киношном «бедламе» и, нимало не смущаясь, включился в процесс производства фильма. Режиссёр-постановщик прогонял перед ним сцену в блиндаже (актёры — в костюмах, в гриме) и допытывал: похоже или нет? Белобородов с великим вниманием всмотрелся, вслушался в актёров, кото-

⁷Знак «Маршальская звезда» вручался Маршалам Советского Союза, генералам армии, адмиралам флота и маршалам родов войск.

рые изображали его полковников и комбатов 41-го года, в «своего» актёра (исполнителя роли комдива Белобородова — Николая Цветкова) и выдал резюме:

— Время тогда шло быстрее.

Режиссёр посмотрел озадаченно, и Афанасий Павлантьевич пояснил:

— Мы тогда от жёсткой обороны без паузы перешли в контрнаступление. Ни часа передышки, даже перегруппироваться некогда было. Военной наукой такого не предусмотрено. Война заставила, Ставка приказала. Наступательный порыв немцев иссякал, выдохлись немцы. И бить по ним следовало немедленно, пока они резервы не подтянули.

— В сценарии так и написано, — вставил режиссёр.

Белобородов кивнул ему и завершил свою мысль:

— Задача чрезвычайная. Усилий и энергии от дивизии она требовала тоже — чрезвычайных. Об этом в сценарии написано? Нет. На такое дело пришлось ожесточиться сердцем. Сцену в блиндаже — познергичнее.

Случись при сём психолог — охарактеризовал бы он Афанасия Павлантьевича учёными словами: концентрация внимания, быстрота адаптации и т.п. Но психолога не было, а наблюдавший диалог режиссёра с «прообразом» главного героя документалист Леонид Гуревич только восхищённо выдохнул:

— Во даёт дед!

Белобородов в свои восемьдесят мимоходом дал урок интеллектуалам и творцам: «Составили вы, ребята, сценарий из одних команд, духа времени-то и нет. Хотите правдиво войну изобразить — живайтесь!»

Примите во внимание, что на понимание и оценку ситуации (совершенно для него новой) у «деда» было несколько минут.

В столице Белобородова любили и почитали. Народная молва обоснованно числила его спасителем Москвы. По собственному опыту знаю, что письмо на именном бланке А.П. Белобородова открывало двери в любые высокие кабинеты.

Жил он на Бронной, где его соседями по дому были секретари ЦК КПСС, члены Политбюро. И факт своего проживания рядом с высшей номенклатурой он комментировал простодушно:

— Знаете, Александр, из простых я тут один...

— Афанасий Павлантьевич, вы в детстве драчуном были?

— Неужели и сейчас заметно? — весело удивляется Белобородов; в глазах — озорство.

— Заметно, кто понимает.

— Знаете, Александр, нас у мамы семеро было, я — младший, да ещё ростом не вышел. Меня заскрёбшiem дразнили, я обязательно драться лез. Отучились дразниться-то...

Афанасий Павлантьевич не стыдился своего крестьянского происхождения и не кичился им. У него был талант быть самим собой.

«Черты лица могут быть некрасивы... но работа ума и души, внутреннее благородство особым образом организуют лицо и сообщают его чертам гармонию», — такую зависимость внешности человека от его внутренней сущности вывел из многолетних наблюдений гениальный физиономист Лафатер⁸. Она объясняет, мне кажется, и облик генерала Белобородова, во всяком случае, после сорока лет, когда «человек полностью отвечает за своё лицо».

⁸Лафатер Иоганн Гаспар — швейцарский духовный писатель XVIII века. Прославился как провидец, умевший по лицу человека определить его сущность и предсказать будущее. Свои наблюдения и классификацию лиц Лафатер изложил в 3-томном труде «Физиогномика». Он искренне полагал, что по «Физиогномике» каждый желающий может научиться «читать в лицах судьбу». Со временем Лафатер убедился, что его книга совершенно бесполезна для людей, не обладающих природным даром. «Физиогномика» стала библиографической редкостью.

По фотографиям Белобородова, снятым в разные периоды жизни, можно проследить, как это круглое, от рождения «деревенское» лицо со временем отскакивалось, «организовалось». Небольшие карие глаза прибавили выразительности. Обточились крылья носа. Переносье прорезала складка-дуга. Открытый смелый взгляд и волевой заряд во взгляде. И манера говорить — прямо, без тени двусмысленности. Такой облик и манера вызывают доверие у мужчин и притягивают внимание женщин.

А ещё Белобородов — это чутьё и чувство такта. Он никогда не переходил на «ты» даже с человеком, который по годам ему во внуки годился. Я замечал такую природную интеллигентность у выходцев из крепкой правильной деревенской семьи. Душевность, обстоятельность и обнадёживающая строгость...

Когда его внук Алексей, слушатель военной академии имени Фрунзе, взял в жёны женщину с ребёнком (мать-одиночку, как тогда говорили), Афанасий Павлантьевич на свадьбу ехать отказался. Консервативная православная мораль деревенской общины не жаловала женщину, родившую вне брака. Белобородов эту мораль впитал с детства и признавать невестку не пожелал. Впрочем, через год, узнав о рождении правнука, смягчился и повелел порученцу:

— Позвони Алексею. Пускай в воскресенье приезжает ко мне на обед. Со всей семьёй. И приёмыша пускай привезёт.

Журналистская работа знакомила меня со многими заслуженными военачальниками, и нередко они, говоря о себе, склонны были оперировать пафосными монументальными формулами: «я в 41-м защищал... я в 45-м освобождал». А вот Афанасий Павлантьевич, как дважды Герой Советского Союза, удостоился памятника ещё при своей жизни, но даже от этого не забронзовел.

Признавался, что бессонными ночами ему вспоминается не Витебск, где он стал Героем Советского Союза, не Кёнигсберг, где он получил вторую Золотую Звезду, а оборона Москвы:

— Конечно, воевать ещё толком не умел, и бывали ошибки.

Белобородов поимённо перебирал в памяти своих полковников, комбатов, командиров артдивизионов... Особо поминал лейтенанта-артиллерию и санинструктора батареи, тела которых, припорошенные снегом, увидел в начале контрнаступления под Истрой. Видно было, что они погибли, отбиваясь ломом от ворвавшихся на позицию эсэсовцев... Вспоминал разведчика-нанайца, который ночью прокладывал проход в минном поле и подорвался... Своих сапёров, что наводили переправу для дивизии через Истру в декабре, барахтаясь в ледяной воде, хлынувшей поверх льда сквозь взорванную немцами плотину водохранилища... Бравого старшину, который с тремя бойцами «взял на штык» в ночной темноте сельский клуб, где ночевали два десятка эсэсовцев... Живым благодарно припоминал их героизм и великую надёжность. И сам факт, что они остались живы, делал старого командарма счастливее. Командарм любил их — живых и павших. Перед павшими он винулся: «Не было бы тех моих ошибок...»

Похоронить себя Афанасий Павлантьевич завещал на 41-м километре Волоколамского шоссе, рядом со своими солдатами, погибшими в 41-м году. Памятник велел сделать скромным, чтобы не выделялся среди солдатских надгробий. Что в точности исполнено.

...Белобородов был народен (в старинном значении этого слова), то есть любим армией, народом за смелость и талант побеждать, за то, что вся жизнь его была на виду и являлась служением Отечеству. Точно так же народны Суворов и генералы его школы — Кутузов, Багратион, Милорадович...

Часть вторая

Сибиряки в величайшей битве всех времен

Средняя продолжительность жизни — четыре часа

С августа 1942 года мир напряжённо следил за ходом величайшей битвы в истории человечества — Сталинградской. Здесь решалась судьба мировой войны, судьбы воюющих и завоёванных Гитлером государств. Для русского народа эта битва решала вопрос: жить ему на свете или не жить. Именно сибирякам выпало принять главную тяжесть и муку Сталинградского побоища. Из наших земляков почти полностью состояли 62-я и 64-я армии, которые как раз и угодили в самое пекло и сражались там с первого и до последнего дня.

Сталинград (до революции Царицын) — большой промышленный город, протянувшийся почти на 50 километров по течению Волги. И сражение в этом большом городе кипело тысячами отдельных очагов. Тут дерутся за цех тракторного завода, тут за жилой дом, тут за кучу развалин... При этом так интенсивно работали все виды оружия, что в иные дни в Сталинграде царил сумрак: тучи дыма и пыли заслоняли солнце. А ночи озарялись пожарами и вспышками разрывов. Это был ад, длился он полгода, и каждое мгновение кого-то настигала смерть. В течение полугодия здесь почти никто не сдавался в плен, никто — ни наши, ни немцы — даже возможности не допускал уйти из Сталинграда. Здесь стояли только насмерть.

По штабной статистике в уличных боях и в атаках за Мамаев курган рядовой красноармеец жил и действовал на передовой в среднем четыре часа. Когда его убивали или ранили, его место занимал другой боец, и этому другому тоже было отмерено жизни четыре часа. И Сталин, и Гитлер запретили своим армиям отступать. Не каждый фронтовик сегодня помнит номер сталинского приказа — 227, но формулу этого тяжёлого приказа «Ни шагу назад!» военное поколение запомнило навсегда. Отступление без приказа, невзирая на обстоятельства, каралось расстрелом.

Почему, спрашивается, всё упёрлось в Сталинград? Очевидно, логические мотивы — обойти Москву с востока и отрезать европейскую часть СССР от Урала и Сибири — у Гитлера имелись. Очевидно, что у Сталина имелись причины, чтобы Гитлеру этого не позволить.

На этом очевидность и заканчивается. Успешное летнее наступление открыло перед Гитлером широкий стратегический выбор: идти на Волгу или штурмовать Кавказ и захватить нефтяные поля Каспия. Были и иные варианты, с точки зрения военных, беспроигрышные для третьего рейха. Но Гитлер был убеждён, что он справится с русскими армиями и на Кавказе, и на Волге. Гитлер не раз давал понять своему окружению, что его поступками руководит некая потусторонняя сила — грозная и мрачная. По христианским воззрениям, это была дурная, чёрная мистика.

Гитлер не скрывал, что слышит «голоса» и подчас материализовал их в стратегические решения. Так, вопреки аргументированной позиции германского генштаба — сконцентрировать силы и ресурсы на одном из стратегических направлений — фюрер решил наступать сразу и на Кавказе, и на Волге.

Причём на Сталинград он двинул свою лучшую армию — шестую — под командованием фон Паулюса. По характерному выражению фюрера, с такой армией можно было штурмовать небеса. Это были не просто слова. Именно шестая по-

ложила к его ногам Париж и Харьков. В ней сражались лучшие, испытанные солдаты фашистской Германии. Каждый пятый — нацист. Фюрер заклинал их взять Сталинград, и они обещали ему это сделать.

До тысячи бомбардировщиков ежедневно долбили город, выковыривая из руин его защитников. И Гитлер, и Сталин — каждый поставил здесь на карту свою политику, престиж, честь.

Унтер-офицер Вальтер сообщает своим родителям в Берлин: «Это — ад. Мы атакуем ежедневно. Если нам удаётся утром отбить 20 метров, вечером русские отбрасывают нас обратно».

Старшина Афанасий Ощерин через шестьдесят лет после битвы ничего не забыл: «Первый бой под Сталинградом я вспоминаю такой. Мы прибыли на шестьдесят вторую переправу. Поняли сразу, что бой будет необычный, сложный, страшный. Смотрим — Сталинград горит, Волга в огне, разбиты все баржи, катера, пароходы, горючка с них вытекла и горит. И вот нам по этому огню приказано было переправляться на правый берег, к Мамаеву кургану. Кратковременный митинг прошёл. На нём присутствовал Василий Иванович Чуйков. Он и похоронен теперь там, на кургане. Василий Иванович приказал нам взять курган Мамаев во что бы то ни стало... Трупов было столько! И немецкие солдаты, и румынские, и наши! И когда мы всё-таки взяли Мамаев курган, выполнили приказ, я посчитал: из батальона нашего семнадцать человек осталось».

«Немец этого не выдерживал»

Из инструкции подразделениям 62-й армии Чуйкова по штурму отдельных зданий: «Уже внутри здания противник может перейти в контратаку. Не бойся! Ты уже взял инициативу. Действуй злее гранатой, автоматом, ножом, лопатой!» Отличная инструкция!

По словам командарма 62-й Василия Ивановича Чуйкова, на деле это выглядело так: «Когда мои солдаты сходились с немцами лицо в лицо и молотили друг друга чем придётся, немец этого не выдерживал». И снова из воспоминаний старшины Ощерина: «Что такое рукопашная, мне запомнится на всю жизнь, до самой смерти. Тут надо хорошо фехтоваться, тут только насмерть бьют. Из этого боя некоторые наши солдаты приходили белыми — седыми. А иные даже мешались умом. Там, в Сталинграде, никакой передовой не было. В каждом здании, в подвале, в окопе — везде огневые точки. Нам дали приказ выявить эти огневые точки, где какие есть: где миномёт, где пулемёт. И чуть эта разведка нам не стоила жизни. Вместо одной лощины пошли по другой и оказались у немца в тылу. Видим, что мы в окружении и будем уничтожены. Я притворился убитым. Измазал лицо кровью из раны — ранен был. Лежу. И вот подходят ко мне двое. Один наступает мне на живот ногой, берёт меня за кобуру, отрывает. Ну, думаю, сейчас выстрел будет. Или мать меня в сорочке родила, или что... Но эти двое пошли от меня».

«Спросите любого сталинградца, и вам скажут: на сибиряках всё тут держалось...»

62-й армией в Сталинграде командовал генерал-лейтенант В.И. Чуйков. После войны, уже будучи Маршалом Советского Союза, Василий Иванович в своих вос-

поминаниях перечислил все войсковые части, соединения, которые особо отличились в уличных боях и на Мамаевом кургане. В частности, стрелковые дивизии Батюка, Сологуба, Гуртьева, бригаду морской пехоты Антонова, отдельный полк НКВД — десятки частей, всё пребывание которых в сталинградском пекле было подвигом. Они проявляли чудеса жизнеспособности. Пикировщики немецкие их бомбят, а они придвинулись вплотную к позициям противника, и командование немецкое вынуждено прекратить воздушную штурмовку, потому что их бомбы начинают падать на своих. Или вот сибиряки затрудняются выбить немцев из здания, просят артиллерийскую поддержку: дайте гаубицу, а то немец из пулемётов бьёт плотно, не подойти. Надо шарахнуть стодвадцатимиллиметровым. Артиллеристы в ответ: «Гаубица есть, доставить не можем, тягач разбило снарядам». А гаубица тяжёлая, тонны две. И тогда сибиряки разбирают орудие и ночью на себе частями перетаскивают на огневую позицию. Там собирают и вышибают немцев из здания. И пока они держат противника в постоянном напряжении, Ставка подтягивает резервы и замыкает кольцо вокруг Сталинградской группировки немцев.

Среди этих героических бригад и дивизий Чуйков называет сибирской только одну — 284-ю дивизию Батюка. Прочие — они вроде как не из сибиряков состоят. Но нам удалось установить, что почти все упомянутые маршалом дивизии всё-таки состояли из сибиряков. Ключ к этой закодированной информации дал нам ветеран Сталинградской битвы, ныне уже покойный Афанасий Иванович Ощерин (выше мною цитированный). Служил Ощерин в полку НКВД, влитом в состав армии Чуйкова, и ходил в рукопашную на Мамаев курган. От Афанасия Ивановича мы узнали, что этот полк был набран в 1940 году из жителей Иркутского сельского района, прошёл боевую выучку в Хабаровском крае и в 42-м брошен в Сталинград.

Стали уточнять у других наших ветеранов Сталинградской битвы: в каких именно частях они воевали и где эти части формировались. И постепенно открылся полный список частей, которые добывали победу в Сталинградской операции. Этот список очень велик. Он свидетельствует о том, что сибиряки составляли ядро нескольких сталинградских армий.

Рассказы людей, переживших сталинградское пекло, полны благодарности и преклонения перед воинами-сибиряками. Вот характерное свидетельство, одно из многих. Гамлет Даллакян в 1942 году — младший лейтенант батальона связи:

— На берег Дона нас вышло сорок пять человек, под моим началом. «Мессеры» налетели, сорок два человека погибли, осталось нас трое. Видим, что за Доном наши. Рассвело, и мы поплыли. И не столько плыли, сколько тонули. С нашей стороны заметили нас, поплыли навстречу. Здоровые такие ребята, сибиряки оказались. Я уже не мог держаться на воде, хватал воздух, и меня опять тянуло в глубину. Сознание терял. А когда очнулся — лежу на спине такого богатыря, он одной рукой меня держит, другой гребёт. Вытащил нас на берег всех троих живыми. Вы спросите у любого сталинградца, даже гражданского человека, все они скажут: на сибиряках тут всё держалось. Спасибо им...»

Вы спросите, зачем скрывался, затушёвывался подвиг наших земляков, зачем из маршальских мемуаров цензоры вычёркивали эту подробность? Таковы были требования идеологии. Вот характерный образец пропагандистского текста советского телевидения: «Вся страна послала к стенам Сталинграда многих и многих сыновей разных республик в ряды 62-й и 64-й армий». Пустовато. Но стандарт выдержан: все советские люди воевали одинаково хорошо, никто не должен был выделяться.

И снова главный козырь Верховного — сибирские дивизии

Теперь известно, что в Сталинградской операции участвовали тридцать три сибирских соединения, то есть дивизии и бригады. Это без учёта авиационных, мотоциклетных полков и отдельных батальонов, сформированных в Сибири.

Одиннадцать сибирских дивизий, бригад и сорок два полка за победу на Волге преобразованы в гвардейские. Сорок два полка — это в пересчёте на войсковые соединения соответствует тринадцати-четырёхнадцати дивизиям. Значит, из упомянутых тридцати трёх сибирских соединений (дивизий и бригад) как минимум двадцать четыре вошли в Советскую гвардию. Таким образом, именно сибирские дивизии во второй раз после спасения Москвы стали непобиваемым козырем Верховного Главнокомандующего.

Итак, фюрер не позволил своей любимой шестой армии заблаговременно убраться из Сталинградского котла. Это решение Гитлера по мотивации было так же спорно, как и предыдущее решение — летом 42-го наступать в двух стратегических направлениях одновременно. Шестая армия была обречена. И русский Бог, и русский мороз — всё здесь было враждебно германцам. И мёртвым им предстояло лежать в мёрзлой чужой земле. Сдающихся в плен Геббельс по радио пугал Сибирью. Но им уже было безразлично, где замерзать: здесь или в Сибири.

Из состава 6-й сухопутной и 4-й танковой немецких армий, а также из 8-й итальянской, 3-й и 4-й румынских армий, 4-го воздушного флота и 8-го авиакорпуса люфтваффе, участвовавших в Сталинградской операции, противник потерял полностью тридцать две дивизии и три бригады (свыше восьмисот тысяч солдат и офицеров), почти две тысячи танков и самоходных орудий, три тысячи боевых и транспортных самолётов, двенадцать тысяч орудий и миномётов, свыше семидесяти тысяч автомобилей всех видов. Особенно стойко сражалась 6-я армия фон Паулюса. Она сдалась, только потеряв до семидесяти процентов личного состава и полностью утратив боеспособность. Для того чтобы охватить взглядом протянувшуюся на сотни километров панораму сталинградского побоища, пришлось бы подняться в космос.

Миллионы авиабомб и оружейных снарядов перепахали, превратили в безжизненный лунный ландшафт территорию, равную Соединённому королевству Великобритании с Северной Ирландией. В масштабе Земли — это планетарная катастрофа. Такие катаклизмы изменяют картину мира и сознание человечества.

Французы, радуйтесь! В Сталинграде русские отомстили немцам за Париж!

Победа в Сталинграде переломила ход Второй мировой войны: наступлению немцев был положен конец, фронт покатился вспять, на запад. США и Англия теперь смотрели на нас другими глазами. Из агонизирующего, как им казалось, государства, которому и помогать-то нет смысла, СССР сделался их главным стратегическим союзником по антигитлеровской коалиции. Объёмы поставок по ленд-лизу, до того почти символические, возросли многократно. А союзники Герма-

нии — Япония и Турция — отныне и слышать не хотели призывов Гитлера поучаствовать в боевых действиях против СССР. Оккупированная Франция радовалась: «В Сталинграде русские отомстили немцам за Париж!» Тут имелось в виду, что именно 6-я армия вермахта, за два года до своего разгрома на Волге, сокрушила оборону Парижа, промаршировала по Елисейским полям и стала пользоваться Францией как служанкой.

Характерно, что в завершающей фазе сталинградской операции немцы претерпели от нашей армии всё то, что мы претерпели от них в начале войны: танковые рейды по тылам противника на глубину до двухсот километров с захватом железнодорожных узлов, аэродромов и уничтожением на них всего и вся.

Так, в декабре 1942 года танковый корпус генерала Баданова прорвался к стратегической базе снабжения армии фон Паулюса на станции Тацинской западнее Сталинграда. Танкисты уничтожили на земле (на взлётных полосах и на железнодорожных платформах) свыше трёхсот боевых и транспортных самолётов люфтваффе и около ста пятидесяти вагонов с военными грузами, включая пятьдесят цистерн горючего.

Четверо суток танкисты Баданова блокировали аэродром, отбивая атаки вдвое превосходящих сил немцев. К исходу 28 декабря у них оставалось только по 5–6 выстрелов на орудие. Горючее израсходовали полностью. Заместитель командира корпуса по технической части гвардии инженер-полковник Орлов составил коктейль из авиационного бензина, керосина и масел, на котором дизели «тридцатьчетвёрок» работали.

Истребив за время рейда 11 тысяч солдат противника и нанеся огромный материальный урон армии фон Паулюса, уцелевшие танки Баданова протаранили окружение и ушли к своим.

В Сталинграде совершилась метаморфоза: командиры различных рангов избавились от пугливой оглядки и паралича воли, навязанных им жестокими репрессиями комсостава предвоенных лет. Сталинград стал той решающей битвой, победить в которой они могли только «смертью смерть поправ». Как армия Петра I в войне со шведами мгновенно (в масштабе исторического времени) нарастила боевое мастерство и от поражения под Нарвой пришла к победе под Полтавой, так и Советская армия от поражений 41-го пришла к исторической победе в Сталинграде. При этом и в XVIII веке, и в XX нам противостояли лучшие армии Европы.

Разбирая действия Баданова, военные эксперты указывают на точное оперативное управление боем, эффективную разведку и управление огнём и, разумеется, на предприимчивость, проявленную при нехватке боеприпасов. Все захваченные у немцев противотанковые орудия танкисты по-хозяйски использовали при отражении танковых атак противника. Аналитики также отметили эффективную тактику маневрирования танками при налётах вражеской авиации.

После войны в Западной Германии были опубликованы воспоминания бывшего пилота люфтваффе Курта Штрайта «О тех, кто вырвался из преисподней». По его описанию, события в Тацинской выглядели так:

«Утро 24 декабря 1942 г. На востоке брезжит слабый рассвет, освещающий серый горизонт. В этот момент советские танки, ведя огонь, внезапно врываются в деревню и на аэродром. Самолёты сразу вспыхивают, как факелы. Всюду бушует пламя. Рвутся снаряды, взлетают в воздух боеприпасы. Мечутся грузовики, а между ними бегают отчаянно кричащие люди. Всё, что может бежать, двигаться, лететь, пытается разбежаться во все стороны.

Кто же даст приказ, куда направиться пилотам, пытающимся вырваться из этого ада? Стартовать в направлении Новочеркасска — вот всё, что успел приказать генерал.

Начинается безумие... Со всех сторон выезжают на стартовую площадку и стартуют самолёты. Всё это происходит под огнём и в свете пожаров. Небо простёрлось багровым колоколом над тысячами погибающих, лица которых выражают безумие. Вот один Ю-52, не успев подняться, врежется в танк, и оба взрываются со страшным грохотом в огромном облаке пламени.

Вот уже в воздухе сталкиваются «юнкерс» и «хейнкель» и разлетаются на мелкие куски вместе со своими пассажирами. Рёв танков и авиамоторов смешивается со взрывами, орудийным огнём и пулёмётными очередями в чудовищную симфонию. Всё это создаёт полную картину настоящей преисподней».

Сталинградская катастрофа потрясла Германию. Ни одно поражение рейха — ни разгром группировки Роммеля в Северной Африке, ни даже гибель танковых армий Гитлера на Курской дуге — не оставило таких шрамов на сердцах немцев.

Руины города на Волге и русская морозная степь вокруг стали одной сплошной могилой для полумиллиона лучших солдат вермахта и для трёхсот тысяч солдат Италии, Венгрии и Румынии. Ужасали обстоятельства их смерти. Гибли они не только от оружия, но от холода, голода, гнили заживо в смраде собственных нечистот. Сталинград заставил содрогаться и военное, и следующие поколения немцев, наводя их на мысль о собственной вине и неотвратимости возмездия.

«Снабжение питанием местных жителей является ненужной гуманностью. Никакие исторические и культурные ценности не имеют значения», — это из приказа по 6-й армии вермахта, хранящегося в музее-панораме «Сталинградская битва». Здесь же свидетельства жителей Сталинграда о том, как именно исполнялся этот приказ. «С нами в подвале пряталась молодая мать с грудным младенцем. Молоко у неё пропало. И от голодной смерти ребёнка спасал только мешочек манки, висевший у матери на шее. Немец увидел мешочек, подумал, что она там прячет драгоценности, и отнял. Увидев всего лишь горсть крупы, он с досады дал очередь из автомата, убив и женщину, и ребёнка».

Здесь сгорела армия Ленина — Троцкого и возродилась русская армия

«Никто и никогда не бился при Армагеддоне...» Но генеральная репетиция этой битвы, ожидаемой в конце времён, состоялась в Сталинграде.

В пекле на Волге окончательно сгинула Красная Армия Ленина и Троцкого. То, что не сгорело, переплавилось в Русскую армию. После Сталинграда наши военнослужащие получили новую (точнее, старую) форму: армии вернули дореволюционные знаки различия — погоны. Это был самый заметный (но не первый) шаг возврата к имперской военной атрибутике.

Ещё до войны для комсостава РККА были введены «царские» офицерские звания. В сентябре 1941 года был восстановлен институт гвардии. Сталин, как всегда, действовал постепенно и всегда точно выбирал момент.

Рабоче-Крестьянская Красная Армия (РККА) уникальна в истории тем, что создавалась не для защиты Отечества, а для подавления и уничтожения той части русского народа, которая по естественным причинам не приняла русофобской природы большевиков.

Антибольшевистские восстания казачества и крестьянства были подавлены с примерной жестокостью, по современным понятиям — геноцидом. Численность карательного контингента РККА только в малолюдной Сибири достигала четырёхсот тысяч штыков и сабель.

Назначенную ей братоубийственную роль Красная армия исполнила. И как мавр, сделавший своё дело, обречена была уйти в небытие. Гражданская война закончилась. И «красных героев» уже зачищали системно. В начале 20-х «при невыясненных обстоятельствах» были убиты самые одиозные командиры красных партизан, имевшие тёмное уголовное прошлое: Котовский, Каландаришвили, Щетинкин и др. В Сибири превентивно ликвидировали и партизанских вожakov помельче, чьи отряды бойко грабили в колчаковском тылу почты, кооперативы, а иногда и поезда на Транссибе. Этим чекисты отстреливали из опасения, что антиколчаковское движение может со временем повернуться против совдепов.

Бывшие пропагандисты-подпольщики, растлевавшие армию на фронтах Первой мировой, теперь гнили на нарах. В первые же дни Великой Отечественной их расстреляли. «Вступивший в сделку с лукавым да не сетует на обман».

Организатора Красной армии Льва Троцкого изгнали из СССР ещё в 1929 году. В последовавшее десятилетие репрессии перемололи уже девяносто процентов высшего комсостава РККА. В 1940 году палач добрался и до Троцкого. Остальное довершили 41-й год и Сталинград. Для многих соратников Сталина стало неприятной неожиданностью его решение о восстановлении патриаршества в Русской Православной Церкви. По сути, это был отказ от ленинского курса на богоборчество и уничтожение религии. Сталин вернул Церковь к участию в жизни страны. И партийным функционерам пришлось принять это как результат прагматических соображений Хозяина.

На оккупированной территории немцы инициировали возобновление деятельности приходских общин, закрытых до войны большевиками. Изголодавшийся по причастию народ валом повалил в храмы. Узнав об этом, Сталин не захотел уступать Гитлеру ресурс православного патриотизма. И повелел: пускай себе молятся и радеют о победе русского оружия. Вновь избранному патриарху Сергию он подарил «паккард». Что на самом деле думал при этом бывший семинарист Джугашвили, мы не узнаем никогда.

Тема «Сталин и мистика» циркулирует в виде многих версий и легенд. Есть среди них и такая, что ночами он якобы молился в Успенском соборе Кремля. Однако надёжных данных о религиозности Сталина нет. Стало быть, и нет смысла плодить домыслы на сей счёт.

Уверенно утверждать можно только одно: репутация СССР как атеистического государства Сталина больше не устраивала. С высокой степенью достоверности можно предположить, что у него имелись причины скрывать своё неприятие некоторых ленинских постулатов. В частности, в троцкистско-ленинскую химеру мировой революции Сталин не верил. Он верил в империю.

С его точки зрения, ленинский прогноз на братание всех народов в экстазе пролетарского интернационализма был иррационален. Но мумия Ленина ещё была «живее всех живых» и революционная химера владела умами миллионов коммунистов. Он с этим считался. И открыто опровергать догмы канонизированного вождя не рисковал.

Выморочные идеологические штампы оказались столь живучи, что даже страшные потрясения 41-го года не сразу отрезвили апологетов пролетарского интернационализма.

Так, бойцы дивизии Белобородова под Москвой с изумлением слушали приехавшего на фронт инструктора политуправления РККА относительно того, что «немецкие солдаты — это вчерашние немецкие рабочие и крестьяне. А значит — наши братья по классу. И наша задача — переагитировать их на нашу сторону». Здравомыслящие сибирские мужики на фантазёра из ГЛАВПУРа смотрели, как на деревенского дурачка — снисходительно.

Дурь о классовом родстве выбили из комиссарских голов сами «одноклассники». Массовые убийства мирных людей, включая женщин и детей, на оккупированных территориях, захват и отправка в Германию русских рабов, тотальное ограбление страны, в том числе и вывоз в рейх русских чернозёмов — всё это не оставило места для иллюзий даже у самых твердолобых интернационалистов-ленинцев.

Злая ирония истории выразилась в том, что политруки 41-го года вторили большевистским провокаторам года 17-го. Тогда большевики совместно с германским генштабом устраивали акции братания русских солдат с немецкими. Мотив классового родства эксплуатировался нещадно и вещественно подкреплялся угощениями с немецкой стороны: шнапсом, колбасой и сигарами. Грандиозные провокации и запредельно лживая пропаганда в армии и в тылу были оплачены немецким золотом и проведены большевиками при попустительстве Временного правительства Керенского. Так Ленин и кайзер Вильгельм (каждый в своих интересах) развалили русский фронт, когда победа России и её союзников уже была делом решённым.

Нет, политрукам 41-го⁹ не привиделось бы и в страшном сне призывать солдат к массовому дезертирству (что успешно проделали большевики в 17-м). Но схожесть мотивов о пролетарском братстве очевидна. Только в 17-м это были предательство и провокация, а в 41-м — глупость и театр абсурда. Комиссарская дурь в начале войны нередко проявлялась и в маниакальной подозрительности к своим же бойцам и командирам. Здесь тон задавал главный комиссар РККА, начальник Политуправления и заместитель наркома обороны Лев Мехлис, которого некоторые современники считали безумным¹⁰.

Под статью Мехлису действовали и его подчинённые. Бдительность в их исполнении больше походила на паранойю. Так, в 41-м будущую легенду Сталинграда, офицера без страха и упрёка Николая Батюка едва не расстреляли за... трусость. Тогда в боях на Украине полк Батюка отбил у немцев переправу через Северский Донец и продолжал удерживать её даже тогда, когда соседние полки под напором немцев отступили. Из чего дивизионный комиссар сделал вывод, что Батюк

⁹По счастью, далеко не все политруки РККА подвинулись рассудком на почве интернационализма. Эта навязчивая идея поразила в основном работников центрального аппарата ГЛАВПУРа. Командиры многих сибирских частей и соединений характеризовали своих комиссаров как достойных офицеров, являвших собой пример для подчинённых. В частности, очень ценил комиссара своей дивизии Бронникова генерал Белобородов.

¹⁰ Константин Симонов в своих воспоминаниях о войне цитирует характерное свидетельство о «диком произволе» невежественного, но бешено энергичного Мехлиса в Крыму: «Запретил рыть окопы, чтобы не подрывать наступательного духа солдат. Выдвинул тяжёлую артиллерию и штабы армий на самую передовую... Три армии стояло на фронте 16 километров, дивизия (10–12 тысяч человек. — А.Г.) занимала по фронту 600–700 метров. Нигде и никогда я не видел такой насыщенности войсками. И всё это смешалось в кровавую кашу, было сброшено в море, погибло только потому, что фронтом командовал безумец...» Сталин был наслышан от военачальников о грубом и деструктивном вмешательстве Мехлиса в дела командования, но терпел его за собачью преданность. Однако когда Мехлис в 42-м дезорганизовал действия Черноморского флота и армии, из-за чего немцы захватили Крым, Сталин сместил Мехлиса с поста замнаркома обороны и понизил в звании.

замышлял... сдаться в плен. Героического полковника живо приговорили, и вскоре он без сапог и без портупеи уже стоял перед расстрельной командой. Но его солдаты, прослышав, что «Батю сейчас шлёпнут», примчались к месту казни и освободили своего комполка.

В конце 41-го Батюка назначают командиром сформированной в Томске 284-й сибирской стрелковой дивизии. А через семь месяцев обстановка вокруг Сталинграда уже была столь критичной, что для её исправления Сталин самолично отбирал сформированные в Сибири войсковые соединения, и в разговорах по ВЧ¹¹ обстоятельно расспрашивал их командиров о качестве и состоянии личного состава.

Лаконичные, но исчерпывающие ответы Батюка (дивизия укомплектована по штатному расписанию, обучена, большинство командиров имеет фронтовой опыт), видимо, устроили Верховного, поскольку он распорядился немедленно грузить дивизию в эшелоны.

В Сталинград дивизия Батюка прибыла 21 сентября, когда армия фон Паулюса уже завладела почти всей территорией города и Мамаевым курганом. Мало того, противник захватил ещё и пристань армейской переправы и тем самым прервал водное сообщение 62-й армии с «большой землёй». Подвезти продукты и боеприпасы, эвакуировать раненых стало невозможно.

Чуйков приказывает Батюку восстановить разорванную немцами в трёх местах оборону 62-й армии и выбить немцев с Мамаева кургана. А для начала сибирякам предстояло атаковать немцев прямо с воды, с Волги-матушки, чтобы очистить от них причалы и восстановить сообщение между правым и левым берегом.

Строго говоря, при абсолютном господстве немцев в воздухе и тройном превосходстве в танках, поставленная Чуйковым задача была невыполнима. Но Батюк и его сибиряки приняли её невозмутимо, как должное. Морским пехотинцам, пришедшим в дивизию в качестве пополнения, Батюк приказал навязать немцам, обороняющим пристань и участок берега, рукопашный бой.

Тихоокеанцы распахнули на груди гимнастёрки так, чтобы стали видны тельняшки, сменили каски на бескозырки, высадились с десантных барж в воду и показали немцам, какое это неблагодарное дело — драться с морпехами.

За три дня боёв сибиряки выполнили невыполнимый (для других) приказ командарма Чуйкова. Самой большой крови им стоил Мамаев курган. Потери дивизии с 21 по 24 сентября составили 1587 человек. Свой наблюдательный пункт командир Николай Батюк перенёс на вершину кургана. Трудно было взять высоту 102, вошедшую в историю как Мамаев курган. Но не легче было удержать её в руках.

Курган был единственной возвышенностью над обширной степной равниной, где раскинулись Сталинград и его пригороды. Для наблюдателя, поднявшегося на курган, и город, и Волга, и Заволжье раскрывались как на ладони. В мирное время — прекрасная смотровая площадка. В войну — единственный пункт управления огнём артиллерии всех видов. В зависимости от того, чьи корректировщики — наши или немецкие — в данный момент находились на высоте 102, тот и контролировал и город, и подходы к нему, и переправы через Волгу. Поэтому за обладание курганом дрались без пощады, не считаясь ни с какими потерями.

О том, насколько крепка была оборона Мамаева кургана, свидетельствуют воспоминания немецкого офицера Г. Вельца: «...На русские оборонительные позиции обрушивается залп за залпом. Взлетают слепящие гирлянды снарядов. Там

¹¹Правительственная и военная телефонная связь в СССР. Технология ВЧ обеспечивала режим секретности телефонных переговоров за счёт различных систем кодирования сигнала

уже не должно быть ничего живого... И вдруг в воронках и на огневых точках появляется русская пехота, которую мы уже считали уничтоженной. Глазам своим не верю. Как, неужели после ураганного огня там ещё жива оборона? Каждое мгновение мы видим, как валятся наземь наши наступающие солдаты, остальные несутся назад. Что за наваждение, уж не приснился ли мне этот бой?.. Заколдованное место!»

А вот ещё одно свидетельство, на этот раз адъютанта Паулюса полковника В. Адама. Беседуя в полевом госпитале с раненым в Сталинграде унтер-офицером, он услышал от него такое признание: «В сущности, здесь нет настоящих позиций. Русские дерутся за каждую развалину, за каждый камень. Нас всюду подстерегает смерть. Здесь ничего нельзя добиться бешеной атакой, напролом, скорее, сложишь голову. Мы должны научиться вести штыковой бой... До сих пор мы посмеивались над русскими, но теперь это в прошлом. В Сталинграде многие из нас разучились смеяться».

Итак, Сталинград задвинул в сторону лукавые мифы и вернул России её традиционные ценности, в первую очередь, историческую духовную опору — Православную Церковь. Спрашиваю себя: а пришёл бы Сталин к решению о церкви в иных обстоятельствах? Не факт. Но небывалое напряжение и смертельная опасность 1941–1942 годов привели его к некоему внутреннему сдвигу. А великая победа на Волге сделала его триумфатором, который мог позволить себе если и не всё, то многое.

Характерная подробность. Гитлер, будучи яростным богоборцем — сатанистом, до времени скрывал своё отношение к религии, поскольку большая часть немцев позиционировала себя христианами. Он даже стерпел публичное осуждение католическими епископами его акций «расовой гигиены» — убийств душевнобольных и детей с врождёнными уродствами. Но в своём близком окружении фюрер не скрывал, что будущая Германия будет «свободной от попов». И гордился тем, что ни один из лучших представителей нации, то есть членов СС, в церковь не ходит.

Таким образом, Гитлер и Сталин в отношении религии двигались на контркурсах. Один исподволь готовил её изъятие из жизни народа, другой, напротив, стал осаживать воинствующих безбожников, а потом и вовсе решил, что Советский Союз больше не будет атеистическим государством.

Полная версия книги «Сибирские дивизии. Засекреченный подвиг» на Персональном сайте иркутского журналиста, киносценариста Александра Ивановича Голованова: <https://www.alexgolovanov.com/>

Подвиг генерала Маргелова

В.Ф. Маргелов

Весна 1945 года была бурной и вселяла в сердца надежду на скорую победу. Однако каждый шаг на пути к ней по-прежнему давался невероятным напряжением сил, солдатским потом и кровью. 49-ю гвардейскую Херсонскую дивизию командарм поставил на стык границы Венгрии и Австрии. Ставка, назвав наступательную операцию 2-го и 3-го Украинских фронтов «Венской», отчетливо сознавала,

сколь тяжким будет взятие столицы Австрии. Ведь немцы в течение десяти месяцев непрерывно вели оборонительные работы, привлекая к ним тысячи военнопленных. В результате советские дивизии имели перед собой целых три оборонительных полосы, напшигованные железобетонными оборонительными сооружениями, опоясанные несколькими рядами колючей проволоки. Вену обороняли восемь танковых, одна пехотная дивизия и до пятнадцати отдельных батальонов пехоты и батальонов фольксштурма. Но, имея уже за плечами богатый опыт прорыва укрепленных полос, В.Ф. Маргелов создал ударный кулак в составе 144-го гвардейского стрелкового полка, которым командовал подполковник А.Г. Лубченков, и дивизиона штурмовых орудий Дунайской речной флотилии. Им противостояли части дивизии СС «Мертвая голова». Но и на берегах Дуная встреча с маргеловцами оказалась не в пользу эсэсовцев. Комдив на сей раз на передовую не лез, хотя желание быть в рядах атакующих так и подмывало его. И не потому он не отходил со своего КП, что существовал строгий приказ командарма, а потому, что прочно был уверен в подчиненных.

Преодолев, казалось бы, неприступную оборону немцев, дивизия, совершив маневр, с боем заняла город Вольфсталь и вместе с другими соединениями 46-й армии образовала северный пояс окружения Вены. Здесь, на подступах к австрийской столице, произошло знакомство В.Ф. Маргелова с десантниками. Соединения 39-го гвардейского стрелкового, который прежде именовался гвардейским воздушно-десантным, 7 апреля 1945 года вышли на окраину Вены, а 13 апреля положили конец сопротивлению фашистов. В приказе Верховного Главнокомандующего дивизиям, принимавшим участие в штурме столицы Австрии, было присвоено наименование «Венских», а фамилия командира генерал-лейтенанта М.Ф. Тихонова звучала рядом с фамилией В.Ф. Маргелова, которому также была объявлена очередная сталинская благодарность.

Но, пожалуй, наивысшей благодарностью для В.Ф. Маргелова были слезы радости и улыбки на изможденных лицах советских людей, освобожденных его воинами из фашистской неволи. Быстрота, с которой продвигались маргеловцы вглубь Австрии, не позволила фашистским извергам привести в действие план поголовного уничтожения невольников. Не мог предположить тогда отважный

комдив, что слова «военнопленный» и «заключенный концлагеря», словно клеймо предателя и пособника фашистов, на долгие годы укрепятся за этими людьми, которые обрели долгожданную свободу в апреле 1945 года.

«Невелика Европа», — рассуждал В.Ф. Маргелов, когда его дивизию командарм опять круто развернул и направил в Чехословакию с задачей не допустить прорыва фашистов, готовых сложить оружие перед американцами. В ночь с 8 на 9 мая 1945 года, когда в Берлине шло подписание Акта о безоговорочной капитуляции гитлеровской Германии, советские войска штурмовали Прагу, добивали остатки немецких гарнизонов. И тут выяснилось, что немцы особого желания сложить оружие перед победителями не испытывали.

10 мая в три часа дня Маргелову поступил доклад, что на окраине города Грейна, незадолго до этого освобожденного 49-й дивизией, появилась колонна американских танков. Возглавляла ее боевая машина командира 11-й дивизии генерала Деггера. Рукопожатия и объятия союзников были искренними. Искренними были и слова, произносимые на совместных застольях. Победа была общей, заслуженной. Генерал Деггер имел полномочия американского командования передать символическое знамя США советскому военачальнику, соединение которого первым выйдет на рубеж встречи союзных войск. Таким военачальником оказался комдив 49-й гвардейской Херсонской генерал-майор В.Ф. Маргелов. Но и это был не предел расположения американцев к истинным победителям, и на гимнастерке советского генерала рядом со Звездой Героя засиял орден «Легион Почета» и медаль «Бронзовая Звезда». Увы, наше командование явно оплошало: Маргелов чувствовал неловкость положения (ведь он был только комдивом) и на такой дружеский жест мог ответить только хлебосольством. Ну, а оно у Василия Филипповича жило в крови.

12 мая как гром среди ясного неба прозвучал приказ «Оседлать горные дороги, ведущие из Чехословакии в Австрию, и не допустить прорыв немецких дивизий танкового корпуса СС «Мертвая голова», «Великая Германия» и 1-й полицейской дивизии в зону ответственности американцев». Отпетым головорезам, оставившим кровавый след на территории СССР, терять, по сути, было нечего. Расплата за злодеяния была неминуема, неизбежны были и новые жертвы. Целых три дня стояла непривычная для солдатского слуха тишина. Три дня с уст воевавших не сходило долгожданное слово «мир». И надо же, вновь в бой. Да еще в какой! С матерым врагом, с которым маргеловцам приходилось сражаться уже не раз. И Маргелов решился на отчаянный шаг. В логово фашистов он отправился в сопровождении начальника штаба полковника В.Ф. Шубина, начальника связи подполковника Д. М. Котляревского, отменно владевшего немецким языком, и нескольких офицеров. Прикрывали «операцию» рота старшего лейтенанта В.Я. Хомченко и батарея артполка старшего лейтенанта Е.П. Криницина.

— Установишь орудия на прямую наводку, — обратился к комбату Маргелов, — и если я через десять минут из штаба фашистов не выйду, дашь залп.

Маргелов оказался в ситуации, отдаленно напоминавшей ту, в которой он без боя разоружил целый полк польской пехоты. Здесь же случай был иной. К слову, за бескровную сдачу немцев в плен Маргелову была обещана вторая Звезда Героя. Но разве о ней думал в те минуты комдив, когда в одиночку пошел на переговоры! Упрутся немцы, и что тогда? Необычайно собран и грозен был Маргелов, предъявив немцам ультиматум: либо они сдаются и им сохраняют жизнь, либо полное уничтожение с использованием всех огневых средств дивизии. И немцы

дрогнули. Непривычно на лицах закоренелых вояк было видеть растерянность. Но угроза неминуемой смерти сработала. Ультиматум был таким: «К 4.00 утра — фронт на восток. Легкое вооружение: автоматы, пулеметы, винтовки — в штабеля, боеприпасы — рядом. Вторая линия — боевая техника, орудия и минометы — жерлами вниз. Солдаты и офицеры — строем на запад».

Минуты, прошедшие со времени предъявления ультиматума, показались Маргелову целой вечностью. Неменьшее напряжение испытывали и его гвардейцы. Но прибывший парламентар рассеял сомнения. Картина капитуляции эсэсовцев действительно была впечатляющей. Уже позже, когда был произведен точный подсчет пленных и трофеев, оказалось, что цифры их таковы: генералов — 2, офицеров — 806, солдат и унтер-офицеров — 31 258, танков и САУ — 77, автомашин грузовых — 5874, легковых — 493, минометов — 46, пушек — 120, паровозов — 16, вагонов — 397.хлопот с пленными выпало немало: их надо было накормить и напоить, сдать в комендатуру, наладить охрану. Да и за нашими бойцами приходилось присматривать, чтобы удержать от жестокости. Грешным делом, Маргелова и самого иногда подмывало достать свой безотказный маузер... И многие части возвращались на Родину пешим порядком. Не стала исключением и 49-я гвардейская Херсонская Краснознаменная, ордена Суворова стрелковая дивизия. 17 июня торжественным маршем прошла дивизия по улицам Братиславы, затем приняла участие в параде советских войск в венгерском городе Дебрецен.

За этот военный подвиг на параде Победы Маргелову доверили командовать сводным полком 2-го Украинского фронта.

Глава из книги «Генерал армии Василий Маргелов».
ЛитМир — Электронная Библиотека

Иркутская хроника военных лет

Составитель В. Ходий

1941 год

21 июня. Сотни заявлений поступили в Иркутский городской военный комиссариат от молодежи, желающей поступить учиться в военные училища. Заявки пришли из Томского артиллерийского, Ленинградских училищ связи, инженерного, медицинского и других.

22 июня. Детский оборонный лагерь открывается на берегу Ангары. Из 120 ребят одна половина объединена в стрелковую роту, другая — юные моряки. В лагерь ожидается прибытие учебного корабля. Пройдут военные игры — морской бой, оборона берега, штурм лагеря.

— Сегодня в связи с разбойничьим нападением фашистской Германии на Советский Союз обком ВКП (б) обязал все горкомы и райкомы партии обеспечить разъяснение рабочим, служащим, колхозникам обращения Советского правительства, принять меры к повышению революционной бдительности, решительно пресекать всякие враждебные вылазки, организовать четкую работу партийно-советского аппарата, трудящихся на борьбу за успешное выполнение задач, поставленных XVIII партконференцией, и государственных заданий, обеспечить организованную торговлю, пресекать панику, вести борьбу с расхищением товаров-продуктов и так далее.

23 июня. «Все как один встанем на защиту Родины!» — под таким лозунгом проходили вчера митинги на предприятиях и в колхозах области после выступления по радио председателя Совета Народных Комиссаров СССР В.М. Молотова в связи с разбойным нападением фашистской Германии на Советский Союз. «Мы горячо одобряем ответные действия нашего правительства. Работая на трудовом фронте, мы обязуемся повышать производительность труда, увеличить выпуск продукции, которая так необходима для укрепления обороны», — заявили рабочие вечерней смены сталелитейного цеха завода имени Куйбышева. А еще короче сказал каталь тов. Сороковой: «Мы дадим стране столько металла, сколько его необходимо для разгрома врага».

24 июня. По данным Иркутского горкома ВКП (б), за последние три дня обывательская часть населения, а кое-где и враждебно настроенные лица стараются создать панику. Анализ реализации продуктов питания и предметов первой необходимости магазинами города показывает, что с момента трансляции речи тов. Молотова по радио в магазинах стали создаваться очереди и раскупаться такие продукты, как хлеб, соль, спички, пряники, сушка, крупа, мука. Причем количественное сравнение показывает, что в эти дни продуктов реализуется в 5-10 раз больше, чем было до 22 июня.

25 июня. На Бирюсинских слюдяных рудниках в Саянских горах с большим подъемом прошли собрания. В ответ на гнусное нападение германских агрессоров коллективы обязались удвоить темпы добычи слюды. Тут же на собраниях поступило 19 заявлений с просьбой о зачислении в Красную Армию.

27 июня. Военная комиссия отделения Союза советских писателей созывает сегодня общегородское совещание писателей, начинающих авторов и литкружковцев. В повестке дня — доклад председателя комиссии И. Молчанова-Сибирского «Задачи литературы в условиях Великой Отечественной войны».

28 июня. 26 выпускниц Иркутской фельдшерско-акушерской школы, досрочно сдав экзамены, подали заявление в горвоенкомат с просьбой послать их в действующую армию. «В случае если наша просьба не будет удовлетворена, разедемся по местам своего назначения и там будем организовывать оборонные кружки. Полученные в школе знания по санитарно-медицинскому делу передадим другим гражданам», — говорится в заявлении.

— Лагерь Осоавиахима развернут в окрестностях Иркутска. Снайперскому делу здесь обучаются рабочие и служащие телеграфа, аэропорта, хлебозавода, предприятий речного флота, студенты и школьники старших классов. Они овладевают боевым оружием, усваивают воинскую дисциплину, закаляют тело физическими упражнениями.

5 июля. «Мы готовы защищать нашу Родину, — сказал, прослушав выступление по радио председателя Государственного Комитета Обороны И. Сталина, механик парохода «ХХ МЮД» Ангарского пароходства Кузнецов. — Если страна призовет нас в действующую армию, наше судно будет работать так же, как работает сейчас. Мы уже начали готовить себе смену». Его дополнил масленщик Панасюк: «У меня брат на фронте дерется с фашистами. И я тоже готов взяться за оружие. А здесь, на судне, меня заменит жена, я уже обучил её своей профессии».

11 июля. В Черемхово задержан и предается суду житель города, который с момента разбойничьего нападения на нашу страну немецких захватчиков начал создавать у себя дома большие запасы продовольственных и промышленных товаров. При обыске у него обнаружено 314 метров разной мануфактуры, 132 куса хозяйственного мыла, 56 килограммов сахара, 64 пары трикотажных чулок и другие предметы. Все это он скупил по государственным ценам.

16 июля. Тренировочное учение по противовоздушной обороне проводится сегодня в Иркутске. В нем будут задействованы не только предприятия и учреждения, но и население города и пригородной зоны. Учение продлится в течение суток.

19 июля. Получена телеграмма от Героя Советского Союза за бои на Халхин-Голе, бывшего председателя одного из колхозов Тайшетского района, а теперь старшего лейтенанта И.Мясникова с призывом крепить трудовой фронт борьбы с германскими фашистами.

22 июля. 450 первых 50-миллиметровых минометов изготовил и отправил в Красную Армию завод имени Куйбышева. Также завод ремонтирует 122-миллиметровые гаубицы, 45-миллиметровые пушки танков, 7,62-миллиметровые пулеметы «Максим» и другие.

— Сборник песен, маршей и стихотворений «За Родину, за честь, за свободу», посвященный Великой Отечественной войне, выпущен областным книжным издательством. В нем участвуют поэты и писатели А. Ольхон, И. Молчанов-Сибирский, М. Тимофеев-Терешкин, К. Седых, М. Рыбаков, А. Гайдай, Е. Жилкина, П. Маляревский. Художественное оформление Н. Шабалина.

24 июля. Приказом начальника местной противовоздушной обороны на территории Иркутска и пригородной зоны введено угрожаемое положение. Всем начальникам объектов и гражданам надлежит обеспечить строгую светомаскировку объектов и жилищ, на всех них установить круглосуточное дежурство. Нарушители светомаскировки будут привлекаться к уголовной ответственности.

25 июля. За злостное неисполнение требований о светомаскировке арестованы и предаются суду двое жителей Иркутска. Несмотря на предупреждения работников милиции, они зажигали свет и не тушили его в своих квартирах, демаскируя город, сообщили в областной прокуратуре.

3 августа. Начат сбор денежных средств в Фонд обороны страны — в основном путём отчисления части заработка. Так, работники областного управления трудовых резервов решили отчислять ежемесячно до окончания войны свой двухдневный заработок.

5 августа. Вчера в областное отделение Госбанка обратился гражданин С.Рябинин с просьбой принять от него вклад. «Детей у нас нет, — заявил он, — и мы с женой решили сдать в Фонд обороны страны свои обручальные кольца».

9 августа. Для более надежной защиты Кругобайкальского участка железной дороги от нападения с воздуха и возможности маневра подвижными средствами из состава имеющегося на озере грузового флота выделятся суда, на которых установят соответствующее вооружение и передадут их в распоряжение Байкальского боевого участка Забайкальского военного округа.

24 августа. Два миллиона 179 тысяч рублей вложили трудящиеся области на 21 августа в Фонд обороны страны. Жители Иркутска внесли 642 тысячи рублей, Черемхово — 251 тысячу и так далее. Эти цифры составляют отчисления рабочих и служащих из своей зарплаты, различные вещи из благородных металлов и драгоценных камней, взносы из сбережений. Так, артистка Е. Каренина сказала: «Я отдаю своё обручальное кольцо на святое дело обороны Отчизны... Хочу, чтобы и моё кольцо сверкало в снарядах, впаялось в клинки, штурмовые срезало отряды, фашистские рушило полки...»

26 августа. На смену мобилизованным в Красную Армию работникам редакции газеты «Восточно-Сибирская правда» пришло молодое пополнение, в том числе воспитанницы «Базы курносых» Г. Кожевина и С. Животовская.

30 августа. Все больше и больше женщин Слюдянского рудоуправления овладевают мужскими профессиями. В горном цехе на разборке и выборке слюды они составляют половину рабочих. Многие выдвинуты на руководящие посты — директором слюдяной фабрики, начальниками отделов труда и заработной платы, кадров и так далее.

31 августа. Высокий патриотизм советских людей находит выражение в самых разных формах. Вдова известного героя Гражданской войны в Сибири Х. Каландарашвили сдала в Фонд обороны два массивных бронзовых подсвечника художественной работы, медную кастрюлю и другие вещи — всего 13 килограммов цветного металла. Жительница иркутского предместья Марата А. Федорова принесла кружку из латуни, которую её муж хранил в память о русско-японской войне 1904-1905 годов, сообщил начальник отдела Восточно-Сибирской конторы Главторчермета В. Лысенко.

13 сентября. — В ответ на разбойничье нападение гитлеровских бандитов на нашу страну старатели треста «Лензолото» выполнили годовую программу и сейчас борются за выполнение второй годовой программы. Кроме того, они перечисляют в Фонд обороны часть средств из неделимых фондов артелей.

21 сентября. Группа бойцов военизированной пожарной команды судоверфи имени Ярославского в поселке Лиственничное на Байкале, расчищая площадку для дров, нашла металлическую коробку. В ней лежали два слитка золота весом 1 килограмм 986 граммов. Находка сдана в Фонд обороны страны.

2 октября. Охотники-спортсмены города Иркутска решили сдать в Фонд обороны для пошива тёплой одежды бойцам Красной Армии шкуры всех убитых ими в этом году зверей, пух и перо добытых птиц. Они призывают всех охотников области организовать сдачу пушнины, чтобы из нее «изготовили теплые вещи доблестным защитникам Родины».

5 октября. Второй сборник оборонных стихов сибирских поэтов под названием «Бомба и знамя» выпущен Иркутским книжным издательством. Эпиграфом к нему взяты строки В. Маяковского «Песня и стих — это бомба и знамя». Авторы сборника — К. Седых, И. Рождественский, И. Молчанов-Сибирский, Е. Жилкина, А. Ольхон, А. Гайдай и другие.

23 октября. Более 10 тысяч теплых вещей собрали жители северного Киренского района для Красной Армии. В их числе 306 полушубков, 410 пар валенок, 284 пары рукавиц, сотни шкур животных и других предметов.

30 октября. Для нужд обороны страны в области создается производство мин с ежемесячной программой: на заводе имени Сталина — 50 тысяч штук 82-миллиметровых мин, на заводе Куйбышева — 50 тысяч штук 50-миллиметровых и ремесленном училище № 1 — 25 тысяч штук 50-миллиметровых мин.

— В целях скорейшего налаживания выпуска заводом имени Куйбышева 107-миллиметровых горно-вьючных минометов обком партии обязал руководителей других предприятий Иркутска помочь ему в изготовлении необходимых штампов и приспособлений. Это завод имени Сталина, Восточно-Сибирская железная дорога, авиамастерские, механический завод управления местной промышленности.

31 октября. Большая выставка, посвященная Великой Отечественной войне, открыта в областном краеведческом музее. Её центральные разделы — «Положение на фронтах», «Мы не одиноки в борьбе с фашизмом», «Патриотизм советского народа», «Фонд обороны». Особое внимание посетителей привлекают подлинные письма бойцов с фронта в ответ на посылки им иркутян.

22 ноября. Собрать средства на постройку колонны танков призвали комсомольцы механического цеха Иркутского завода имени Куйбышева. В воскресенье 16 марта они вышли на свои рабочие места и заработанные 3 тысячи рублей решили отдать на эти цели. А 23 ноября уже весь завод выйдет на такой воскресник. Обком комсомола поддержал почин молодых заводчан и открыл в областной конторе Госбанка специальный счёт.

29 ноября. За проявленную отвагу в боях с немецкими захватчиками, за стойкость, мужество и героизм личного состава Ставкой Верховного Главнокомандующего 78-я стрелковая дивизия преобразована в 9-ю гвардейскую стрелковую дивизию (командир дивизии генерал-майор А.П. Белобородов).

17 декабря. По последним данным в Усольском районе, где зародилось движение по откорму свиней для Красной Армии, поставлено на откорм 337 хряков, 52 головы крупного рогатого скота и 40 овец. Уже откормлено и сдано в Фонд обороны 109 голов.

28 декабря. Поезд-баню для бойцов Красной Армии решил оборудовать и отправить на фронт коллектив железнодорожного узла Иркутск-1. Поезд будет состоять из восьми вагонов, в которых разместятся сама баня с дезокамерой, прачечная, клуб, электростанция.

1942 год

17 января. Как дезертиры привлечены к уголовной ответственности ряд рабочих оборонных предприятий области. Они арестованы и, согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1941 года «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход

с предприятий», приговорены военным трибуналом к тюремному заключению сроком от 5 до 8 лет.

27 января. В ответ на новогодние подарки жителей области от имени бойцов, командиров и политработников Н-ской армии Западного фронта за подписью её командования во главе с генерал-майором К.Голубевым поступило благодарственное письмо. В нем, в частности, говорится: «От новогодних подарков трудящихся Иркутской области повеяло материнской лаской и нежностью. Получая подарок, каждый боец давал обещание бить врага еще крепче, не жалея сил и самой жизни».

3 февраля. В помощь Красной Армии в прошлом году от населения области поступило 534 тысячи разных теплых вещей. Их них 18 тысяч полушубков и меховых жилетов, 32 тысячи пар валенок, 36 тысяч шапок-ушанок, 14 тысяч свитеров и джемперов, 16 тысяч комплектов теплого белья и так далее. В этом году сбор вещей продолжается, рассказал секретарь обкома ВКП(б), председатель областной комиссии по сбору теплых вещей В.Иванов. Так, жители Нижнеудинского района подготовили к отправке на фронт 175 полушубков, 150 ватных курток, 286 пар валенок, 650 шапок.

8 февраля. Немало семей эвакуированных из Москвы и Ленинграда, Украины и Белоруссии, западных областей Российской Федерации прибыло и прибывает в города и села области. Все они гостеприимно встречены: взрослые работают на заводах и фабриках, в колхозах и МТС, дети учатся в школах или устроены в ясли и детсады. Так, в Сталинском районе Иркутска 297 человек трудятся, 580 учащихся посещают школы, 80 ребят — дошкольные учреждения.

10 февраля. Второй железнодорожный состав с подарками от населения области бойцам действующей армии отправлен сегодня из Иркутска. В нём 20 вагонов с продуктами, комплекс-баня от железнодорожников Восточно-Сибирской магистрали и 23 вагона с деревянными балками для восстановления мостов в прифронтовой полосе.

14 февраля. Колхозы и колхозники области сдали в Фонд обороны страны 2788 центнеров зерна, 3683 центнера скота и птицы, 3135 — картофеля и овощей, 36700 штук яиц. Кроме того, сдано много шерсти, кожсырья, пушнины.

17 апреля. Третий по счёту поезд с подарками воинам действующей армии отправился из Иркутска на запад. В его составе 36 вагонов, в 15 из которых 143 тысячи индивидуальных подарков от жителей области, а также четыре — с печеньем, пряниками и конфетами, два — с колбасой, еще два — со свежими яйцами, по одному — со спиртом, солью и мылом и так далее.

31 мая. В Иркутск возвратилась делегация трудящихся области, отвозившая в третьем по счёту поезде подарки бойцам действующей армии. Она побывала на Ленинградском фронте, познакомилась с жизнью воинов, на передовой линии сражающихся с фашистскими захватчиками. По пути от поезда были отцеплены и отправлены на Западный фронт вагоны с колонной танков «Иркутский комсомолец», построенных на средства, собранные населением Прибайкалья.

2 июня. Столовая для детей военнослужащих, эвакуированных и пострадавших от зверств немецких оккупантов открылась в областном центре. Обеды из трех блюд получают 2130 малышей и подростков.

27 мая. Областной колхозно-совхозный театр, гастролировавший в городе Усолье-Сибирское, выехал в села района для обслуживания колхозников, занятых на весеннем севе. Театр покажет постановки по пьесам «В степях Украины», «Сады цветут», «Украденное счастье», «Женитьба Белугина».

19 июня. Боец Всеобуча Тулунского учебного пункта тов. Гулятьев во время занятий по саперной подготовке натолкнулся лопатой на что-то твердое. Заинтересовавшись, он стал копать глубже и обнаружил заржавленную железную банку, наполненную серебряными монетами. Всего в ней оказалось 2,5 килограмма серебра. Находку боец сдал в Фонд обороны страны.

5 июля. Началась работа над созданием антологии «Сибирь в Отечественной войне», сообщил на состоявшейся конференции областной писательской организации председатель военной комиссии Г. Кунгуров. С отчетным докладом об итогах творческой работы за год войны выступил ответственный секретарь организации А. Ольхон, с её критическим обзором — представитель Союза советских писателей С. Мстиславский.

9 августа. Областной радиокомитет и отделение Союза советских писателей объявили конкурс на лучшие произведения, отражающие участие трудящихся области в Отечественной войне (фронт и тыл). В прозе — на рассказ и художественный очерк, в поэзии — поэму, цикл и отдельное стихотворение.

4 сентября. Написать книгу о своем «тыловом фронте» призвали пионеров и школьников области участники литературных кружков Иркутского Дворца пионеров. В ней они расскажут, как помогают колхозам в выращивании урожая, ведут сбор теплой одежды для бойцов Красной Армии, металлолома и о многом другом. «Это темы для стихов, рисунков, очерков, рассказов», — отмечается в обращении.

7 октября. «С подарками на фронт» называется книга, выпущенная областным издательством. Писатель Г. Кунгуров рассказывает о поездке в действующую армию делегации области, встречах с бойцами и командирами. Автор, лично видевший гитлеровских бандитов, рисует их в главах «Пленные» и «Мораль скотов».

6 ноября. К годовщине Октября иркутские художники представляют выставку работ, посвященную боевым будням гвардейцев фронта и тыла. На ней зрители увидят картины заслуженного деятеля искусств, профессора Д. Штеренберга, В. Богданова, М. Гранавцевой, А. Мадисон, С. Развозжаева, Н. Шабалина и других.

14 ноября. «Построим мощную колонну танков «Иркутский колхозник» — с таким призывом к сельским труженикам области обратились колхозники артели имени Ворошилова Тайшетского района. Для этой цели они собрали 12130 рублей денежных средств и сдают 300 пудов хлеба.

8 декабря. Делегация Монгольской Народной Республики во главе с маршалом Чойбалсаном, сопровождающая четыре железнодорожных состава с подарками для героических бойцов Красной Армии (237 вагонов), проследовала через Иркутск. Братская страна посылает на советско-германский фронт 1 тысячу тонн мяса, 90 тонн масла, 80 тонн колбас, 150 тонн кондитерских изделий, по 30 тысяч полушубков, меховых телогреек, пар валенок и рукавиц и многое другое.

1943 год

15 января. Большая работа по устройству детей, оставшихся без родителей, проводится в Иркутске. За прошлый год приняты в детские дома 228 сирот и детей фронтовиков, усыновлены 200 ребят и 28 приняты на патронирование. Кроме того, на стипендии государственного бюджета содержатся 53 ребенка, 750 получают стипендии городского Совета, 4500 обеспечены обедами в детских столовых.

26 января. В управлении Восточно-Сибирской железной дороги получена телеграмма от И. Сталина с просьбой передать рабочим, работницам, инженерно-техническим работникам и служащим, собравшим 3.824.409 рублей на строи-

тельство танковых колонн и боевых самолетов, «братский привет и благодарность Красной Армии».

31 января. Угольщики Черемховского бассейна собрали и внесли в Госбанк на строительство танковой колонны «Черемховский шахтер» 3 миллиона 108 тысяч рублей. В телеграмме на имя И. Сталина они просят дать указание о том, чтобы эти танки «были посланы в части, освобождающие из немецкой неволи нашего старшего брата — угольный Донбасс», и обещают, что готовы всеми силами помочь восстановить его. Председатель Государственного Комитета Обороны ответил, что «желание трудящихся города Черемхово будет исполнено».

22 февраля. Вчера в Иркутск прибыла делегация фронтовиков — 114-й стрелковой дивизии, укомплектованной в основном жителями Прибайкалья. Желанные гости, посетив руководителей обкома и горкома ВКП (б), выразили благодарность за присланные подарки, помощь в продовольствии и снаряжении. Делегация встретится с коллективами ряда предприятий.

27 февраля. Пионеры и школьники, колхозники и колхозницы, рабочие и служащие села Новая Уда, где 40 лет назад находился в ссылке И. Сталин, обратились к нему с письмом, в котором рассказали, как собирали подарки для Красной Армии, средства на строительство танковой колонны «Иркутский пионер» и в помощь детям, потерявшим родителей. В ответ председатель Государственного Комитета Обороны прислал телеграмму со словами своей и Красной Армии благодарности.

12 марта. Подготовка к производству опытных самолетов Ил-6 — дальних бомбардировщиков-ракетоносцев, способных прийти на смену самолету Ил-4, началась на заводе имени Сталина. Завершается разработка необходимой технической и технической документации, ведется подготовка стапелей, шаблонов, плазов и прочего, назначены сроки изготовления агрегатов для сборки первого опытного самолета.

23 марта. Указом Президиума Верховного Совета СССР звание Героя Советского Союза присвоено Ж. Тулаеву, до войны работавшему заведующим тарной базой в Ленинском районе областного центра. Снайпер, он с мая по ноябрь 1942 года истребил более 260 гитлеровцев. В Иркутске живут его мать, жена с сыном и сестра.

26 марта. Комсомольцы и молодежь области в дополнение к ранее собранным 7,5 миллионам рублей собрали из своих личных сбережений 4 миллиона рублей на строительство танков «Иркутский комсомолец», а пионеры и школьники — 860 тысяч рублей на строительство танков «Иркутский пионер», сообщил в телеграмме на имя И. Сталина первый секретарь обкома ВЛКСМ А. Генкин. В ответной телеграмме Верховный главнокомандующий попросил передать «молодежи и комсомольцам, пионерам и школьникам Иркутской области, внесшим 12 миллионов 360 тысяч рублей на строительство танков «Иркутский комсомолец» и «Иркутский пионер», собравшим подарки для Красной Армии и средства для детей фронтовиков и эвакуированных, — мой горячий привет и благодарность Красной Армии».

31 марта. Горняки Ленских золотых приисков, Мамских слюдяных рудников, колхозники и колхозницы Бодайбинского района в дополнение к внесенным ранее на постройку вооружения для Красной Армии 3 миллионам 28 тысячам рублей и 5 килограммам золота собрали и передали в Госбанк 643 тысячи рублей и 2666 граммов золота.

12 мая. Получена телеграмма И. Сталина: «Прошу передать домашним хозяйкам города Иркутска, собравшим 53 тысячи рублей на строительство боевого самолёта, мой братский привет и благодарность Красной Армии».

4 июля. Коллективы управления НКГБ-НКВД и войск управления НКВД на территории области собрали средства на постройку звена бомбардировщиков дальнего действия — «Иркутский чекист». В конце июня самолеты были переданы боевым экипажам и доставлены на фронт.

— На собрании писателей Иркутска заслушаны творческие отчеты членов организации. Г. Марков сообщил, что в ближайшее время закончит вторую книгу романа «Строговы». К. Седых работает над продолжением романа «Даурия» и готовит к печати книгу стихов. Также о своих планах рассказали Г. Кунгуров, А. Кузнецова, Б. Костюковский и другие.

18 сентября. 55-я Иркутская гвардейская ордена Ленина трижды Краснознаменная стрелковая дивизия имени Верховного Совета РСФСР за образцовое выполнение боевых заданий на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество Указом Президиума Верховного Совета СССР награждена орденом Суворова 2-й степени.

7 ноября. 60 тысяч книг для отправки в одну из освобожденных от фашистских захватчиков областей страны собрал Иркутский филиал Госфонда литературы Наркомпроса РСФСР. Скомплектовано 14 библиотек для районов, четыре — для городов и одна — для областного центра. Активное участие в сборе книг приняли вузы и предприятия Иркутска.

1944 год

9 февраля. Решение привлекать местное население при облавах на волков в целях их истребления, прекращения массового ущерба, причиняемого ими животноводству, принял исполком областного Совета депутатов трудящихся. На лиц, уклоняющихся от участия в этой работе, будут налагаться взыскания в административном порядке в виде предупреждения, штрафа до 100 рублей или исправительных трудовых работ на срок до одного года.

25 февраля. Работники Иркутского отделения Восточно-Сибирской железной дороги из своих личных сбережений в подарок к 26-й годовщине Красной Армии собрали и перечислили на постройку танковой колонны 350 тысяч рублей. В телеграмме И. Сталин передал им «братский привет и благодарность Красной Армии».

1 марта. 72-летняя жительница города Иркутска М. Александрова в качестве дара Фонду обороны внесла в Госбанк свои долголетние сбережения — 517 граммов золота. В телеграмме, полученной ею от И. Сталина, говорится: «Примите мой привет и благодарность Красной Армии, Мария Николаевна, за Вашу заботу об обороне Союза ССР».

7 апреля. В адрес Иркутского горкома ВКП (б) и горисполкома пришла телеграмма от И. Сталина: «Передайте трудящимся города Иркутска, собравшим 3 миллиона 240 тысяч рублей деньгами, 602 грамма золотом, 2 миллиона 850 тысяч рублей облигациями госзаймов и 3 миллиона 496 тысяч рублей компенсаций за неиспользованный отпуск на строительство танков и самолетов, мой братский привет и благодарность Красной Армии».

11 апреля. Певец бурят-монгольского народа улигершин Аполлон Тороев посетил ряд колхозов Эхирит-Булагатского аймака, а также встретился с рабочими и интеллигенцией окружного центра. Он познакомил собравшихся со своими новыми

ми произведениями. Особенно большое впечатление на слушателей произвели его глубоко патриотичные сказы «Тулаев-батор», «Советский герой», «Сталинград».

14 мая. На имя начальника Восточно-Сибирской железной дороги М. Сычева получена телеграмма от И. Сталина: «Прошу передать работникам Восточно-Сибирской железной дороги, собравшим 6.409.617 рублей на строительство танковой колонны «Иркутский железнодорожник», мой братский привет и благодарность Красной Армии».

17 мая. Телеграмма от И. Сталина на имя первого секретаря обкома ВКП (б) К. Качалина и председателя облисполкома Н. Комиссарова: «Передайте трудящимся Иркутской области, собравшим 19.773.000 рублей на постройку танковой колонны «Сибиряк», 16.503.000 рублей деньгами и 81.737.000 рублей облигациями госзаймов в фонд помощи освобожденным районам, мой братский привет и благодарность Красной Армии».

27 мая. Массовый сбор книг, из которых комплектуют библиотеки для школ территорий, освобожденных от немецких захватчиков, начался в городах и районах области. Поставлена задача аккумулировать не менее 18 тысяч экземпляров книг, в том числе детских, произведений классиков, современной художественной, общественно-политической, научно-популярной и другой литературы.

10 июня. Вновь находящийся проездом в Иркутске вице-президент США Генри А. Уоллес в связи с высадкой англо-американских войск во Франции сделал заявление для печати. В этом исключительно важном событии он видит «ясное доказательство солидарности и решимости союзников в деле скорейшего и полного разгрома общего врага — германского фашизма».

9 сентября. Создана областная комиссия по сбору документов об Отечественной войне советского народа с немецко-фашистскими оккупантами. «Надо тщательно собрать всё, что относится к биографии бесстрашных фронтовиков-иркутян. Важно сохранить письма, фотодокументы, воспоминания. Намечается к изданию серия брошюр под названием «Иркутяне — герои Великой Отечественной войны», — говорится в сообщении комиссии.

12 сентября. Коллектив Вознесенского механизированного лесопункта встретился со своим бывшим работником — трактористом, а ныне танкистом, Героем Советского Союза Александром Филипповичем Сидоренко. Он рассказал о боевых делах фронтовиков и призвал земляков трудиться еще лучше. В частности, завершить подготовку к осенне-зимним лесозаготовкам. В ответ на этот призыв коллектив лесопункта взял обязательство досрочно выполнить годовой план по вывозке древесины.

15 октября. Три года назад — в начале Великой Отечественной войны — группа иркутских художников под руководством заслуженного деятеля искусств, профессора Д. Штеренберга выпустила значительным тиражом первый номер «Агит-окон ТАСС».

Мастера кисти вместе с поэтами К. Седых и А. Ольхоном все свои творческие силы и опыт переключили на борьбу с заклятым врагом. Отдельные выпуски «Окон» были посвящены труженикам Черембасса, весенним полевым работам, уборке урожая и так далее. Всего выпущено около 500 рисунков с текстами.

23 октября. Только 6877 из 9296 инвалидов войны третьей и большей части второй группы трудоустроены в области. В связи с этим обком ВКБ (б) обязал секретарей горкомов и райкомов партии и председателей горрайисполкомов оказать помощь отделам социального обеспечения в налаживании профессионального

обучения и трудоустройстве всех остальных инвалидов. Также предложено руководству облкоопинсоюза создать во всех артелях инвалидов цехи надомников, а в городах Иркутске, Черемхово и Усолье-Сибирское — артели надомников с охватом не менее 400-500 человек.

21 ноября. Четыре воина Красной Армии во главе с воспитанником Иркутской мужской средней школы № 11 и Иркутского аэроклуба, летчиком-штурмовиком, младшим лейтенантом Георгием Чуйко решили на свои средства приобрести самолет и воевать на нем с немецкими захватчиками. Они обратились к Верховному главнокомандующему с просьбой разрешить им осуществить свою мечту. Желание патриотов удовлетворено, они выехали на фронт. Готовясь к боям за Родину, командир экипажа все задания по пилотированию, бомбометанию и воздушной стрельбе выполнил только на «хорошо» и «отлично».

24 декабря. Ширится использование на селе крупного рогатого скота в качестве тягловой силы. В колхозе «Новая жизнь» Черемховского района в этом году работало 30 пар коров, «Луч социализма» Иркутского района — 27 пар, в артели «Красный остров» Заларинского района значительную часть хлеба на ссыпные пункты удалось вывезти этим видом тягла. В то же время, например, в Жигаловском районе при имеющихся 900 головах крупного рогатого скота было обучено к упряжи и использовано на хозяйственных работах только 36.

1945 год

10 мая. Всеобщей радостью и ликованием встретили весть о безоговорочной капитуляции вооруженных сил Германии жители области. Поскольку Указом Президиума Верховного Совета СССР 9 мая было объявлено праздничным днем, улицы городов и других населенных пунктов вчера заполнили люди. В Иркутске венцом всенародного торжества стал небывалый прежде по численности митинг на площади Кирова.

— Во время очередной «Литературной среды» в редакции «Восточно-Сибирской правды» была продемонстрирована компактная походная радиостанция армейского типа. Другую подобную станцию установили на автомашине, которая находилась в районе долины реки Каи, и между ними в присутствии собравшихся радисты открыли двухстороннюю разговорную связь. В заключение был показан звукозаписывающий и звуковоспроизводящий аппарат. Он записал выступления на «Литературной среде» поэта К. Седых и художественного руководителя облдрамтеатра Н. Медведева и тут же их воспроизвел.

4 июня. Утвержден план распределения 15 тысяч военнопленных немцев для работы на предприятиях различных ведомств в области. Это тресты «Востсибуголь», «Востсиблес», «Иркутсктранслес», «Востсибдрев», «Лензолото» и другие — всего предполагается организовать 14 лагерей военнопленных.

Русский народ в Победе над фашизмом

Суждения западных правителей и политиков

ШАРЛЬ ДЕ ГОЛЛЬ, французский военный и государственный деятель, генерал, основатель и первый президент (1959–1969) Пятой республики:

«В момент, когда Свободная Франция становится союзником Советской России в борьбе против общего врага, я позволю себе высказать Вам моё восхищение непоколебимым сопротивлением русского народа, равно как мужеством и храбростью его армий и полководцев. Бросив всю свою мощь против агрессора, СССР дал всем ныне угнетённым народам уверенность в своём освобождении. Я не сомневаюсь, что благодаря героизму советских армий победа увенчает усилия союзников, и новые узы, созданные между русским и французским народами, явятся кардинальным элементом в перестройке мира. (...) В момент, когда длительная европейская война заканчивается общей победой, я прошу Вас, господин маршал, передать вашему народу и вашей армии чувства восхищения и глубокой любви Франции к её героическому и могущественному союзнику. Вы создали из СССР один их главных элементов борьбы против держав-угнетателей, именно благодаря этому могла быть одержана победа. Великая Россия и Вы лично заслужили признательность всей Европы, которая может жить и процветать, только будучи свободной. (...) Сталин имел колоссальный авторитет, и не только в России. Он умел «приручать» своих врагов, не паниковать при проигрыше и не наслаждаться победами. А побед у него больше, чем поражений. Сталинская Россия — это не прежняя Россия, погибшая вместе с монархией. Но **сталинское государство без достойных Сталину преемников обречено...** ...Сталин разговаривал там (в Тегеране) как человек, имеющий право требовать отчёта. Не открывая двум другим участникам конференции русских планов, он добился того, что они изложили ему свои планы и внесли в них поправки согласно его требованиям. Рузвельт присоединился к нему, чтобы отвергнуть идею Черчилля о широком наступлении западных вооружённых сил через Италию, Югославию и Грецию на Вену, Прагу и Будапешт. С другой стороны, американцы в согласии с Советами отвергли, несмотря на настояния англичан, предложение рассмотреть на конференции политические вопросы, касавшиеся Центральной Европы, и в особенности вопрос о Польше, куда вот-вот должны были вступить русские армии. Бенеш информировал меня о своих переговорах в Москве. Он обрисовал Сталина как человека, сдержанного в речах, но твердого в намерениях, имеющего в отношении каждой из европейских проблем свою собственную мысль, скрытую, но вполне определённую. Уэнделл Уилки дал понять, что Черчилль и Гарриман вернулись из своей поездки в Москву неудовлетворёнными. Они оказались перед загадочным Сталиным, его маска осталась для них непроницаемой».

ФРАНКЛИН РУЗВЕЛЬТ, президент США:

«...С точки зрения большой стратегии... трудно уйти от того очевидного факта, что русские армии уничтожают больше солдат и вооружения противника, чем

все остальные 25 государств объединённых наций вместе взятых... (телеграмма генералу Д. Макартуру от 6 мая 1942 г.). (...) Под руководством маршала Иосифа Сталина русский народ показал такой пример любви к родине, твердости духа и самопожертвования, какого еще не знал мир. После войны наша страна всегда будет рада поддерживать отношения добрососедства и искренней дружбы с Россией, чей народ, спасая себя, помогает спасению всего мира от нацистской угрозы (28 июля 1943). (...)

От имени Соединенных Штатов Америки я вручаю эту грамоту городу Ленинграду в память о его доблестных воинах и его верных мужчинах, женщинах, детях, которые, будучи изолированными захватчиком от остальной части своего народа, несмотря на беспощадный голод, непрерывные бомбежки и обстрелы, защитили свой родной город и символизировали этим неустрашимый дух народов Советского Союза и всех народов мира, сопротивляющихся силам агрессии. (...)

На европейском фронте самым важным событием прошедшего года, без сомнения, стало сокрушительное контрнаступление великой русской армии против мощной германской группировки. Русские войска уничтожили — и продолжают уничтожать — больше живой силы, самолетов, танков и пушек нашего общего неприятеля, чем все остальные Объединенные Нации вместе взятые».

Д. ЭЙЗЕНХАУЭР, главнокомандующий Вооруженными силами союзников в Европе. (Позже президент США):

«И.В. Сталин обладает глубокими знаниями, фантастической способностью вникать в детали, живостью ума и поразительно тонким пониманием человеческого характера. Я нашёл, что он лучше информирован, чем Рузвельт, более реалистичен, чем Черчилль, и, в определенном смысле, наиболее эффективный из военных лидеров. (...) Кампании, проведенные Красной Армией в Европе, сыграли решающую роль в поражении Германии».

УИНСТОН ЧЕРЧИЛЛЬ, премьер-министр Великобритании:

«...Ни одно правительство не устояло бы перед такими страшными жестокими ранами, которые нанёс Гитлер России. Но Советы не только выстояли и оправились от этих ран, но и нанесли германской армии удар такой мощи, какой не могла бы нанести ей ни одна другая армия в мире. (...) Чудовищная машина фашистской власти была сломлена превосходством Русского манёвра, русской доблести, советской военной науки и прекрасным руководством советских генералов. (...) Кроме советских армий, не было такой силы, которая могла бы переломить хребет гитлеровской военной машине... Именно русская армия выпустила кишки из германской военной машины... (...)

России очень повезло, что, когда она агонизировала, во главе ее оказался такой жёсткий военный вождь. Это выдающаяся личность, подходящая для суровых времен. Человек неисчерпаемо смелый, властный, прямой в действиях и даже грубый в своих высказываниях... Однако он сохранил чувство юмора, что весьма важно для всех людей и народов, и особенно для больших людей и великих народов. Сталин также произвёл на меня впечатление своей хладнокровной мудростью, при полном отсутствии каких-либо иллюзий. (...)

Это большая удача для России в её отчаянной борьбе и страданиях — иметь во главе великого и строгого военачальника. Он — сильная и выдающаяся личность, соответствующая тем мрачным и бурным временам, в которые его забросила жизнь, человек неистощимой храбрости и силы воли. (...) Я встаю утром и молюсь, чтобы Сталин был жив, здоров. Только Сталин может спасти мир. (...)

Для России большое счастье, что в час ее страданий во главе ее стоит этот великий твердый полководец. Сталин является крупной и сильной личностью, соответствующей тем бурным временам, в которые ему приходится жить. Он является человеком неистощимого мужества и силы воли, простым человеком, непосредственным и даже резким в разговоре, что я, как человек, выросший в палате общин, не могу не оценить, в особенности когда я могу в известной мере сказать это и о себе. Прежде всего Сталин является человеком с тем спасительным чувством юмора, который имеет исключительное значение для всех людей и для всех наций, и в особенности для великих людей и для великих вождей. Сталин произвел на меня также впечатление человека, обладающего глубокой хладнокровной мудростью с полным отсутствием иллюзий какого-либо рода. Я верю, что мне удалось дать ему почувствовать, что мы являемся хорошими и преданными товарищами в этой войне, но это докажут дела, а не слова.

Одно совершенно очевидно — это непоколебимая решимость России бороться с гитлеризмом до конца, до его окончательного разгрома. Сталин сказал мне, что русский народ в обычных условиях является по природе своей миролюбивым народом, но что дикие зверства, совершенные против этого народа, вызвали в нем такую ярость и возмущение, что его характер изменился. (...)

Большим счастьем было для России, что в годы тяжелейших испытаний страну возглавил гений и непоколебимый полководец Сталин. Он был самой выдающейся личностью, импонирующей нашему изменчивому и жестокому времени того периода, в котором проходила вся его жизнь. Сталин был человеком необычайной энергии и нестигаемой силы воли, резким, жестоким, беспощадным в беседе, которому даже я, воспитанный здесь, в Британском парламенте, не мог ничего противопоставить. Сталин прежде всего обладал большим чувством юмора и сарказма и способностью точно воспринимать мысли. Эта сила была настолько велика в Сталине, что он казался неповторимым среди руководителей государств всех времен и народов. Сталин произвел на нас величайшее впечатление. Он обладал глубокой, лишенной всякой паники, логически осмысленной мудростью. Он был непобедимым мастером находить в трудные моменты пути выхода из самого безвыходного положения. Кроме того, Сталин в самые критические моменты, а также в моменты торжества был одинаково сдержан и никогда не поддавался иллюзиям. Он был необычайно сложной личностью. Он создал и подчинил себе огромную империю. Это был человек, который своего врага уничтожал своим же врагом. Сталин был величайшим, не имеющим себе равного в мире, диктатором, который принял Россию с сохой и оставил ее с атомным вооружением. Что ж, история, народ таких людей не забывают. (...)

Я глубоко восхищаюсь и чту доблестный русский народ и моего товарища военного времени маршала Сталина. В Англии — я не сомневаюсь, что и здесь тоже, — питают глубокое сочувствие и добрую волю ко всем народам России и решимость преодолеть многочисленные разногласия и срывы во имя установления прочной дружбы. Мы понимаем, что России необходимо обеспечить безопасность своих западных границ от возможного возобновления германской агрессии. Мы рады видеть её на своём законном месте среди ведущих мировых держав. Мы приветствуем её флаг на морях. И прежде всего мы приветствуем постоянные, частые и крепнущие связи между русским и нашими народами по обе стороны Атлантики. (...)

Ваша жизнь драгоценна не только для Вашей страны, которую Вы спасли, но и для дела дружбы между Советской Россией и Великобританией и даже всем

англоговорящим миром, дружбы, от которой зависит будущее счастье человечества». *(Телеграмма-поздравление ко дню рождения Сталина.) (...)*

Маршалу и Премьеру Сталину, который, возглавляя Русскую армию и Советское правительство, разгромил главные силы Германской военной машины и помог всем объединенным нациям открыть дорогу к миру, справедливости и свободе. От его друга Уинстона С. Черчилля. *(Надпись на своем портрете, подаренном Сталину.) (...)*

...Я лично не могу чувствовать ничего иного, помимо величайшего восхищения по отношению к этому подлинно великому человеку, отцу своей страны, правящему судьбой своей страны во времена мира и победоносному её защитнику во время войны ... всякая мысль о том, что Англия преднамеренно проводит антирусскую политику или устраивает сложные комбинации в ущерб России, полностью противоречит английским идеям и совести... *(Из речи Черчилля в Палате Общин, в сокращении опубликованной в газете «Правда» в 1945 году)*

МНЕНИЕ И.В. СТАЛИНА О РЕЧИ У. ЧЕРЧИЛЛЯ: «Считаю ошибкой опубликование речи Черчилля с восхвалением России и Сталина. Восхваление это нужно Черчиллю, чтобы успокоить свою нечистую совесть и замаскировать свое враждебное отношение к СССР, в частности, замаскировать тот факт, что Черчилль и его ученики из партии лейбористов являются организаторами англо-американо-французского блока против СССР. Опубликованием таких речей мы помогаем этим господам. У нас имеется теперь немало ответственных работников, которые приходят в телячий восторг от похвал со стороны Черчиллей, Трумэнов, Бирнсов и, наоборот, впадают в уныние от неблагоприятных отзывов со стороны этих господ. Такие настроения я считаю опасными, так как они развивают у нас угодничество перед иностранными фигурами. **С угодничеством перед иностранцами нужно вести жёсткую борьбу.** Но если мы будем и впредь публиковать подробные речи, мы будем этим насаждать угодничество и низкопоклонство. Я уже не говорю о том, что советские лидеры не нуждаются в похвалах со стороны иностранных лидеров. Что касается меня лично, то такие похвалы только коробят меня».

(От редакции: 5 марта 1946 года, через пять месяцев после восхваления Советского Союза и своего «друга» Сталина в Палате Общин Уинстон Черчилль выступит со своей знаменитой «Фултонской речью», смысл которой в том, что отныне бывший военный союзник становится заклятым врагом Европы и Америки. Черчилль известил мир о начале Холодной войны, завершившейся поражением, крахом и распадом Советского Союза.)

ВАДИМ, митрополит Ярославский и Ростовский

Сердцевина русской Победы

Мой помянник об Упокоении все длиннее, и мне все горше читать его. Восходят ко Господу родные нетленные души. Ложатся в сырую сибирскую землю все те, с кем я строил духовную жизнь в нашем суровом Прибайкалье...

Совсем недавно я вычеркнул из списков о Здравии и вписал в списки об Упокоении имя благословенное, имя, которое я произносил с особым благоговением на утренних и вечерних молитвах и в храме, вынимая из него Божью частичку. Это имя великого нашего земляка, патриота, выдающегося писателя, раба Божия Валентина Распутина. Иркутяне хорошо помнят, как многотысячно хоронила его родная земля в солнечный весенний день, одного из лучших своих сыновей...

Через день после его похорон приходилась последняя родительская (третья) суббота в череде Великого поста, и я вспоминал, как дивно Господь устроил погребение своего бесстрашного воина за Отечество наше. Словно незримая Его длань сметала все помехи, которые, как правило, сопровождают большие многочисленные организации либо торжеств, либо похорон. Все сложилось как бы само собою... В этом была воля Божия и Его благословение.

После прочтения молитвы о новопреставленном р. Б. Валентине, я произнес имя своего деда Федота, которого поминаю все чаще в эти юбилейные для Победы дни. Федота Васильевича, фронтовика, вернувшегося с фронта с ранениями, орденами и медалями. Одни ордена Славы двух степеней чего стоят! Дед мой был прирожденным краснодеревщиком, редкостным мастером. Дерево он чувствовал, как любимую: не пройдет, не потрогав ни березки, ни сосенки. Всякую щепу обнюхает. А его ловко сложенная крепкая и благородная мебель, теперь, уж конечно, раритет, хранится как предмет искусства во многих столицах мира.

Но больше я думаю о деде не столько как о редком умельце, сколько как о фронтовике, воевавшем вместе со своим народом, а потом восстанавливавшим послеоккупационную родную Белгородчину.

Бывало, бабка моя ворчит на него, мол, своей семьи нету, все бежит без оплаты подымать порушенное. Всем-то вдовам не поможешь, всех сирот не обогреешь.

— Что с них взять-то, — оправдывался дед, — им самим давать надо.

И помогал, и строил, и носил тайком счетную картошку с хлебушком, да дорогие кусочки сахара, чтобы сунуть сироте, да бездомному нищему, которые полководьем разливались в послевоенной разрухе.

Да, вот он — День Победы! Великой кровью завоеванный, невероятными тяготами тыла заработанный, врученный нам израненными нашими дедами. На вечное хранение, как алмаз драгоценный в сияющий венец России. Нам бы только бережно хранить память о войне, чтобы помнили потомки, знали цену жизни на родной земле...

О войне написано много! Много книг, статей, много снято фильмов, поставлено пьес в театрах. Я, родившийся после войны, через десять лет после Победы, очень любил слушать рассказы старожиллов и фронтовиков о довоенной и военной поре. Эти рассказы воспитывали во мне чувство Родины. А оно удивительно! И прав наш мудрый и великий земляк Валентин Григорьевич Распутин, сказавший, что только имеющий, воспитавший в своей душе это несказанное чувство может опускаться в глубины души, истории и культуры родного русского народа. Мне было проще получить это чувство. Господь даровал мне его дивными рассказами моих старших земляков. О боях, которыми спасли Белгородчину, о горьких годах оккупации, голоде. Бесконечные рассказы о разрухе, о том чувстве созидания, которое охватило весь край, да и Россию после войны. Все строили дома, сараи, землянки. И дед мой, Федот Васильевич, выходил из дома с тем же внутренним ощущением созидания, горячим желанием восстановить, поднять, создать... Потому что победили, потому что мир. Кому-то сия радость дается словом, кому-то руками, кому-то молитвою. Было горе: вдовы, сироты, нищие, калеки заполнили страну. Но была и жажда жизни, жадность к созиданию. Потому что впереди был мир. И многие полагали, что вечный...

* * *

О войне написано немало. Описаны профессионально, с точки зрения военных наук, все ее фронты, котлы, дуги, маршалы, генералы, герои. Подвиги и поражения. Писатели-фронтовики описали жесточайший военный быт: блиндажи, окопы, санитарные палатки с круглосуточными операциями. Писатели-народники выписали горчайшую правду тыла. Война звучала и в живописи, и в музыке.

Но существует еще война преданий, которая передавалась из уст в уста. Оголенная, неприкрытая правда. Война народа... Мы дышали и жили всеми сразу. Они плавились в наших душах в единое чувство Родины, любви к ней и сыновнего понимания.

Войну, конечно же, ждали. Гитлер никогда не отказывался от своей внешнеполитической программы, озвученной им еще в его печально знаменитой «Майн Кампф», где планировалось великое и решающее столкновение с СССР. Собственно, американский капитал, который обильно вскормил германский фашизм, требовал в итоге одного — стереть с карты мира Россию.

Знал о войне Сталин, ничуть не обольщаясь договором августа 1939 года с Германией. План Барбаросса «страшно секретный» был известен советскому правительству на одиннадцатый день после принятия его Вермахтом.

Знал о скорой войне народ, распевавший «Если завтра война...». Наконец, православная паства гонимой, почти скрывавшейся в катакомбах, как в начале христианских веков, Русской Православной Церкви передавала из уст в уста *пред-*

сказания старцев о скорой войне, как попущении Божиим за отступничество от веры, поругание национальных святынь, за порушенные и оскверненные храмы. Эти пророчества переписывались тайно в школьных тетрадках, читались ночами при свете свечи, вместе с письмами из лагерей, где несло свой крест русское православное духовенство.

Отпадение от Христа не бывает безнаказанным. Но далеко не вся Россия отпала от Христа...

Я, чадо Русской Православной Церкви, милостью Божией ее архипастырь, и обязан глядеть на все события своего народа через Ее учение и Уставы. Возросший под попечительным взором старца Серафима (Тяпочкина), я много раз держал в руках такие школьные тетрадки с аккуратными записями. В этих тетрадках было много наивного, много от детской доверчивой веры, но иные поражали своими точными и огненными пророчествами.

Так, на 22 июня 1941 года был намечен взрыв храма Рождества Богородицы в Путинках г. Москвы. В эти дни должны были быть переданы ключи от церкви Николы Обиженного. Взрыв должен быть плановым, проведенным в череде «безбожной пятилетки», которая по плану богоборцев заканчивалась в 1943 году. Но по объявлении войны в этот день народ повалил в храм, в 43-м состоялся известный Собор и был избран Святейший Патриарх.

Множество пророчеств ходило по рядам паствы о германской каре над Россией и Божией каре над Германией. Говаривалось, что Германия своим нашествием вернет Россию к вере, и тем спасется Россия, разбив врага.

И как ни готовилась Россия к предстоящим испытаниям, но удар оказался неожиданным и страшным. Слишком неравными были силы. Технически Германия была вооружена до зубов, новейшим по тем временам оружием высокой мощности и проходимости. Против СССР были брошены наиболее совершенные машины, стремительные и поворотливые. Германия имела высоко обученную, вымуштрованную, имеющую богатый боевой опыт армию.

Россия же еще не оправилась полностью после гражданской войны. Не будем забывать, что *в ее смутные годы было потеряно почти 18 миллионов русских.* Кроме того, она была измождена внутренней междоусобицей, а потому армия была недееспособна. Техника рассыпана по разрозненным соединениям, а главное, и армия не имела того боевого опыта, что имел вермахт.

Первые месяцы войны были трагичны. Впору было сломиться.

Начало было действительно страшным, удары сокрушительными. Но и как болезнь поднимает защитные силы организма, направляя их против чуждой бациллы, так и Россия собралась мгновенно, готовая либо к победе, либо к гибели. Но не рабству.

Из обеих столиц, из губернских больших городов и из малых, из самых дальних сел, глубинных крошечных деревень уходили с котомками на плечах мужики-кормильцы, отцы, сыновья, братья. Тыл ослабевал: женщины да старики, да дети оставались на местах. Остальные на фронт. Самые распространенные таблички того времени: «Все ушли на фронт». Начинался самый тяжкий голодный, но и беспримерно победоносный марафон войны. Потому что *Россия незримо, непрерывно в те годы стяжала Святого Духа,* собирала самые здоровые свои силы, воскрешала глубинную память, чтобы по крупицам собрать ту духоносность, с которой она с великой славою выходила из всех выпавших на ее долю многочисленных войн и страданий.

Такого героизма жертвенности, такого подвига, какой явила Россия в годы войны, никогда не ведала сытая Европа с ее внешней благопристойностью и расчетливостью. Разве забудутся подвиги героев первых дней войны, летчиков, капитана Н.Ф. Гастелло и его экипажа, направивших свой горящий самолет на скопление вражеской живой силы и взрывоопасной техники. Или летчика Талалихина, уничтожившего вражеский бомбардировщик с риском для собственной жизни. Сейчас некие «правдоискатели» пытаются стереть из памяти народа подвиги знаменитого генерала Панфилова и его бойцов 316-й стрелковой дивизии, погибших до единого в четырехчасовом бою под Волоколамском, но не подпустивших фашистов к Москве. Матросов, Зоя Космодемьянская, Сидор Ковпак и вся боевая партизанщина — несть им числа, героям Отечественной войны.

А непомерная тяжесть тыла, великое могущество слабых от голода и холода детей, сутками простаивавших на военных заводах, выпускавших оружие для фронтов. А женщины бескрайних деревень, двужильные крестьянки, пахавшие на коровах днями, ночами же косившие траву для своей коровенки — кормилицы всей семьи.

На чем же зиждилась вся эта непобедимая сила? На том же, что и испокон веков — на вере, на молитве. На безмерном подвижничестве молитвенников и духовников Отечества. На сломленном духе Россия не выживет, не то, чтобы победить. И она вымолила сию благодать у Господа.

«Я не оставлю Россию», — возвестил Христос Спаситель в видении петербургскому протоиерею Борису Кириллову перед самым началом войны.

Мать Божия вымолила русскую землю. Духовники, вся Валаамская каторга, митрополиты, архиепископы и епископы, весь священнический и монашеский чин, благочестивая паства, гонимая и затравленная довоенным большевизмом, именно большевизмом, который имеет отличные от русских глубинные сатанинские национальные корни, все склонились перед светоносным ликом Казанской Божией Матери в многочасовой покаянной молитве.

Тысячу дней и ночей молился о спасении России и ее народа иеросхимонах Серафим (Вырицкий). Молился он у себя в Вырице, на камне перед иконой Серафима Саровского, устроенной на сосенке в саду. Этот уголок старец позднее назвал Саровом. *В Москве молилась блаженная Матрона.* По московским преданиям к ней приезжал за советом Сталин, и она предсказала ему Победу, повелев не сомневаться, защищая Москву до последнего. В Красноярске при госпиталях *творил молитвенные чудеса* над операционным столом, буквально вынимая раненных из могилы, *епископ Лука (Войно-Ясенецкий).*

В 1943 году вернулся из лагеря в Москву монах в тайном постриге Андроник — Алексей Федорович Лосев, знаменитый впоследствии философ, и ему была предложена новообразованная при МГУ кафедра философии, где он открыто и молитвенно проповедовал Святую веру.

Во время блокады Ленинграда при страшном голоде, холоде и непрерывной бомбежке из Владимирского собора вынесли икону Казанской Божией Матери и обошли с этой иконой вокруг города крестным ходом. Тем город и выстоял. Сбылись предсказания Митрофана Воронежского, сказанные царю Петру I о том, что город сей избран Царицей Небесной, и, пока Казанская ее икона пребывает в городе, никакой враг не войдет в него. Существует предание, что с иконой Казанской Божией Матери Сталин и Жуков облетали Москву. И случилось чудо: немцы бежали в панике. Кроме Казанской, облетала столицу и Тихвинская икона Божией Матери, и 9 декабря 1941 года был освобожден город Тихвин.

Не только молитвою, но и всеми средствами православные ковали Победу. На нужды обороны по всем приходам России был объявлен сбор средств. 30 декабря 1942 года с соответствующим призывом обратился к своей пастве митрополит Сергей (Страгородский). В ответ только в Московском Богоявленском соборе было собрано около полумиллиона рублей. Вся церковная Москва собрала свыше двух миллионов рублей. В блокадном Ленинграде православные собрали 1 миллион рублей. Собирали средства в Куйбышеве, Тобольске, Иркутске... ***всего за войну православными приходами России было собрано 200 миллионов рублей.*** На средства верующих ушла на фронт танковая колонна имени Димитрия Донского. В один из Ленинградских храмов неизвестные положили к иконе Николы Чудотворного пакет. В нем оказались 150 золотых десятирублевых монет царской чеканки. Кто-то мог выжить в блокаду на эти деньги.

Все это привело к серьезным изменениям в области церковно-государственных отношений. О чем и было решено 4 сентября 1943 года на совещании правительства, проходившем в одной из загородных резиденций Сталина. В тот же день в Кремле Сталин принял специально доставленных по этому случаю из разных концов России виднейших православных иерархов: Патриаршего местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского), митрополита Ленинградского Алексия (Симанского) — будущего Патриарха, и экзарха Украины Николая (Ярушевича). Беседа началась с патриотической деятельности Русской Православной Церкви. Результатом этой беседы было принципиальное изменение места Русской Православной Церкви в государстве. Было принято решение о созыве Архиерейского Собора и выборах Патриарха. Договорились о деятельности Священного Синода, открытии учебных заведений для подготовки церковных кадров и издательской деятельности Церкви. И, наконец, было решено «изучить вопрос (положительно) об освобождении архиереев и священников из лагерей и возможности беспрепятственного богослужения ими во всех городах России, прописке и свободном передвижении».

Итоги этой беседы были ошеломительными. ***В несколько лет на территории СССР были открыты тысячи храмов (22 тысячи общин), монастырей и учебных заведений.*** Сократились гонения на верующих и дикие шашаши всевозможных союзов «безбожников».

Русь Святая воскрешалась! Церковь Святая выстояла!

Многажды многими чудесами порадовала Русская земля православных в том высоком стоянии перед Господом. Но самым радостным было чудо возвращения преподобного Сергия Радонежского в Троице-Сергиеву Лавру. Известно, что после осквернения мощей Чудотворца в 1919 году в ночь перед проведением кощунственной церемонии исчезла драгоценная глава Святого. Много позже, почти через век вскрылись потрясающие подробности этого дела. В эту ночь священник, философ, ученый-гений России Павел Флоренский и князь Олсуфьев отделили голову святого от мощей и спрятали ее в кадке с фикусом в доме князя Олсуфьева. Принимал участие в этом тайнодействии молодой трудник Лавры Павел Александрович Голубцов, который и вывез святыню из княжеского дома, спрятав в укромном месте. Забегая вперед скажу, что в 1946 году в ночь перед открытием мощей драгоценная глава была возвращена на свое законное место — родные плечи Преподобного. Павел Голубцов впоследствии стал архиепископом Старорусским и Новгородским Сергием. Русский гений был расстрелян. Господь возвеличил его в сонме великомучеников.

Знаменитая Сталинградская битва началась уже с открытого молебна перед Казанской иконой. Ее возили в самые огненные места битвы, священники служили молебны под грохотом орудий и кропили солдат святой водой. Все мы помним исход этой великой битвы.

В глубинной памяти праведной этой войны сохранилось свидетельство, что уже в разгар боя за Кенигсберг, когда выдохлись наши войска, а немцы бились ожесточенно и, казалось, поражение наших войск неминуемо, появились священники с иконами.

— Вот попов привезли, — шутили офицеры.

Священники служили молебен и пошли с иконою на передовой. Стеной шли, во весь рост, открытые всем огням. И вокруг немецкий огонь прекратился. Наши дали сигнал большого штурма — по суше и с моря. И случилось невероятное, немцы падали, как мухи, сдавались в плен и бежали с поля боя. Оказывается, в небе появилась «мадонна», как называли они ее — Богородица. И тогда уже наши войска почти безо всякого сопротивления вошли в город.

Более 20 000 храмов было открыто в военное время на всем великом пространстве России. Молились повсеместно и все. Вновь открывшиеся храмы были забиты молящимися. Молитва звучала и в окопах, и на пахоте, и на лесоповалах, и в лагерях. А потому Победа была неотвратима.

Подводя итоги наших исследований, почему было попущено Господом столь великое испытание нашему народу, повторюсь, как православный человек: за отступничество от Господа и Православной веры, за попрание заветов предков и поругание святынь.

«Россию куют беды и напасти. Не напрасно Тот, Кто правит всеми народами, искусно, метко кладет на Свою наковальню всех подвергаемых Его сильному молоту. Крепись, Россия! Но и кайся, молись, плачь горькими слезами пред Небесным твоим Отцом, которого ты безмерно прогневила!» — воскликнул провидчески праведный Иоанн Кронштадтский.

И заплакала в войну горькими слезами Россия, и взмолилась, и покаялась. И в этом сердцевинный смысл Великой Отечественной войны. Россия вошла в войну уже почти атеистической страной. В ее кроваво-огненном горниле она очистилась, выплавилась, вернула свою, дарованную ей Господом духовную сердцевину и вышла из войны вновь Православною Святою Русью.

Конечно же, она защитила и свои широты, спасла народ от лютого рабства и не только свой, но и народы Европы. Все так. Но ***не обратись русский народ к своему Творцу — Победы не бывает!***

В этом основные уроки и духовные истоки Русской победы. Мы имеем, по словам Иоанна Кронштадтского, «неоцененное жизненное сокровище — Веру Православную, с Церковью спасающею». Ею и будем спасаться во все времена. Потому что «беды и напасти» вновь у порога, горят и кровят майданы, оскалились аки волчьи пасти и грозят не только санкциями спасенные когда-то нашими предками народы Европы и Америки...

Вспомним, чем спаслась Россия, обернемся на ее высокий и, опять же, единственно спасительный Божий островок в пучине гибели: Веру, Церковь, заветы Божией Матери, святых Православных, и тем всегда победим.

ЕЛЕНА ЧУБЕНКО

Дети войны и вдовы

РАССКАЗ-БЫЛЬ

Я не знала своих дедов. Ни одного, ни другого. В старом, покореженном времени альбоме с корочками из коричневого дерматина лежат две фотографии. На мутно-сером фоне одной из них едва различается сухопарое лицо светловолосого мужика, в фуражке, под которой слегка видна повязка. Это была единственная фотография папкиного отца — Тимофея Капустина. «Переснятая карточка. Он тут и не шибо похожий», — сокрушается мой отец. На второй совсем молоденькая женщина и мужчина лет около тридцати. Между ними, прижимаясь к женщине, стоит девочка. Это — мои бабушка Евгенья и дед Петя, которого я тоже не знала. А девочка — моя тетя Нюра. Она еще видела своего отца. Когда родилась моя мама, ее отец был уже на войне. А вернуться не пришлось.

В памяти тети Нюры сохранились руки, глаза отца и глаза ее матери, когда та увидела, как по улице идет мальчик — посыльный. Митька уже умел читать и поэтому разносил по деревне почту. Но больше — похоронки. Маленькая Нюрка видела, как мать бросилась к двери, и стала выталкивать испуганного пацаненка прочь, приговаривая: «Зачем? Зачем суды? Уйди ты, Христа ради...». Потом неловко повалилась на крылечке, придерживая рукой большой уже живот. А в доме, рванув на груди ставший вдруг тесным сарафан, кулем повалилась на пол бабка Матрена, мать Петра.

Выскочивший из избы дед Елисей строго взглянул на парнишку, взял из его рук казенный конверт и, затвердев лицом, даже бровями и бородой, такими тёплыми и пушистыми до этого, прижал к себе одной рукой Нюрку, второй — хватающую ртом воздух невестку, повел их с крыльца в дом. Усадив обеих на лавку в кути, негнушными пальцами стал курочить сложенный прямоугольник, будто не прочесть его хотел, а сломать и осколки выбросить, чтоб, не дай Бог, не поранились об них ничьи ноги и глаза, особенно — невесткины, ведь парнишку вроде ждала. Первая-то, девка, вон уж всё понимает.

...Письмо, хоть и мятое и не сразу открытое, сообщало, что красноармеец Коновалов Петр Иванович пал смертью храбрых в боях за станцию Пухово Лискинского района Воронежской области.

Менялись области и названия населенных пунктов, приходили конверты с названиями, которые сроду и не слышали здесь. И конверты приносили в маленькую деревеньку на берегу Ингоды одно и то же — смерть, смерть. Тетка Дарья, соседка через дорогу, проводила на войну сначала мужа своего, Афанасия, а маленько погода забрали и сына, молодого Афоньку, только-только зачерневшего усами под орлиным носом. Года не прошло — пришла похоронка на старшего, а потом и младшего Афанасия. И, подпоясавшись ремнем через фуфайку, ушла на фронт и молодуха, которую перед самой войной успел привести в дом Афанасий-младший. Тетка Дарья металась между колхозными полями и домом, где на полатах и печке сидели-мостились Настя, Катюха, Ариша, Нюра и Маша. Полученный в колхозе ковшик баланды, прикрыв дерюжкой, бегом несла домой, голодным девочкам.

Дед Елисей, как и все старики, промышлял в лесу — мясо на фронт добывал. Дома какая-никакая мясина водилась, а у Дарьи совсем худо было. Бабка Матрена, спрятав под фартук чугунок с варевом, бежала через дорогу, к Дарьиным ребятишкам, куда порой с утра убегала старшая внучка, Нюрка. Нюрка дома вредничала, не ела, а у «дарчат» нахваливала картошку и похлебку: у них, мол, вкусно. Это уж потом подросла да узнала, что бабка Матрена тайком волочила чугунки с картошкой отощавшей Дарье и ее девчаткам из своего же дома.

Чуть не в каждом доме была беда. Марина Страмилова проводила на фронт своего Михаила, а дома остались пятеро детей. Михаил погиб. Александра Капустина (моя бабушка), проводив на фронт Тимофея, осталась с детьми — Сергеем, Матвеем, Севостьяном, Иваном, Анной, Паной. Сергей, как взрослый, уже в войну начал работать, пас быков, помогал бабам на пахоте, на покосе. Матвея в конце войны забрали на фронт, Бог миловал — вернулся. Хоть и раненый весь. А сам Тимофей погиб в 1942 году. Всех ребятишек выходила, вырастила Александра Максимовна.

Как их мамам удалось поднять, а им вырасти, рассказ особый. В музее, на встрече ветеранов труда и войны фронтовики за столом вспоминали бои, рассказывали, как воевали. Карп Николаевич внимательно слушал их, а потом встал и негромко сказал: «Вы вот рассказываете, как вы воевали. А знали б вы, как мы тут работали»... Да больше и сказать ничего не смог, и как-то неловко сел, а слезинка непрощеная скользнула из уголка глаза к уголку рта.

«Из детей войны сегодня осталось в деревне только трое — рассказывает он мне. — Я, Антон Нагаев да Агафья. Остальные уж померли. А мы в 12-13 лет становились на работу уже наравне со взрослыми, скот обихаживали, молотили. Как вспомню, что пережить пришлось... В семье нас пятеро было — три девчонки да два пацана к началу войны. Отца в 1939 и в 1940 году дважды брали на переподготовку по семь месяцев. А с начала войны его призвали на фронт. Был он уж в годах, с 1902 года рождения, а мама с 1900 года. Самая маленькая, Катя, у нас была с 1938 года, Зина с 1924, я с 1930, да еще сестра с 1927 года. С 1942 года я пошел «бычничать» и конюшить со скотом. Пасли до зимы. А три бабы наших, Бородиниха, Хочиха и мама моя, Прасковья, пасли овец. И вот к зиме, по холоду уже, бараны зашли на береги озера, попить воды, да под лед несколько овец ушло! И их, всех троих, не посмотрев, что мужики их на фронте, посадили в тюрьму. Мы, пятеро детей, остались одни. Старшие сестры Зина и Аниска решились отдать нас в детдом — дедов со стороны отца не было, со стороны матери бабушка была одна, да уж старенькая. Посадили нас на две подводы — меня, Катю и Мишку на одну, а бородинских ребятишек на другую, и повезли в детдом в Улеты. Везли нас тетка Евгения да сестра моя, Зина. Ехали двое суток. В бору возле Гореки потеряли Ваньку Бородина ночью. Хватились, а его нет на телеге! Вернулись да искать его в бору, хорошо ночь светлая да месячная была. Нашли, дальше поехали. Под Доронинском заночевали, утром снова двинулись. В Улетах сдали нас в детдом за Ингодой. Мне там не понравилось. Кормили худо, мы всё картофельные очистки на помойке собирали, а директор детдома, Валентина Михайловна, нас гоняла оттуда палкой. Я маленько погодя оттуда убежал в Улеты. Меня в милицию там отдали да обратно в детдом! Я думаю, всё одно домой сбегу! Сбежал второй раз по Ингоде. Холодно, осень поздняя наверно была или зима, по льду так и бежал. Я добежал до Арты, нашел там отцову сестру. Побыл несколько дней. Она запрягла коня и увезла меня в Дешулан. И снова стал ходить за скотом и слесарничать —

где ведро запаяю, где кружку, где налажу швейную машинку бабам. Летом 1943 года все бабы пахали на быках, а я уже в кузне ремонтировал им лемеха — стал совсем мужик, помощник. Лес готовили, сплавляли, бабы его по покатам на яр подымают, рукавицы да обутки в ключья порвут, я по полночи зашиваю потом сижую. Обутки рвали, да жилушки все себе!

В июле 44 года мы получили на отца похоронку. Мама всё еще была в тюрьме. Нужда была страшная! Все, что выращивали, сдавали для фронта, для победы — порой подчистую. Весной на станции Ингода брали семена на посев. Трудоспособных еще облагали налогом: 30 литров молока, 30 яиц, 46 килограммов мяса в год полагалось сдать. Не сдашь, придут и опишут, сколь раз и корову уводили. Корова если одна в семье — свинью из засадки заберут и увезут. В семье Цыпыловых двое детей умерло с голоду — не смогли спасти. А мы выжили, наверно, за счет крапивы... Весной её начинаем готовить, засушим, на вышку натаскаем, да потом едим зимой. Картошка гнила почему-то, не успевали видать её до холодов выкопать. Гуси, бывало, летят, а мы всё её копаем, холодно уж всюю».

Баланду с колхозного ковшика, норму — две кружки чумизы или кукурузы, да чугунку бабки Матрены эти военные ребятишки помнят и по сей день. В 1977 году Карп Николаевич съездил в Литву — на братскую могилу, в которой похоронен его отец, погибший в боях возле реки Неман у города Алитус. Бережно замотаны в целлофан фотографии с той поездки, где изображен памятник, плиты с выбитыми фамилиями, среди которых и его капустинская фамилия.

А мои мама и тетка фотографию могилочки отцовской увидели только в 2011 году — в интернете школьники показали. Сколько себя помню, мечтали они побывать на месте братской могилы, где похоронен дешуланский солдат Коновалов Петр Иванович, да не пришлось. Обида в сердцах осталась. Как соберутся втроём, обида выходит наружу со ставшими теперь частыми непрошеными слезами.

— В душу нам обеим плюют с этими домами для вдов, — ни та, ни другая не могут говорить и начинают, влажнея глазами, отводить их в сторону, чтоб друг друга не расстроить еще больше. — Вдова — это тетка Дарья. Она пятерых девчат одна подняла. Баба Шура наша — шестерых вырастила, когда деда Тимоху убили. Карпухина матка ни за чё отсидела, ребятишек потом растила одна. А щас разве вдовы? С чего они вдовы? Некоторые моложе нас! Не ждали его, в окошки не заглядывали. Ковшик баланды на пятерых не делили. Брюхо в лесу не рвали, когда валили лес да накатом на яр поднимали... Вышла замуж за живого фронтовика, с ним детей родила, с ним растила! С чего она сейчас вдова? Хошь бы для смеху сказали нам: «Вот вам билеты в оба конца. Съездите, батьку поглядите»... — не договорив, обе начинают скомканными концами платков вытирать слёзы...

Я знаю, что в области есть даже 36-летняя вдова участника войны, но не стану им об этом говорить. Расплачутся...

Если бы мне пришлось выступать в Бундестаге...

От редакции: Прежде чем читатель ознакомится со словом А.Медведева, необходимо привести речь российского школьника Коли Десятниченко в Бундестаге:

«Здравствуйте. Меня зовут Николай Десятниченко. Я учусь в гимназии в городе Новый Уренгой. Мне предложили участвовать в проекте, посвящённом солдатам, погибшим в времена Второй мировой войны. Это меня очень заинтересовало, так как я увлекаюсь с детства историей и своей страны, и Германии. Я сразу начал искать соответствующую информацию. Сначала посетил городской архив и библиотеку, затем пытался найти истории немецких солдат в Интернете и других источниках. Однако позже в сотрудничестве с Народным союзом Германии по уходу за военными захоронениями я узнал и подробно изучил биографию Георга Йохана Рау. Он родился 17 января 1922 года в многодетной семье. На фронт Георг ушёл в чине ефрейтора и сражался в качестве солдата ПВО в Сталинградской битве 1942–1943 годов. Георг был одним из 250 тысяч немецких солдат, которые были окружены Советской армией в так называемом советском котле. После прекращения боёв он попал в лагерь для военнопленных. Только 6 тысяч из этих военнопленных вернулись домой, и Георга среди них не было. Долгое время родные немецкого солдата считали его пропавшим без вести. Лишь в прошлом году семья Георга получила информацию от Народного союза Германии по уходу за военными захоронениями, что солдат умер от тяжёлых условий плена 17 марта 1943 года в лагере для военнопленных в Бекетовке. Возможно, он был похоронен среди 2006 солдат близ этого лагеря. История Георга и работа над проектом тронули меня и подтолкнули к посещению захоронения вблизи города Копейска. Это чрезвычайно огорчило меня, поскольку я увидел могилы невинно погибших людей, среди которых многие хотели жить мирно и не желали воевать. Они испытывали невероятные трудности во время войны, о которых мне рассказывал мой прадедущка, участник войны, который был командиром стрелковой роты. Воевал он недолго, так как был тяжело ранен. Отто фон Бисмарк сказал: «Всякий, кто заглянул в стекленеющие глаза солдата, умирающего на поле боя, хорошо подумает, прежде чем начать войну». Я искренне надеюсь, что на всей Земле восторжествует здравый смысл, и мир больше никогда не увидит войн. Спасибо за внимание».

* * *

Если бы мне пришлось выступать в Бундестаге, как мальчику Коле, то я, пожалуй, сказал бы такие слова:

— Уважаемые депутаты! Сегодня я увидел чудо. И это чудо называется Германия. Я шел к вам и смотрел на красивые берлинские улицы, на людей, на замечательные памятники архитектуры, и теперь я стою тут, и смотрю на вас. И я понимаю, что всё это чудо. Что вы все родились на свет и живете в Германии. Почему я так думаю? Потому что учитывая то, что ваши солдаты сделали у нас, на

оккупированных территориях, бойцы Красной Армии имели полное моральное право уничтожить весь немецкий народ.

Оставить на месте Германии выжженное поле, руины, и только параграфы учебников напоминали бы о том, что была когда-то такая страна. Вы вероятно не помните всех подробностей оккупации, но это и не нужно. Я просто напомним вам о том, что солдаты Вермахта и СС делали с советскими детьми. Их расстреливали. Часто на глазах у родителей. Или наоборот, сначала стреляли в папу с мамой, а потом в детей.

Ваши солдаты насиловали детей. Детей сжигали заживо. Отправляли в концлагеря. Где у них забирали кровь, чтобы делать сыворотку для ваших солдат. Детей морили голодом. Детей жрали насмерть ваши овчарки. Детей использовали в качестве мишеней. Детей зверски пытали просто для развлечения.

Или вот вам два примера. Офицеру вермахта мешал спать младенец, он взял его за ногу и разбил его голову об угол печки. Ваши летчики на станции Лычково разбомбили эшелон, на котором пытались вывезти детей в тыл, и потом ваши асы гонялись за перепуганными малышами, расстреливая их в голом поле. Было убито две тысячи детей.

Только за одно то, что вы делали с детьми, повторюсь, Красная Армия могла уничтожить Германию полностью с ее жителями. Имела полное моральное право. Но не сделала.

Жалею ли я об этом? Конечно нет. Я преклоняюсь перед стальной волей моих предков, которые нашли в себе какие-то невероятные силы, чтобы не стать такими же скотами, какими были солдаты Вермахта.

На пряжках немецких солдат писалось «С нами Бог». Но они были порождением ада и несли ад на нашу землю. Солдаты Красной Армии были комсомольцами и коммунистами, но советские люди оказались куда большими христианами, чем жители просвещенной религиозной Европы. И не стали мстить. Смогли понять, что адом ад не победить.

Вам не стоит просить у нас прощения, ведь лично вы ни в чем не виноваты. Вы не можете отвечать за своих дедов и прадедов. И потом, прощает только Господь. Но я скажу честно — для меня немцы навсегда чужой, чуждый народ. Это не потому что лично вы плохие. Это во мне кричит боль сожженных Вермахтом детей. И вам придется принять, что как минимум еще моё поколение, для которого память о войне — это награды деда, его шрамы, его фронтовые друзья — будет воспринимать вас так.

Что будет потом, я не знаю. Возможно, после нас придут манкурты, которые все забудут. И мы многое для этого сделали, мы много что потеряли сами, но я надеюсь, что еще не все потеряно для России.

Нам, конечно, нужно сотрудничать. Русским и немцам. Нужно вместе решать проблемы. Бороться с ИГИЛ и строить газопроводы. Но вам придется принять один факт: мы никогда не будем каяться за нашу Великую эту войну. И тем более за Победу. И тем более перед вами. Во всяком случае, повторюсь, моё поколение. Потому что мы тогда спасли не только себя. Мы спасли вас от вас самих. И я даже не знаю, что важнее.

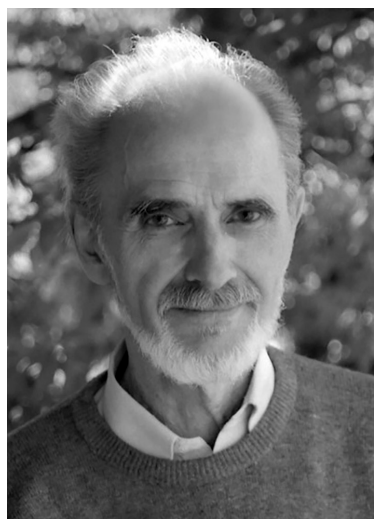
Facebook

85-летие поэта В. У. Казанцева

ГЕННАДИЙ ИВАНОВ

Поэт радости Василий Казанцев

Когда-то, а конкретно в июне 1991 года, я опубликовал в «Литературной России» такой материал «Признание в любви», три эссе о трёх поэтах, которых я действительно любил и люблю — о Василии Казанцеве, Владимире Соколове и Юрии Кузнецове.

Оставалось два месяца до краха Советского Союза... Может быть, интуитивно хотелось защититься настоящей поэзией от надвигающегося на нас мрака.

Сегодня я пишу о Василии Казанцеве в связи с его 85-летним юбилеем. Тогда своё эссе о нём я назвал «Если уровень позволяет...» Приведу отрывок из него, а потом скажу о моём нынешнем восприятии поэзии Казанцева.

«Несколько лет назад я был удивлён и опечален, узнав, что в издательстве «Художественная литература» посчитали уровень поэзии Василия Казанцева недостаточным для включения его «Избранного» в так называемый пятилетний план изданий. Не дотягивает, мол... Уровень многих и многих, вплоть до Сергея Острового и Михаила Пляцковского, дотягивает, а вот Казанцева — нет.

Хотя не только мне одному и тогда было ясно и теперь, что это один из самых самобытнейших наших поэтов. В лаконизме его стихотворений слились лирика и философия, простота и сложность, музыка и молчание... Вадим Кожинов считает, что в нём слились и, условно говоря, «крестьянская», и «дворянская» поэтические стихии — и это «определяет культурно-историческую ценность поэзии Василия Казанцева».

Для меня это прежде всего — радость от общения с Поэзией. Внешне — традиционной и простой, внутренне — своеобразной и сложной.

Стихи Василия Казанцева регулярно появляются в журналах всех направлений. Он никого не задает, не участвует в противостоянии и борьбе. Он всех устраивает достойным уровнем своей поэзии. Своей чистой поэзии.

Некоторые стихи я запоминал сразу. Чаще других повторяю стихотворение «В этой радости мне отказали...» Прекрасное стихотворение!

*В этой радости мне отказали.
Но к печали не клонит отказ.
Ну и что! Мне уже обещали
Ту, что радостней в тысячу раз.
Всё длинней, всё изученней будни.
И сквозь будни, где всё прочтено,
Всё настойчивей, всё неотступней
Голос: больше не дам ничего.
Ну и пусть. К благодарной, горящей
Я уже прикоснулся руке.
Я уже побезмолвствовал в чаще.
Я уже искупался в реке.*

Нет, консенсусы уже надоели. Дикторы последних новостей умирают на глазах, когда начинает говорить со мной такая поэзия. Русский язык оживает.

Сейчас много публикуют стихов, скажем так, на религиозные темы. Очень много. И хорошо. А Василий Казанцев ещё в 1980 году написал и через три года опубликовал стихотворение, от которого у меня дух захватило тогда. И сейчас им можно открывать любую антологию духовной поэзии. А время тогда было суровое — андроповское: о Боге всё вычёркивали. А тут с таким блеском появляется стихотворение:

*Звезда, морозным блеском вея,
Средь горних светится полей.
Руки держащей нет над нею.
Держащей длани нет под ней.
Среди холодного простора,
В соседстве звёзд, комет,
Планет,
Звезде опоры —
Нет!
...Опора
Одна — из сердца
Бьющий
Свет!*

Так что есть определённый уровень, когда всё можно сказать. Если уровень позволяет. А в издательстве «Художественная литература», конечно, ошиблись, сочтя его недостаточным».

Это публикация 1991 года. Прошло почти тридцать лет. Василий Иванович, слава Богу, жив. Ему исполняется 85 лет. В эти годы он пережил и личные житейские потрясения, и страна много чего пережила... Но Василий Иванович всегда оставался как бы невозмутимым, всё принимал как должное. Приходили строки, работал над стихами — жил только этим. С 1990 года по 2000 у него не вышло ни одной книги. Потом — «Новая книга» (Москва, 2000), «Смысл» (Москва, 2000), «Счастливый день» (Москва, 2004), «Избранные стихи» (Томск, 2011), «Восторг бытия» (Томск, 2017). Сейчас он подготовил книгу избранных стихотворений «Взлёт».

Что я могу сказать сегодня о поэзии Василия Казанцева? В чём-то я могу сравнить его стихи со стихами, допустим, Басё. То же искусное умение сказать многое в немногих словах. И очень, очень изящно...

Некоторое время назад в Германии в русскоязычном журнале «Плавучий мост»

появилась большая подборка Василия Казанцева. Составитель её Надежда Кондакова сравнивает Василия Ивановича с Фетом: «Василий Казанцев, кажется мне, наследник по прямой линии поэзии Афанасия Фета, которого чрезвычайно ценил Лев Толстой за его “лирическую дерзость”. О знаменитом стихотворении Фета “Шёпот, робкое дыханье...” когда-то в полемике с Добролюбовым замечательно высказался Достоевский. “Положим, прошло страшное землетрясение... На другой день выходит газета — и что же в ней? На первом листе — “Шёпот, робкое дыханье...”. Жители тут же казнили бы всенародно, на площади, своего знаменитого поэта... а через тридцать, через пятьдесят лет поставили бы ему на площади памятник за его удивительные стихи...». Стихи Василия Казанцева — в большей степени принадлежат тоже вневременным категориям, они не устаревают».

Тоже справедливое сравнение.

Читая стихи Казанцева, вспоминаешь и пушкинское «гений — парадоксов друг». Василий Иванович порой очень парадоксален. Порой он поверяет мысли классиков своим опытом. Это тоже интересно.

*Нет, не скрывайся, не таи
И чувства, и мечты свои.
...Нет, не погаснет, не затмится
Среди теней лесных, густых —
Высоким светом озарится,
Там, в небе, блеском загорится,
Там, в небе, громом подтвердится,
Там, в небе, в высях, сила их.*

Но если говорить о чём-то самом-самом окончательном, присущем своеобразию поэзии Казанцева, о сердцевине, я бы сказал о радости в его стихах. Он противостоит всяческому нигилизму и тоске.

Я имел некоторое отношение к подготовке к изданию его книги в Томске, на его родине, «Избранные стихи» в 2011 году. Так вот, Василий Иванович тогда сказал, а потом это сказанное включил в своё небольшое предисловие: «Составляя эту книгу, обратил внимание на то, что в новых стихах стало гораздо больше чувств радости. Отчего? Жизнь вроде бы для этого предоставляет не так уж много поводов.

Существует, между прочим, мнение, что стихи, овеянные чувством радости, писать гораздо легче, чем стихи, овеянные чувством грусти. Мне же кажется, что как раз наоборот (я не говорю о стихах бездумно-бодряческих). Ведь чтобы написать стихи, исполненные истинной силы жизнеутверждения, надо иметь эту силу в душе».

Радость, жизнеутверждение, красота жизни... Это Казанцев.

Он то своё предисловие закончил такими словами: «Поэзия устала от слов порицания».

У него слова «радость» и «счастье» есть и в названиях книг и в названиях разделов в книгах. В наши дни назвать книгу «Счастливый день» или «Восторг бытия»... Вот эта его позиция, а точнее его глубокая мысль, выражена парадоксально в таком стихотворении:

*Когда я буду писать о бедах,
О хмурых, угрюмых, печальных бедах,
О горьких, о трудных, о тяжких бедах,
Я буду писать о минутах счастья.*

*Но это же будет всё неправда.
Но это же вовсе будет неправда.
Но это будет не меньше, чем правда.
...Но это больше будет, чем правда.*

...В том сборнике 2011 года один из разделов Василий Иванович озаглавил «Пора счастливым быть». Мне кажется, он всю жизнь счастливый — не скажу, что счастливый человек, но поэт — счастливый.

Это его поэтическая судьба, его путь. И он следует по нему.

Он сам себе предсказал этот путь ещё в молодости. В 1968 году написал такое стихотворение:

*Принимаю как должное
От стремительных лет
Невнимание долгое,
Запоздалый привет.
И внимание долгое,
Долговечный привет
Принимаю — как должное.
Страху времени — нет.*

Ещё не было тогда долговечного приветов, но он знал, что будет. И знал, что бесстрашно будет идти своим путём...

Я сказал про радость и ничего не сказал о мудрости поэзии Казанцева, даже об аналитичности его ума. Казалось бы, аналитичность противопоказана поэту, ан нет. В случае с Казанцевым — получилось хорошо. Он смог пройти по тонкому, не знаю, лезвию или льду... Он довольно рано всё мудро понял о поэзии. Вот стихотворение 1967 года:

*Не стремись быть совершенным —
В совершенстве холодок.
Не стремись быть современным —
Станет голос неглубок.*

*Не стремись быть знаменитым —
Одолеет суета.
Не стремись быть самобытным —
Отвернётся простота.*

*Ничего-то нет милее
Немудрёных слов и тем.
Будь — честнее. Будь — смелее.
Станешь тем, и тем, и тем.*

Казанцев и стал и тем, и тем, и тем...

Сейчас я думаю, что в издательстве «Художественная литература» не включили его книгу в план прежде всего потому, что у него в наличии вообще не было стихов таких советских гражданских. И это смущало высокое начальство. Казанцев не был против советской власти, как не был и за советскую власть. Он за жизнь, за красоту, за добро... И за Родину тоже, но не декларативно. Как-то об этом написал Владимир Соколов: «Всё у меня о России, даже когда о себе».

Поздравляю Василия Ивановича с наступающим 85-летием. Желаю ему доброго здоровья, и дай Бог в этом году выйти его книге «Взлёт». Название, конеч-

но, с особым смыслом. Как многое у него. Была у него такая книга «Выше радости, выше печали». Кожинев к ней предисловие писал. Тоже название с особым смыслом. Кстати, тираж 50 000 экземпляров. И разошёлся месяца за три.

Будет ли когда-нибудь такое время, что снова книги таких поэтов, как Василий Казанцев, будут издаваться большими тиражами и быстро расходиться? Может, и будет. Ведь выходили же книги поэтов XIX века или начала XX в советское время сотысячными тиражами.

* * *

...Только что приехал из Реутово, где живёт в своей квартире Василий Иванович. Сравнительно недавно он в неё вернулся. До этого вынужден был восемь лет жить в Голицыне в так называемом Доме творчества, а по сути в жутком общежитии, в таком убогом проходном дворе... Комнатушка там у него была метров 8. Вода и все удобства в коридоре. Где-то в конце коридора общая кухня.

У него в эти годы была сложная семейная ситуация. Не дай Бог никому, но такое бывает.

Несколько часов мы с ним разговаривали о поэзии и жизни. Я не знал, что с жильём у него и раньше было несколько трудных ситуаций. В Томске на заре туманной молодости он женился на студентке, жить было негде. Пришлось купить землянку. Да, землянку.

На окраине Томска на склоне большого холма люди рыли землянки, обивали их досками, печку клали — и так жили. У Казанцевых в землянке первый ребёнок родился... Это был конец пятидесятых — начало шестидесятых. Три года они так прожили. И только когда Казанцев стал членом Союза писателей, в 1963 году, семье дали маленькую старую однокомнатную квартиру. Тогда считалось, что писатель не может жить в таких условиях. Через несколько лет литфонд построил ему трёхкомнатную квартиру. Было уже двое детей.

Потом два года учёбы на Высших литературных курсах в Москве. Василий Иванович тогда колебался: ехать, не ехать. Но, говорит, его убедил поэт Юрий Панкратов. Поехал. И уверился, что поэту надо хоть какое-то время пожить в Москве, побыть в её творческой атмосфере. Поэтому и стал потом искать возможность перебраться сюда. Хотя бы в Подмоскovie. Объехал несколько городов, остановился на Павловском Посаде... Там своя история с жильём была. Потом, через много лет, решили двинуться ближе к Москве, тем более жена-врач стала работать в Реутове, на самой тогда границе с Москвой... Лет десять ждали здесь квартиру...

Одним словом, «квартирный вопрос» мог испортить Василия Ивановича, но не испортил. В депрессию он не впадал. А продолжал утверждать в поэзии радость и счастье.

И по другой причине он мог стать не таким поэтом, каким он стал. Мало кто знает, что в 1937 году его отца репрессировали и через две недели расстреляли. Он был продавцом сельмага. В пятидесятых годах реабилитировали. Мать осталась одна с тремя детьми.

Отца расстреляли в Колпашёвском яре — такой высокий обрыв на реке Оби. Место массовых расстрелов. Даже в Википедии есть об этом месте:

«Старший следователь УКГБ по Томской области А. Справовский, который работал по Томской области в 1955–1960-е годы и участвовал в реабилитации репрессированных, цитирует показания одного из исполнителей смертных приговоров в 1937 году, показавшего, что рядом со зданием Нарымского окружного

отдела НКВД в Колпашево «была большая площадка, обнесенная высоким забором, там была вырыта яма, куда можно было подойти по специально устроенному трапу. В момент расстрела исполнители находились в укрытии, а при подходе арестованного к определенному месту раздавался выстрел, и он сваливался в яму. В целях экономии патронов была внедрена система удушения петлей с применением мыла».

И при всём этом мы имеем светлого поэта Василия Казанцева.

Василий Иванович подарил мне несколько своих сибирских книг. Вот передо мной вторая его книга — «Лирика», 1964 год, Новосибирск. В аннотации к ней написано: «Основная тема книги — творчество: творчество в труде, в искусстве, в жизни. Стихи посвящены поискам красоты в человеке — в его делах, помыслах, чувствах». То же самое можно написать и о нынешних его поэтических взглядах.

Кто-то может сказать, что я цитировал стихи, в которых «радость» присутствует как, скажем так, философское понятие, а где же она явлена сама по себе? Да вот в таких, например, стихотворениях:

* * *

<i>Бежит улыбка по лицу,</i>	<i>К оторопелой. Молчаливой.</i>
<i>В груди сияние теснится,</i>	<i>К оцепенелой. Терпеливой.</i>
<i>Когда нечаянно гляжу</i>	<i>К молочно-белой.</i>
<i>На забелевшую пшеницу.</i>	<i>У счастливой</i>
<i>И в озарении лечу</i>	<i>Бежит улыбка по лицу.</i>

* * *

*Это никогда не надоест —
Листьев неумолчное плесканье,
Мреющих, бессмертных звёзд блистанье
Иль, как раньше говорили, звезд.*

*Это не наскучит никогда —
Плавная неправильность сугроба,
Ровная законченность плода.
По земле идущая дорога.
По песку бегущая вода.*

* * *

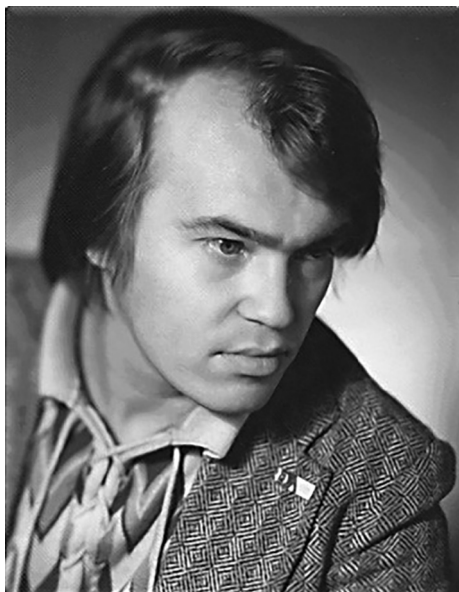
*...И вновь захочется туда,
Где запах молодого сена
Стоит как тихая вода.
И тает, тает постепенно,
И не растает никогда.*

Было бы неправильно, если бы я забыл и от себя лично, и от Союза писателей России не поблагодарил выпускницу Литературного института Татьяну Бурдакову, которая в последнее время помогала Василию Ивановичу в подготовке его итоговой книги «Взлёт». Сам он уже очень плохо видит. Татьяна набирала тексты, вносила правку, которую предлагал поэт, и делала всю техническую работу. Спасибо, Татьяна, за Ваш благородный труд.

Теперь дело за тем, чтобы найти издательство, которое бы взялось издать эту книгу.

ВЛАДИМИР СКИФ

Рождённый в сорок пятом,
«я вернусь когда-нибудь домой...»

Г. Кольцов

Нам с замечательным русским поэтом Георгием Кольцовым посчастливилось родиться в одно и то же время, в начале 1945 года, с разницей в полтора месяца. И потом, когда мы выросли и повзрослели, наши пути стали постоянно пересекаться. Гоша работал учителем физкультуры в Уянской средней школе Куйтунского района, я тоже преподавал физкультуру, но кроме физкультуры, ещё и географию, черчение, рисование в Лермонтовской школе того же района. Со школьных лет мы, то есть я и Георгий, начали писать стихи и публиковаться в куйтунской районной газете «По ленинскому пути». Изредка собирались на редакционные посиделки и читали стихи и рассказы. Совсем ещё юный поэт Георгий Кольцов уже тогда был замечен местными поэтами и журналистами как подающий

большие надежды автор, печатал в газете стихи, в которых порой простодушно, порой удивительно ярко светилась жизнь крестьян-сибиряков с её, вроде бы, привычным деревенским укладом, но такими живыми характерами и подлинными картинами сибирской природы.

В 1964 году мы с Кольцовым были приглашены на первую иркутскую областную конференцию «Молодость. Творчество. Современность», где были замечены руководителями поэтического семинара и даже опубликованы с портретами и стихами в газете «Советская молодёжь», в которой в то время работали Валентин Распутин, Александр Вампилов, Евгений Суворов, Владимир Жемчужников. А среди руководителей семинара значились иркутские поэты Елена Жилкина, Пётр Реутский, Анатолий Преловский, Марк Сергеев, Виктор Киселёв, а также приглашённые из Москвы писатели — Александр Межиров, Владимир Корнилов, Марк Соболь. Вот небольшая информация о той конференции из газет прошлого времени, которую приводит в своей исследовательской книге старейший журналист Владимир Ходий:

«Дню открытия конференции обе областные газеты по традиции посвятили специальные страницы. Так, «Молодёжка», отведя ей весь разворот очередного номера, первую полосу открыла яркой эмблемой и словами: «Начинает работу

конференция творческой молодежи области. Её девиз — «Молодость, творчество, современность». Её символ — горячее сердце». А «Восточно-Сибирская правда», напомнив о «прекрасном призвании творческой молодёжи — служить своим талантом народу», опубликовала рассказ Владимира Жемчужникова «Орнамент», статью руководителя литературного объединения при редакции газеты «Иркутский университет» Ростислава Смирнова, очерк об операторе Восточно-Сибирской студии кинохроники Михаиле Колесникове, стихи учителей из Куйтунского района — **Г. Кольцова «Просека»** и **В. Смирнова «Помоги, весна!»**. (Выделено мной — В. Скиф).

Здесь В. Ходий не совсем точен. Это была «Молодёжка», а не «Восточка». И далее:

«По заведённой традиции на «подмогу» нашим писателям из Москвы прибыли авторитетные гости — поэты Александр Межиров, Марк Соболев, Владимир Корнилов, прозаик Борис Костюковский. С их участием жюри обеих литературных секций из многих произведений выделили повесть Геннадия Машкина «Синее море, белый пароход», рассказы Альберта Гурулёва, стихи Михаила Трофимова, Виктории Ярмицкой, Людмилы Бендер...»

А потом, после конференции, мы были призваны в армию: я на Тихоокеанский флот — в морскую авиацию, Гоша — в Читинскую область в танковые войска, и мы с ним на несколько лет расстались, но только на армейский период. Гоше нескладно повезло: он, будучи служилым человеком, всё-таки, смог попасть в 1965 году на знаменитый Читинский семинар молодых писателей, где обсуждались со своими первыми произведениями ставшие потом известными на весь мир наши земляки — Валентин Распутин, Александр Вампилов, Геннадий Машкин, Глеб Пакулов. И среди них мой незабвенный друг и одноклассник, учитель и солдат Георгий Кольцов, который по итогам теперь уже знаменитого на всю страну Читинского совещания попал в коллективный поэтический сборник «Зёрна» (М., «Молодая гвардия», 1966 г.). Вот стихотворение Гоши Кольцова из того давнего сборника:

*Созвездьями тьма разрублена
на мелкие на куски.
Здесь, словно полотна Врубеля,
таинственны краски реки.
На миг Ангара под звёздами
лиловой кажется мне,
и слышно, как кто-то вёслами
стреляет по тишине.*

Кстати, из сорока авторов, попавших в него, только у пятерых было опубликовано по четыре стихотворения: у Геннадия Головатого, Георгия Кольцова, Александра Плитченко, Ростислава Филиппова и Анатолия Павлухина. У остальных по два, редко по три стихотворения. Честно скажу, что Павлухина не знал и не знаю до сих пор, и ничего о нём не нашёл в интернете, а четверо из упомянутых стали известными и ныне почитаемыми и читаемыми поэтами. Приведу ещё одно стихотворение Георгия Кольцова:

<i>Сплошными сопками закрытая, Местами выжженно-бела, Здесь степь, снарядами изрытая, Солдатским стрелбищем была.</i>	<i>Мишени чёрные и красные. Прижав приклад к плечу плотней, По ним с утра, затвором клацая, Стреляли тысячи парней.</i>
---	---

*И поначалу просто выжженной
Земля казалась нам дотла.
Но степь жила (а может, выжила),
Цветы весной преподнесла.*

*И сколько было в этом свежести
И откровения земли,
Когда на стрельбище подснежники
Наперекор всему цвели!*

Даже для тех насыщенных поэзией времён приведённые мной стихи оказались ёмкими и метафорически яркими, они, я полагаю, запомнились руководителям Читинского семинара, семинаристам и жадным до поэзии слушателям в те дни, когда молодые авторы выступали перед читинской аудиторией. Как жаль, что мы нынче утратили эти золотые времена! Сборник «Зёрна» храню в своей библиотеке, как незабываемую реликвию, как частицу души моего друга и прекрасного русского поэта. Гоша подписал мне его в 1969 году:

«Другу Володе от одного из авторов этого сборника с надеждой на ответный автограф, которому по плечу не только «Бригада», но и дивизия. Г. Кольцов. 6.1.1969 г.»

Автограф написан перед выходом в свет моей книги «Зимняя мозаика» в серии «Бригада»¹, которую я подарил другу в ответ на его прежний автограф. А в 1975 году и у Гоши вышла в той же серии первая книга «Корни кедра» (Иркутск, Восточно-Сибирское книжное издательство, 1975 г.), которую он подарил мне со следующей надписью:

«Володе! Моему первому другу из поэтической братии. С уважением! Искренне Георгий Кольцов. 1 февраля 1976 г.»

И где он напечатал шестнадцать своих лучших стихотворений, среди которых ностальгическое стихотворение о малой родине, в котором он пишет о нерасторжимости жизни и судьбы с родной землёй:

*Я с берега слежу за птичьей стаей...
И с каждым днём становится родней
Река с отливом плавающей стали,
Когда зажгутся бакены на ней.*

*Я уходил отсюда за рассветом,
Но знал — куда б меня не занесло,
Я в эту землю врос, как корни кедра,
Невидимо, упрямо, тяжело.*

Здесь и замечательное стихотворение «Колокольчики», и теперь уже знаменитое «Ночью у могилы Неизвестного солдата» и жутковато-пророческое «Возраст», в котором будто бы скрипнуло кремнием на краю бездны или на краю быстрое текущее времени:

*Но возле памятника Пушкину
Ты вдруг становишься мудрей
И понимаешь, что отпущено
Тебе не так уж много дней...*

И, конечно, несравненное стихотворение «Деревня», в котором являются до неба стога, родная Ангара и костры, дороги, разлуки:

*Но я не забыл этих улиц,
Что выгнулись вдоль Ангара,
Которые, словно в оглобли,
Впряглись в огородов столбы...
Душа остаётся, должно быть,
В прихожей просторной избы.*

¹«Бригада» — отдельные авторские сборники в общей суперобложке.

Заметьте, не в горнице, не в спальне, а в прихожей, откуда начинаются дороги в неизвестное грядущее. И в это грядущее деревенский юноша устремился с большой надеждой на взятие новых высот и дерзновенного полёта в поэтическом небе.

И эти многие высоты были взяты. Особенно высоты поэтического Олимпа. В данном случае его Олимп — это та высота, тот уровень стихов, который создаётся Большим поэтом, и это понимают многие, кто занимается литературой, и, конечно же, это понимал и Георгий. А ещё он тосковал по родному краю и писал о возвращении на родину:

*По давно знакомому маршруту
Я вернусь когда-нибудь домой.
Почему-то трудные минуты
Чаще вспоминаются зимой.*

Да, он уехал в Москву и легко поступил в недосыгаемый для многих начинающих поэтов Литературный институт имени Горького. Вот там-то мы с ним встречались много раз, когда он учился в семинаре Льва Ошанина. Мы встречались в Литинституте, вечерами до хрипоты читали стихи, пили роскошное пиво, влюблялись в ищущих признания юных поэтесс и снова читали стихи и пели песни Николая Рубцова.

А далее всё произошло неожиданно и скоропостижно. Гоша окончил институт и остался в Москве, перед тем пригласил жить в Москву родного брата Сашу, который замечательно играл на баяне и тоже пел русские и советские песни. В те годы я тоже познакомился с Александром, а нынче наше давнее знакомство переросло в дружбу земляков. После института Георгий женился и стал жить в небольшом подмосковном городе Кашира, где создал много удивительных бесценных стихотворений, но печатал их мало, хотя много занимался с молодыми поэтами и создал Каширское литературное объединение «Зодиак».

В 1985 году в расцвете творческих сил Георгий Кольцов трагически погиб в возрасте 39 лет, оставив немалое литературное наследие. Именем Георгия Кольцова назван литературный конкурс «Звёздное перо», проходящий в Кашире. А в ноябре 2019 года в Кашире на улице Облог, дом № 1, открыта в память о поэте Мемориальная доска.

Брат Александр много сделал для того, чтобы поэзия Георгия Кольцова не терялась в наступившем волчьем мире и в страшных, горьких потерях вселенского масштаба. Саша стал предлагать стихи брата во многие известные русские и зарубежные журналы «Молодая гвардия», «Берега», «Сибирь», «Звезда», «Дон-новый», «Слово Забайкалья», «Доля», «Александр», «Новый свет» (Канада) и другие. Выпустил в свет его книгу «Спасательный круг» (М., «ММТК-СТРОЙ», 2017 г.), а теперь вот с помощью земляков издаёт более полную книгу стихов Георгия «Неизбывная сила родства». Спасибо тебе, Саша, за эту великую родственную любовь, за книги и журнальные публикации твоего брата, потому что стихи Георгия Кольцова — это не просто спасательный круг жизни, это спасение души человеческой, православной души русского человека!

ВАЛЕНТИНА ИВАНОВА

КАНДИДАТ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК,
КАНДИДАТ КУЛЬТУРОЛОГИИ,
ДОЦЕНТ КАФЕДРЫ НОВЕЙШЕЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИРКУТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Глазами птицы

О книге Юрия Баранова «Над островами дней»

Вы когда-нибудь видели небо из кабины самолета? Нет? Автор этой книги видел небо так, как видят его птицы, облака и еще звезды. Он смотрел на небо их глазами. Он видел землю маленькой и далекой, хрупкой, а потому, наверно, она казалась ему ранимее и беспомощнее, чем нам, твердо стоящим на ней. Там, сверху, сильнее чувствовалось ее притяжение, ведь она держала его. Давала силы лететь — и быть рядом с ней, быть около ее тепла и материнства. И может быть, поэтому так настойчиво звучит в стихах Юрия Баранова мотив сыновней любви, боль за землю-мать и благодарность ей, вместе с мелодией полета в открывшихся душе небесах.

В первом цикле стихов «Мне родину в котомку не собрать...» главное — видение земли с высоты, глазами ангела и пилота, чуткое, зоркое, хранящее в себе чувство влюбленного в мир человека. Восхищение и растворение в земном осязаемо («Июль»). Глубинные христианские мотивы воскресения, спасения души, молитвы за разрушителей — непонятные в современное глумливое время — определены стойкостью веры автора. Мотивы пробиваются исповедальными, покаянными интонациями, проповедническими обращениями к совести, гремят колокольно. Рефрен «не привыкать» — глухой издалека набат, не столько признание и призвание народа к терпению, сколько свидетельство силы его духа, сохранившейся через войны, беды, ненастья, преодолевшей смерть и возвращающей к жизни («Не привыкать»). Анафора звучит как утверждение, как настойчивый мотив преодоления, готовности к бою.

Образ ночного боя ощутим сплавом мотора и сердца, души и звезд, человека и земли, стремлением к победе над злом ради существования («Отцу»). Раскаты грома, сполохи сражения в небе, схватка огненных птиц поднимают древнейшие пласты сознания, с признанием первенства небесных сил над земными. Вводный мотив воскресения, полет из сожженного, из поруганного — образ души и птицы — о родине, способной возродиться. Об этом первое стихотворение цикла «Мне родину в котомку не собрать...». А в завершающем — «Над островами дней и дел», ключевом для сборника, — в величии неба слышится глубокое дыхание земли, которое сбегается полетом.

Ритмы многонациональной России, бурятской культуры врываются в поэзию («Речка Кынгырга»). Удивительна звукопись стихотворения, в котором барабанные всплески свиваются с колыханием одежд в танце, со звоном металлических женских подвесок, перекатами реки, клекотом птиц и вскриками людей, созвучными друг другу и душе поэта, оказавшегося внутри этой бурлящей стихии под впечатлением от темпераментной испанской музыки. Слияние звуков, народов,

природы, жизни. Земное и небесное соединены ритмами, пением, мелодией. Свою тайну хранит «Самоцвет голубой», где образ чистого озера, образ совершенной природной красоты являет святость русской души, скрытую, дремлющую до поры силу.

Метафорой небесной кары открывается цикл «Крымская гроза». Мрачность грозных стихий сменяется радостью золотого утра. Единство разлученных имен и событий — Айвазовский, Грин, история русского флота — на этой встрече с солнечным днем. И снова «Гроза в Феодосии» с басовой струной грома, копьями молний, ночью-солдатом, и снова перламутр сметающего ненастье утра — смена природных стихий с верой человека в воскресение и победу света. Выразительна живопись синего моря, белого фрегата и золотых нашивок кителей, алого паруса из гриновской мелодии, живопись рождается из черноты, мрака ночи, как тишина моря — из грохота небес. Звучность имен и названий, словно из детства, в стихотворении «Дом Александра Грина в Феодосии» притягивает открытием дали, мечтой о странствиях. В географии раздела «Крымская гроза» — Балаклава, Феодосия, Севастополь, здесь сквозь озорство и боевой задор, зеленые аллеи, розы и туманы проступает память о погибших русских воинах, горечь утрат.

Мотив неизвестного открывается в первом стихотворении цикла «Тайные знаки природы». Скрытое сплавлено с судьбой и мужеством человека, преодолевающего перемены. Метафоры смены времен года, непогоды, движений волн воспринимаются как изломы человеческой жизни, как творящая стихия мелодий, метафор, рифм. В стихах — тайна жизни и творчества, их неразделимая сущность. Ею связаны человек и осень («Задержалась осень»). Старый человек, присевший отдохнуть под рябиной, плачет слезами-дождем о прожитом, а его душа уже неслышно спешит по облакам. О себе ли он плачет? И не о тех ли, кто остался ждать зимы? Вопросы возникают, тают, и остаются без ответа. Человек становится природой, а природа человеком. Он плачет дождями осенью, струится ручьями весной, в душе тают снега и прорастают сквозь них стрелки зелени — неразгаданное слияние человека и мира вокруг, неодолимая тяга души к звездам, дождю, небу, и каждый дорожит этим союзом. Молодая женщина-весна по-женски счастлива участием в вечном деянии природы.

Неизмеримость и неисчерпаемость человеческой грусти в стихотворении «Грусть осталась». Диалектика череды настроений человека как смены времен года с неразличимыми ветками и косами, вуалями, шляпами и осенними нарядами, росой и звездами, любовью («Прощай, и здравствуй»). Сменяемость как течение жизни в природе, чувствах, судьбе: движение в полете снежинок, рождение нового дня — ожидание обновления. Искрится снегом «Морозная ночь», плачет звездным колокольчиком, поет небесными хорами, манит несбывшимися снами. Слышать звездные голоса — значит ощущать в себе силы богатыря. И буйные разбойные вихри врываються молодостью («Багульник»), и разгул весны сметает тишину зимнего сна, дремоты. Весна дарит другие мотивы, другие мелодии — игривые, озорные, бунтарские. Молодые запахи дразнят, обещают, зовут. Стихи цикла о природе окунают читателя в таинственные потоки рождения дня и ночи, осени и зимы, потоки рождения чувств, мыслей, слов и мелодий. И внутри этого чудотворного потока их контуры почти неразличимы. Не отпускает вопрос: как можно существовать сразу в двух мирах, слышать сквозь уличные грохоты, гудки, трамвайные скрипы, механические голоса диктофонов, автоответчиков, световых звездный хор? Наверно, такой дар — счастье.

Тайна прихода слова, образа, рифмы в невыразимости чувств, боли и мук преобразуется в сознании автора в сказочную шкатулку, спрятанную на дне моря-океана, и образ поэта, идущего по берегу. Он всматривается в раковины — может быть, поэтому так много перламутра в его стихах — вслушивается в шумы и созвучия прибоя, ощущает на лице брызги слов, и даже бирюза воды улыбается ему рифмами. А перламутр, как потаенное присутствие всех красок в одном, близок немоте, хранящей в себе красоту слова. Так внутренний сюжет первого стихотворения в цикле «Что я хотел сказать сквозь немоту?» возникает из сплетений, узлов метафор и видимого мира. Всепоглощающая сила поэзии, звучащая дождем, зеленью, занавеской в окне подчиняет себе человека. Поэт чувствует себя стихами, журавлиной стаей над синей рекой, пылающим закатом («Владеет он»), каплей росы, спадающей с листа, зерном, ожидающим в земле пробуждения («Дрожащей каплей...»), поэт кричит ветром и вьюгой («Как нотные знаки»). Но и ветер тоже дышит стихами, а васильки синеют словами («Любимой»). Слияние человека с природой, неотделимость от нее души — особенность поэзии Юрия Баранова — странны для бегущего современного человека, отчужденного от самого себя. Поэт ощущает стихи как способ связи с природой, возможность быть в ней, как радость и муку видеть, слышать, осязать стихами. Звуковой ритмический облик мира, густота метафор обнаруживают незримое и невидимое в очевидном. Поэтический образ раскрывает сущность происходящего и живого.

Осень в образе старого рыжего кота, пришедшего откуда-то на веранду, несет в себе завершение стихотворного года, отмечает чувство творческой исполненности и ожидание нового («Осенний кот»). Ощущение домашнего уюта и тишины продолжается в такой неожиданной встрече с пылающим окрасом котом, идущим на людское тепло и заботу, но и сам он несет людям тепло. И внезапность прихода осени, и желание завершения трудов сливаются в этом непривычном сравнении. Стихи Юрия Баранова отличаются цельной образностью, ясностью, легкой и зыбкой динамичностью, они возникают и растворяются в окружающем воздушном пространстве, проявляясь по чьей-то доброй воле. Словно наблюдаешь, как человеческое чувство пытается получить овеществленность, облечься в материю звука, слова, ритма. И ты где-то внутри этого потока с ощущением шероховатости густеющей материи.

Следующий цикл стихов «Было когда-то крыльцо золотое...» несет читателю мотивы уходящего времени, присутствующего в настоящем и вплетенного в тайны вечности. Соприсутствие прошлого в нынешнем, как и неразделимое слияние поэта и природы, тоже особенность поэзии Юрия Баранова. Время слито само с собой, едино, неделимо на прошлое-настоящее-будущее, и позволяет быть любой субстанции, по словам Августина Блаженного о единстве времени и вечности в «Исповеди». Время переплавляется и, проявляясь из прошлого, сквозь звенящую морось серебряных дождинок, сияние неведомого золотого крыльца, акварельность луж и растаявшего сна, приостанавливается в точке бытия — «жить» («Было»). Ускользающая материя времени определяет текучесть стихов, увлекает за неведомым, вслед порыву ветра, воздушной волне, тянет вперед. В стихах много золотого — в крыльце, в осенних листьях, в закатах, которые на фоне синего неба особенно выразительны («Осенний вечер»), в наплывах воспоминаний, в образе теплого южного города («Воспоминание»), в золоте Богородичных икон, негласно присутствующих рядом с синевой глаз («Дороги»). Охра счастливо сосуществует с лазурью, запечатлевая древнейшую связь земного и небесного. Земное

проявляется в небесной красоте, и жар-птица — все еще там, в заоблачной дали, а не в руках («Юность»). Золото неразделимо с синевой глаз, неба, звезд, моря.

Песни в цикле «Стальные стрелы» возвращают стихам контурность и строгость военной дисциплины. Строчки, ритмы, образы идут, строго чеканя шаг, создавая ощущение прочности, упругости, боеспособности, надежной защиты, готовности отразить удар. В них мощь, энергия, уверенность. Величие родины, ее славной истории, героизм русских воинов в душе автора рождает мужественный отклик — призыв к подвигу. Поэт становится стальной птицей, чтобы уберечь тишину родины, его сердце вбирает гул турбин, зов ветра. И серая бетонка взлетной полосы, как указатель пути к солнечным брызгам, к золоту врат Господа, она ведет к Богу.

Топография «островов»-циклов в сборнике Юрия Баранова «Над островами дней и дел» определена широтой взгляда поэта — родина, Крым, красота природы, тайна творчества, защита неба и земли — темы, открывающие панорамное видение мира, полноту чувств и осмысленность прожитого. Вместе с удивлением красотой жизни и любованием ею. Искренность, чистота, прозрачность интонаций поэта — где-то внутри, за словом, вне его материи. Чувства, рождаемые стихами, словно извлечены из воздуха. И чтобы попасть в незримые его потоки нужно читать и читать стихи, не отрываясь, набирая ускорение, и вслед за нитью слов, запятых, предложений взмыть ввысь. Словно планер на фанерных, укрепленных веревками и клеем крыльях. Но это тоже полет. Это тоже возможность пролететь над островами своих дней и дел, увидеть небо глазами птицы...

Небо дало поэту голос. Оно дало ему крылья. У него они стальные, и с этим надо согласиться. В его стихах проявляется нежность воина, хранителя родного, близкого, в ней утверждается вековая сила русской души и высота ее святости. И, видимо, в том призвание поэта, чтобы беречь покой родины, чтобы стоять на защите земных и небесных ее рубежей.

МАКСИМ ОРЛОВ

Подвижницы

О ЖЕНЕ И ДОЧЕРИ ЛЕОНИДА МАРТЫНОВА

Со времени написания пушкинского «Памятника» вопрос о «тормозном пути» творений за грань физического существования волновал в той или иной мере любого поэта.

Не был исключением и Леонид Николаевич Мартынов, написавший в зрелые годы:

*Нас воскресят, изучат, истолкуют,
порой анахронизмами греша...
Но что-то не особенно ликует
от этого бессмертная душа.*

*И мы не лопнем от восторга, ибо
нас разглядеть и опыт наш учесть
и раньше, разумеется, могли бы!
Но вообще — благодарим за честь!*

(«Честь», отрывок)

Не вызывает сомнений, что долголетие поэзии того или иного автора во многом зависит от того, насколько преданы творчеству поэта самые близкие — родственники (наследники). В этом отношении Леониду Мартынову повезло.

Уже будучи автором нескольких, так или иначе связанных с творчеством Л. Мартынова статей, я лишь в 2005 году узнал, что жива вдова поэта — Галина Алексеевна Сухова-Мартынова. Удаленность Братска от Москвы внесла коррективы в мои планы встретиться с ней — встреча состоялась лишь в ноябре 2009 года. Адрес мне был сообщен главным редактором журнала поэзии «Арион» Алексеем Алёхиным, за что я его заочно благодарю. (Как выяснилось позднее, Галина Алексеевна тоже разыскивала меня через Братский государственный университет — она прочла мою статью «Ещё раз о точности в поэзии» в газете «Литературная Россия». Статья имела прямое отношение к биографии Л. Мартынова.)

Подходя к дому (проспект Ломоносовский, 19), я испытывал нешуточное волнение: вот-вот переступлю порог квартиры, в которой жил сам Леонид Мартынов, творчество которого почитаю и изучаю вот уже тридцать лет.

Первое впечатление незабываемо: меня встречает на лестничной клетке энергичная женщина с четкой дикцией и быстрой походкой (о возрасте женщин говорить не пристало, напомним лишь читателю, что Леонид Николаевич умер в 1980 году). На второй этаж мы поднимаемся без лифта. Меня встречает и дочь Галины Алексеевны — Лариса Валентиновна Сухова. После вручения «протокольных» букетика цветов и коробки конфет робко озираюсь в кабинете Мартынова: я узнаю этот кабинет по фотографии из сборника поэта «Во-первых, во-вторых, в-третьих». Прежде всего — это стеллажи от пола до потолка с книгами, справочниками, энциклопедиями... Становится понятней энциклопедичность поэзии Мартынова. Видны и минералы — страсть Мартынова «собирать камни» (в прямом и переносном смысле) известна почитателям поэта. После осмотра квартиры началась

многочасовая беседа о жизни и поэзии Мартынова, о его последних годах, о болезни и смерти его первой жены и матери... Не могу не упомянуть и о скромном, но изысканном ужине.

Со смерти Леонида Мартынова прошло уже тридцать лет... Что же удалось сделать за это время Галине Алексеевне и Ларисе Валентиновне?

Пожалуй, главное — это создание полного каталога произведений поэта с указанием всех публикаций каждого произведения с 1920 (!) года до нашего времени, что потребовало многолетней кропотливой работы в различных библиотеках и архивах. Не ошибусь: таких полных и подробных каталогов нет и у многих более прославленных поэтов.

Не менее важная работа — редактирование и участие в редактировании ряда сборников Мартынова и книг о нем. Например, книга «Воспоминания о Леониде Мартынове» («Советский писатель», М., 1989), в которой собраны воспоминания о поэте Андрея Вознесенского, Сергея Залыгина, Бориса Слуцкого, Евгения Евтушенко, Виктора Сосноры, Михаила Дудина, самой Суховой-Мартыновой и многих других литераторов. Из последних сборников стихов Мартынова отмечу «Избранное» («Мир энциклопедий Аванта+. Астрель», М., 2007).

Только благодаря многотрудным хождениям по генеральским кабинетам, в 1989 году Галина Алексеевна добилась полной реабилитации поэта, беспричинно сосланного в Вологду в 30-е годы. (Энкавэдэшники инспирировали «дело» о поэтах, якобы желающих отделения Сибири. Кроме Мартынова пострадали и другие литераторы. Из известных — поэт Павел Васильев, которого, по словам Галины Алексеевны, Мартынов считал стукачом.) Не ошибусь, если скажу: если бы не Г. Сухова-Мартынова, Леонид Николаевич не был бы реабилитирован и поныне.

Наша встреча произошла 24 ноября, а, как оказалось, 22 ноября — день рождения Ларисы Валентиновны Суховой. Я не верю в нумерологию, но... день рождения моей мамы (царствие небесное) — 22 ноября, а день рождения Галины Алексеевны (2 апреля) совпадает с днем рождения моей сестры.

Разговор наш перемежался чтением стихов Мартынова. Не был обойден вопрос о периоде 1946-1957 гг., когда поэта не печатали вовсе. Травля поэта началась со статей Веры Инбер. Оказалось, что поэт не держал зла на поэтессу: он знал, что Инбер — племянница по материнской линии Льва Троцкого, и она не могла не выполнить «заказ», поступивший, без сомнения, сверху. Да, мудрость Леонида Николаевича проявлялась и в личной жизни. (Признаться, я не сразу поверил, что Вера Инбер — племянница Троцкого, но недавняя публикация В. Огрызко в «Литературной России» подтверждает этот факт.)

Дом, в котором последние годы жил Мартынов, — не простой. В нем и сейчас живет Юрий.

Конечно, обсудили мы и неприятие Мартыновым творчества (а не личности!) Бориса Пастернака. Видимо, прав был С. Мнацаканян, написавший в одном из майских номеров «Литературной газеты» за 2005 год, что уж слишком разными были эти поэты: «сибирский медведь» Мартынов и «дачник» Пастернак (эпитеты — С. Мнацаканяна).

Двадцать шестого ноября мы с Галиной Алексеевной посетили могилу Л. Мартынова на Востряковском кладбище. Ухоженность могилы — ещё один маленький подвиг Суховых.

Галина Алексеевна процитировала Мартынова:

*— Все станет на свои места,
Уход твой назовут утратой
В год от рождения Христа
Две тысячи девятьсот пятый,
А до тех пор доволен будь
И безмятежностью забвенья,
Ложась своей же гордой тенью
На собственный свой торный путь.*

Обратный путь до метро «Юго-Западная» Галина Алексеевна предложила проделать пешком, а это — около шести километров.

Вместо эпилога

Поэтесса Вера Павлова однажды порезала листом бумаги ладонь. Резюме: «Линия жизни продлена на четверть!». Линия жизни Леонида Мартынова продлена уже на две пятых, но это — далеко не предел. Мартынов включен в обязательную программу по литературе средней школы Российской Федерации. В антологии «Русская поэзия второй половины XX века» (серия «Библиотека отечественной классики», М., Дрофа, 2008) поэт занял достойное место среди Николая Заболоцкого, Бориса Слуцкого, Давида Самойлова, Андрея Вознесенского, Евгения Евтушенко, Роберта Рождественского, Бориса Чичибабина, Николая Рубцова, Александра Кушнера, Тимура Кибирова... Несомненно, это и результат многотрудной, никем не оплачиваемой, подвижнической работы Г.А. Суховой-Мартыновой и Л.В. Суховой. Пожелаем им здоровья, архивных находок, новых книг.

2010 год

Иркутские писатели-фронтовики

Эти воспоминания я пишу лет двадцать, а то и дольше без всякого плана, хронологии, композиции; вспомнится какое-то событие, встреча, разговор, какая-то важная деталь, я запишу. Так накопилось прилично страниц, и подумалось, а может книгу издать? Главные мои собеседники в повествовании, сотоварищи, друзья-писатели, «в кругу которых я возрос», и которых уже нет с нами, и книга, если она выйдет, станет моим поминальным словом. Это не творческие биографии или жизнеописания, а всего лишь карандашные наброски, запечатлевшие важные для меня мгновения случайных неслучайных встреч.

Алексей Васильевич Зверев

Я уверен, что поколение писателей, прошедших войну, по характеру было рельефней, выразительней последующих. Была в них особая мужественность, большая прямота и открытость, свойственная их времени. Мы более лукавы, эгоистичны, меркантильны и мелочны.

С Алексеем Васильевичем я встречался в редакции, на писательских средах, торжествах и литературных вечерах. Я бывал у него, когда он переехал из Ново-Ленино на ул. Декабрьских Событий. В небольшой трёхкомнатной квартире жили они с Лидией Ивановной, его второй женой. Мне нравилось бывать у них. Он приглашал меня обсудить какую-нибудь повесть или статью, которую давал мне прочесть, приглашал на дни рождения. Говорил он тихо и напевно, внимательно всматриваясь в собеседника, как в ученика.

Лидия Ивановна была заботливой хозяйкой, на зиму заготавливала и капусту, и огурцы, и прочие овощи. Я всегда обращал внимание на солёные огурцы, приготовленные по особому рецепту, по вкусу и запаху они казались малосольными.

На берегу Ангары, недалеко от впадения в неё Усть-Куды, у них располагался огородик и небольшая избушка, Алексей Васильевич называл её рыбацким домиком. Была и деревянная лодка, с которой он рыбачил, он был страстным и опытным рыбаком, любил вспоминать удачные и неудачные истории из своего «промыслового» опыта.

Однажды приехали в Иркутск немцы, писатели из Карл-Маркс-Штадта, с которым у нас были побратимские связи, и захотели познакомиться с бытом писателей. Повезли их к Алексею Васильевичу на дачу. Он не сразу согласился, но уговорили на условии: их предупредят, что это рыбацкий домик, а не дача, ему было неудобно перед иностранцами показывать своё неказистое летнее жилище.

Алексей Васильевич учительствовал, его работа не позволяла ему часто бывать в Доме литераторов, да и позднее, на пенсии не любил «весёлых сборищ». Большую часть времени проводил за письменным столом. В 1976 году в Москве, в издательстве «Современник» у него вышла книга «Гарусный платок», он пришел в Дом литераторов подписать книги. С кем-то договорился по телефону, кто-то оказался случайно. В то время, как и сейчас, было нормой дарить книги и отмечать их выход в дружеском кругу. Пустые и никчемные презентации в то время не проводились, проходили читательские конференции с участием библиотек, тщательно подготовленные, с широким участием читателей. Дом литераторов всегда был оживлённым местом, писатели встречались, играли на бильярде и в настольный теннис, раз в неделю проходили писательские среды, заходя туда, обязательно кого-нибудь встретишь.

Я не помню, пришёл Алексей Васильевич с книгами, или оставил ранее, стал подписывать тем, кто оказался в Доме. Были Владимир Николаевич Козловский, Глеб Пакулов, Геннадий Кинжалов, кто-то ещё. Когда раздал книги, спросил: «А как у писателей принято отмечать выход книги?». По этой фразе можно было предположить, что он в большей степени числил себя по учительскому ведомству.

Особого выбора не было, предлагать ресторан ни у кого не повернулся язык, дороговато. Кафе «Чайка» между бывшей резиденцией генерал-губернатора и государственного университета оказалось кстати. Там подавали шашлык из свинины и портвейн, а учитывая, что рабочий день ещё не закончился, там могло быть не слишком накурено и не шумно. Так мы познакомили Алексея Васильевича с простотой и непринотливостью дружеских писательских посиделок.

* * *

Он тяжело болел. Рак лёгких. Я навестил его в конце февраля. Он лежал в боковой комнатке. Лидия Ивановна провела меня к нему. Бледное измождённое лицо, небольшая седая бородка (раньше он носил только усы), сухое лёгкое тело. Он резко похудевший, видя, что я внимательно на него смотрю, слабым надтреснутым голосом сказал-спросил: «Ну, как меня обстрогало?!» И в этой фразе он оставался писателем, хранителем ёмкого народного слова. Алексея Васильевича Зверева не стало 26 марта 1992 года.

Сын Алексея Васильевича, Валерий, решил похоронить отца рядом с матерью Екатериной Степановной. Она погибла трагически, когда он был маленьким. Мы поехали с ним вдвоём, долго ходили по новоленинскому кладбищу среди могил, заросших диким кустарником и деревьями. Унылы наши погосты, неприбраны, но и естественны своей природной правдой.

Я уже думал, что не найдём, уже по несколько раз продирались по заглохшим ложбинкам и тропинкам. Валерий не стал обращаться в контору кладбища, как я ему советовал, сам нашёл осевший холмик с потрескавшейся деревянной тумбой, крашенной голубой краской, с прикреплённой рамкой и выцветшей надписью.

Прощание с Алексеем Васильевичем проходило в Доме литераторов, горожане долгим потоком проходили мимо его гроба. Звучали последние прощальные слова.

Поминальный обед был в квартире, где жил Алексей Васильевич. В большой комнате сдвинули несколько столов в виде каре, принесли от соседей табуретки и стулья. Несколько раз накрывали столы: знакомые, учителя, бывшие ученики, писатели, читатели подходили и подходили. В этой тесной домашности, в скорбной тишине, большинство людей были мне незнакомы, казалось, что это воскресшие герои его книг пришли отдать ему последний поклон.

* * *

Именем Алексея Васильевича Зверева именуется литературная премия журнала «Сибирь», учреждённая в 1998 году.

В 2008 году в Иркутске на здании школы, где работал Алексей Васильевич, установлена мемориальная доска, в память о нём в с. Усть-Куда на доме, где он жил, также находится памятная табличка.

В 2010 году в Иркутском русском театре народной драмы был поставлен спектакль «Гневышев» по повести Алексея Зверева «Раны», произведение автобиографично, в 1942 году Алексей Васильевич получил тяжёлое ранение, около года провёл в госпитале. Был награждён орденом Красной Звезды. Сценарий написал Владимир Удатов. Перед спектаклем главный режиссёр театра Михаил Корнев сказал, что знакомство с творчеством Алексея Зверева началось в 1982 году, а уже в 1983 году театр обратился к его военной прозе.

В день похорон артисты театра несли гроб на руках, а солдаты иркутского гарнизона салютовали над его могилой.

* * *

Давно собирался заняться архивом Алексея Васильевича, ещё когда был жив его сын Валерий Зверев, но протянул время. Валерий купил в Утулике бревенчатый дом, обустроил его, там у него была мастерская, там же хранились все картины и иконы, которые он собирал годами. Однажды ночью дом сгорел дотла. Валерий вскорости умер от рака, и все документы отца, рукописи, книги, воинские награды, как мне удалось выяснить у Василия Забелло, находились у вдовы сына.

Я надеялся, что там могут оказаться неизданные произведения, чаялся найти и статью А.В. Зверева, которую он мне показывал и готовил для «Восточно-Сибирской правды» в ответ на статью Дмитрия Сергеева. Меня интересовала политическая полемика вокруг поддержки ГКЧП Валентином Распутиным. Дмитрий Сергеев выступил с резким осуждением Распутина, Алексей Васильевич написал в поддержку. Он дал мне почитать статью, я не помню деталей, но статья мне показалась конкретной и честной, он принял сторону Распутина.

* * *

Вдова Валерия Зверева доставала из шкафов бумажные папки Алексея Васильевича. Внутри в основном были машинописные копии повестей, рассказов, иногда повторяющиеся, и совсем немного рукописных, предполагаю, что Алексей Васильевич настукивал тексты в последние годы на машинке. Всё наследство заняло три плетёных пластиковых мешка.

В Иркутске я несколько дней просматривал содержимое папок, и не обнару-

жил ни одной неопубликованной вещи. Созвонился с Иркутским государственным архивом. Была составлена опись, и документы отправились на вечное хранение.

Во всём наследии только один текст оказался неопубликованным: пять страниц, напечатанных на портативной машинке. Это была неоконченная статья о Распутине. Видимо, с её названием Алексей Васильевич ещё не определился. Вверху статьи стояло: В.Г. Распутин. Вот эта статья:

«В.Г. Распутин

Я несколько раз бывал устыжен этим человеком, хотя зачем бы устыжаться — я его старше на четверть века. Появилась его повесть «Деньги для Марии». Я не мог удержаться и настрочил автору письмо. При случае он подошёл ко мне и коротко и глухо сказал: «Спасибо, Алексей Васильевич!» Кажется, и остановиться бы на этом письме, а я пишу ему второе, третье письмо, не помню уж о чем. Автор не оставляет меня без ответа, но в одном приписывает: «А.В., мы живём в одном городе, часто встречаемся. Давай будем так разговаривать». Я был устыжен, и на этом кончил свою переписку. Вовсе недавно написал ему письмо вечером, а утром запрятал его подальше.

Раз как-то шли мы из его дома в писательский. Дорогой я его все на «вы» да на «вы». У самого порога, перед тем как открыть дверь, он раздражённо и взволнованно заметил: «Не обращайтесь ко мне на «вы», А.В.!» С тех пор он как бы расковал меня, и стало легче с ним встречаться и разговаривать.

Много лет назад я написал нечто вроде очерков или сельских воспоминаний, отдалённо похожих на пришвинские, слабых и подражательных, и отдал посмотреть Распутину. При встрече он отвёл меня в отдаленный угол и сказал одно слово: «Не понравилось».

Идут немалые годы, а я до сих пор помню, что на мне были белая рубашка и чёрный галстук. Конечно, я что-то оспаривал, он что-то отвечал, но отвечал однословно, отрывисто, монотонно, да он и не умел, а, скорее, не хотел углубляться в подробности, да и я понял, не надо было их, но навсегда остались в памяти рубашка да галстук, да это глухо сказанное только для меня слово. И ведь потом я не один раз показывал ему свои работы, и слышал это строгое слово, а запомнилось первое.

Не скажу, что были у нас с ним какие-то особо теплые и душевные разговоры (он не только со мной был короток и лаконичен). Но жило во мне к нему какое-то отеческое чувство, и буду неосторожен, замечу, что и он ко мне относился по-доброму, по сыновьи, что ли. Он приходил ко мне в больницу и приносил угощения. Ни я, ни он не могли подобрать слово, молчали или находили что-то случайное, и молчали опять, как бывает среди родственников, которым все известно друг о друге, наконец, говорили: «Ну, пока», и расходились. Он радовался, когда в проекте какого-нибудь издательства появится имя писателя нашей организации — он узнавал об этом первым, будучи связанным членством или сообщением друзей, находил страницу, и коротко и сдержанно радовался своему малому успеху. Этот сильный человек видел какие-то слабые возможности во мне, старике, отзывал в сторонку, и сообщал как о чём-то забытом и пришедшем ему на память вот только сейчас, но и беспокоившем его. «Вам надо послать в такое-то издательство рукопись». «Профиль-то у меня не тот», — сокрушался я, и радовался вниманию. «Ну поищи, должно бы быть такое». На секунду еще задерживался и вежливо отходил, оставив меня в радостном размышлении. Вежливость и корректность живут в нем просто и естественно. Он горазд на острое и неожиданное слово, на безобидную

шутку. Раз только видел его оскорбительный жест в сторону слабого, но и высокомерного писателя, для которого собирали деньги на юбилейный подарок. Разудалым рывком он сунул на стол две рублевых бумажки и буркнул нервно: «Больше этот человек не стоит».

Сейчас навешали на Распутина столько должностей и избраний, что подсчитать трудно. Это от того, думаю, что он устал сопротивляться, смирился и махнул рукой. По натуре он стихийный неорганизованный общественник, и любит действовать необузданно. Свободолюбивый человек. Раз пришёл ко мне обкомовский работник, и мы разговорились о писателе.

— Распутин! Да я вот тебе что о нём расскажу. Шла компания по местным выборам. Ну, вызываем кандидатов, беседуем. Устали чертовски. Сижу, заполняю какую-то бумагу и чую, что стоит кто-то в дверях. Ну, думаю, свой какой сотрудник. Слышу, — человек стоял-стоял и покашлял. Я поднял голову, гляжу, — Распутин навалился эдак на притолоку, как-то по-ребячьи, что ли, одет простенько, в помятых брюках, ну, словно только с огорода, и вот зашел по пути.

— Звали меня? — глухо спросил, и перемялся на ногах, и глянул на меня нетерпеливо.

— Конечно, звали, Валентин Григорьевич. Присаживайтесь, поговорим-ка. Мы тебя в депутаты выдвигаем.

— Я депутатом не буду. Я отказываюсь, — и не оторвётся от притолоки, руки не знает куда девать.

— Как это не буду, Валентин Григорьевич? Это как понять, это что-то небывалое.

Сознаюсь, это было для меня непривычное. Никто никогда не отказывался. Наоборот, у каждого в глазах этакой огонёк зажигался, в этакой восторг человек входил, а тут...

— Отказываюсь я, — стоял на своём Распутин. — Мне это не нужно. Да и не способен я к этому. Какой я депутат.

Час убеждал я Распутина не делать такого шага, и пусть это останется между нами, будто и разговора такого не было.

— Я отказываюсь, — стоял на своём Распутин, и пришлось ведь с ним идти к заведомому. И там ничего не получилось, и пришлось идти к секретарю обкома, и там уж только едва сосватали его.

Я тоже тяготился депутатством, надоедало пустое и молчаливое голосование, об этом я и сказал однажды Распутину. Он улыбнулся и шутовски посоветовал:

— А вы напейтесь и упадите вот на этой Большой улице. Вас милиция подберёт, и надейтесь: скоро вас депутатства лишат.

Жил я в отдалённом районе города, и вот дали квартиру поближе. Помочь переехать отзывались многие товарищи, позвонил и Распутину.

— Я не смогу. Машину обкатываю с мастером. Извините.

Но пришел. Оглядывал мое новое жилье и возмущался:

— Писателю и такие клетушки! Тут задохнуться можно. Ведь вся наша работа проходит в этих стенах. Как не могут понять наши руководители. Безобразие! А сами для себя, глядите, какой дом отгрохали.

Обкомовцы дом себе отгрохали, действительно, прекрасный. То ли пожаловать хотели новую просторную квартиру лауреату Седых К.Ф., засобирался он, захвастался на весь город и скоро замолчал; в претензии остался какой-то партийный работник. Обещали в доме этом квартиру одному ученому, но и того довели до инфаркта, а квартиры не дали.

Обосновались в просторных квартирах большие и малые, но все по-своему важные и ответственные работники. Полукружьем выпятился дом в сторону площади, к памятнику Ленину, и называют его ныне «кривой линией партии». Не Валентин ли Григорьевич, острый и смелый на слово, дал ему имечко? Его всегда возмущала кривда жизни: закрытые ларьки и магазины, черные лимузины начальства, железные барьеры в главных начальственных местах, куда без пропуска не войдешь, роскошные дачи для избранных, обжорные пайки при нашей постоянной нехватке.

— Не пробраться ли нам в этот дом, не «отовариться» ли? — кивал он на большой дом в городе.

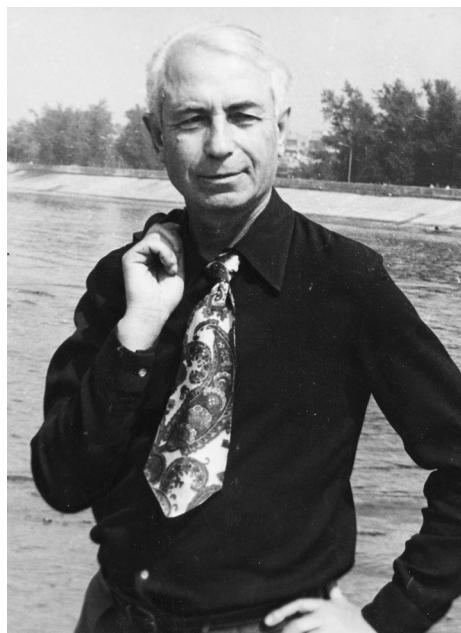
Всему миру известна его забота во спасение Сибири и Байкала. Трудно отыскать более возмущённое и разгневанное сердце при взгляде на наши экологические беспорядки, и, кажется, нет сильнее слова, чем слово Распутина, сказанное во спасение матушки-природы.

Вот уже много лет молчит его художественное слово, оно целиком отдано ближайшему делу, и буйствует, неистовствует, раскаляет сердца людей, «мятежное, ищет бури». И как он чуток и отзывчив, когда слышит печали и заботы, родственные своим.

Меня волнует судьба Ангары, похожая на судьбы сотен наших рек. Она гибнет на глазах миллиона людей, живущего на её берегах. Мало того, что вся она покрылась смрадными «водогноилицами» (опять меткое слово Распутина). Малый ее кусок подле Иркутска, чудом спасённый от гидростанций, гибнет от вредных сбросов и, главным образом, от завода-грабителя, хищника — «Завода нерудных материалов». Добывая гравий беспощинно и бесконтрольно, он уничтожил все перекаты и опечки, добрался до островов и уничтожает их десятками»...

На этом статья обрывается.

Владимир Николаевич Козловский

В «Ангарские огни» я пришёл весной 1975 года, редактором был писатель, автор знаменитого романа «Верность», четырежды переиздававшегося большими тиражами, член Союза писателей СССР Владимир Николаевич Козловский. В 1937 году он окончил сельскохозяйственный техникум, стал агрономом, работал в с. Добринка Липецкой области. Оставил там о себе добрую память: 700 га фруктового сада. А ещё был хорошим волейболистом, основным нападающим команды, играл в футбол, защищал ворота. До самых поздних лет он сохранил спортивную подтянутость и стройность.

Многие жители села стали прототипами героев его романа «Верность», вы-

шедшего в свет в 1957 году и сразу ставшего популярным. Я читал этот роман в детстве, помню в нашем доме книгу, зачитанную до невероятного состояния ветхости, её читали в семьях, передавая друг другу. Я надолго сохранил мечту стать лётчиком, как и многие наши мальчишки, влюблявшиеся в героев романа.

После окончания войны Владимир Николаевич работал сначала корреспондентом, а потом штатным сотрудником газеты «Восточно-Сибирская правда», а в дальнейшем редактором газеты «Ангарские огни».

* * *

Сельхозотделом руководил Павел Хемпетти, он и пригласил меня в газету. Я сотрудничал с различными иркутскими изданиями, а их было немало, это были ведомственные газеты, «многотиражки», их выпускали различные предприятия: Авиационный завод, Машиностроительный завод им. Куйбышева, Завод радиоприёмников, Аэрофлот и т.д., и даже Автопредприятие выпускало газету «Автомобилист», их редакция располагалась в здании Автовокзала, первые журналистские материалы я начал публиковать здесь. Выходила партийная «Восточно-Сибирская правда» и комсомольская «Советская молодёжь». Я писал на разные темы, публиковал свои стихи, жил на окраине города, как многие жители предместий, мы тоже выращивали свиней для себя, с сельским хозяйством не был знаком, и Павел Хемпетти посвящал меня в сельхозпремудрости. Талантливый журналист, где бы он ни работал, окружающие видели его ответственность и профессионализм в освещении сфер жизни, которых он касался. Он писал стихи, это тоже сближало нас, в общении был дружелюбным, искренним и приветливым.

Борис Ступин вспоминал позднее о его работе в газете «Восточно-Сибирский путь»: «На одной из редакционных планёрок заместитель редактора Сергей Прохоров со свойственной ему иронией заметил корреспонденту Хемпетти:

— Что-то ты, Паша, «затайшетился»...

Смущало Сергея Семёновича, что его подчинённый зачастил в Тайшет. А вот тайшетские железнодорожники, напротив, ничего предосудительного в этом не видели. Для них Павел Иванович был во всех отношениях свой в доску. Да и как иначе: это был журналист от Бога, умеющий душевно рассказать о человеке и не только нащупать актуальную проблему, но и в доступной форме донести её до читателя.

Пожалуй, главным достоинством Паши было умение слушать и слышать собеседника. Хемпетти не нравилось делать значимые тексты «по телефону». И потому его всегда тянуло в дорогу. До станции Тайшет в том числе. Там Павла Ивановича любили и ждали». Уважали его и труженики Иркутского района, с которыми он встречался, обсуждал насущные проблемы, писал о них в своих очерках и репортажах.

Жизнь Павла Ивановича Хемпетти складывалась трагически. Во время Великой Отечественной войны он потерял родителей, воспитывался в детдоме. Когда работал в милиции, у него украли пистолет, и с применением этого оружия было совершено преступление. Он отсидел назначенный срок без права работы в органах МВД, занялся журналистикой. Были трагические события и в его семье. Он ушёл из жизни в 2000 году.

В «Ангарских огнях» было десять сотрудников: редактор В.Н. Козловский, заместитель главного редактора Василий Крещик (бухгалтер, шофёр, их имён я, к

сожалению, не помню), ответственный секретарь Ираида Ившина, зав. производственным отделом Леонид Карзанов, два сотрудника сельхозотдела: Павел Хемпетти и я, фотокорреспондент Лев Тетелев, радиоорганизатор Тамара Селяндина, в районе осуществлялось вещание из села Хомутово, и Тамара вела репортажи с полей и ферм, в эфире звучали обзоры выпусков нашей газеты и другие программы.

Главным достоянием нашим был редакционный автомобиль, по своему назначению внедорожник, потому что дорог тогда в современном смысле не было, внешностью своей побитой напоминал военные годы, его называли, не знаю почему, «Бобиком», как собаку, наверно потому, что мог пробегать там, где другой автомобиль засядет в непролазной грязи. Был и мотоцикл «Урал», постоянно закреплённый за Львом Тетелевым, больше никто не умел на нём ездить, разве что в роли пассажира, по тёплому времени прокатиться с ветерком было удовольствием, и когда ломался автомобиль, а он был весьма преклонных лет, «Урал» нас выручал. Территория района немалая, почти 12 тыс. квадратных километров и, если до населённых пунктов можно добраться на автобусе, то по бескрайним полям передвигались только на подходящем для пересечённой местности транспорте.

Лев Тетелев был добротным фотокорреспондентом, он не только снимал для газеты, у него осталось множество фотографий, запечатлевших многие события иркутской жизни и портреты известных иркутских писателей: Валентина Распутина, Алексея Зверева, Марка Сергеева, Евгения Суворова, Владимира Козловского и многих других. Когда я был главным редактором журнала «Сибирь», я нередко публиковал его работы.

* * *

Он был сталинистом, как принято сейчас называть сторонников сильной власти, как большинство из его военного поколения. Когда возникали в редакции спорные ситуации, он решал их.

Радиоорганизатор Тамара Селяндина осуществляла по Иркутскому району вещание из села Хомутово. Студия только создана, до неё надо каждый день на чём-то добираться, машина не всегда свободна, к тому же надо было ездить по полям и фермам, записывать механизаторов, доярок, овощеводов и т.д., расшифровывать тексты, готовить передачи. Все другие сотрудники были в лучшем положении, и никто бы не справился с этой работой так, как она.

У Владимира Николаевича были к ней претензии, к тому же позвонили из райкома, и на «летучке» он предложил ей уволиться. Я вступился за неё, сказал о технических сложностях в её работе, что она хороший работник, что мы никого не найдём, кто бы мотался между Хомутово и Иркутском на перекладных. Владимир Николаевич нехотя соглашался и, в конце концов, переменял своё решение. Когда разошлись после совещания, он мне сказал:

— Жалеть-то все готовы, а кто карать будет?..

Он имел в виду, конечно же, жесткий стиль руководства.

Смотреть на минувшие события из нашего времени, оценивать их, исходя из наших представлений, — занятие недостойное, и уводит от исторической правды.

* * *

График нашей работы был неизменным, в понедельник на планёрке намечались основные темы, распределяли, кто, куда, на чём едет, и далее как заведён-

ные, по кругу: день — командировка на задание, второй — отписываешься, день в разъездах, день в редакции, исключение — дежурство по газете в типографии, выпускающим. График был жёстким. Иногда приходилось возвращаться поздно вечером, если командировка бывала дальней, в посевную или уборочную страду.

Но были и приятные моменты: возвращаясь из Горохова или из Бутырок, свернуть в сосновый молодой лесок и побродить в поисках рыжиков и маслят, а по поздней осени и опять доставляли радость.

С Владимиром Николаевичем мы помимо работы встречались в Доме литераторов. Кто-то из писателей придумал нам прозвища, трансформируя наши фамилии в бильярдном смысле: Владимира Николаевича называли Козлов с кием, а меня Козлов без кия. Он был среди писателей одним из лучших игроков, а я только учился. Мы сблизились с ним, и часто из редакции вместе шли в писательскую организацию, иногда он приглашал меня к себе домой, недалеко от редакции. Когда я вступал в Союз писателей, он был одним из тех, кто дал мне рекомендацию. Для вступления необходимо было иметь три, две другие написали Пётр Иванович Реутский и Алексей Васильевич Зверев.

Высокий статный красавец, Владимир Николаевич носил светлый плащ и шляпу, седая шевелюра поднималась над головой, он выделялся в любой компании, женщины на него смотрели с интересом.

Тяжелое ранение сказывалось на его правой руке, он не мог ровно писать и даже подписывать документы. Было у него одно верное средство: когда он выпивал рюмку-другую, рука непонятным образом приходила в нормальное состояние.

Строго к началу работы он появлялся в кабинете, просматривал основные материалы в очередном номере своей газеты, перебирал почту, читал центральную и местную прессу. Но иногда, мы знали, что в положенное время он выйдет из кабинета и под окнами редакции прошествует, волейбольно-прямой, как юноша, в магазин «Рыба», в котором с одиннадцати начинали продавать спиртное, возмёт бутылку «Стрелецкой». Она была популярна в народе за свои меньшие, чем у водки, градусы и перцовый вкус, женщины называли её «Утро стрелецкой казни», а мы: «Мужик с топором».

Слева в двухтумбовом редакторском столе скрывалась бутылка, а гранёный стакан жил там, как в темнице, пожизненный срок.

Помню, изредка, если приходилось долго обсуждать какой-то вопрос, он доставал стакан, затем бутылку: «Тебе не наливаю», — напоминая об иерархии, наполнял стакан на четверть, выпивал, закусывал каким-нибудь пирожком, и продолжал беседовать, как ни в чем не бывало. Со своими сотрудниками он мог выпить только на общем мероприятии, слёте селькоров, или в День Победы, и только после работы. Этому правилу следовал строго, и выговаривал нам, если заставлял тайно отмечавших какое-нибудь важное событие.

Если случалась ошибка или какой-то ляп в газете и поступали звонки из вышестоящих органов, Владимир Николаевич всегда вызывал автора и давал ему возможность самому объясниться, скажем, с инструктором райкома. У меня было недоразумение, когда я дежурил выпускающим и пропустил ошибку, истолкованную в некоторой степени, как идеологическую. Прошли местные выборы, и мы публиковали списки выбранных в районный Совет депутатов. После фамилии, имени, отчества одного из них, в графе «место работы» — было напечатано: главный враг Шелеховской поликлиники (или больницы, не помню), вместо — главный врач. Казалось бы, ничего страшного, опечатка, бывает, но слово враг

было воспринято не как ошибка, а как сознательное оскорбление. Оказалось, что данный главврач давно был неугоден подчинённым, и перед выборами коллектив написал жалобу в райком партии, там он был на хорошем счету. Получалось, что мы приняли сторону, противоположную руководству района.

Владимир Николаевич вызвал меня в кабинет, позвонил инструктору райкома и передал мне трубку, я всё объяснил, как было на самом деле, мне попеняли, я пообещал не повторять, тем и закончилось. Кто работал в газете, знают, какие неуклюжие опечатки случаются, а иногда и печальные для виновника. Но у нас никаких последствий не последовало, говоря протокольным языком. Вспомнилась в журнале «Сибирь» одна перехваченная в последний момент корректором опечатка в названии рассказа Геннадия Машкина «Таёжная глухомань» — «Таёжная глухомать». Оно даже стало нарицательным в редакции, так мы стали называть произведения несостоявшегося писателя.

* * *

Родился Владимир Николаевич 8 ноября 1917 года в г. Козлове (Мичуринске) Тамбовской губернии, в семье рабочего. Из Добринки в 1940 году Владимир Николаевич ушёл в армию, окончил лётное училище. Всю войну прослужил в бомбардировочной авиации.

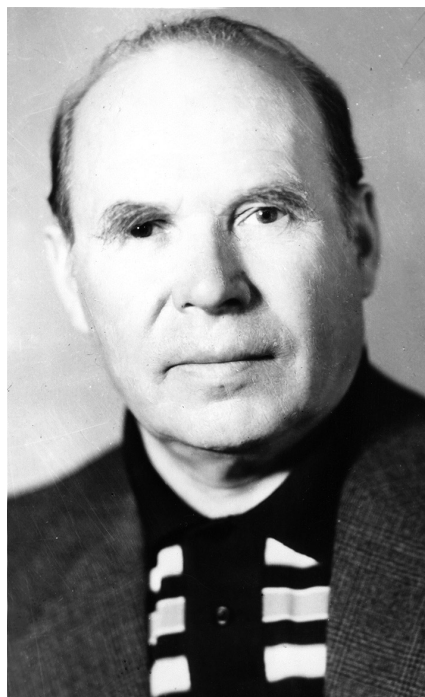
Старшина Козловский был представлен к 12 боевым наградам: орден Красной Звезды, медаль «Партизану Отечественной войны» II степени, медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и др. Совершил 648 боевых вылетов. Он был одним из первых, кто расписался на стене Рейхстага.

Автор книг «Верность», «В Приангарской степи», «Молодость сердца», «Дорогой смелых», «Ищу свою звезду». Его роман «Братья по крови» переведён на болгарский язык.

О войне он не любил рассказывать, как и многие фронтовики. Только однажды за годы нашего общения, когда мы отмечали в редакции очередной День Победы, вспоминал, как он, стрелок бомбардировщика, вел воздушный бой с пятью немецкими истребителями. Из редакции мы пошли к нему домой, жена накрыла стол, и мы продолжали разговор о войне. Владимир Николаевич достал альбом и стал показывать армейские фотографии. Я и сейчас помню, как был поражён, когда увидел: на лётном поле, на фоне бомбардировщика, запечатлён бравый боец в отглаженной гимнастёрке, парадного вида, за несколько дней до того памятного боя, в театральной позе бесстрашного героя; на втором снимке, сделанном сразу после боя, — взрослый зрелый человек с усталым взглядом. Между фотографиями всего несколько дней и первый, который мог стать и последним, воздушный бой.

Леонид Леонтьевич Огнев (Огневский)

Он был человеком своей эпохи. Воспитанный в коммунистическо-атеистическом духе, остался верен идеалам юности. Во время Великой Отечественной войны служил в военной контрразведке, известной как «Смерш» (смерть шпионам). В писательских кругах по этой причине к нему было настороженное отношение, ходили слухи, что он принимал участие в расстрелах советских солдат, но это, на мой взгляд, чистая выдумка. Была такая мода у интеллигенции: ненавидеть КГБ

и тех, кто там работал или работает. И при этом тайно служить информаторами этой системы, продвигаясь с её помощью по службе и зарабатывая привилегии. Эта предательская трусливость интеллигенции проявилась и в Октябрьской революции 1917 года, и в переломе 90-х годов уже бывшего века.

Леонид Леонтьевич не принял повесть Валентина Распутина «Живи и помни». Он говорил, что за всю войну через их отдел прошел всего один дезертир, и тот был евреем, что литература должна отражать типические явления, а не единичные случаи, что сибиряков дезертиров вообще не было. Конечно, случаи дезертирства были редки, но всё же были. У нас в Сибири в разных районах после войны бродили по тайгам подобные беглецы. В Качугском районе, по рассказам старожилов, до 60-годов прошлого века в тайге прятался дезертир по фамилии Горелов, он кочевал по пустым лесным избушкам, превратившись, по

сути, в зверя, питался тем, что находил в зимовьях, и в конце концов пошёл слух, что его застрелили охотники. В это слабо верится, скорее всего, он сам замёрз, умер от голода, сгинул от никчемной жизни, — в молве отражалось народное отношение к предательству вообще. Были скитальцы и в других районах.

Трагедия этого человека — в возмездии неизбежном и страшном не только для него, но и для близких его, которые в то время могли и жизнью своей расплатиться за предательство. Печать Иуды несмываема. Об этом повесть Валентина Распутина. Здесь замечу, что писатели старшего поколения ревностно относились к новой литературе, иногда не принимая или не понимая её.

В шестидесятые годы Леонида Леонтьевича исключили из партии. Для него, верного ленинца, рыцаря торжества революции, коммуниста по убеждению это была глубокая рана, о которой он помнил всегда. А ведь была банальная история, и по тем временам не значащая ничего, если бы не одно «но»...

Леонид Леонтьевич мне рассказывал сам, то же он говорил на писательском собрании. Зашёл за покупкой в магазин на углу Ленина и Горького. Возник конфликт, молоденькая продавщица грубо ответила Л.Л., а он, вместо того, чтобы ответить тем же, со словами: «Ах, ты, жидовочка!», легонько щелкнул её по носу, как бы по-отечески, шутя. Надо сказать, что шутка вышла не очень веселой. Разгорелся скандал. Л.Л. исключили из рядов КПСС за антисемитизм. Неоднократно по прошествии времени Л.Л. обращался с заявлением в высшие инстанции, просил восстановить его в партии, но напрасно. И только в начале 90-х, когда многие бывшие члены КПСС выгодно сжигали свои партийные билеты, на собрании партийной организации писателей он был восстановлен в коммунистических рядах.

Тем не менее, даже то обстоятельство, что именно я поставил вопрос о его возвращении в партийные ряды, не помешало ему сказать сразу после собрания в каком-то споре:

— Вот вернём советскую власть, тебя первым расстреляем за твоего Колчака.

Можно сказать, что мы дружили, во всяком случае, среди писателей военного поколения еще только с Алексеем Васильевичем Зверевым и Владимиром Николаевичем Козловским у меня были товарищеские отношения.

От наших политических споров могла гореть земля под ногами, но это не переходило на личные отношения. Я бывал у него в гостях, угощался иногда водочкой, но всегда, особенно среди зимы, Л.Л. открывал холодильник и спрашивал:

— Ну, какой тебе сегодня ягоды насыпать?

А ягоды он заготавливал и замораживал всякой: брусника, облепиха, черника, смородина дикая и садовая, клубника, малина всегда были у него в холодильнике. Он, как бы сейчас сказали, вел здоровый образ жизни: в широких застольях выпивал не больше трех рюмок, много ходил пешком, был заядлым таёжником, но в городе предпочитал ездить на трамвае, как он говорил, «чтобы меньше дышать копотью». Его напарником, постоянным спутником в таёжных походах был Василий Гинкулов, были у них свои заветные места, тайники, где прятались до следующего прихода необходимые вещи, о чем можно прочесть в очерках Гинкулова. Несколько раз мы с Л.Л. ездили на электричке за черникой и брусникой. Любил он и всякую лесную живность, тонко чувствовал природу, даже написал сказку в стихах о бурундуке.

Возле пятиэтажки, в которой жил, на пустыре разбил парк, посадил множество деревьев и кустарников, которые сам привёз из леса. Давно я не был в том районе, и не знаю, уцелел ли рукотворный лес, или срубили его под стоянку для личных автомобилей благодарные потомки. Или для новой точечной застройки, официально запрещенной: но то здесь, то там возникают незаконные, неприглядные, как прыщи, высотки. Иркутск всё больше превращается в хаотичную стройплощадку с нагромождением безликих кубов, прямоугольников и цилиндров из бетона, железа и стекла, на которой бедным родственником приютился Иркутск исторический.

Бюро пропаганды художественной литературы! Как сладко звучит это сочетание для писателей советской поры, не смущает даже идеологическое «пропаганда», потому что смысл был не в слове, а в сути. А суть была проще пареной репы: сеять разумное, доброе, вечное. Выезжаешь в какой-нибудь район необъятной Иркутской области веселой и шумной бригадой писателей, живёшь в гостинице и ходишь с утра до вечера по заводам, библиотекам, детским садам, школам, техникумам, вузам, по разным общежитиям и несёшь писательское слово в массы. Как сформулировал какой-то безымянный пропагандист, изучивший процесс изнутри, суть выступлений: пять минут позора и двадцать рублей в кармане. При этом замечу, что минимальная зарплата в то время равнялась ста рублям, и на эти деньги можно было безбедно жить. На неделю в Братске или Ангарске планировалось выступлений по двадцать, а иногда и более. Это был хороший заработок. И когда возникала нужда, можно было «поддержать штаны» без особого напряжения.

Хорошо бы написать книгу о бюро пропаганды, о поездках, о приключениях и недоразумениях и прочем, это был бы веселый и яркий документ ушедшей эпохи, но мало осталось свидетелей того времени. Марина Борисовна Салеева, с первого дня до последнего бывшая бухгалтером, а по сути директором, ушла от нас несколько лет назад. Из заведующих, работавших в девяностые годы, остались единицы, да и писателей, помнящих то время, почти не осталось.

Однажды мы поехали с выступлениями в Братск с Леонидом Леонтьевичем. Третьим был зав. бюро пропаганды Владимир Удатов, он сопровождал нас, до-

говаривался, оформлял путевки. Поселились в гостинице «Тайга», мы с Л.Л. в двухместном номере, Володя отдельно.

Заходим в номер, осматриваемся. На спинках кроватей по два полотенца, чего раньше никогда не было, в туалете — туалетная бумага, тоже «нонсенс при дефиците», удивляемся, на дворе застой, а у нас комфорт по высшему разряду. Вдруг стук в дверь, входит консьержка:

— Извините, путаница вышла, — проходит в комнату и берет со спинок кроватей наши махровые полотенца, — тут для немецких туристов приготовили, а вам только вафельные положены.

Открывает дверь в туалет, забирает туалетную бумагу.

Леонид Леонтьевич первым вошёл в реальность, уже в коридоре кричит ей вслед:

— Хоть бумагу-то оставьте...

— Вам не положено...

— Что ж, Леонид Леонтьевич, газета «Правда» тоже ведь не на алюминиевой фольге печатается, — не смог не съязвить я.

Он почти не матерился в общении, хотя прошёл через войну, был сдержанным человеком. Но вдруг что-то в нём сломалось. Он последними словами покрыл и партию и власть. Всё произошло мгновенно, я успел только отметить, как дрогнуло его лицо при упоминании о немецких туристах. Русский офицер, фронтовик, оперуполномоченный особого отдела НКВД, старший следователь контрразведки СМЕРШ, ходивший по вражеским тылам, он повернулся к окну и застыл как каменная глыба. Я пожалел, что ляпнул про газету, но он на это даже внимания не обратил. Он думал о другом. И уже после, когда в ресторане мы встретились с немецкими туристами, и в группе оказался немецкий ветеран войны, наши столы оказались рядом, и через переводчицу выяснилось, что они воевали на одном фронте. Леонид Леонтьевич ни видом, ни словом не высказал какого-либо превосходства как победитель. Война для него закончилась в 1945 году.

Со Станиславом Китайским в восьмидесятые годы мы ездили в Восточную Германию, в то время социалистическую, и случалось, когда заходили в кафе или ресторан, и начинали разговаривать по-русски, какой-нибудь немец, можно было догадаться по его возрасту, участник войны, с показным гордым видом вставал из-за стола и, блеснув в нашу сторону презрительным взглядом, опираясь на трость, направлялся к выходу.

* * *

Позвонил Леонид Леонтьевич:

— Вася, я собираюсь в лес, хочу кедров небольших накопать и посадить на могилах наших писателей и знакомых своих, не согласишься мне помочь? Я и один могу, но с тобой сподручней, тяжело уже одному. Я возьму всё, что надо.

Заехал за мной на следующий день. Он выбрал место по Култукскому тракту, куда ездил за грибами, видел там кедры, спросил, может, я знаю, где поближе. Я жил несколько лет в лесу за Рабочим предместьем, но там были берёзовые и сосновые перелески, кедры не встречались, других мест не знал.

Проехали Шелехов, Чистые Ключи, речку Каторжанку, Моты. Справа стали попадаться редкие кедры, значит, должен быть подрост. Перед началом подъёма к известному всем водителям Тёщину языку, Леонид Леонтьевич съехал на обочину

и заглушил мотор. Он вытащил из багажника лопату, холщовый мешок, и мы стали подниматься по склону, поглядывая по сторонам. Накопали быстро. Я работал лопатой, Леонид Леонтьевич руководил, давал советы, подсказывал, как лучше, чтобы не повредить корней. Он заботливо складывал их в мешок.

Из склона пробивался неширокий ключик, а в пяти шагах от него было старое кострище. И до нас многие облюбовывали это место для передышки. Леонид Леонтьевич начерпал кружкой в котелок воды, вырубил из тонкого торчащего засохшего стволика сосны таган. Я тем временем собирал подходящий сушняк, надрал с упавшей и сгнившей берёзы бересты, самой удобной и скорой таёжной растопки.

Пили чай, пошевеливая в костре обуглившиеся недогоревшие головёшки, подгребая их на пламя, вспоминали наших ушедших друзей-писателей.

На кладбище добрались к вечеру, но дни уже были долги. Остановились почти сразу при въезде на Радищевское кладбище. Прошли вглубь захоронений к могиле Константина Фёдоровича Седых. Выкопали три ямки, по углам посадили кедры, посередине между ними — рябинку, прикопали и притоптали землю. Взяли саженцы и лопату, прошли на могилу Иннокентия Степановича Луговского. Потом он находил другие дорогие сердцу могилки.

Вспомнилось и захотелось съездить на кладбище, если выжили саженцы, то это уже зрелые плодоносящие деревья, и осенью в них копошатся и кормятся белки, прилетают крикливые неутомимые кедровки и разносят по окрестным лесам, и прячут в лесную подстилку кедровые ядрышки. Весной они потянутся к свету ростками жизни.

Главы из рукописи книги об иркутских писателях

ГЕОРГИЙ БАЛЬ

Мне о войне рассказывал отец

*Сыну Андрею.
Светлой памяти его деда
Павла Семеновича*

Что же вам о войне рассказать?
Разве в подвигах дело и славе?
Не дай Бог еще раз испытать
То, что выпало нашей державе.
Чтобы бабы во вдовьих платках,
Чтобы сироты дети.
Чтоб юнцы — молоко на губах
Умирали в кровавом рассвете.

Сорок пятый!.. Победа!..

Три четверти века минуло, а по планете катится война. Балканы. Азия. В Прибалтике пытаются реанимировать фашизм. На Украине гибнут мирные люди. Старики, женщины, дети.

И вновь на Россию льются потоки грязной клеветы. Извращают её историю, искажают историю Второй Мировой войны, роль России в разгроме фашизма. Советский Союз воевал не с одной Германией. Италия, Румыния, Австрия, Венгрия, Чехия (вся объединенная Европа) мечтали уничтожить не державу большевиков, мечтали уничтожить Русь. Чтобы оправдать себя, им сейчас нужна другая история. Нужна победа без России.

Победа в Великой Отечественной войне куплена кровью советского народа. Кто-

то из великих сказал: «Сражения проигрывают полководцы, в войне побеждают солдаты». Пусть историки спорят об ошибках военачальников, просчетах политиков, а народ, заплатив за победу миллионами жизней, отмечал и будет отмечать праздник 9 Мая, праздник «со слезами на глазах», как день всенародной скорби и всенародной радости, как день победы жизни над смертью.

Война! Всё, что я знаю о той Великой войне, и память о рано ушедшем из жизни отце, связано у меня одной неразрывной нитью.

Память, осталась только память, и некому тебя поправить, и не у кого спросить: так ли оно было или не так? Даже от родной отцовской деревни осталась только память. Красноселье оказалось в тридцатикилометровой Чернобыльской зоне. Отца война догнала в госпитале через сорок лет, он и его деревня умерли в один месяц, один год — май 1986 года. Отец от ран, полученных в войне. Деревню уничтожила Чернобыльская трагедия. Осталась память!

Помню старое, мощенное крупным булыжником шоссе. Мы идем к Припяти, к парому. У нас со старшим братом в руках удочки, у отца спиннинг. Встает солнце, парят луга, озера. Дорога неблизкая, и чтобы было легче идти, отец запевает:

*Эх, дороги, пыль да туман,
Холода, тревоги да степной бурьян.*

Поёт с хрипотцой, иногда покашливая, но так и кажется, что это его песня, и поет он о себе. Дорога с глубокими кюветами, заросшими орешником, с вьющейся колючей проволокой ежевикой, ведёт прямо в небо. Чем ближе и ближе к Припяти, тем выше и выше поднимается она над поймой, а затем резко обрывается высоким речным берегом. За сотню метров от обрыва виляет в сторону, прячется в густой зелени обычная грунтовка — к парому. А на крутояре в окружении березок за зеленой оградкой — белый обелиск с пятиконечной звездой: «Вечная память героям, павшим в борьбе с немецко-фашистскими оккупантами». Звания, имена и дата — 22 июня 1941 года.

Небольшая полесская деревенька Красноселье расположилась в километрах трех от Припяти, но в паводок река часто приходит в гости. Бывали вёсны, когда от избы до избы плавали на утлых, легких челнах, но благодаря этому не знали селяне, что такое голод. Рыба в каждой луже плещется, да и поля, удобренные илом, приносят щедрый урожай бульбы, жита, льна. В километре шоссе, хочешь на север — 50 километров и райцентр Хойники, еще 100 — Гомель, хочешь на юг, через красавец мост на «ридну неньку» Украину. Школа в деревне была начальная, а семилетка за семь верст в Оревичах, центральной усадьбе колхоза. Хоть и нелегко это было пацану-безотцовщине (Дед Семён сгинул в конце тридцатых, уйдя однажды зимой в город на заработки. Данных о нем ни в каких архивах найти не удалось, да и какие архивы в Белоруссии после той войны!), отец перед войной окончил шесть классов, думал, еще год и поедет учиться в Гомель, в педучилище.

Война! 22 июня немцы разбомбили мост через Припять, там и погибли бойцы его охранявшие, погибли, не успевшие убить хотя бы одного фрица, ни успевшие понять, что началась самая кровавая, самая тяжёлая для нашей Родины война.

«Война!» — прокатилось по деревне. Заголосили бабы, а мужики, покурив на завалинке сельсовета, вскоре собрали котомки и кто на своих двоих, кто на телегах подались в райцентр.

Бои миновали село, слишком быстро фашисты рвались на восток. Рвались по дорогам, а по лесам да болотам отходили попавшие в окружение красноармейцы. Попьют молока, запасутся хлебушком и дальше — догонять своих. Вернулись в село кое-кто из тех, кто ушел совсем недавно на войну, попрятали форму, оружие, да и сами попрятались под бабы подолы. Вылезут вечером на завалинки, рассказывают страсти о фронте, немецкой силе:

— Прёт фриц! Танки, самолёты.

Как понять четырнадцатилетнему деревенскому пацану, воспитанному на мысли, что если на нас нападут, то «мы их шапками закидаем», все происходящее. На юге и на севере гремели бои. В августе фашистские дивизии форсировали Днепр южнее Жлобина, начав наступление на Гомель, в сентябре в районе Лохвицы танки Гудериана и Клейста соединились, окружив Киевский укрепрайон. Но ничего об этом крестьяне не знали, да и не разбирались они в тактике и стратегии. Ранней осенью появились в селе первые немцы — самокатчики. Прикатали на велосипедах. Рукава закатаны. Воротники расстегнуты. Веселые. Хохоют:

— Матка, млеко. Матка, яйко.

Переловили кур и собрались уезжать, а тут из жита вышло на них трое красноармейцев с поднятыми руками. Отобрали у них немцы винтовки, разбили об угол какой-то избы, погнули стволы. Сели на велосипеды и погнали с хохотом бойцов перед собой. Далеко ли те бойцы добежали, никто не знает, много их осталось лежать вдоль дорог, по которым гнали немцы пленных, а возможно догнали до лагеря, и хлебнули они по самое горло фашистской неволи. А пацана слезы давили от обиды за «непобедимую и легендарную». Как же так? С оружием? Почему не перестреляли фрицев?

Вскоре приехали немцы посерьезнее. Эти кур не ловили, а набили целую машину продуктов — селяне сами таскали. Назначили старосту да пару полицейских и укатили. Что староста, что полицейские — свои же сельчане. Староста до войны был бригадиром, а полицейские простые хлебоборбы. Стала деревня жить, словно и нет той войны. Обойдет утром староста село, постучит в окна, созывая баб на работу — уборка в разгаре, да вот только: что в колхозный амбар, а что по избам да в схрапах спрячут — всему разный счет. Знали, немцы все под метелку подберут. А жить надо. Работал и отец (мужиков на селе почти и не осталось, хромые да хворые), а у отца мать с сестренкой несмышленишем на плечах. Надо и хлеб убрать, и дров заготовить, зима вот она, не за горами.

А окруженцы все шли и шли. Снег лег на поля, и те из них, которые поняли, что не смогут догнать фронт, оседали по хуторам, селам да окрестным лесам. Как своих не приютить, не накормить, не обогреть? Вот и пекли хлеб на себя да на служивых, благо хлеба было с избытком. Госпоставок не стало, фрицам кинули кусок, а остальное на войну списали, тем более что какая-то часть урожая под снег ушла — вот ее немцам и показывали. Немцы в село заглядывали редко, зима 1941 года выдалась лютая, снежная. Дороги позаметало — никакой техникой не проехать. Морозы и партизан выгнали из леса, ведь это были в основном окруженцы, не успевшие ни запасов сделать, ни лагерь зимний обустроить.

Кочевали отряды из села в село — неделю в одной деревне, неделю в другой. Вылазки делали подальше, то там немецкий обоз перехватят, то там мелкий гарнизон уничтожат, комендатуру, склады сожгут. В январе 1942 года нашелся иуда, не из своих — не из красносельцев, кто-то из отряда сбежал, не вынес холода да голода, а возможно и гестапо заслало. Позже, рассказывали, служил полицаем в Хойниках — зверствовал. Убежать в сорок третьем с немцами не успел, поймали его бабы, затащили в лес, мордовали до крови, до полусмерти, а потом голого воткнули в муравейник и привязали к дереву, возможно и не об этом предателе речь то шла, но собаке собачья смерть.

А тогда, в январе 42-го, отец на селе считался ладным парубком и по вечерам ходил на посиделки. Девчата куделю пряли, пели протяжные русско-белорусско-украинские, одним словом полесские песни, хлопцы курили, балагурили, а потом провожали девчат по домам, но если до войны у каждой дивчины свой провожатый был, то теперь один на семерых, да и то, либо малолетка-подросток, либо увечный. Тем вечером сидели с девчатами мой отец и сухорукий Жегера — левая рука у него с детства покалечена была, оттого и на фронт не взяли, а так мужчина ладный был, в кузнице подручным — меха раздувал и пудовым молотом одной правой играючи работал. Девки пряли, отец лучину менял, Жегера самокрутки крутил да байки травил. Заскрипела дверь, на пороге в белом маскхалате немец. Показал стволом автомата на Жегеру, на отца:

— Ком, ком. Шнель, шнель.

В чем были, вывел из хаты и погнал по тропинке. Мороз, тропинка — снег по пояс, а где и выше. Дошли до сруба (до войны собрались клуб строить, да не успели), намело там сугробы выше головы. Только завернули за угол, отец сообразить не успел, как его Жегера через сугроб перекинул, опомнился в снегу. Вскочил, а ни немца, ни друга уже не видно. Снег метет, холодно. Где-то собака залаяла. Очередь — завизжала, затихла.

Бросился отец домой, схватил сестренку, набросили с матерью, что под руку попало, и в поле. Упали в ивняке, лежат в снегу. Над селом уже зарево, а за селом немецкие автоматы: «Та-та-та. Та-та-та». До утра пролежали, закоченели, но вот слышат, загудели машины на шоссе, уехали немцы. Деревня полыхала. Все мужчины, которых захватили немцы, были расстреляны, старосту и полицейских повесили посреди села. Отцовская изба тоже сгорела, мать с сестрой приютились у кого-то из сельчан, а отец ушел в партизаны, ушел вместе с Жегерой — задавил тот все же этого фрица, в снегу утопил.

Отряд был маленький, человек двадцать. Да оно и понятно — зимой такому отряду и прокормиться, и укрыться легче. Командовал старший политрук, окруженец, а остальные все свои, друг друга по имени-отчеству звали. Чужих старались не брать. Как его проверишь, особого отдела нет. Мало их было, но без дела не сидели. Пожалуетса народ, что кто-то из полицаев зверствует или староста лютует, перед хозяевами выслуживается, скараулят да на осине вздернут — другим в науку. Было противотанковое ружье, когда разживутся к нему патронами, идут на железку расстреливать паровозы. На саму железку не выходили, ни взрывчатки, ни минеров в отряде не было, да и так другой раз отрывались с боем, следы на снегу — собак не надо. Но если попадался состав с горючим и боеприпасами, фейерверк устраивали на всю округу, а нет, то пар из паровоза выпускают. Пока другой паровоз подгонят, да состав вытащат. Время на войне — тоже оружие.

Перезимовали. Кто-то погиб, кто-то пришел новый, стали с соседями объединяться. Нашли в одной из речушек притоленную «сорокапятку». Почистили, чем-то смазали, оказалась исправна, даже прицел на месте. А фрицы открыли на Припяти навигацию. Используя Днепровско-Бугский канал, стали сплавлять баржи. Припять начинается у западной границы и впадает в Днепр немного выше Киева, там, где сейчас начинается Киевское море. Плавали немцы спокойно, пустили даже пассажирские пароходы для отдыха господ офицеров.

Шлепают плицами колесный пароход, веселятся фрицы, любят ландшафтом, щелкая «лейками» — на память, родным в Фатерлянд отправить. Но недолго музыка играла. Поджала мель пароход к берегу, в упор из зарослей ударила «сорокапятка», в борт осколочно-фугасным. Мал снарядик, так и пароход не броненосец. Разбило колесо, закружило пароход по дуге, а еще пару снарядов по ватерлинии, и стал он хлебать воду. Подключились пулеметы. По капитанскому мостику, по ресторану, по каютам. Задымило, полыхнуло жарким пламенем, запрыгали немцы в воду, но немногие доплыли до противоположного украинского берега, больше пошло на корм сомам да налимам. Не раз и не два выкатывали партизаны свою артиллерию на припятские берега, меняя и место и время. То утречком, когда из густого тумана видны только одни мачты плывущей посуды, то среди ясного дня, как гром господень, рывкнет пару раз пушечка, добавят пулеметчики из РПД и «по коням» — поминай, как звали. А на дно шли оккупанты, взрывались боеприпасы, горело топливо для танков.

Вскоре пришли на Полесье соединения Ковпака. По сравнению с местными

сельскими партизанами почти регулярная армия. Командный состав в форме, со знаками различия, на головных уборах не красные ленточки, а красноармейские звездочки. Главное же — вооружение. Не одна жалкая пушчонка — добрый десяток. Было даже несколько танкеток. Влетали ковпаковцы в села на тачанках, полицейских из погребов да курятников повытаскивают и на майдан. Как селяне скажут — кого вздернут, кого отпустят. Крупные населенные пункты блокировали. Немецкие гарнизоны, состоящие из тыловиков, противостоят им не могли. На время Советская власть вернулась. Много молодежи влилось в ряды ковпаковцев, позарился было отец на форму, на кажущуюся непобедимость такой армады, но отговорил его дядя Жегера, ставший к тому времени комиссаром отряда: «Сынок, ковпаковцы пришли и уйдут, а кто здесь воевать будет? Ты здесь нужен. Сестре. Матери. Своей земле».

Немцы тем временем, сняв с фронта несколько дивизий, взялись за партизан всерьез, решив окружить и уничтожить их в междуречье Днепр — Припять. Завязались кровопролитные бои. Запылали полесские хаты, и уже целые села со всем скарбом, семьями уходили в леса, в болота. Это уже была другая война. Против партизан шли не тыловики, не отдельные карательные батальоны, шли матерые вояки, егеря. Фашисты бросили против партизан танки, самолеты, и если бронетехника вязла в болотах да зыбучих песках Полесья, то бомбежки изнуряли, авиационная разведка лишала отряды, отягощенные мирным населением, скрытности, маневренности. Стал ощущаться недостаток продовольствия, сильнее всего сказывалось отсутствие соли. Использовали золу, порох, что бы хоть как-то притупить солевой голод.

Недобрым словом поминают Ковпака на Полесье. Всего-то ничего покрасовалось по селам его войско. Сняли молодежь и, прорвав всей армией блокаду, ушли на Украину через Припять. При прорыве на переправе погибло немало партизан.

Немцы быстро закрыли прорыв. С боями, лесами да болотами отходил к Днепру отряд, в котором воевал отец, на руках унося раненых и детей. В глубине болот на островах рыли землянки и оставляли в них тех, кто уже не мог идти дальше, делясь с ними скудным запасом продовольствия и боеприпасов. Выживут ли? Никто не знал. Шли дальше к Днепру, который щедро напоили при переправе своей кровью. Ушли на Брянщину.

А Ковпак повел свою бригаду от Путивля до Карпат. Разгромить румынские нефтепромыслы партизанским рейдом — авантюра! Пусть историки выясняют инициаторов и целесообразность этой операции, только из каждой сотни полесских хлопцев, ушедших с Ковпаком, вернулись единицы. В Красноселье — одна тетя Аня, которая была в отряде медсестрой и вернулась, сопровождая раненных офицеров. Штаб, Ковпака вывезли на самолетах, а брошенные отряды бились смертным боем в окружении. Земля чужая, речь чужая. Румыны, немцы, бандеровцы — все навалились, все против. В плен партизан не брали. Особенно зверствовали бандеровцы, выжигали звезды, сажали на кол, с живых сдирали кожу. Кровавый рейд.

Отцовский отряд уже по зиме, переходя реки по льду, вернулся в родные места. Немцы блокаду сняли, считая, что с партизанами покончено. Реки замерзли. Только реки в Белоруссии коварные, бывает уже в начале декабря встанут, лед держит сани с лошадью, а к Крещению промоины под снегом появляются, на лыжах не пройдешь. Болота всю зиму дышат, немцы так и не смогли пройтись, как задумывали, частым гребнем по Полесью.

Партизаны вернулись. Отыскивали уцелевшие базы, выводили ослабевших людей из болот. Хоронили умерших, помогали обустроиться живым. Вторая зима оказалась намного тяжелее первой. Запасов никаких, население после блокады тоже вконец обнищало. Уже не крестьяне кормили партизан, а отряды делились с селянами продуктами, отбитыми у немцев. Немцы отвечали на вылазки партизан карательными акциями. Но по сравнению с предыдущей блокадой это уже не пугало партизан. Отряды готовили запасные базы, объединялись, отражали натиск, рассыпались и снова объединялись. Основная задача была защитить лагерь с гражданским населением, вывести их из-под удара.

Так прошла вторая военная зима. Как ждали лето? Отец говорил: «Ничего так не хотелось, как согреться». Днем ни костры, ни буржуйки в землянках не жгли. Немцы стали тренировать своих летчиков по точечному бомбометанию, и те запросто могли сбросить бомбу на одинокую церквушку, расстрелять пешехода на проселочной дороге, а уж дым в лесу они никогда не пропускали. И лето пришло. Наши на фронте наступали. Слово «Сталинград» стало любимым паролем. Летом 43-го была объявлена «рельсовая война». Все, кто мог, были брошены на вражеские коммуникации. Рвали рельсы, мосты. Валили и жгли телеграфные столбы. Земля буквально горела у оккупантов под ногами. Отгремела Курская битва. Осенью освободили Киев, Гомель. В прифронтовой полосе стало тесно, какие-то отряды откатывались на запад, другие переходили линию фронта, вливаясь в ряды Красной Армии, части которой сильно поредели во время тяжелых наступательных боев.

Людей не хватало. Получи форму, оружие — и в строй. Отец попал в ИПТАБ (истребительный противотанковый батальон). Это у партизан «сорокапятка» была в почете, а фронтовики называли ее «Смерть врагу — хана расчету». Стреляла она прямой наводкой, стояла чуть ли не в окопах. Пару выстрелов — маскировка долой. Три, четыре боя — нет ни пушки, ни расчета. Вначале отец был ездовым, потом сменил убитого заряжающего. Бои на правом берегу Днепра были жестокими, фашисты беспрестанно контратаковали. Отец говорил, что и познакомиться не успевали. Утром пришел — в обед убит. В одном из боев разбило орудие, из расчета один отец живой — контузия, осколочное ранение в грудь. Но жив, повезло.

Госпиталь. Запасной полк. Кормежка по тыловой норме. Муштра.

— В атаку! Ура!!! Окопаться. В атаку!

Не фронт. Пули не свистят. А кровь из носа, из ушей.

Покупатели приедут из частей берут бывалых, а пацан кому нужен. Схитрил отец. Приехали флотские, он камешки под каблуки подгрел (ростом война так и не дала подняться, а кости был широкой) и на вопрос «Комендоры есть?» бодро выкрикнул:

— Я.

— Выйти из строя.

— Есть.

Стал отец моряком. Отправили в Ленинград. А когда поняли, что никакой он не комендор, а пацан-партизан, отправили на завод, восстанавливать корабли. Ведь во время блокады со многих кораблей снимались орудия. Укрепляли оборону города, крупные корабли превратились в плавучие батареи. Доставалось им и от артобстрелов и от бомбежек. Все надо было быстро восстанавливать. В разбитых цехах плечом к плечу и краснофлотцы и гражданские, взрослые и дети. Только флотский паек не тыловая норма. Хватало самому, делился и с гражданскими. Не

будешь же ворочать тяжелое железо вдвоем, а кулеш хлебать из котелка в одиночку. Нелегко давались деревенскому хлопцу премудрости заводских профессий, выручали смекалка да трудолюбие. Желание учиться.

Довелось отцу походить по Балтике и на эсминце, но вскоре отобрали команду краснофлотцев и отправили на усиление Черноморского флота. На Дунае встретил конец войны.

Победа!

Солдаты, моряки демобилизовавшись возвращались домой, а отец по документам еще только подлежал призыву. Служба — не война. Отцу нравились и флотский порядок, и дело, которым он занимался. К этому времени он стал командиром отделения электриков. Другой жизни не знал, да и не задумывался о том, что делать дальше. Служить ему было еще да служить. Осенью 47-го катер, на котором шел отец, налетел на мину, на свою или чужую — без разницы. Черное море из-за мин после штормов напоминало суп с клецками. Почти сутки отец пробарахтался в осеннем море, пока подобрали. Из двух десятков спасли человек пять. Повезло! Снова госпиталь. Контузия. В раненном в 1943 году легком — туберкулезный очаг от переохлаждения. Чахотка. Вырезали пораженное легкое, а процесс не останавливается. Как-то, выходя из кабинета врача, отец услышал за спиной шепоток медсестер:

— Молодой, симпатичный, а года три — не больше.

Комиссовали. Дали инвалида Красной Армии II группы. Свободен. А отец рад, что жив остался. Над разницей — инвалид ВОВ или КА — не задумывался. Вернулся в деревню. Мать с сестренкой в землянке горе мыкают, сам кровью кашляет, а все равно радуется — жив остался! Что-то успел за службу собрать, невелики деньги. Но в деревне в то время и тех не было. Выписал лес, помогли соседи, друзья (Жегера парторгом колхоза был), скатали избушку в три окна.

Почти всех барсуков в округе отец перевел. Лечился барсучьим жиром да мясом. Одно понял: не выжить ему в деревне, не потянет в дождь и холод в поле работать, надо уходить в город. Как ни пытались удержать, а закон на его стороне — инвалид, и паспорт на руках.

Гомель после войны в развалинах, жить негде. Заводы только восстанавливаются. Устроился на железную дорогу. Прошел медкомиссию, сменили группу на третью, а иначе бы не приняли. Снял угол у стариков. Приехал в деревню, привез подарки матери с сестрой. А сестра в слезы, думала, что останется отец в деревне, будет ее с матерью пестовать. Ушел отец к мужикам, за жизнь поговорить, девка-дура со зла все отцовские награды, справки, документы в печку. Выгреб отец из золы обгоревшие медали, сложил в солдатский сидор свои вещи и ушел к автобусу. Потом, через года, пришлось ему с боем добывать справки да подтверждения по всем архивам.

С нашей мамой, Раисой Сергеевной, встречался не долго. На третий вечер, провожая маму, спросил у будущей тещи, стоявшей у калитки:

— Евдокия Сидоровна, я вашу дочку хочу замуж взять.

На что та, смеясь, ответила:

— Бери. У меня еще две есть.

Вот так: три вечера встречались, а прожили душа в душу без малого сорок лет. Снимали жилье, трудились. В 1953 году родился Петр, в 1954 — я. Те годы были очень тяжелыми не только для родителей, для всей Белоруссии. Нехватка ощущалась во всем, и все же люди верили в лучшее. Помыкавшись по квартирам,

получили родители комнату, переделанную из бытовки в старом красного кирпича трехэтажном доме.

Красное солнце на закате отражается в стеклах, отец с братом нам сделал луки; высоко, далеко летит тальниковая стрела, кажется, выше дома, из конца в конец обширного двора. А мимо стучат колесами составы, которые мы часто долго пропускаем, стоя на переезде, за которым детский сад. Оно до сих пор стоит, старенькое деревянное здание, переделанное под жилой дом. Вот только вместо железнодорожного переезда большой мост. С него как на ладони и бывший двор детского садика, и большой красный дом, где мы прожили несколько лет в похожей на пенал комнате. Стояли в ней две кровати, стол, самодельный шкаф для одежды и большая печка, топившаяся углем-антрацитом, с диковинными слепками неизвестных растений на блестящих чернотой изломах. В этой комнате в последний раз видел бабушку Хадору, мать отца. После операции маленькая, худенькая старушка пыталась нас с братом накормить немного подгоревшей манной кашей. Сейчас бы без проблем выкинули ее, а тогда каждая жиринка была на учете. В 57-м получили новую 2-комнатную квартиру — это было чудо. Большие окна, солнце играет по огромной, как тогда казалось, квартире. Не хватало, да просто не было почти жилья в городе. В школу ходили мы с братом мимо разбомбленного дома; третьего этажа нет, от второго оконные проемы, да осколки стен, а на первом — люди жили. Жили в бараках, временках, жили верой, что завтра будет лучше, чем вчера. А в 1959 году родился младший — Игорь.

Во второй половине 60-х стало легче, вот только здоровье все чаще стало подводить отца. Но если раньше стране, да и всему народу мысли в голову не приходило о льготах ветеранам, то уже к двадцатипятилетию Победы, когда ветеранов становилось все меньше и меньше, о них вспомнили. В военкомате отцу помогли восстановить утраченные документы, медкомиссия подтвердила, что заболевание вызвано фронтовым ранением. Переоформили инвалидность на инвалида Великой Отечественной войны. Это дало право отцу на бесплатное лечение. Съездив несколько раз в Крым, отец понял, что лечение там не помогает, и краше нет белорусских сосновых боров с чистым целебным воздухом. Отец очень любил и знал лес, любил рыбалку. Летом редкий выходной проводили дома. Корзины с бельем на велосипед и за город, на старицу Сожа (река, на которой стоит Гомель). Мать полощет в реке белье, отец рыбачит, одним глазом на поплавок, другим за нами, пацанами, плескавшимися на мели. Не усмотрел. Поплыл с друзьями на ту сторону, а меня подхватило течением и снесло в омут. Опускаюсь, чем глубже, тем холоднее, темнее вода, водоросли выются, а илистое дно не хочет отпускать. Кричал не «Мама», которая так и не научилась плавать, кричал «Папа». Наверное, в последний раз решил взглянуть я на солнышко, а перед глазами отцовское лицо. Вцепился в батю руками, ногами. Как буксир поплыл он к берегу, плавал хорошо. Вынес меня на песок, вытер сопли, упокоил. Долго я потом боялся глубокой зеленой воды, мест в озерах, заросших густой травой, илистого дна. Только не позволял отец бояться, не позволял лениться. Отпуск проводили в деревне. Не забывал ее отец, и она его. Односельчане часто бывали у нас, жили по несколько дней. В те года, когда расплачивались с крестьянами по трудодням натурой, приезжали они поздней осенью на рынок. Продать избыток продуктов, купить городские товары, которые не часто завозили в сельпо (сельская потребительская кооперация). Наша квартира напоминала тогда караван-сарай. Но и мы в деревне были желанными гостями. А в деревне дом, построенный отцом, мать и сестра. И

сено косили, и стадо пасли, и рыбу ловили. Рыба, грибы, ягоды — были не только отдыхом, но и подспорьем.

Поздняя осень. Ясное холодное утро. На чистой соломке осмоленный соломкой и вымытый до нежного золотистого цвета кабанчик. Копенка сена во дворе, и вот мы с братом держим в руках по ломтю ржаного хлеба, а на вилке по доброму куску домашней колбасы. Вкуснее после этого ни разу колбасы не ел.

Сестра вышла замуж, уехала в Киев, но остались друзья, соратники. Всегда отца встречали в деревне как родного, и что удивительно, даже люди старше его по возрасту называли отца уважительно — Павел Семенович, может, за его рассудительность, за спокойствие, за такт. За свою жизнь я много поездил по городам и весям нашей необъятной родины и убедился в одном, что в селе на Припяти, в деревне на Шилке, в ленском улусе — везде одинаково простые люди гостеприимны, живут одними и теми же трудовыми заботами, и слово «счастье» для них означает одно и то же. Был бы в доме достаток, хватало бы здоровья на тяжелый крестьянский труд, счастливы были бы дети. А такт, культура, интеллигентность у крестьян свои, природные. Интеллигент — не профессия, не образование, это состояние души.

Сколько помню себя, отец всегда был рядом. В будни и в праздники. В библиотеке дворца культуры железнодорожников, куда мы ходили по выходным. Своих книг в доме было немного, а книгоцеем отец был страстным, при этом хорошим рассказчиком. В лесу не просто собирали грибы и ягоды, а учились. Учились развести костер одной спичкой и так, чтобы не поджечь лес. Учились жить с лесом в ладу; и змея просто так не укусит, и лесу она нужна, а без муравья лесу вообще не жить. Узнавали от него, что утка не только по озеру плавает — показал он нам, как она утят из дупла в глухом лесу на землю сманивает, как летят смешные серые шарики, трепыхая в воздухе еще бессильными крылышками. Показывал и волчье логово в дубняке, и норы, отобранные лисой у барсуков. Много чего показал нам отец и в лесу, и на воде. Открывая нам мир, учил жить с ним и с собой в ладу. Как жил сам. Как жила наша мать. Когда и как решали они конфликтные вопросы, мы не слышали (при нас они никогда не ругались), а, имея трех сорванцов, без проблем было не обойтись. С каким бы серьезным вопросом ни обратились мы к матери, ответ всегда был одинаков: «Как скажет отец». Став взрослым, я понял: Да! все было так, как скажет отец, но решала мама! В том, что отец прожил намного больше, чем пророчили ему врачи, ее заслуга. Её забота, её любовь. Отец платил тем же. Не было показной любви, высоких слов. Они просто уважали, жалели друг друга. За всю жизнь пьяным отца помню раза три (на свадьбе у сестры матери, когда приезжали друзья сослуживцы), но по нынешним меркам разве это пьяный, который на своих двоих идет и песни поет. В остальное время отец всегда был чем-то занят. Сделать круглый стол, мода на которые возникла в начале шестидесятых, запросто — ножовка, рубанок не валились у него из рук. Отремонтировать электроприборы — и себе и соседям. Сварить флотский борщ, так в первые дни после свадьбы он сам этому маму учил. «Мужчина должен уметь все, в том числе и то, что умеет женщина тоже, и даже немного лучше». Самопал детям сделать и испытать его в душевой — пожалуйста, но только потом трубка под молоток, рукоятка в куски. Надо? Сами делайте. Отец мог всё! От нас требовалось то же. Вот только стирку мать никогда никому не доверяла, вся остальная работа делилась на всех, невзирая на возраст.

Выросли дети, разлетелись из родного гнезда. Старший стал инженером, младший учителем. Внуки, внучка. Жить бы да жить, пятьдесят девять — не возраст для мужчины... Умер отец в один год, в один месяц со своей родной деревней.

В первых числах мая 1986 года приехала, как обычно, каждую весну за ним машина, увезла отца в военный госпиталь, который находился за городом в сосновом бору. Уезжал отец туда всегда с радостью, ведь это был своего рода клуб ветеранов, где встречались старые друзья, которым было о чем вспомнить и о чем рассказать, на что посетовать и чем похвалиться перед товарищами. Общей болью прошло по палатам известие о Чернобыльской катастрофе.

Если на Первомайские праздники о Чернобыле скромно умолчали, и в Гомеле народ толпами валил на демонстрацию, на маевки, радуясь прекрасной погоде в выходные дни, то уже через неделю об этом заговорил весь мир, стали вывозить из города детей. Власть придерживающие по телевизору успокаивали население, а сами отправляли родных и близких куда подальше. Абрамовичи и Рабиновичи сдавали квартиры под охрану и бежали, как в Великую Отечественную, из Гомеля до самого Ташкента. Были целые подъезды, дома опечатанных квартир. И никакой точной информации. Слухи. Слухи обрастали новыми «ужасными подробностями». Стали целыми селами эвакуировать людей из пораженной радиацией зоны. Эвакуировали отцовскую деревню. Зону обнесли колючей проволокой. Возможно, гибель деревни, да что деревни, драма всего Полесья и стала последней каплей.

Был ли отец героем? Он себя героем не считал. Для нас, его сыновей, самый высокий отцовский подвиг в том, что не сломался он после госпиталей, прожил не три года, как пророчили, а сорок, поднял, вырастил нас, научил любить жизнь, людей, быть людьми. Война? Как он говорил: «Все воевали».

*Сам я не был на той войне,
Но во мне отцовские раны,
Что носил он с фронта в себе,
От которых он умер так рано.
Во мне раны его и боль,
Его воля и жажда к жизни,
Нерастроченная любовь.
Его вера в нашу отчизну.
Во мне гордость его и честь.
И скупая мужская слеза.
И я знаю, пока я есть —
Мне об этом забыть нельзя.*

Нельзя о подвиге народа забывать ни нам — их детям, ни их внукам-правнукам.

Священная война

*Произведения живописи периода Великой Отечественной войны в собрании
Иркутского областного художественного музея имени В.П. Сукачева*

Иркутский художественный музей, основанный в 1870 году, отсчитывает свою историю от начала собирательской деятельности В.П. Сукачева (1849–1920) — иркутского городского головы, общественного деятеля, мецената, Почетного гражданина Иркутска, создателя первой за Уралом картинной галереи. Музей обладает обширными коллекциями русского, советского, западноевропейского искусства, искусства стран Востока и крупнейшей коллекции сибирского искусства.

Формирование коллекции советского искусства было заложено еще в 1920-е годы: в музей были переданы картины из Иркутского общества художников, в 1925 и 1927 годах поступили работы со всесибирских выставок. В 1928 году из Государственного музейного фонда получено несколько советских произведений. В 1938 году прибыли полотна из Государственной Третьяковской галереи. Но все эти поступления были единичны, разнородны, случайны, и поэтому они не давали возможности создать полноценный отдел советского искусства.

Настоящее комплектование советской коллекции началось в послевоенное время, и процесс этот связан с деятельностью директора музея с 1948 по 1977 год А.Д. Фатьянова (1915–2001). Среди большого количества картин, рисунков и скульптуры военной тематики особый интерес вызывают те из них, что созданы непосредственно в период войны и в первые послевоенные годы. Фатьянов, служивший в рядах Советской Армии с 1942 по 1946 год, уделял внимание пополнению собрания музея такими произведениями.

Изобразительное искусство времени Великой Отечественной войны связано с именами знаменитых мастеров искусства: П.П. Соколова-Скали, Б.М. Неменского, К.Ф. Юона, Ф.П. Решетникова, Е.А. Грибова и многих других художников. Архив музея хранит переписку Фатьянова с этими авторами, которая является источником уникальных сведений не только об истории создания произведений, но и о событиях военного времени, пережитых самими художниками.

Первый удар войны приняла на себя Брестская крепость. Уже после Великой Победы в 1957 году художественный дуэт Е.А. Грибова и М.И. Малютина создал живописное произведение «Брестская крепость. 1941 год». По словам Е.А. Грибова, художникам «хотелось написать картину о солдатском, человеческом мужестве. Без дыма, огня и прочих атрибутов батальных картин. Остановились на обороне Брестской крепости в 1941 г. Работали (тогда были энергичными и молодыми) долго, и она долго не получалась, хотя картон в натуральный размер был к тому времени сделан, и как говорили нам — производил впечатление. Наконец, нашли под Ивановым полуразрушенную (увы...) церковь, перевезли туда холст и наказа-

ли деревенским детям ничего не трогать. Это только подогрело их интерес, и они без конца лазили в окна, не причиняя особого вреда. ... [Картина] была издана в открытках, ее репродукция вошла в альбом советских баталистов, и была издана большая репродукция картины»¹. Художникам удалось создать одновременно монументальный и естественный образ советских бойцов. Фризовой характер изображения задает движение от левого к правому краю картины, от оставленных в крепости женщин, детей, раненых к выходу из внутреннего пространства, придавая произведению повествовательность. Живописное полотно, хранящееся в Иркутском художественном музее, является повторением картины, оно создано в 1968 году и было показано на Всесоюзной выставке, посвященной 40-летию Вооруженных сил СССР, в Москве в 1968 году.

Особую роль в художественной жизни военного времени играла студия военных художников им. М.Б. Грекова, воспитанники которой создали художественную летопись войны. Среди мастеров, входивших в нее, были П.П. Соколов-Скала и Б.М. Неменский.

Павел Петрович Соколов-Скала — необычайно разносторонний мастер: живописец и график, художник-баталист, реставратор. Вместе с В.Н. Яковлевым он возглавил реставрацию панорамы Ф. Рубо «Оборона Севастополя». Словно выполняя завет Рубо о том, что «баталист должен развивать в себе способность быстро схватывать общее, характерное, передавать модель в движении, уметь рисовать и писать по впечатлению, по памяти...»², Соколов-Скала создает «Освобождение Калуги» (1946, ИОХМ) с опорой на личные впечатления. В своем письме, адресованном А.Д. Фатьянову, художник писал, рассказывая о произведении:

«Картина датирована 1946, но возникновение ее относится ко 2 января 1942 г. Еще в конце декабря 1941 г. я имел документы о командировании меня на один из участков центрального фронта. Под новый год было объявлено об освобождении Калуги, и утром 1 января мы вместе с группой художников отправились в направлении: Серпухов, Тула, Калуга. В ночь со 2 на 3 января на московском такси (мобилизованном для этой цели) я с художником П.М. Шухминым въехал в центр Калуги, думая, что город занят советской армией. Было пусто в улицах. Через наши головы била артиллерия и «катюши». Оказывается, что после горячего боя в центре города, немцы откатились на вокзал, а наши части отошли на исходные позиции к северо-восточной окраине города. Счастливая случайность воспрепятствовала нашему дальнейшему «продвижению» в лапы немцев. Улица, видная на картине справа, была завалена телеграфными столбами и запутана проводами, так что невозможно проехать. И вот по центральной площади против гостиного ряда (на фоне картины) предстала изображенная мною сцена, только персонажи этой драмы были мертвы и в самых разнообразных позах лежали на снегу и сгоревших машинах. Вот тут-то и представил я, как это было, когда они были живы...»³

Композицию картины Соколов-Скала строит на взаимодействии диагональных линий, и это придает изображению острую динамичность, вступающую, однако, в диссонанс с антуражем архитектурных сооружений: создается ощущение втиснутости людей и машин в узкое пространство улицы. Преобладание света в картине утверждает его победу: фигуры советских воинов выделены светлыми

¹Архив ИОХМ, личное дело Е.А. Грибова.

²Сытов, А.К. 80 лет Студии военных художников имени М.Б. Грекова /А.К. Сытов // Третьяковская галерея. — 2015. — № 2.

³Архив ИОХМ, личное дело П.П. Соколова-Скалы.

тонами. Художник писал о том, что старался найти в картине «новые эстетические категории в типах и одежде бойцов, в трактовке машин и разрушенных зданий, которые обычно изображались со «страшной», отталкивающей стороны» и стремился создать эпическое произведение, что несомненно ему удалось.

Борис Михайлович Неменский оказался вовлеченным в военные события 19-летним юношей. Оттого ли так ярко отпечатались они в его памяти? После учебы в художественном училище он попал в студию военных художников им. Грекова. Художник создал целую галерею образов войны, лишенных пафоса. Тема войны и детства волновала его особенно сильно. В иркутском музейном собрании хранится живописное полотно Неменского «Твое далекое детство» (1969). И хотя дата создания отстоит не на один десяток лет от событий Великой Отечественной войны, первые наброски к картине художником были сделаны еще на фронте. Сам художник писал следующее о своем произведении:

«Истоки этого замысла и попытки решить эту тему гораздо более давние. В книжке Дмитриевой⁴ приведен фронтовой рисунок — Сирота из В. Лук. Я много их видел. Тогда же и первые эскизы я сделал. Не получалось. Другие темы были, очевидно, ближе. И только после появления сына эта тема меня увлекла, и вновь я начал делать новые эскизы и начал писать холсты. Ваш холст — третий. Два предыдущих фактически уничтожены. От первого остались лишь два фрагмента (пейзаж и солдаты)... Я думал, что на этом и будет закончена для меня эта работа. Но вот сейчас у меня возникла потребность сделать еще одну попытку. Вариант будет сильно отличаться от Вашего и в композиции (не 2, а 6 солдат), и в колорите. Мысль, чувства — конечно, те же, несколько иной поворот, иная метафоричность.

Темой этой работы фактически является та же нежность и тревога с акцентом на ответственность отцов за судьбу этих хрупких ростков — огоньков жизни. Вот эту тему мне хочется еще сильнее проявить в новом варианте. Может быть и не получится. Так часто бывает.

Материал для этой картины я собирал несколько лет... Для пейзажа целиком шли этюды и рисунки фронтового периода — их я и использовал.

Тема эта для меня чем-то очень важна. Недаром, очевидно, я несколько лет к ней возвращаюсь. Вообще, на этот сюжет делались уже нашими художниками картины. Может быть, потому я и не спешил. Они мне казались чересчур документально-иллюстративными, а мне виделось нечто более тревожащее, не просто эпизод. Что получается — мне трудно судить. К сожалению, я еще не решился ее⁵ показывать широкому зрителю на выставках...

Да, девочка эта, фронтовая, имеет только имя Аня. Ее отдали в село Липец колхознице Анне Николаевне Федоровой: в Великих Луках ее пытались в прошлом году газетчики разыскать — пока безуспешно»⁶. В более позднем варианте картины (о котором идет речь в письме художника) количество персонажей увеличилось — вместо 2 солдат стало 6. Изменилась и трактовка образа девочки: она стала еще более фантомной, призрачной. Тем растеряннее кажутся солдаты, обступившие ее. В картине из иркутского собрания нет такого сильного акцента на хрупкость детской жизни, при несомненно трагическом общем звучании живописного полотна, подчеркнутого зловещим пейзажем выжженного боем поля.

Художники старшего поколения К.Ф. Юон, В.К. Бялиницкий-Бируля в силу

⁴Имеется в виду книга Н.А. Дмитриевой «Борис Михайлович Неменский» (М., 1971)

⁵Речь о картине «Солдаты-отцы» (1971) из собрания Псковской картинной галереи.

⁶Архив ИОХМ, личное дело Б.М. Неменского.

своего возраста не могли стать непосредственными участниками военных действий, но и они несомненно внесли свой вклад в общее дело борьбы за Победу. К.Ф. Юон пишет пейзажи столицы в военное время, одна из таких картин — «Утро Москвы» (1942, ИОХМ). По словам художника: «Эта картина — одна из цикла ей подобных, рисующих нашу Столицу в годы войны. Одна из них «Парад Кр[асной] Армии 7 ноября 1941 г.» — находится в Тр[етьяковской] галерее; ее вариант — подарок нашего правительства Чехословацкому Правительству и висит во дворце города Праги»⁷. В отличие от картины «Парад на Красной площади», в цветовом решении «Утра Москвы» Юон смягчает строгость и сдержанность общего холодного колорита введением теплых тонов на дальнем плане. Это придает пейзажу особое настроение — в окрашенных розоватыми тонами вершинах соборов Кремля ощущается надежда на Победу.

Второе живописное произведение Юона из собрания музея выполнено художником на историческую тему в 1945 году и называется «Суд народа в Древнем Новгороде. На вече XV в.». Оригинальный выбор темы сам художник объяснил так: «Тема — патриотическая, посвященная истории русского народа. Др. Новгород — колыбель народовластия; отсюда и интерес к этой теме. На эту тему картин не было. Она была выставлена на моей персональной выставке в 1945 г., организованной Тр. галереей (к 50-летию деятельности)»⁸. В пейзаже, дополняющем жанровую сцену картины, художник обращается к архитектурным памятникам Великого Новгорода, на тот момент разрушенным фашистскими захватчиками, таким образом, сохраняя их образ в живописи.

Мастер пейзажа В.К. Бялыницкий-Бируля пишет пейзаж места, обладающего своей героической историей. Его картина «Ратонаволок» (1947, ИОХМ) — это созданный лаконично цветовыми отношениями образ места. «Картина «Ратонаволок» написана по заказу Комитета искусств. Название картины «Ратонаволок» происходит от места, где в XVI веке происходила битва, слова «Рать наволакивать». Большую роль играла в этой битве деревня, изображенная в картине на высоком холме, носящая название и сейчас «Бросачиха». Оттуда бросали камни на подступающего врага. Место Ратонаволок находится в Архангельской области, Емецком районе, на реке Емце»⁹.

Ф.П. Решетников — художник, завоевавший жанровыми произведениями настоящее признание. В картине «С победой!» (1947, ИОХМ) художник передает всеобщую народную радость от встречи вернувшегося с войны героя. Несмотря на наивную аллегоричность (радуга и яркий солнечный свет, падающий на фигуру героя с одной стороны и темные грозовые тучи, как символ прошедшего военного времени на дальнем плане картины), живописное полотно наполнено людским ликованием, не разделяемым все же женской фигурой на первом плане, символизирующей, очевидно, горестную ноту в общем звучании праздника. Художник работал над картиной около двух лет, осуществляя поиски пейзажного мотива в средней полосе России. Для типажей людей в картине прототипами послужили работники колхозов Калининской и Московской областей. Впервые картина была показана на Всесоюзной выставке в Москве в 1947 году. Как признавался сам художник: «В ряду с другими моими произведениями, картина «С победой» за-

⁷Архив ИОХМ, личное дело К.Ф. Юона.

⁸Там же.

⁹Архив ИОХМ, личное дело В.К. Бялыницкого-Бирули.

нимает, мне кажется, одно из первых мест. Я искал крайнего цветового решения, которое соответствовало бы смыслу картины. И мне кажется, это удалось»¹⁰.

О.Д. Яновская — московский художник, живописец, получившая художественное образование в Московской студии И.И. Машкова и Центральной студии при АХРР. Художник «в своем творчестве прежде всего идет от воображения и непосредственного, эмоционально-живописного восприятия, которое художница постоянно контролирует и проверяет на натуре»¹¹.

«Что касается картины «Из разведки» [1948, ИОХМ], то она ушла от меня буквально «тепленькой». Я только успела ее закончить, как она была увезена Дирекцией выставок и панорам. С тех пор я узнала о ней только через какой-то срок. Она оказалась у Вас в музее. У меня сохранилась газета «Вечерняя Москва» от 24 сент. 1948 г., там напечатана репродукция и подпись: «Московский художник О. Яновская заканчивает работу над «Возвращением из разведки с ”языком“» для Всесоюзной выставки, посвященной 35-летию ВЛКСМ. На снимке художник О. Яновская у новой картины»¹². Для картины «Из разведки» художник выбрала вертикальный формат, композиция выстроена по нисходящей диагонали. За фигурами гребцов, девушки, раненого и советского солдата — фигура немецкого офицера. Но главную роль художник все же отводит пейзажу. Это пейзаж Днепра в окрестностях Киева, города, в котором Яновская прожила часть жизни. Искреннее впечатление мощью этой реки можно прочувствовать во многих пейзажах Яновской.

Рассмотренные живописные произведения составляют лишь часть коллекции советского искусства, посвященную Великой Отечественной войне. Но именно эти произведения приобретают особенное звучание в сочетании с письменными свидетельствами их авторов, бывших участниками изображенных ими событий.

¹⁰Архив ИОХМ, личное дело Ф.П. Решетникова.

¹¹Архив ИОХМ, личное дело О.Д. Яновской.

¹²Там же.

Сумочка к ребру

СТЕПАН ПРАВДОРУБСКИЙ

В мозгу услышав чей-то глас...

*«Повесть пламени и льда»
...Тебе сказать бы пару строк,
Про то, как мне сейчас ты нужен.
Влюбиться вовсе не порок
Весной, когда ты безоружен.*

Анна Семёнова. Иркутск.

Вооружен

А я зимой вооружен:
ПЗРК, АК, лопата.
Твоей любовью искушен.
Любовью не пронять солдата.

Тебе сказать бы пару строк,
Но верен я заветной цели.
И вместо строк я жму курок,
Чтоб в этой победить дуэли

Кружева

*Кружева на стекле — это мило.
Мило тонет мой город в снегах.
Как большая — большая могила,
Вся в церковных железных крестах.*

Анна Арденс. Иркутск.

Мило

Кружева на стекле — это мило.
Очень мило впаду в декаданс.
Закопаю себя я в могиле.
Очень мило спою вам романс.

Закрывая усталые веки,
Я Вертинского вспомню для вас.
Вы поймите меня человеки,
И набор этих милых гримас.

Пастырь

*И, тело разбивая в кровь,
Себя выводим на показ,
Чтобы греху предаться вновь,
В мозгу услышав чей-то глас.*

*Но пенье псалмов оживит
Застывшей крови аксельбант.
И нас к богам вновь возвратит
Святой безумец Флагеллант.*

Евгений Клёмин. Иркутск

Святой безумец Флагеллант
Вчера во мне открыл талант.
Кровь превращая в аксельбант,
Он затолкал меня в сервант.

В мозгу услышав чей-то глас,
Всем бесам показал я класс,
И согрешил что было сил —
Стихами долго голосил.

ВЛАДИМИР СКИФ

На четырех ногах дубленка

*...В ключе бурлящем — запах натра,
А там, где тучи комарья,
Плывет по озеру ондатра,
Как шапка новая моя...*

Валерий Алексеев

Пишу стихи, переживая.
Не понимаю, что со мной?
Вчера свинья была живая,
Сегодня — стала ветчиной.

Заплакал я и слезы вытер,
Себя утешил; — Ничего!
Смотрю — овца бежит, как свитер
Размера явно моего.

И тут я понял — все прекрасно!
Шепчу себе: — Эх, ты глупец!

Случилось это не напрасно,
Что стал тушенкой жеребец.

И вот уже смотрю влюблено
На то, как бродит по горам
На четырех ногах дубленка —
Еще не съеденный баран.

Иду на кухню и сурово
Набрасываюсь на гуся,
А во дворе мычит корова,
Из «суповых наборов» — вся!

Натюрморт

*За рекою на стане
Живет буровик.
Диковатый, заросший,
Поранивший ногу...
...Это сын лесника,
Я люблю бородатых...*

*...вот возьму и останусь!
Варить тебе буду.
Волосатую ногу твою бинтовать...*

Людмила Бендер

Ты приходишь из леса,
Большой, диковатый,
Нет лица на тебе,
Ни рубахи, ни брюк...
Виден свежий укус
На ноге волосатой:
Это, видно, тебя
Укусил бурундук,
Ты понуро плетёшься,
Хромаешь немного.
Ожидаю тебя —
Я люблю бинтовать

Дорогую твою
Волосатую ногу,
О которой могу я
Стихи создавать.
Я люблю бородатых,
Спешу на подмогу,
Мой родной буровик,
Я пишу — на века.
Я пишу про твою
Волосатую ногу...
Это как натюрморт —
Борода и нога!

Наши юбиляры

Поздравляем апрельских и майских писателей-юбиляров:

- С 85-летием — Анатолия Лисицу;
- С 70-летием — Тараса Манданова;
- С 65-летием — Александра Кобелева;
- С 60-летием — Веру Козарь;
- С 55-летием — Светлану Седых (Анину).

Ваши произведения не оставляют читателей равнодушными! Желаем крепкого здоровья, творческих сил и счастья!

Новости Иркутского Дома литераторов

2 февраля в Иркутском Доме литераторов прошла презентация нового альманаха «Литературная провинция». Издание знакомит с творчеством участников Литературного объединения им. Ю.П. Аксаментова г. Усолья-Сибирского: Валентины Астапенко, Александра Балко, Лидии Волынец, Олега Пенькова, Венеры Прохоровой, Михаила Зиссермана, Владимира Полковникова, Веры Мамедовой, Виктории Савиной, Агнии Пастуховой, Галины Бакшеевой и других «провинциальных» писателей.

4 февраля Мария Артемьева (Марина Яковенко) презентовала новый сборник детских стихов «На завалинке». Книгу проиллюстрировал известный художник Денис Серков. На презентацию пришли сотрудники детских библиотек, коллеги по перу, друзья поэта и ценители её творчества. Автора представил директор Иркутского Дома литераторов, детский писатель Юрий Баранов. Марина Игнатьевна не только прочитала стихи, но и рассказала историю создания каждого из них. Озорные и познавательные, игровые и развивающие стихи звучали в ярком авторском исполнении. Много теплых слов было произнесено. Библиотекари, работающие непосредственно с детьми, оценили лёгкость слога и занимательность стихов. Маленькие читатели с удовольствием заучивают наизусть строки Марии Артемьевой, а её книги на полках не пылятся.

Из новой книги малыши узнают о народных ремёслах, традициях и деревенской жизни: зачем в огороде ставят чучело, сколько семечек в подсолнухе, как подшивали валенки, как готовит пчёлка мёд. Стихи ответят на эти и многие другие вопросы. Ну, а изюминкой презентации стало появление «настоящей» лошади в калошах! А привели её из центральной детской библиотеки г. Шелехова.

14–16 февраля в Химках на базе факультета журналистики МГИК прошло третье Всероссийское Собрание молодых литераторов Союза писателей России. В Собрании приняли участие 127 молодых литераторов из 43 регионов страны. Иркутская область была представлена девятью участниками, четверо из которых посещают молодёжное лито «Азь-Арт» Иркутского Дома литераторов: поэт Наталья Добаркина (Повельская), прозаики Максим Живетьев, Антон Макаров и Юрий Харлашкин. Показательно, что Иркутская область была представлена широко гео-

графически: Братск — поэт Никита Ноянов, Усолье-Сибирское — Иркутск — Королёв — прозаик Наталья Папенко, Иркутск — Москва — поэты Юрий Литвяк и Никита Дёмин, Ангарск — прозаик Денис Гербер.

В рамках Совещания прошли мероприятия для организаторов литературного процесса в регионах, на которых в секции руководителей лито участвовал Юрий Харлашкин, а в секции литературных журналов — Максим Живетьев. Также состоялся Молодёжный круглый стол по Сибирскому федеральному округу, где организаторы литпроцесса делились опытом, рассказывали о своих проблемах и успехах, договаривались о сотрудничестве. По результатам Совещания Денис Гербер был рекомендован к вступлению в СПР, а Юрий Харлашкин — к публикации в центральных журналах.